

ТАНКОВАЯ ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

XX военные
тайны
века

А.Б. ШИРОКОРАД

XX *военные
тайны
века*

Александр Широкозад

ТАНКОВАЯ
ВОЙНА
НА ВОСТОЧНОМ
ФРОНТЕ

Москва
«Вече»
2009

ББК 63.3(2)62 + 68.513

Ш64

Широкоград А.Б.

Ш 64 Танковая война на Восточном фронте / Александр Широкоград. — М. : Вече, 2009. — 448 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-9533-3402-0

С новыми советскими танками немцы встретились в первые часы войны. Появление Т-34, КВ-1 и КВ-2 вызвало шок у германских танкистов и пехоты.

Один из участников боев вспоминал: «КВ-1 и КВ-2, с которыми мы столкнулись впервые, представляли собой нечто необыкновенное... Наши бронебойные снаряды ricochetили от брони советских танков... Танки прошли сквозь наши порядки и направились к пехоте и тыловым службам».

Действительно ли в 1941 г. наши танки были лучшими в мире? И если да, то почему Красная армия потерпела страшное поражение в осенне-летнюю кампанию? Смогли ли наши танки сравниться в 1943—1944 гг. с «тиграми» и «пантерами»? Как воевали танки, полученные по ленд-лизу? Об этом и многом другом — новая книга военного историка А.Б. Широграда. На основе германских и советских мемуаров, исторических исследований и секретных отчетов о боевых действиях танковых войск автор рассказывает о реальной танковой войне.

ББК 63.3(2)62 + 68.513

ISBN 978-5-9533-3402-0

© Широкоград А.Б., 2009

© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

Пролог

ШОК ГЕРМАНСКИХ ГЕНЕРАЛОВ

С новыми советскими танками немцы познакомились в первые же часы войны. Появление Т-34, КВ-1 и КВ-2 вызвало шок у германских танкистов и пехоты и явилось неприятным сюрпризом для высшего командования вермахта.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер записал 24 июня 1941 г. в своем дневнике: «У противника появился новый тип тяжелого танка». Лишь на следующий день он узнал подробности: «Получены некоторые данные о новом типе русского тяжелого танка: вес — 52 тонны. Лобовая броня — 37 см (?), бортовая броня — 8 см. Вооружение: 152-мм пушка и три пулемета. Экипаж — 5 человек. Скорость движения — 30 км/час. Радиус действий — 100 км. Бронепробиваемость: 50-мм противотанковая пушка пробивает броню только под орудийной башней. 88-мм зенитная пушка, видимо, пробивает также бортовую броню (точно еще неизвестно)»¹.

Замечу, что абвер был достаточно информирован о советских танках КВ и Т-34, но по неясным причинам так и не довел эту информацию до высшего генералитета рейха.

Донесения и рассказы очевидцев боев с танками КВ куда более эмоциональны, чем сухие фразы из дневника Гальдера: «При-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Том 3. От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942), М.: Воениздат, 1971. С. 37, 43.

мерно сотня наших танков, из которых около трети были Т-IV, заняли исходные позиции для нанесения контрудара. Часть наших сил должна была наступать по фронту, но большинство танков должны были обойти противника и ударить с флангов. С трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских [КВ-1], но все было тщетно. Русские же, напротив, вели результативный огонь. После долгого боя нам пришлось отступить, чтобы избежать полного разгрома. Эшелонированные по фронту и в глубину, русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду. Безо всякого колебания черный монстр проехался по танку и вдавил его гусеницами в грязь. В этот момент прибыла 150-мм гаубица. Пока командир артиллеристов предупреждал о приближении танков противника, орудие открыло огонь, но опять-таки безрезультатно.

Один из советских танков приблизился к гаубице на 100 метров. Артиллеристы открыли по нему огонь прямой наводкой и добились попадания — все равно, что молния ударила. Танк остановился. «Мы подбили его», — облегченно вздохнули артиллеристы. «Да, мы его подбили», — сказал командир гаубицы. Вдруг кто-то из расчета орудия истошно завопил: «Он опять поехал!» Действительно, танк ожил и начал приближаться к орудью. Еще минута, и блестящие металлом гусеницы танка словно игрушку впечатали гаубицу в землю. Расправившись с орудием, танк продолжил путь как ни в чем не бывало».

Танкист из немецкого 1-го танкового полка вспоминает бой 24 июня 1941 г. у г. Дубисы: «КВ-1 и КВ-2, с которыми мы столкнулись впервые, представляли собой нечто необыкновенное. Мы открыли огонь с дистанции 800 метров, но безрезультатно. Мы сближались все ближе и ближе, с противником нас разделяли какие-то 50—100 метров. Начавшаяся огневая дуэль складывалась явно не в нашу пользу. Наши бронебойные снаряды ricochetировали от брони советских танков. Советские танки прошли сквозь наши порядки и направились по направлению к пехоте и тыловым службам. Тогда мы развернулись и открыли огонь вслед советским танкам бронебойными снарядами особого назначения Pz.Gr 40 с необычайно короткой дистанции — всего 30—60 метров. Только теперь нам удалось подбить несколько машин противника».

Германский историк Пауль Карель приводит ряд воспоминаний очевидцев. Офицер 18-й танковой дивизии, наступавшей 3 июля 1941 г. на Борисовском плацдарме, писал: «Когда советские колонны только показались, сердца танкистов и артиллеристов тревожно забились при виде Т-34. Но по пятам за ним, на дистанции 100 м шел еще больший монстр — 52-тонный КВ-2. Двигавшиеся между мощными машинами легкие Т-26 и БТ скоро стали загораться один за другим от снарядов Т-III. Однако 50-мм пушки немецких танков не причиняли никакого вреда двум бронированным гигантам. Первый Т-III вспыхнул в результате прямого попадания. Остальные немецкие танки обратились в бегство. Два советских чудовища продолжали наступать.

Три немецких Т-IV, прозванных “обрубками” из-за своих короткоствольных 75-мм пушек, вышли вперед. Однако самый тяжелый из имевшихся в распоряжении вермахта танков весил все же на три тонны меньше, чем Т-34, и дальность огня его была заметно меньше. Так или иначе, командиры немецких танков скоро поняли, что экипаж Т-34 действует неуверенно и очень медленно стреляет. Немецкие машины умело маневрировали, уходя из зоны обстрела, и в конечном итоге смогли остановить противника, поразив его в гусеницы. Экипаж покинул танк и бросился в бегство, но угодил под огонь пулеметов одного из Т-III.

Тем временем огромный 52-тонный КВ-2 с 152-мм гаубицей все еще вел артиллерийскую дуэль с Т-III. Немецкие снаряды входили в броню русского танка не далее ведущих поясков и не причиняли КВ никакого вреда, но тут русские внезапно покинули танк — вероятно, из-за неполадок в двигателе...

7 июля. Русские танки вновь атаковали. Снаряд попал в головное орудие лейтенанта Изенбека. Расчет частью погиб, частью получил ранения. 52-тонный танк катком прокатился по нашим противотанковым заграждениям, но сам собой остановился. Однако и после этого он продолжал бить по позициям роты из своего орудия.

Лейтенант Кройтер, возглавлявший штаб роты 101-го стрелкового полка, подобрался к колоссу с дюжиной своих людей под прикрытием пулемета, стрелявшего специальными противотанковыми пулями с твердыми сердечниками. Однако пули эти отскакивали от брони КВ как горох.

Унтер-офицер Вебер поднялся и побежал вперед. Обер-ефрейтор Кюне последовал за ним, невзирая на пулеметный огонь русских танкистов. Пули вздымали фонтанчики земли и пыли. Однако Вебер и Кюне сумели достигнуть мертвой зоны, где стали неуязвимы для русских пуль. Чтобы увеличить мощность заряда, они связали вместе несколько гранат. Первым свою связку швырнул Вебер, затем Кюне. Они упали на землю. Вспышка, грохот взрыва, дождь осколков. На предплечье Кюне зазияла кровавая рана. Но шариковая опора башни КВ была повреждена, и танк больше не мог осуществлять горизонтальную наводку орудия.

Подобно охотникам, готовым напасть на доисторическое животное, лежали на земле солдаты Кройтера с автоматами и пулеметами в руках. Лейтенант запрыгнул на броню и поднырнул под могучий ствол орудия.

— Гранату! — крикнул он. Рядовой Йедерманн кинул ему гранату. Тот поймал ее, выдернул кольцо и швырнул в короткое дуло гаубицы, затем спрыгнул и покатился по земле. Он едва успел. Грохнул взрыв, затем второй — это сдетонировал снаряд в казеннике. По всей видимости, его разнесло на куски, поскольку даже люк распахнулся. Обер-ефрейтор Кляйн верно оценил радиус поражения взрыва в 7,5 м. Массивную башню сорвало с погона и отбросило на 4,5 м. Гигант полыхал факелом в течение нескольких часов»¹.

Что же произошло летом 1941 г.? Почему, имея столь грозную бронетанковую технику, Красная армия отступала до Ленинграда, Москвы, Сталинграда и гор Кавказа?

Глава I

КОНЦЕПЦИЯ ТЯЖЕЛОГО ТАНКА

Решающей силой войны стали танки с противоснарядной броней, которые назывались тяжелыми и средними. Причем четкой градации между двумя этими категориями не было. Зачастую в своих донесениях наши командиры называли тяжелыми танки Т-IV и даже Т-III. Поэтому нам придется уделить немного времени краткому рассказу о создании тяжелых и средних танков.

¹ Пауль К. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. 1941—1943. М.: Изографус, ЭКСМО, 2003. С. 64—65.

Первый тяжелый танк был создан в 1918 г. в... Германии. Да, да! Именно в Германии, хотя родиной танка была Англия.

Уже через несколько недель Первая мировая война приобрела позиционный характер. Пехоту, идущую в атаку на вражеские окопы, буквально выкашивали пулеметы и шрапнель полевых орудий. И тогда наступило время больших пушек, а точнее, гаубиц и мортир. Артиллерийский огонь полностью разрушал вражеские укрепления, и только тогда в атаку поднималась пехота. Однако и тут, если у врага оказывались в живых несколько солдат, они кидались к пулеметам, и начиналось что-то наподобие расстрела белых шеренг Анкой-пулеметчицей в кинофильме «Чапаев».

Чтобы прикрыть пехоту и перестрелять уцелевших после артподготовки солдат противника, и были созданы в 1915—1916 гг. первые английские танки. Подробности их истории выходят за рамки нашего повествования, и я ограничусь парой слов о них. Начну с названия. Для пушей секретности производство танков официально называли изготовлением емкостей (tank) для России. На борту замаскированных танков также писали: «Осторожно, Петроград». Мол, русским, чтобы поить белых медведей, нужны особо большие емкости. Представления западных обывателей о русских были весьма смутными. Да что и говорить, если сейчас большинство американцев не знают, на чьей стороне воевал Советский Союз во Второй мировой войне. Позже термин «tank» так прилип к бронированным чудовищам, что через несколько месяцев стал их официальным наименованием.

У первых английских танков обводы гусениц имели форму параллелограмма, за что их называли «ромбиками». Вес первых танков МК I составлял 25 т для «самки» и 26 т для «самца». Дело в том, что одинаковые по конструкции танки имели разное вооружение. Часть танков имела по две 57/40-мм пушки Гочкиса и 4 пулемета, их называли «самцами». А «самки» имели чисто пулеметное вооружение — 8 стволов. Экипаж танка составлял 7 человек. Толщина брони была от 10 до 6 мм, что надежно предохраняло танк от свинцовых пуль обычного калибра — 7,5—8,0 мм. Исключение представляли смотровые щели, куда летели брызги расплавленного свинца. Скорость хода танка по шоссе составляла 6 км/ч, а на поле боя он двигался со средней скоростью 3,25 км/ч.

Первое применение танков состоялось на реке Сомме. Из 49 танков на позицию прибыли 32, а остальные застряли в грязи

или остановились из-за поломок механизмов. Из 32 атаковавших танков только 18 участвовали в бою. Пять застряли в болоте, а у девяти вышли из строя механизмы. Англичанам удалось отбросить германскую пехоту, в результате чего наступавшие продвинулись на 5 км в глубину на фронте в 5 км.

В дальнейшем англичане старались применять танки массированно. Так, в наступлении у Камбрэ 20 ноября — 6 декабря 1917 г. англичане на фронте в 13 км использовали 476 танков, которые были прикрыты огнем более чем тысячи орудий. В наступлении приняли участие шесть пехотных и три кавалерийские дивизии.

Однако из-за технических неисправностей в боях принимали участие от 50 до 73 танков ежедневно. Англичанам удалось продвинуться на 5—6 км, однако германская полевая артиллерия сумела подбить 49 английских танков.

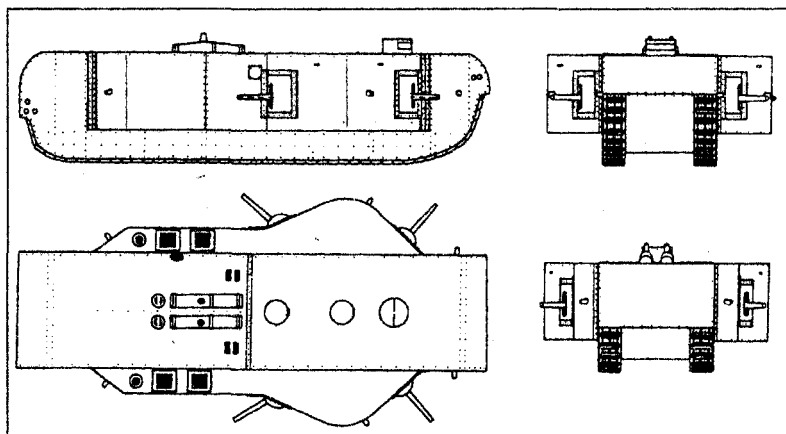
В 1934 г. генерал от артиллерии Людвиг фон Эймансбергер писал: «И еще раз необходимо подчеркнуть, что все блестящие успехи танковых сражений были получены при наступлениях на неприятеля, не обладавшего годными средствами обороны и не умевшего даже надлежащим образом использовать те противотанковые орудия, которые были в его распоряжении»¹.

Немцы довольно быстро отреагировали на британский вызов, и осенью 1918 г. в войска поступило значительное число 13-мм противотанковых ружей, 13-мм крупнокалиберных пулеметов Дрейзе, а также 20-мм и 37-мм противотанковых пушек.

Так, 20-мм автоматическая пушка имела скорострельность 120 выстр./мин и круговой обстрел. Снаряд весом 140 г имел начальную скорость 500 м/с, что обеспечивало гарантированное пробитие брони любого британского или французского танка на дистанции до 200 м. Вес 20-мм противотанковой пушки в боевом положении составлял 57—62 кг.

37-мм противотанковая пушка одновременно являлась и штурмовым орудием пехоты. Начальная скорость ее снаряда — 400—506 м/с при весе снаряда 0,46 кг. Снаряд пробивал 16-мм броню на дистанции 450 м. Боевой вес различных образцов — от 175 до 370 кг. Некоторые образцы 37-мм противотанковых пушек для борьбы с пехотой стреляли надкалиберными минами весом 6,5 кг на дальность до 400 м.

¹ *Эймансбергер Л. П.* Танковая война. М.: Воениздат, 1937. С. 115.

Сверхтяжелый танк «Колоссаль»

В маневренной войне английские и французские танки впервые приняли участие в России в 1918—1920 гг. За это время интервенты использовали сами или передали белым около 300 танков. Однако одновременно в одном бою никогда не участвовало более дюжины машин. Десятки случаев применения танков интервентами и белогвардейцами сводились к двум сценариям. В первом случае морально неустойчивая часть красных при виде танков бежала или сдавалась в плен. Если же находился хладнокровный «краском», то он приказывал зарядить трехдюймовки шрапнелью, поставив дистанционную трубку на удар. А далее красноармейцы фотографировались на фоне подбитого танка. В Гражданской войне все определялось не столько количеством и качеством матчасти, сколько «духом войска», о котором столь много писал дедушка Толстой в «Войне и мире».

В конце Первой мировой войны почти одновременно в Германии и Франции возникла идея создать тяжелый танк прорыва. В конце марта 1917 г. Ставка германского Главного командования выдала требования на «сверхтанк» весом до 150 т.

28 июня 1917 г. военное министерство утвердило проект «K-Wagen» (Kolossal-Wagen). Расчетная стоимость одной машины составляла 500 тыс. рейхсмарок.

Схема «K-Вагена» повторяла схему британских средних танков. Длина танка составляла 12,7 м, ширина 6,2 м, высота 3 м. Вес танка 145 т, но при этом толщина вертикальной брони составляла

40 мм, а крыши — 10 мм. В качестве двигателей были выбраны два бензиновых мотора «Даймлер» мощностью по 650 л. с. Расчетная максимальная скорость — 7,5 км/ч.

Фактически танк являлся подвижным бронированным фортом. Его вооружение состояло из четырех 77-мм полевых пушек и семи пулеметов. Экипаж «форта» — 22 человека.

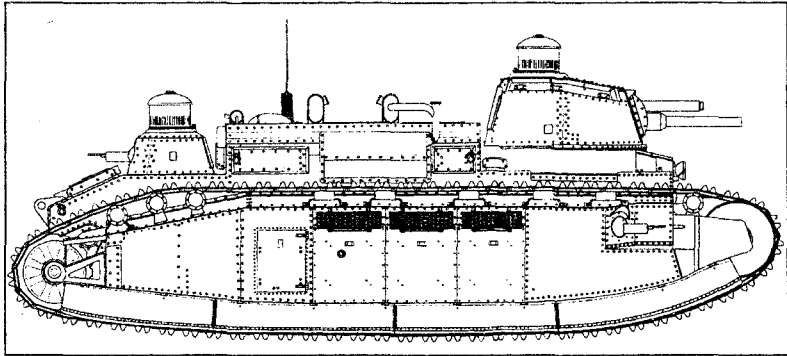
С инженерной и артиллерийской стороны «К-Ваген» представлял собой шедевр. Так, пушки были очень удачно расположены в боковых спонсонах и, за исключением небольшой мертвой зоны, имели круговой обстрел. В любом направлении танк мог вести огонь из двух пушек. В передней части танка на крыше имелась небольшая башенка для командира танка и офицера-артиллериста, управлявшего огнем.

К моменту капитуляции Германии берлинский завод «Рибо» изготовил два первых танка «К-Ваген». По требованию союзников Германия должна была уничтожить все свои танки и впредь их не производить и не иметь. Германские инженеры слезно просили представителей союзников разрешить им испытать хотя бы один «К-Ваген», а потом его уничтожить, но получили категорический отказ. А ведь испытание этого супертанка было в первую очередь в интересах союзников, и любой результат так или иначе повлиял бы на развитие их танкостроения. Но наглость и спесь затмили союзникам разум.

Поэтому мы можем лишь предполагать, говоря о возможностях этого танка. В любом случае он мог быть эффективен лишь при полном уничтожении артиллерии противника на участке прорыва. Достаточно одной дивизионной пушки калибра 75—80 мм, чтобы одним снарядом вывести из строя этот форт. Так что концепция танка-форта с самого начала была порочной.

Несколько по иному пути пошли французские конструкторы. Они в 1919—1922 гг. изготовили десять тяжелых танков FCM-2С. Их с некоторой натяжкой можно считать классическими танками прорыва.

Танк 2С (так его обычно называют в технической литературе) имел солидные габариты: 10, 27 × 2,99 × 4,01 м и весил 70 т. Вооружение танка состояло из 75/36 мм/клб пушки и пяти 8-мм пулеметов Гочкиса. Пушка и один пулемет размещались во вращающейся башне. Еще один пулемет — в башенке в кормовой части,

Тяжелый танк 2С. Чертеж В. Мальгинова

а остальные пулеметы — в корпусе танка. Первоначально танк 2С был оснащен двумя трофейными двигателями «Мерседес-Бенц» GIII, ранее использовавшихся в германских дирижаблях. Затем их заменили на два мотора «Майбах» («Maybach») мощностью по 250 л. с. После этого максимальная скорость движения танка по шоссе увеличилась до 12 км/ч. В 1926 г. один из танков был модернизирован, на него поставили моторы «Sfutter-Marie» по 250 л. с., а 75-мм пушку заменили короткоствольной 155-мм гаубицей.

Интересно, что себестоимость танка 2С равнялась себестоимости двадцати легких французских танков.

В мае 1940 г. шесть танков 2С вошли в состав 51-го танкового батальона, но в боевых действиях принять участие так и не успели, поскольку 6 июня 1941 г. были уничтожены германской авиацией во время транспортировки по железной дороге на фронт.

Один их танков 2С, захваченный немцами в исправном состоянии, в 1940 г. был доставлен для испытаний на полигон Куммерсдорф.

После войны ни англичане, ни французы не пытались делать тяжелых танков. Некоторое исключение представляет собой английский тяжелый танк А1Е1 «Индепендент», созданный в 1926 г. Увы, тяжелым этот танк можно назвать с очень большой натяжкой. Его вес всего 31,5 т, толщина брони корпуса и башни 28 мм, а бортов — 13 мм. Вооружение располагалось в пяти башнях: одной пушечной с 47-мм пушкой и четырех пулеметных башенках. Скорость хода по шоссе до 32 км/ч.

Название танка «Независимый» было выбрано неслучайно. Англичане хотели иметь танк прорыва, способный действовать после прорыва независимо от других танков и пехоты.

АИЕI оказался очень дорогой (77 400 фунтов стерлингов) и малоэффективной машиной. Понятно, что действовать в одиночку он физически не мог. К этому времени появились мощные противотанковые пушки калибра 25—47 мм, которые могли пробить его не только боковую, но и лобовую броню. В итоге достроенный единственный образец танка «Индепендент» был отправлен в танковый музей, где он и пребывает по сей день.

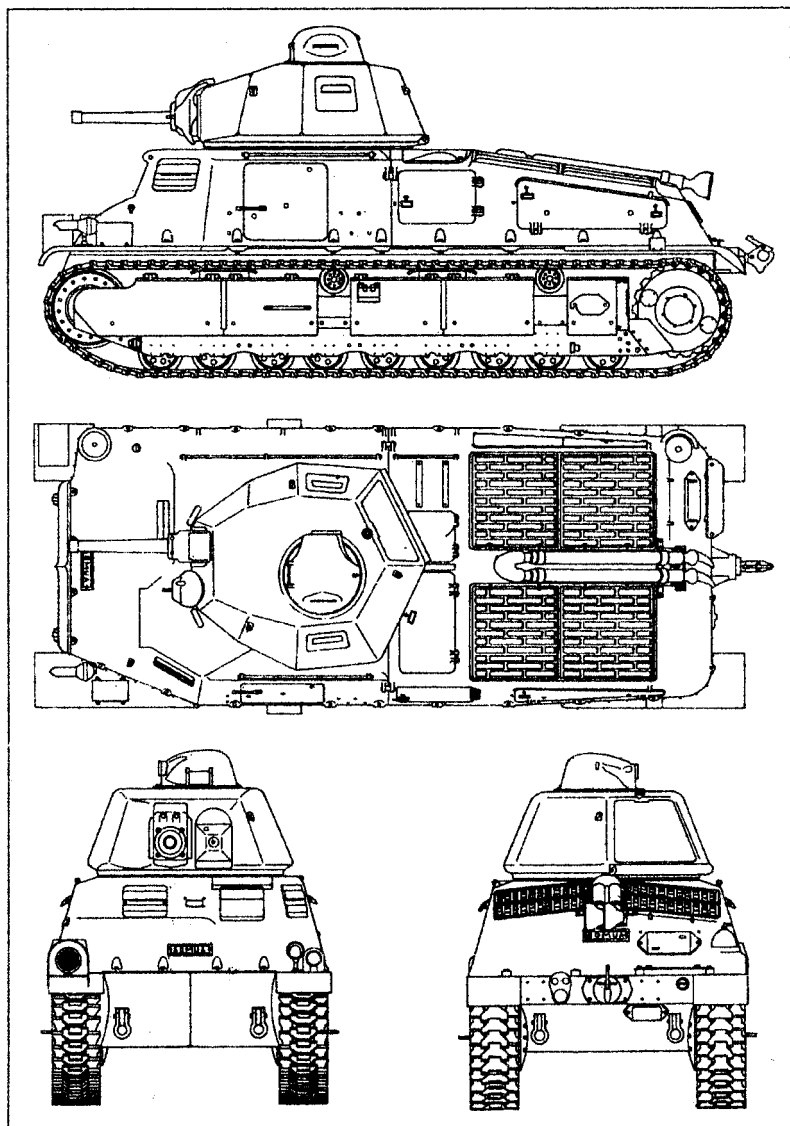
Тем не менее англичане сумели создать довольно приличный для 30-х годов танк прорыва, только назвали его не тяжелым, а пехотным. В сентябре 1936 г. начались испытания пехотного танка АПЕI «Матильда», изготовленного фирмой «Виккерс». Хотя вес танка был невелик (11,2 т), но его лобовая броня имела толщину 60 мм, то есть была непробиваемой для всех противотанковых пушек до 1941 г. включительно. Что же касается полевых пушек калибра 75—80 мм, то при попадании бронебойного снаряда с дистанции до 400 м по нормали они могли пробить броню «Матильды». На больших дистанциях бронебойные снаряды не брали 60-мм броню даже по нормали. При углах встречи 30° и более к нормали броня «Матильды» была неуязвима даже в упор.

Слабым местом «Матильды» было вооружение: один 12,7-мм и один 7,7-мм пулеметы.

Танк «Матильда» МКI (АII) серийно выпускался с 1937 г. до августа 1940 г. Новый танк МКII («Матильда-II») начал испытываться в апреле 1938 г., а уже в июле того же года он пошел в серию. «Матильда-II» имел вес 27 т, экипаж 4 человека, 40-мм пушку и два пулемета. Два двигателя по 95 л. с. обеспечивали скорость по шоссе 24 км/ч. Толщина лобовой брони была увеличена с 60 мм до 78 мм.

Малую скорость англичане не считали недостатком, поскольку «Матильда» должна была наступать вместе с пехотой.

Французы тоже в первой половине 30-х годов отказались от тяжелых танков и приступили к изготовлению легких и средних танков. Так, с 1935 г. производились легкие танки R-35 весом в 10 т и с экипажем из двух человек. Вооружение и скорость танка были весьма скромными: одна 37-мм пушка, один пулемет и 20 км/ч. Но главным достоинством танка R-35 стала лобовая

Французский тяжелый танк «Сомуа» S-35

броня его корпуса из 45-мм литых плит. Башня тоже литая с 45-мм броней. Для прочности башня даже не имела броневго люка.

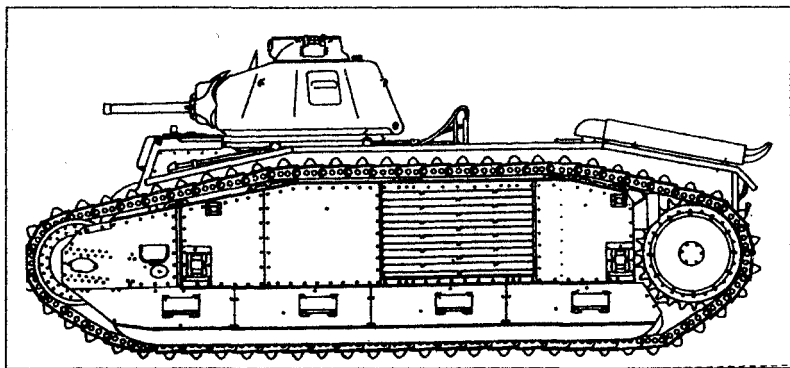
Командир танка, выполнявший одновременно обязанности наводчика и заряжающего, попадал в танк через кормовой башенный люк. Крышка этого люка в откинутом положении использовалась для сиденья командира при движении танка вне боя.

В 1935 г. французское правительство заказало 300 танков R-35, и в последующие годы выпуск машин этого типа продолжался. Всего до конца мая 1940 г. французская армия получила около 1800 танков R-35.

Танки этого типа экспортировались в Польшу, Румынию, Турцию и Югославию. Румынские R-35 участвовали в боях на Восточном фронте. Часть из них была вооружена советскими трофейными 45-мм танковыми пушками. На вооружении румынской армии танки R-35 состояли до 1948 г.

В 1936 г. на вооружение французской армии был принят танк фирмы Гочкиса H-35, а позже — его модификации H-38 и H-39. По своим тактико-техническим характеристикам они близки к R-35, однако скорость хода была увеличена до 36 км/ч по шоссе. Всего было построено свыше 1000 танков этого типа.

В 1930 г. во Франции началось проектирование среднего танка S-35, предназначенного для действия совместно с кавалерийскими частями. Первая серия из 50 танков S-35 была закончена фирмой «Somua» к 26 марта 1936 г. Полномасштабное производство этих танков началось в апреле 1938 г.

Боевой танк В-1бис

Вес танка составлял 20 т. Экипаж 3 человека. Скорость хода по шоссе 40 км/ч. Вооружение: одна 47-мм пушка и один пулемет. Любопытной особенностью была почти одинаковая броня танка со всех сторон. Так, корпус имел лобовую броню 45 мм, борт — 40 мм, а толщина кормовой брони составляла 35 мм. Башня танка литая шестигранная, толщина брони кругом 45 мм с углом наклона 21°.

Ко дню мобилизации (2 сентября 1939 г.) было изготовлено 270 танков «Somua», из которых 191 находился в войсках, 55 — на складах и 24 — на заводе. К июню 1940 г. было изготовлено 430 танков.

Кроме S-35 французы имели еще один средний танк В-1 с противоснарядной броней и его модернизацию В-1бис. Вес танка В-1бис составлял 35 т, экипаж 4 человека. Вооружение: одна 75-мм пушка в спонсоне, одна 47 мм пушка в башне и два пулемета. Скорость хода по шоссе 28 км/ч. Толщина брони: лоб и борта — 60 мм, корма — 55 мм, литая башня — 56 мм (кругом), крыша — 25 мм, днище — 20 мм.

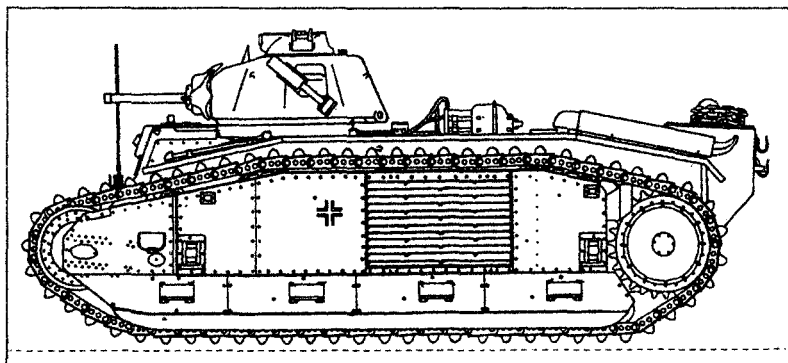
До капитуляции Франции было выпущено 342 танка В-1бис.

Как и в случае с СССР, возникает вопрос, почему германские танки, имевшие куда меньшую броню, менее чем за месяц разгромили Францию. Ведь ни одна германская танковая пушка, включая 7,5-см длиной в 24 калибра, не могла пробить лобовую броню даже легких танков R-35. А во французских и британских частях на Западном фронте было примерно в полтора раза больше танков, чем во всей Германии.

Забавно, что французские генералы оправдывались так же, как и наши. Генерал де Голль, в то время командир 4-й танковой дивизии (DCR), в своих «Военных мемуарах» писал: «Тем временем (19 мая 1940 г.) я получил на пополнение 3-й кирасирский полк, состоящий из двух эскадронов танков SOMUA... Однако во главе экипажей танков были командиры, которые никогда раньше не стреляли из орудий, а водители имели за плечами в общей сложности не более четырех часов вождения танка»¹.

Главной же причиной разгрома Франции в июне 1940 г. стала полная безграмотность французских генералов в вопросе боевого применения танков, как, впрочем, и в остальных вопросах.

¹ Цит. по: Сурков А. Танк для французской кавалерии / Танкомастер № 1/2000.

Огнетный танк В-2. На башне установлена дымовая мортирка, а на корме — бак для огнесмеси

После капитуляции Франции немцы ввели в строй 161 танк В-1бис, который получил в вермахте обозначение В-2 740(f). 297 танков «Somua» под названием PzKfW35S также были введены в танковые части вермахта.

Что же касается самой Германии, то по условиям Версальского договора она не могла иметь, проектировать и производить танки вообще. Тем не менее проектирование германских танков довольно успешно велось как в самой Германии, так и в Швеции, и в СССР¹.

Тяжелых среди опытных танков, созданных в Германии до 1933 г., не было. Вес ни одного из них не превышал 20 т. У немцев была своя концепция танка. Он должен был бороться с пехотой, а артиллерию и танки противника должны были уничтожать собственная артиллерия и пикирующие бомбардировщики Ju-87.

Таким образом, к 1939 г. ни одна страна Европы, кроме СССР, фактически не имела тяжелых танков. Тем не менее в Англии и Франции все танки, изготавливаемые с 1935 г., имели противоснарядную броню (за исключением британских «крейсерских» танков).

Любопытно, что в межвоенный период все страны мира интенсивно использовали тяжелые танки в психологической войне, пугая друг друга. И надо честно признать, что призраки огромных танков пугали и политиков, и обывателей.

¹ Более подробно о проектировании и испытаниях германских танков в СССР я рассказал в книге «Тевтонский меч и русская броня». М.: Вече, 2003 — 1-е издание; 2004 — 2-е издание.

Вечером 21 мая 1935 г. рейхсканцлер Гитлер, выступая в рейхстаге, произнес речь: «Немцам нужен мир... Немцы хотят мира... Никто из нас не собирается никому угрожать».

Одним из пунктов речи, вызвавшей бурные аплодисменты, было предложение запретить в мировом масштабе производство тяжелых танков, а уже имеющиеся машины пустить на лом.

Глава 2

МОНСТР МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО

Говоря о развитии бронетанковой техники в СССР в 1920—1930-х годах, нельзя не отметить, что в руководстве РККА, за небольшим исключением, оказались малокомпетентные, но весьма амбициозные личности, выдвинутые на ответственные посты Л.Д. Троцким в 1918—1920 гг. Их победы в ходе Гражданской войны объясняются не их полководческим дарованием, а громадным перевесом Красной армии над противником как в личном составе, так и в артиллерии. Кроме того, за небольшим исключением (казаки, рыбаки астраханской дельты и т.д.), нижние чины сражались за «белое дело» крайне неохотно и бежали при первой же возможности.

Помимо выдвинутых Льва Давыдовича в Красной армии после 1920 г. остались и десятки военспецов — бывших полковников и даже генералов царской армии. Однако многие из них недолюбливали советскую власть и злорадствовали, глядя на очередную глупость красных маршалов, другие же попросту боялись спорить с «краскомами». Да и взгляды старых военспецов на 20 лет отставали в области военной техники, стратегии и тактики. И военспецы, и «краскомы» черпали сведения о танках и противотанковых орудиях из популярных западных изданий.

В 1931 г. замом председателя Реввоенсовета и начальником вооружений РККА становится Михаил Николаевич Тухачевский. Он закончил в 1914 г. Александровское военное училище и более нигде и никогда не учился.

Что же касается его коллеги наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе и его заместителя Ивана Петровича Павлуновского, то они и военных училищ не заканчивали. Орджоникидзе в 1901—1905 гг. учился в фельдшерской школе и, ви-

димо, ее так и не закончил. А Павлуновский вообще нигде, кроме как в церковно-приходской школе, не учился. Зато Павлуновский еще ведал и мобилизационным управлением РККА. Вот эта славная тройца дилетантов и определяла направление развития наших танковых орудий и самолетов.

Ладно, у Орджоникидзе и Павлуновского было революционное прошлое, а как вылез наверх отечественный «Бонапарт»? Где был его Тулон? О «красном маршале» выпущено с десятков толстых монографий. Тем не менее биография Тухачевского содержит слишком много темных пятен.

На фронте подпоручик Тухачевский пробыл всего несколько недель и сдался немцам. Есть много любопытных аспектов его пребывания в плену. Но нам наиболее интересен взлет нашего стратега. В конце 1917 г. Тухачевский появляется в Петрограде, а в феврале 1918 г. едет в Москву. Древняя столица становится Тулоном для нашего великого маршала. В Москве Тухачевский останавливается у своего давнего приятеля Н.Н. Кулябко. Родственники Кулябко еще в 1903—1904 гг. вступили в РСДРП и были хорошо знакомы с товарищем В.И. Ульяновым. А в начале 1918 г. Николай Николаевич Кулябко стал членом ВЦИК.

В это время Ленин и Троцкий надумали создать институт военных комиссаров. И вот Кулябко назначается заместителем председателя Всероссийского бюро военных комиссаров. Естественно, что Кулябко решил порадеть приятелю, а заодно избавиться от безработного нахлебника. 5 апреля 1918 г. по рекомендации Кулябко и секретаря ВЦИК А.С. Енукидзе Тухачевского принимают в РКП(б). А уже 27 мая бывший подпоручик вместе с левым эсером бывшим прапорщиком Ю.В. Саблиным в качестве военных комиссаров поставлены присматривать за начальником Московского района обороны Западной завесы бывшим генералом К.К. Бановым!

28 июня 1918 г. бывший подпоручик вступает в командование 1-й армией Восточного фронта. Так началась карьера «великого полководца».

Как видим, «Тулон» Тухачевского слишком дурно пахнет. Я уж не говорю о том, что историк Арсен Мартиросян¹ установил

¹ *Мартиросян А.* Темные пятна в блестящей карьере / «За семью печатями», № 2/2006.

тождество члена ВЦИК Н.Н. Кулябко с неким Николаем Николаевичем Кулябко, который лично выдал билет в Киевскую оперу на спектакль «Сказка о царе Салтане» некоему Мордке Богрову. Мордка в антракте от скуки пристрелил премьер-министра Столыпина, а подполковник Кулябко полетел с поста начальника Киевского охранного отделения. Я попытался проверить эти сведения, но вся информация об Н.Н. Кулябко у нас закрыта. Согласно найденным обрывочным данным, Н.Н. Кулябко по одной версии умер в 1920 г., а по другой — был репрессирован почти одновременно с Тухачевским, в 1937 г.

Так или иначе, но Тухачевский и К^о начали определять военную доктрину СССР. Тухачевский заявил, что «новая мировая война будет войной моторов...». И эта половина фразы великого стратега с 1956 г. кочевала из одного издания в другое. А вот Сталин де не оценил мудрости маршала, уничтожил его и всех лучших военачальников Красной армии, за что наш народ расплатился миллионами убитых в 1941 г.

Но, увы, никто из советских историков не знал или скрывал от народа вторую половину высказывания великого маршала: «... против классово-неоднородного противника». Вот тут-то и «собака зарыта». Надо создать какое-то новое революционное оружие, которым надо не столько уничтожить, сколько напугать «классово-неоднородного противника». И вот тогда-то рабочие и крестьяне, одетые в униформу буржуазных армий, запоют «Интернационал» и стройными рядами пойдут сдаваться частям Красной армии.

Вокруг Тухачевского собираются технические авантюристы Курчевский, Бекаури и др. Великого же стратега охватывают оригинальные идеи. То он требует совместить зенитные пушки с дивизионными и тем самым оставляет армию без зенитного прикрытия вообще. То он решает перевести всю артиллерию на ДРП (динамореактивные пушки). В результате было изготовлено 5 тысяч безоткатных пушек Курчевского, и все они пошли на лом. Вот с подачи Бекаури Тухачевский решает создать армию роботов, состоящую из телеуправляемых самолетов, танков, бронепоездов, бронедрезин, торпедных катеров, подводных лодок и т.п.

В СССР к 1941 г. было изготовлено около 40 тысяч танков — больше, чем во всем остальном мире с 1915 по 1941 г. Подавляющее большинство этих танков — легкие, с толщиной брони от

15 до 8 мм. Такая броня легко пробивалась любимыми (!) противотанковыми пушками и ружьями, состоявшими на вооружении стран — вероятных противников. Эти танки с «картонной» броней неизбежно должны были быть уничтожены.

Предвижу возражения, мол, хорошо быть крепким задним умом, а кто мог тогда знать?

На самом деле еще до 22 июня 1941 г. наши танковые войска понесли огромные потери. Точное число потерянных танков на р. Халхин-Гол мне узнать не удалось, поэтому приведу отдельные эпизоды. 3 июля 1939 г. 132 танка 11-й танковой бригады атаковали японские позиции. В ходе атаки бригада потеряла 36 танков подбитыми и 46 сгоревшими, погибло свыше 200 танкистов. Японцы остались на прежней позиции.

Та же 11-я бригада, имевшая к 20 августа 185 танков, за 12 дней, до 31 августа, потеряла 22 танка сожженными и 102 танка подбитыми. И это при том, что противотанковые средства японцев оставляли желать много лучшего.

На всякий случай замечу, что данные, приведенные мной, взяты не из злопахательной статейки, а из секретного издания П. Другова «Из опыта действий АБТВ на р. Халхын-Гол» (Хабаровск, 1940). Правда, написав о больших потерях, автор в выводах пишет: «Танки БТ-5 и особенно БТ-7 показали себя в боях прекрасными боевыми машинами, способными решать все боевые задачи, какие можно возложить на легкие танки, в соответствии с мощностью их оружия и брони.

К недостаткам этих танков нужно отнести расположение бензобаков, с большой боковой площадью, что являлось основной причиной пожара этих танков от японских бронебойно-зажигательных снарядов 37-мм орудия. Требуется также усиления отдельные детали танка, не нарушая в целом его конструкции.

Танки Т-26 в боях на р. Халхин-Гол показали себя с лучшей стороны»¹.

Вот такие вот у нас были полковники танковых войск!

В ходе Зимней войны с Финляндией финские артиллеристы подбили 955 наших танков, 426 танков сгорело (непонятно, по

¹ Другов П. Из опыта действий АБТВ на р. Халхын-Гол. Хабаровск, 1940. С. 29.

каким причинам), 378 танков подорвались на минах и фугасах, 110 утонули в болотах и 35 пропали без вести¹.

Неужели, экстраполируя данные о потерях на Халхин-Голе и в Зимней войне, наши генералы не могли сообразить, что немцы устроят грандиозный танковый погром в первые же недели войны?!

Уже в сентябре 1939 г. каждая германская пехотная дивизия имела свыше 75 противотанковых пушек калибра 37 мм². Всего к 1 июня 1941 г. в вермахте состояло: противотанковых ружей обр. 1938 и 1939 — 25 298; 20/28-мм противотанковых пушек с коническим каналом ствола — 183 (всего в 1940—1941 гг. таких пушек было произведено 443); 37-мм противотанковых пушек — 14 459; 50-мм противотанковых пушек — 1047. Кроме того, на вооружении состояли многие сотни чешских, французских и польских противотанковых пушек калибра 25—47 мм.

При такой насыщенности противотанковыми средствами надо ли удивляться, что в 1941 г. было безвозвратно потеряно 17,3 тысячи легких танков. Неужели какой-нибудь новый Вейротер сейчас может предложить иной вариант погрома этих картонных танков, мол, эта первая колонная должна была маршировать не в пункт А, а в пункт Б, а вторая колонна... И вот тогда-то немцы были бы побиты...

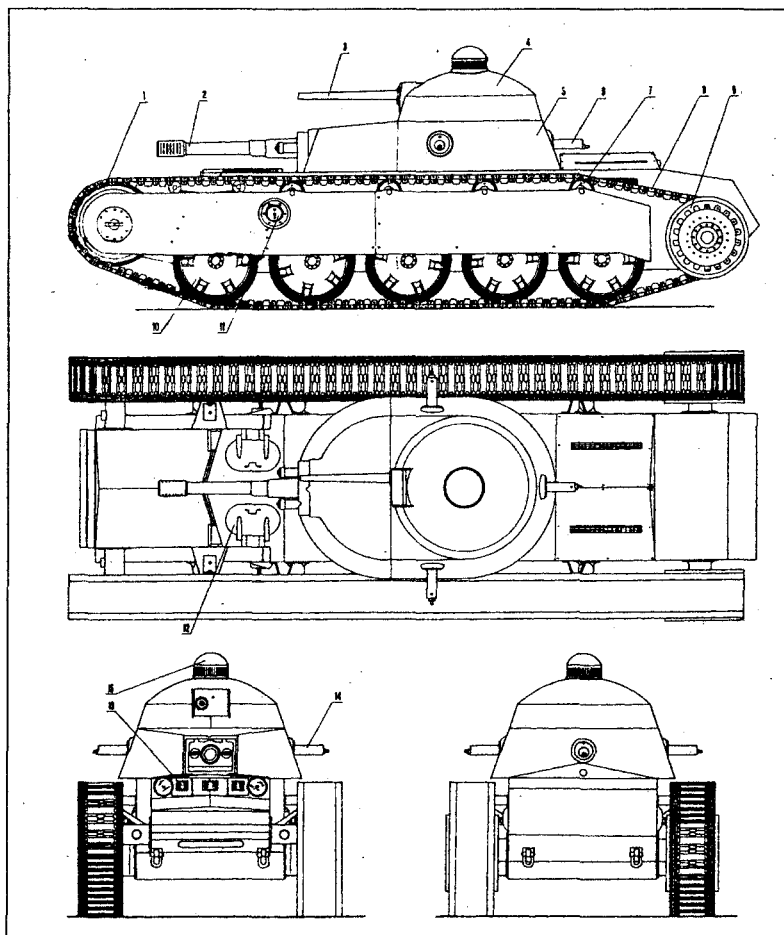
Думаю, не надо объяснять, что без хотя бы краткого экскурса в историю танкостроения понять ход боевых действий попросту невозможно.

Работы по созданию тяжелых танков начались в СССР в декабре 1930 г., когда Управление моторизации и механизации (УММ) РККА заключило с Главным конструкторским бюро Орудийно-оружейно-пулеметного объединения договор на разработку проекта тяжелого танка прорыва, получившего обозначение Т-30.

Предполагалось, что это будет 50-тонная машина, вооруженная двумя 76-мм орудиями и пятью пулеметами. Но отсутствие отечественного опыта танкостроения не позволило создать даже

¹ Коломиец М. Советские бронетанковые войска в Зимней войне / «Танкомастер», № 2/1997.

² Здесь и далее данные по: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933—1945. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. Т. 2. С. 147.

Танк Гротте

1 — направляющее колесо; 2 — 76-мм пушка; 3 — 37-мм пушка;
 4 — вращающаяся башня; 5 — неподвижная рубка; 6 — кормовой пулемет
 «максим»; 7 — поддерживающий каток; 8 — гусеничная цепь; 9 — ведущее
 колесо; 10 — опорный каток; 11 — бортовая установка пулемета ДТ;
 12 — люк для посадки экипажа; 13 — смотровой прибор
 механика-водителя; 14 — бортовой пулемет «максим»; 15 — стробоскоп

проекта полноценной боевой машины такого класса. В начале 1932 г., после выполнения эскизных чертежей и постройки деревянной модели танка все работы по Т-30 были прекращены ввиду его полной несостоятельности как боевой машины.

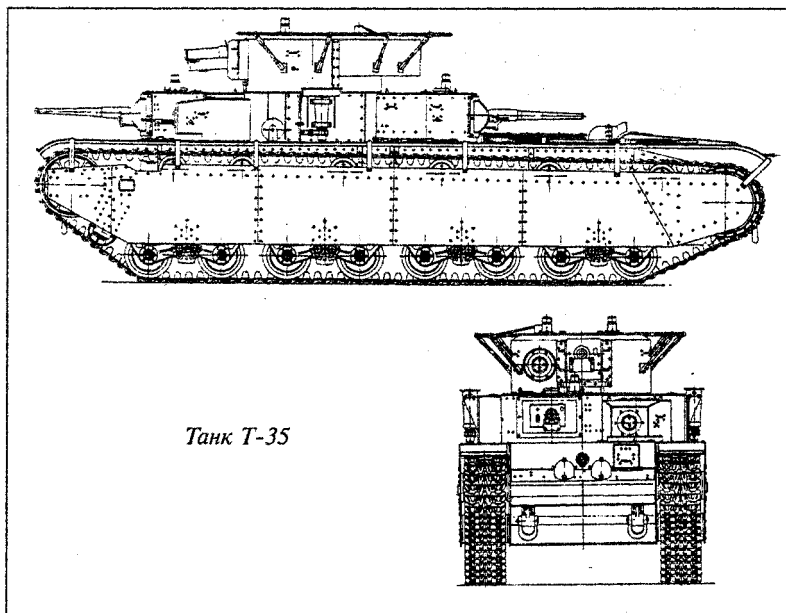
Не увенчалась успехом и попытка Автотанкодизельного отдела Экономического управления ОГПУ (АТДО ЭКУ ОГПУ — шашки, в которых трудились арестованные конструкторы) разработать до 1931 г. проект танка прорыва весом 75 т. Как и Т-30, этот проект имел множество недостатков, исключавших возможность серийной постройки такой машины.

В марте 1930 г. в Советский Союз прибыла из Германии группа инженеров во главе с Эдвардом Гротте. На ленинградском заводе «Большевик» из них сформировали конструкторское бюро АВО-5, в состав которого и вошла эта группа. Помимо немецких в группу вошли и молодые советские инженеры.

В 1931 г. был создан и испытан танк, спроектированный Гротте — ТГ (танк Гротте). По своему весу (25 т) он считался средним, но имел лобовую противоснарядную броню толщиной 50 мм. ТГ был вооружен 76/30-мм пушкой (качающаяся часть взята от 76-мм зенитной пушки Лендера обр. 1915 г.) и 37-мм пушкой Гочкиса. При этом 76-мм пушка размещалась в большой неподвижной башне и имела малый угол обстрела, а 37-мм пушка находилась в малой вращающейся башне и имела круговой обстрел. Испытания выявили неустранимые дефекты ходовой части, и работы по ТГ прекратили.

В марте 1932 г. Гротте разработал проект тяжелого танка ТГ-VI 3 (ГД 6) весом 70—75 т. Танк имел броневую защиту из стальных листов толщиной 60—70 мм. Вооружение его состояло из двух 45-мм пушек и одной 76-мм полуавтоматической или 100-мм пушки, а также шести пулеметов ДТ. Двигатель М-34 мощностью 850 л. с. позволял танку развивать скорость до 30 км/ч. Запас ходу танка должен был составлять 120—150 км. Экипаж — 10 человек.

Проект этого танка был положен в основу разработки тяжелого танка Т-42, расчетный боевой вес которого достигал 100 т. Лобовая броня танка должна была достигать 70 мм. Была проработана схема компоновки оружия. 100-мм корабельную пушку предполагалось разместить в центральной башне, угол ее горизонтального обстрела составил бы 270°. 76-мм пушка должна была находиться в передней башне и иметь горизонтальный угол

Танк Т-35

обстрела 202° , 45-мм пушка с углом обстрела 278° — в кормовой башне.

При тогдашнем состоянии нашего машиностроения реализация такого проекта была нереальна, и Гротте выслали из СССР. Замечу, что Гротте был талантливым инженером, и его проекты являлись не плодом собственной инженерной фантазии, а реализацией требований нашего малограмотного руководства.

АВО-5 было реорганизовано, и его возглавил молодой и энергичный инженер Н.В. Барыков, работавший ранее заместителем Гротте. В состав КБ вошли также конструкторы М.П. Зигель, Б.А. Андряхевич, А.Б. Гаккель, Я.В. Обухов и другие.

Новое КБ получило задание «к 1 августа 1932 года разработать и построить новый 35-тонный танк прорыва типа ТГ». Этой машине присвоили индекс Т-35. 28 февраля 1932 г. заместитель начальника УММ РККА Г.Г. Бокис докладывал М.Н. Тухачевскому: «Работы по Т-35 идут ударными темпами, и срыва сроков окончания работ не намечается».

При проектировании Т-35 учитывался полторалетний опыт работы над ТГ-1, а также результаты испытаний немецких тан-

ков «Гросстрактор» на полигоне под Казанью и материалы (развединформация) комиссии по закупке бронетанковой техники в Великобритании. Сборку первого прототипа, получившего обозначение Т-35—1, закончили 20 августа 1932 г., а 1 сентября он был показан представителям УММ РККА во главе с Бокисом. На присутствующих машина произвела сильное впечатление.

Внешне Т-35 оказался похожим на английский опытный пятибашенный танк А1Е1 «Индепендент» фирмы «Виккерс». Принято считать, что Т-35 создан по типу «Индепендента», однако в российских архивах нет данных о том, что Советская закупочная комиссия, находившаяся в Англии в 1930 г., интересовалась этой машиной. Скорее всего, что советские конструкторы пришли к пятибашенной схеме самостоятельно, независимо от англичан.

В главной башне Т-35—1 должны были размещаться 76-мм танковая пушка ПС-3 и пулемет ДТ в шаровой установке. Но из-за отсутствия орудия в танке был смонтирован только его макет. В четырех малых башнях, одинаковой конструкции, располагались (по диагонали) две 37-мм пушки ПС-2 и два ДТ. Еще один пулемет ДТ установили в лобовом листе корпуса (курсовой). Ходовая часть машины, применительно к одному борту, состояла из шести опорных катков среднего диаметра, сгруппированных попарно в три тележки, шести поддерживающих роликов, направляющего и ведущего колес. Тележки опорных катков были сконструированы по типу подвески немецкого танка «Гросстрактор» фирмы Круппа. Однако советские конструкторы значительно улучшили принцип работы подвески, примененной на «Гросстракторе».

Моторно-трансмиссионную группу Т-35—1 изготовили с учетом опыта работы над танком ТГ-1. Она состояла из карбюраторного двигателя М-6, главного фрикциона, коробки передач с шестью шевронными зацеплениями и бортовых фрикционов.

Для управления ими использовалась пневматическая система, что делало процесс вождения машины весом 38 тонн чрезвычайно легким. Правда, в ходе испытаний осенью 1932 г. выявился ряд недостатков в силовой установке танка. Кроме того, выяснилось, что для серийного производства конструкция трансмиссии и пневмоуправления является слишком сложной и дорогой. Поэтому работы по Т-35—1 прекратили и в конце 1932 г. опытный образец передали Ленинградским бронетанковым курсам усовер-

шенствования командного состава (ЛБТКУКС) для подготовки командиров.

В феврале 1933 г. танковое производство завода «Большевик» было выделено в самостоятельный завод № 174 имени К.Е. Ворошилова. На нем КБ Н.В. Барыкова преобразовали в Опытно-конструкторский машиностроительный отдел (ОКМО), который и занялся с учетом недостатков первого, разработкой второго опытного образца танка, названного Т-35—2. По личному указанию И.В. Сталина была произведена унификация главных башен Т-35 и Т-28. Т-35—2 получил также новый двигатель М-17, другую трансмиссию и коробку передач. В остальном же он практически не отличался от своего предшественника, если не считать измененной конструкции фальшборта и настоящей 76,2-мм пушки ПС-3.

Сборку Т-35—2 завершили в апреле 1933 г. 1 мая он прошел во главе парада по площади Урицкого (Дворцовая площадь) в Ленинграде, а Т-35—1 по Красной площади в Москве.

Параллельно со сборкой Т-35—2 в ОКМО велась разработка чертежей серийного танка Т-35А. Причем Т-35—2 рассматривался лишь как переходная модель, идентичная серийному образцу лишь в части трансмиссии.

В соответствии с Постановлением Правительства СССР в мае 1933 г. серийное производство Т-35 было передано на Харьковский паровозостроительный завод имени Коминтерна (ХПЗ). Туда в начале июня 1933 г. в срочном порядке отправили еще не прошедшую испытания машину Т-35—2 и всю рабочую документацию по Т-35А. Проект последнего значительно отличался от обоих прототипов. Танк имел удлиненную на одну тележку ходовую часть, малые пулеметные башни новой конструкции, средние башни увеличенного размера с 45-мм орудиями 20К, измененную форму корпуса и т.д.

Тут несколько слов стоит сказать о пушечном вооружении Т-35. Первые советские танки оснащались 37-мм французскими пушками Гочкиса, серийно производившимися на заводе им. Калинина. Кроме того, в 1932 г. была принята 76-мм танковая пушка обр. 1927/32 г., разработана в КБ Кировского завода на базе 76-мм полковой пушки обр. 1927 г. Основным отличием ее было уменьшение длины отката пушки с 1000 мм до 500 мм (для уменьшения габаритов башни). Затвор пушки поршневой. Тор-

моз отката гидравлический. Накатник гидропневматический. Прицелы ПТ-1 и ТОД-1. На заводе пушке был присвоен индекс КТ (Кировская танковая). В некоторых случаях пушки именовали КТ-26, КТ-28 и КТ-35 по типу танка, но принципиальных различий у типов этих пушек не было.

Инженер Путиловского завода Сяченко создал систему из двух танковых пушек — 37-мм ПС-2 (пушка Сяченко № 2) и 76-мм пушки ПС-3 (пушка Сяченко № 3). 37-мм пушка была создана на базе пушки «Рейнметалл», образец которой и технологическая документация на изготовление были доставлены в Советский Союз. А вот 76-мм пушка ПС-3 имела оригинальную конструкцию. Длина ствола ее, по сравнению с КТ, была увеличена с 16,5 до 20,5 калибра, а начальная скорость ее снаряда весом 6,5 кг возросла с 370 м/с до 530 м/с. Однако довести до ума ПС-3 Сяченко не удалось, и он был репрессирован. Пушки ПС-3 и ПС-2 были выпущены малой серией. (ПС-2 не пошла в массовое производство в связи с переходом танковой и противотанковой артиллерии с калибра 37 мм на калибр 45 мм.)

В результате штатной пушкой танка Т-35 стала 76-мм пушка обр. 1927/32 г. Бронепробиваемость ее была весьма низкой — 31 мм по нормали на дистанции 500 м. Это официальные данные, но с середины 1930-х годов у нас в служебных изданиях стали завышать данные по бронепробиваемости танковых и противотанковых пушек. Я в Архиве Советской армии сам видел такое указание наркома. Кстати, завышали эти данные и после войны (для 85-мм пушек Д-44, Д-48 и т.д.).

Чтобы не возвращаться более к вооружению танка Т-35, скажу, что управление огнем двух 45-мм и одного 76-мм орудия в танке было практически невозможно. В связи с этим в Остехбюро разработали систему управления артиллерийским огнем «ПУАТ-35». Система была создана по образцу корабельных ПУС и имела 9-футовый дальномер «Барр и Струд» морского ведомства. Система предназначалась не только для Т-35, но и для перспективных двух-, четырех- и пятибашенных танков, включая Т-39. Испытания системы были начаты в феврале 1934 г. В ноябре 1935 г. система была испытана на танке Т-28. Смотровые приборы наводчика пушки были закрыты, и огонь велся по показывающим приборам по информации, вводимой в «ПУАТ-35» командиром танка. Испытания прошли удовлетворительно.

В апреле 1936 г. испытания системы были проведены на танке Т-35 в присутствии наркома Ворошилова. Испытания закончились неудачей. В начале 1938 г. было решено прекратить работы по «ПУАТ-35» «в связи с малым количеством танков Т-35, большой стоимостью системы и сомнительной ценностью ее в условиях маневренной войны».

Но вернемся к работам над танком Т-35. К производству Т-35 подключили несколько заводов, в том числе Ижорский (бронекорпуса), «Красный Октябрь» (коробки передач), Рыбинский (двигатели). По плану Харьковского предприятия смежники должны были уже в июне 1933 г. начать отгрузку своей продукции на ХПЗ, но реально они смогли это сделать лишь в августе.

Т-35 изготовлялся по узловому принципу (9 узлов), окончательная же сборка первой машины велась на специальных козлах (стапелях). Она началась 18 октября 1933 г. и закончилась к 1 ноября. После предварительной обкатки танк 7 ноября принял участие в праздничном параде в Харькове (в то время столица Украины). В этот же день оба прототипа — Т-35—1 и Т-35—2 были показаны на параде в Москве. В соответствии с Постановлением Правительства СССР от 25 октября 1933 г., ХПЗ должен был к 1 января 1934 г. изготовить пять танков Т-35А и один Т-35Б (с двигателем М-34). К указанному сроку полностью готовым оказался только один танк, а еще три, хотя и были на ходу, но не имели вооружения и внутреннего оборудования.

Что касается Т-35Б, то его так и не построили, хотя вопрос о производстве этой машины поднимался в течение полутора лет, после чего о нем «забыли». Т-35 был для своего времени грандиозен не только по размерам, но и по финансовым затратам на его разработку, строительство и эксплуатацию (Т-35А обошелся казне в 525 тыс. рублей; за эти же деньги можно было построить девять легких танков БТ-5). Это обстоятельство отчасти и повлияло на то, что в серию не пошла ни одна его дальнейшая модификация.

По плану на 1934 г. ХПЗ планировал выпустить 10 машин Т-35А. Причем, учитывая сложность танка, УММ РККА заключило с ХПЗ договор на эти машины, как на первую опытную партию. В процессе освоения производства завод по своей инициативе внес ряд изменений как для улучшения конструкции танка, так и для облегчения его изготовления.

Но, несмотря на это, освоение Т-35 вызывало большие трудности: например, очень часто ломались траки, которые отливались из стали Гатфильда. До этого ни один завод в СССР в массовых количествах эту сталь не производил, ХПЗ был первым. Кроме того, никак не удавалось устранить перегрев двигателя М-17, а картер коробки передач оказался недостаточно прочным. Но, помимо технических и технологических, существовали и трудности другого рода. Так, начальник 2-го отдела Научно-технического управления УММ РККА Свиридов, посетивший Харьков в апреле 1934 г., докладывал: «Директор ХПЗ т. Бондаренко не только не мобилизует вокруг Т-35 работников завода, но и при всех возможных случаях дискредитирует машину. На ХПЗ никто серьезно не хочет ею заниматься, за исключением КБ завода, которое действительно работает над тем, чтобы выпустить хорошую боевую машину».

Репрессии инженерно-технических работников тоже не способствовали быстрому освоению производства Т-35. Например, в марте 1934 г. на ХПЗ пришло указание «о необходимости тщательной проверки конструкторских расчетов, особенно по коробке скоростей, поскольку в ее проектировании принимал участие конструктор Андрыхевич, ныне арестованный».

Первую машину Т-35 с полностью устраненными недостатками предполагалось сдать к 20 августа 1934 г., однако этот срок был заводом сорван. По этому поводу в конце августа начальник УММ РККА И.А. Халепский писал директору ХПЗ И. Бондаренко: «Сейчас приходится уже говорить не об одной машине. Перед Вами и мной стоит ответственная задача: дать к 7 ноября на парад не менее шести машин, причем они должны быть вполне закончены для работы в армии. Теперь не может быть никаких оправданий. Мы с Вами отвечаем за это дело как члены партии. Нужно очень крепко взяться сейчас за выполнение этой задачи...» И действительно «взялись крепко» — в московском параде участвовало шесть новеньких Т-35, а к концу 1934 г. были сданы армии еще четыре машины. В 1937 г. была проведена модернизация КПП, бортовых фрикционов, масляного бака, электрооборудования, изменена конструкция фальшборта, спроектированы и установлены на машины специальные уплотнения, предохраняющие машину от попадания внутрь воды. Кроме того, глушитель убрали внутрь корпуса, а наружу вывели лишь выхлопные трубы, закры-

тые бронекожухами. Благодаря этой модернизации надежность танка сильно возросла.

В 1937 г. ХПЗ приступил к проектированию Т-35 с коническими башнями. Выпуск таких танков начался на ХПЗ с конца 1938 г. Всего же за 1932—1939 гг. было изготовлено два прототипа (Т-35—1 и Т-35—2) и 61 серийная машина.

Т-35 стал единственным в мире серийным пятибашенным танком. Состав и размещение его вооружения оптимальны для многобашенного танка. Пять башен, расположенных в два яруса, позволяли сосредоточить массивированный огонь из 76-мм и 45-мм пушек и трех пулеметов вперед, назад или на любой борт. Однако столь большая огневая мощь потребовала увеличения числа членов экипажа и усложнения конструкции танка. Двухъярусное расположение башен обусловило значительную высоту машины, что повышало уязвимость танка на поле боя. Без малого 10-метровая длина привела к резкому снижению маневренных характеристик. Кроме того, Т-35 имел большое количество недостатков, связанных с двигателем и трансмиссией. К сожалению, их так и не удалось полностью устранить.

Справедливости ради следует сказать, что подвеска Т-35 при всей ее громоздкости в целом зарекомендовала себя хорошо и отличалась плавностью хода. Высота танка, кроме увеличения уязвимости на поле боя, еще и доставляла ряд проблем при эксплуатации. Например, надгусеничные полки располагались на почти двухметровой высоте. Так что взобраться на танк стоило большого труда, а если нет специальных лесенок, без посторонней помощи практически невозможно. Учитывая, что в танкисты предпочитали брать людей невысокого роста (примерно 160 см), можно себе представить, каково было экипажу машины занимать по тревоге свои места!

Внешне Т-35 удивляет своими размерами, но внутренний объем великана был очень мал. Боевые отделения не сообщались между собой, так что проникнуть из одного в другое без выхода из танка было невозможно.

Обзорность из Т-35 была просто отвратительная, особенно с места механика водителя. Можно предположить, что в боевых условиях ему приходилось вести машину чуть ли не вслепую, так как смотровые щели позволяли видеть местность только слева и впереди, да и то в весьма ограниченных секторах.

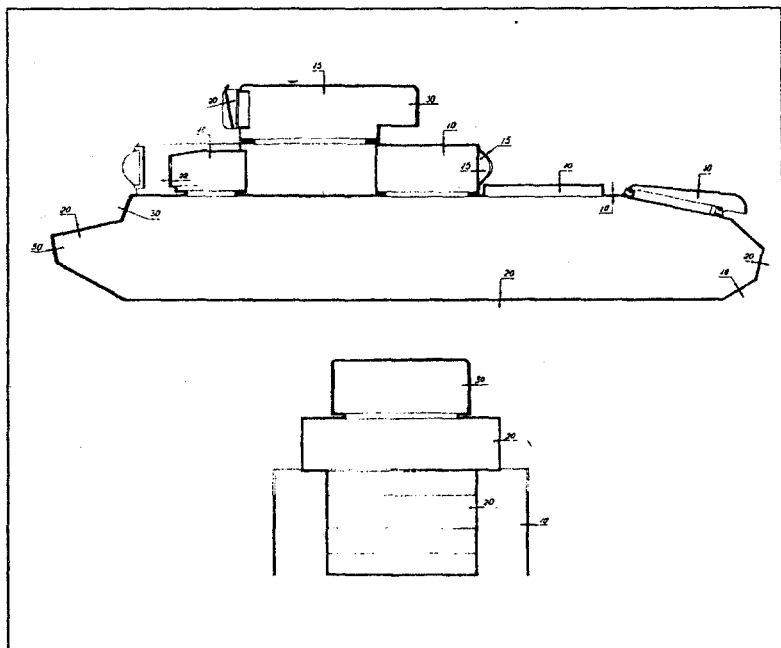

Схема бронирования танка Т-35

Но самой большой проблемой было покинуть подбитую машину. Ведь выход осуществлялся лишь через верхние люки, и при этом экипаж главной башни оказывался на четырехметровой высоте под огнем противника. Люк же механика-водителя нельзя открыть, не повернув влево пулеметную башню, заклинивание которой могло стоить ему жизни. Выход из задних башен сильно затруднялся нависающей над ними нишей главной башни и поручневой антенной. Удобство посадки и высадки экипажа конструкторами танка Т-35 были фактически проигнорированы.

В ходе производства Т-35 делалось несколько попыток усилить его защиту. Так, с 1936 г. толщина переднего наклонного щита корпуса и щитка механика-водителя была доведена до 50 мм. В 1938 г. были введены конические башни с толщиной брони 70 мм, а также увеличена до 25 мм толщина лобовой брони корпуса и до 25 мм толщина брони подбашенной коробки главной башни. Боевой вес танка возрос до 54 т.

Всего с апреля 1939 г. и до прекращения производства было выпущено 6 танков Т-35 с усиленной броневой защитой. На двух машинах выпуска 1939 г. в кормовой части главной конической башни был установлен 7,62-мм пулемет ДТ.

Тактико-технические данные тяжелого танка Т-35 приведены в Приложении.

Первые серийные машины Т-35 поступили в 5-й тяжелый танковый полк Резерва Главного Командования (РГК) в Харькове 12 декабря 1935 г. Этот полк был развернут в 5-ю отдельную тяжелую танковую бригаду. Организационно она состояла из трех линейных танковых батальонов одного учебного батальона боевого обеспечения и других подразделений. Приказом наркома обороны от 21 мая 1936 г. бригаду выделили в Резерв Главного Командования. Она предназначалась для усиления стрелковых и танковых соединений при прорыве особо сильных и заблаговременно укрепленных позиций противника.

В соответствии с этим назначением по специально разработанной АБТУ программе велось и обучение танкистов. Подготовка экипажей осуществлялась на специальных курсах, которыми руководили инженеры с ХПЗ. Кроме того, в 1936 г. в Рязани при 3-й тяжелой танковой бригаде был создан учебный танковый батальон Т-35.

Эксплуатация машин первых выпусков (1933—1936 гг.) в войсках показала их весьма слабые тяговые характеристики. Так, по донесению командиров Т-35, «танк преодолевал подъем только в 17°, не мог выйти из большой лужи». Военными отмечалась низкая надежность его агрегатов, вызывала трудности и большая масса боевых машин. В этом отношении весьма характерным можно считать следующий документ, адресованный командному составу тяжелой танковой бригады РГК: «Предлагаю принять к неуклонному руководству следующие правила движения по мостам танков Т-35: 1. На однопролетных мостах — только один танк одновременно; 2. На многопролетных мостах может быть несколько танков, но не менее чем в 50 м друг от друга; 3. Движение по мосту во всех случаях должно производиться так, чтобы ось танка строго совпадала с осью моста. Скорость на мосту — не более 15 км/ч».

Помимо 5-й тяжелой танковой бригады танки Т-35 поступали в различные военные учебные заведения. Так, по данным на 1 ян-

варя 1938 г., в РККА имелся 41 танк Т-35, 27 — в уже упомянутой танковой бригаде, один — на Казанских бронетанковых курсах усовершенствования технического состава (КБТКУТС), два на НИИБТ полигоне в Кубинке, один — в 3-й тяжелой танковой бригаде в Рязани, один — при Военной академии моторизации и механизации (ВАММ) в Москве, один — в Орловской бронетанковой школе, один — на ЛБТКУКС (Т-35—1), один — в Ленинградской школе танковых техников, один — в Институте № 20 (с системой централизованной наводки) и пять — на ХПЗ.

До начала Великой Отечественной войны танки Т-35 не участвовали ни в каких боевых действиях. Упоминания в западных и некоторых отечественных изданиях об использовании этих машин в зимней войне с Финляндией не соответствуют действительности.

Не прошло и полугодя, как «служебная карьера» Т-35 чуть было не завершилась. 27 июня 1940 г. в Москве состоялось совещание «О системе автобронетанкового вооружения Красной армии», на котором рассматривался вопрос о перспективных типах танков и о снятии с вооружения старых образцов. В отношении Т-35 мнения разделились. Одни считали, что их нужно переделать в самоходно-артиллерийские установки большой мощности (типа СУ-14), другие предлагали передать их танковому полку ВАММ и использовать для парадов. Но в связи с начавшейся реорганизацией танковых войск Красной армии и формированием механизированных корпусов Т-35 решили «оставить на вооружении до полного износа, изучив вопрос об их экранировке до 50—70 мм».

В результате почти все машины оказались в 67-м и 68-м танковых полках 34-й танковой дивизии 8-го механизированного корпуса Киевского Особого военного округа.

В некоторых публикациях утверждается: «Если до 1935 года тактические данные Т-35 позволяли ему выполнять возложенные на него задачи, то техническое несовершенство и недоведенность машины сводили на нет возможность такого применения. После 1935 года, когда была существенно повышена надежность машины, он уже морально устарел и перестал отвечать предъявляемым к нему требованиям».

Увы, по моему мнению, создание Т-35, равно как и его собратьев (БТ, Т-26, Т-28 и др.), было следствием авантюристской

стратегии маршала Тухачевского. Армады наших танков во главе с пятибашенным монстром должны были напугать «морально неустойчивого противника».

Я вполне допускаю, что так и могло произойти в случае войны с Польшей, Румынией, Турцией, Болгарией и т.п. Представим, что бы наделал один Т-35 с бригадой польской кавалерии... Но, увы, для борьбы с морально устойчивым противником (например, с немцами и финнами) такие танки не годились ни в 1932 г., ни в 1936 г.

Следует заметить, что авантюризм Тухачевского и К^о сказался не только при создании тяжелых танков. Так, «великий стратег» в 1931—1933 гг. добился прекращения работ над разборными буксируемыми орудиями особой мощности и буквально навязал промышленности работы над супер-САУ — дуплексом 203-мм пушки и 305-мм гаубицы. Так была спроектирована установка СУ-7 с проектным весом 102—106 т, которая из-за своих габаритов была нетранспортабельна по железной дороге, не проходила через мосты и не вписывалась в кривые улицы малых населенных пунктов. Ко времени прекращения работ (21 апреля 1938 г.) не было создано даже опытного образца СУ-7.

Глава 3

«УБЕРИТЕ БАШНЮ!»

После устранения Тухачевского и его компании — Павлуновского, Бекаури, Курчевского и многих — началась новая эпоха в развитии советского оружия. И это касается не только танков, но и артиллерии, авиации и т.п. Обратим внимание, что немцы, по крайней мере, до 1943 г., воевали образцами вооружения, созданными в 1928—1937 гг., и лишь потом появились новые системы оружия, хотя и прежние образцы состояли на вооружении вплоть до мая 1945 г.

В СССР же практически все системы вооружения, созданные в бытность замнаркома по вооружению Тухачевского, оказались небоеспособными, а воевать пришлось оружием, созданным после 1938 г.

7 августа 1938 г. Комитет обороны СССР принял постановление № 198сс «О системе танкового вооружения». В этом поста-

новлении содержалось требование менее чем за год — к июлю 1939 г. — разработать новые образцы танков, у которых вооружение, броня, скорость и проходимость развивались бы комплексно и полностью отвечали условиям будущей войны.

Этим постановлением поручалось Кировскому заводу (бывшему Путиловскому) разработать тяжелый танк с противоснарядной броней. Параллельно с Кировским заводом тяжелый танк проектировал Ленинградский завод опытного машиностроения им. С.М. Кирова, директором которого был военный инженер 1-го ранга Н.В. Барыков, а главным конструктором — С.А. Гинзбург. Предполагалось принять на вооружение только одну модель тяжелого танка, а значит, проектирование сразу двух машин одного класса в разных конструкторских бюро превращалось в конкурсную разработку.

Решение правительства о создании тяжелого танка с противоснарядной броней было, безусловно, правильным, хотя и запоздалым. Однако танк пришлось создавать не по постановлению, а по тактико-техническим требованиям, разработанным нашими военными. А те, не мудрствуя лукаво, предложили трехбашенную схему танка «а ля» Т-35, то есть короткоствольная 76-мм пушка в центральной башне и две малые башни с 45-мм противотанковыми пушками.

В вопросах артиллерийского вооружения танков наши военные проявили патологический консерватизм. Так, Главное автобронетанковое управление (ГАБТУ) панически боялось ставить на танки 76-мм пушки с высокой баллистикой, способные на любой реальной дистанции боя пробивать броню вражеских танков. Я уже писал о 76-мм таковой пушке обр. 1927/32 г., но сейчас не могу удержаться, чтобы не назвать кошку кошкой!

Эта пушка разработана еще в конце XIX века греческим офицером Данглизом, но, разумеется, не как танковая, а как горная с разборным стволом. Греческое военное министерство послало Данглиза с его пушкой куда подальше. Тот отправился во Францию и уговорил руководство фирмы Шнейдер изготовить опытный образец 75-мм горной пушки. Однако и французские военные отвергли систему Данглиза. Далее Шнейдер и К^о действовали по давно отработанной схеме — перечислили энную сумму на счет Матильды Кшесинской. Та уговорила главу российской артиллерии великого князя Сергея Михайловича осмотреть систему Дан-

глиза, благо сделать это было просто, поскольку Сергей половину своей жизни проводил во Франции.

Далее был конкурс на полигоне Ржевка под Петербургом, где горная пушка Данглиза по многим параметрам проиграла пушке системы Шкода. Но, понятно, на вооружение была принята пушка «французско-греческого происхождения» под названием 76-мм горной пушки обр. 1909 г.¹ Конструкция ее имела много недостатков, и в конце концов Красная армия вернулась к системе Шкода (естественно, нового образца), приняв ее на вооружение под названием 76-мм горной пушки обр. 1939 г.

За неимением лучшего качающаяся часть горной пушки обр. 1909 г. была использована в тумбовой пушке на броневтомобилях «Гарфорд» Путиловского завода в 1916 г. в полковой пушке обр. 1927 г. и в танковой пушке 1927/32 г. Причем по халатности конструкторов во всех этих системах, выпущенных до 1939 г., применялся разборный ствол — вещь очень дорогая из-за технологии изготовления и нужная лишь в горных пушках. И лишь в 1939 г. пошел ствол-моноблок.

ГАБТУ принципиально не хотело устанавливать длинноствольные 76-мм пушки длиной в 30 калибров, мол, возможно утыкание в грунт. Те же начальники стеной стояли против введения полуавтоматического клинового затвора на танковых пушках. Мотивировка — нельзя столь часто стрелять, будет сильная загазованность в боевом отделении. Оно, конечно, лучше вообще без пушки — пусть танкисты дышат свежим воздухом. О том, что можно сделать эжекцию, то есть продувание ствола, или вентиляцию башенного отделения, краскомам и думать не хотелось. Между тем моряки с проблемой загазованности башни справились за полвека до этого и в начале XX века успешно вышли из положения, применив одновременно эжекцию стволов и вентиляцию в башне и подбашенном помещении.

В 1936 г. в КБ Кировского завода под руководством И.А. Маханова была спроектирована 76-мм танковая пушка Л-10. Пушка имела вертикальный клиновой полуавтоматический затвор с устройством для отключения полуавтоматики — «дань» ГАБТУ. Принципиальным отличием Л-10 и последующих пушек Маханова были оригинальные противооткатные устройства, в которых

¹ Для России калибр был изменен с 75 мм на 76,2 мм, то есть 3 дюйма.

жидкость компрессора непосредственно сообщалась с воздухом накатника. При некоторых режимах огня такая установка выходила из строя. Этим и любил пользоваться главный конкурент Маханова Грабин. На испытаниях он рекомендовал вести длительный огонь (сотни снарядов на пределе скорострельности) на максимальном угле возвышения, а затем резко дать пушке максимальный угол снижения и начать стрелять под гусеницы. В таких случаях часто происходил отказ противооткатных устройств. Разумеется, такой режим огня в боевых условиях был маловероятен, тем не менее из-за этого Маханов периодически проигрывал конкурс Грабину.

В конце 1936 г. первые три пушки Л-10 были изготовлены на Кировском заводе. Пушки Л-10 проходили испытания в танках Т-28 и БТ-7А. Из танка БТ-7А было сделано 1005 выстрелов, но ставить Л-10 в серийные танки не рискнули из-за тесноты в башне.

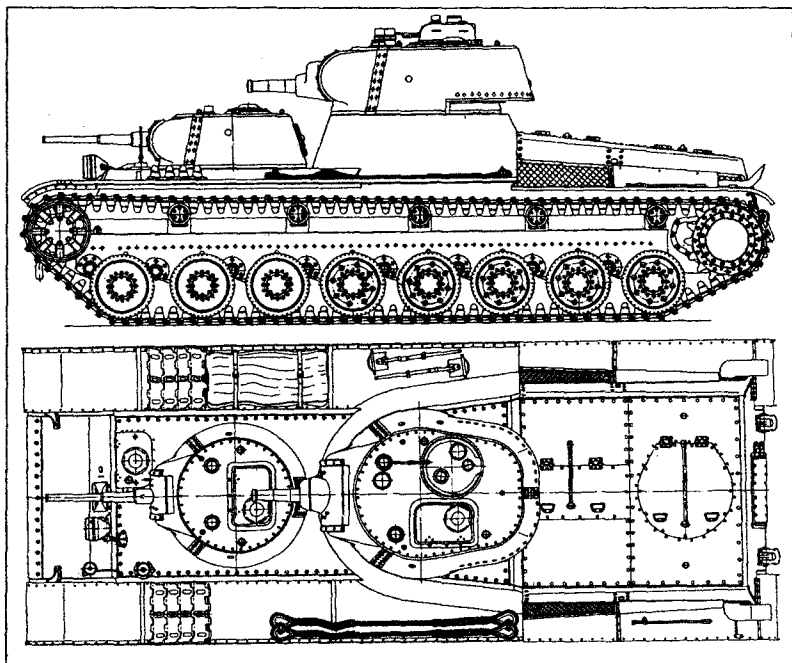
С 13 февраля по 5 марта 1938 г. пушка Л-10, установленная в АТ-1, успешно прошла испытания на Научно-исследовательском артиллерийском полигоне (НИАП).

Пушка Л-10 была принята на вооружение под названием «76-мм танковая пушка обр. 1938 г.». Она устанавливалась на танках Т-28 и на бронепоездах. Пушка Л-10 серийно изготавливалась на Кировском заводе. В 1937 г. было сдано 30 пушек, а в 1938 г. — 300. На этом производство их завершилось.

В 1937 г. руководство РККА решило принять для тяжелых и средних танков 76-мм танковые пушки с баллистикой 76-мм пушки обр. 1902/30 г. длиной в 30 калибров. Такое решение было принято с учетом развития танкостроения за рубежом и опыта испанской войны. Задание на проектирование таких пушек было выдано Маханову (Кировский завод) и Грабину (завод № 92).

Маханов попросту удлинил нарезную часть и упрочил механизмы противооткатных устройств пушки Л-10. Новая система получила индекс Л-11.

Грабин же сделал новую пушку Ф-32. В ней было использовано много элементов 76-мм пушки Ф-22. Ствол состоял из свободной трубы и кожуха. Затвор вертикальный клиновой, полуавтоматика копирного типа. Тормоз отката гидравлический. Накатник гидропневматический.

Тяжелый танк прорыва Т-100. Вид сбоку и сверху

В мае 1939 г. обе пушки проходили испытания на НИАПе, а в сентябре на Сенежском танковом полигоне, в ходе них Л-11 и Ф-32 стреляли из танков Т-28 и БТ-7. Обе пушки имели свои недостатки и достоинства, и обе были приняты на вооружение. Л-11 — под названием «76-мм пушка обр. 1938/39 г.», а Ф-32 — под названием «76-мм пушка обр. 1939 г.». В 1940—1941 гг. пушки Л-11 и Ф-32 устанавливались в серийных танках Т-34 и КВ-1. Кроме того, Л-11 была установлена на опытном тяжелом танке СМК. В 1938 г. Кировским заводом было сдано 570 пушек Л-11, а в 1939 г. — 176. Пушки Ф-32 в производстве находились только в 1941 г., тогда была изготовлена 821 пушка.

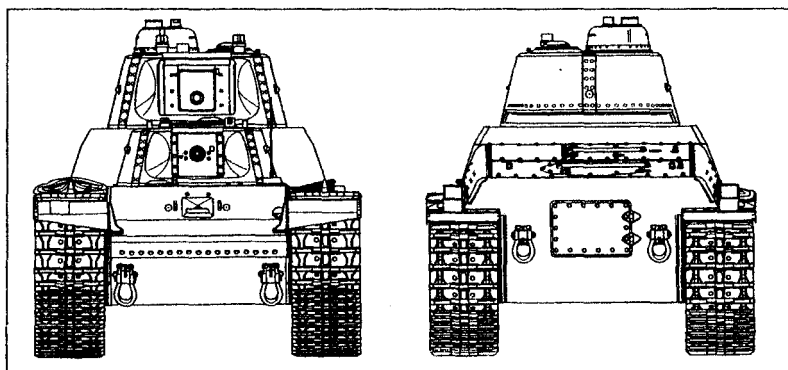
В июне — октябре 1940 г. на НИАПе было произведено испытание 76-мм пушки Л-11 на танке Т-34 в объеме 343 выстрелов. Угол вертикального наведения -5° ; $+25^{\circ}$ вперед и в бок, назад $-1,2^{\circ}$; $+25^{\circ}$. Мертвая зона впереди и сбоку 18—19 м, назад 80 м. В целом испытания прошли удовлетворительно.

Полигонно-войсковые испытания 76-мм пушки Ф-32 в танке Т-34 прошли с 20 по 23 ноября 1940 г. на Гороховецком полигоне в объеме 1000 выстрелов. Угол вертикального наведения -5° ; $+31^{\circ}45'$ (на корму угол снижения $-1^{\circ}41'$). Скорострельность в условиях танка 2—3 выстрела в минуту, на полигонном же станке скорострельность пушки Ф-32 без изменения наводки достигала 20 выстрелов в минуту. По результатам испытаний комиссия рекомендовала Ф-32 к принятию на вооружение.

Но в 1938 г. руководство РККА утвердило новые тактико-технические требования на танковые пушки, где была уже баллистика 76-мм пушки обр. 1902/30 г. длиной в 40 калибров. Естественно, что обратились опять к Маханову и Грабину, которые попросту удлиннили свои пушки. Модернизированная Л-11 получила индекс Л-15, а Ф-32 — индекс Ф-34. Но довести Л-15 Маханову помешал арест, понятно, что о серийном производстве Л-15 уже и речи не было.

К 15 марта 1939 г. были закончены все рабочие чертежи на Ф-34 и начато изготовление деталей пушки.

Интересно, что первоначально Ф-34 предназначалась для вооружения танков Т-28 и Т-35А. Первые испытания ее в танке Т-28 были проведены 19 октября 1939 г. на Гороховецком полигоне. Первые испытания Ф-34 в танке Т-34 прошли там же в ноябре 1940 г. На вооружение пушка Ф-34 была принята под названием «76-мм танковая пушка обр. 1940 г.». Ф-34 устанавливалась в серийных танках Т-34, бронепоездах и бронекатерах. Кроме того, пушкой Ф-34 был вооружен опытный танк КВ-3.

Т-100. Вид спереди и сзади. Чертеж В. Мальгинова

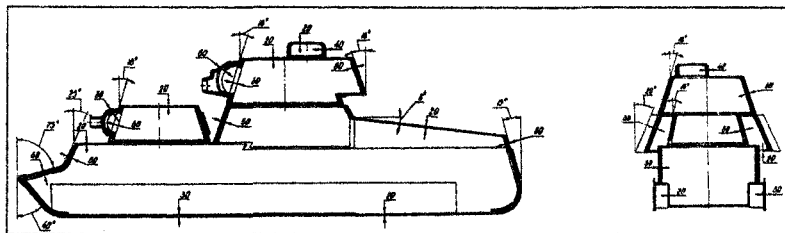

Схема бронирования танка Т-100

Специально для танка КВ-1 Грабиным была создана модификация пушки Ф-34, получившая заводской индекс Ф-27, позже измененный на ЗИС-5, и принятая на вооружение под названием «76-мм танковая пушка обр. 1941 г.». ЗИС-5 отличалась от Ф-34 конструкцией люльки, устройством и креплением блокировки, а также рядом мелких деталей.

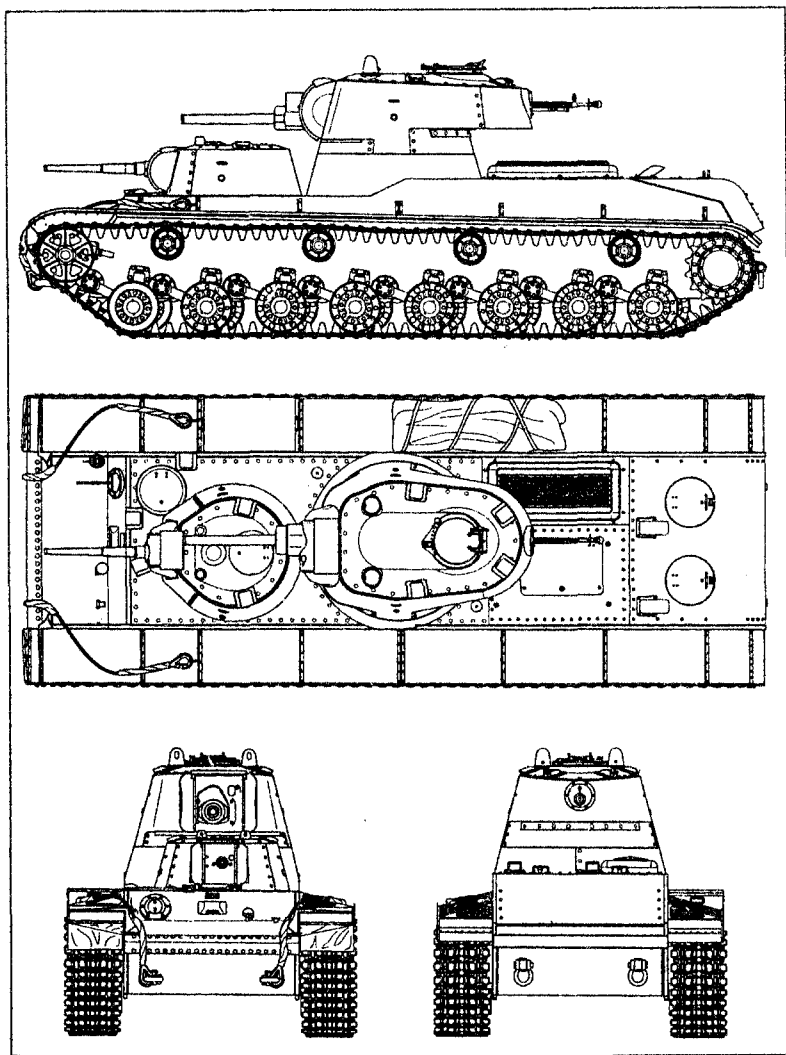
Как видим, я забежал далеко вперед, дабы больше не возвращаться к 76-мм танковой пушке.

Итак, именно косность ГАБТУ в вопросах артиллерийского вооружения заставила вновь выбрать два калибра пушек (76 мм и 45 мм) и трехбашенную схему для перспективного тяжелого танка. Ведь ни 76-мм пушка обр. 1927/32 г., ни Л-10 не обладали достаточной бронепробиваемостью. Но после появления Ф-32 и Ф-34 трех- и двухбашенные схемы стали анахронизмом, данью традиции.

Работы над тяжелыми танками начались в 1938 г. в Ленинграде сразу на двух заводах: на Кировском заводе главный конструктор Ж.Я. Котин разрабатывал СМК, названный так в честь руководителя ленинградских большевиков Сергея Мироновича Кирова, а на Ленинградском заводе опытного машиностроения имени Кирова танк Т-100 создавался военным инженером 1-го ранга М.В. Барыковым.

Тактико-технические данные тяжелого танка Т-100 приведены в Приложении.

Работы велись на конкурсной основе, так как на вооружение нужно было принять только один танк. Начальником группы проектировщиков СМК был назначен А.С. Ермолаев. По его проекту вес танка составлял 55 т. Поэтому решили поставить на него 12-цилиндровый авиационный бензиновый двигатель мощностью 850 л.с. По расчетам двигатель обеспечивал танку максимальную скорость по шоссе 35 км/ч и запас ходу 220 км.

Тяжелый танк SMK. Чертеж В. Мальгинова

Сложными были поиски оптимальной формы корпуса и башен. Возник вопрос, делать ли их литыми или же сваривать из броневых плит. Чтобы нагляднее представить себе, как будет выглядеть танк, Котин распорядился сделать его макет из дерева, который был готов через 15 дней.

Хотя на заводе уже создавался танк с противоснарядной броней Т-46—5, было очевидно, что новый танк — машина необычная. По компоновке первый вариант СМК, имевший три башни, больше всего напоминал крейсер. При этом его башни располагались не по продольной оси корпуса, а со смещением — передняя влево, а задняя — вправо. Центральная башня была выше концевых и монтировалась на броневом коническом основании. Центральная башня с 76-мм пушкой поворачивалась на 360°. Передняя башня нижнего яруса могла поворачиваться на 270°, а задняя — на 290°, благодаря чему «мертвая зона» огня равнялась всего 440 кв. м, то есть была наименьшей среди всех рассмотренных вариантов. Боекомплект центральной башни составлял 150 выстрелов, а в двух остальных находилось по 300 выстрелов. Все башни имели перископы для наблюдения и прицелы. Экипаж многобашенной машины должен был состоять из 7 человек, что позволяло вести одновременный огонь во всех направлениях.

Танк имел по тем временам действительно надежную броню, не пробиваемую снарядами 37—40-мм орудий. Корпус и башни делались из катаной брони, максимальная толщина которой спереди и по бортам составляла 60 мм. Крыша танка была толщиной 20 мм, а дно для защиты от мин сделали толщиной 30 мм. Характерной особенностью машины с тремя башнями являлись скошенные углы носовой части корпуса, которые позднее были использованы на танке КВ-13 и машинах серии ИС.

СМК превосходил тяжелый танк Т-35 в скорости, по запасу хода, проходимости, мог преодолевать подъем в 37°, тогда как для Т-35 крутизна более 15° была пределом. Первоначально танк должен был иметь ту же систему подвески, что и Т-35, но она была не очень надежной и требовала для защиты громоздких и тяжелых

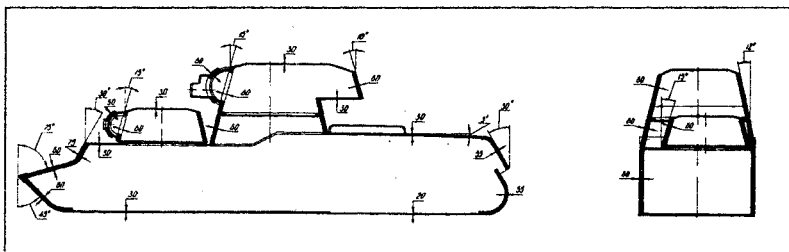

Схема бронирования тяжелого танка СМК

броневых экранов. Вот почему уже на раннем этапе проектирования от нее было решено отказаться и впервые в СССР использовать на тяжелом танке торсионную подвеску, уже применявшуюся на легких шведских и германских танках.

В таком виде небольшой макет танка из дерева демонстрировался в Кремле 9 декабря 1938 г. Котин доложил об основных тактико-технических данных будущей машины, рассказал о ходе проектирования, о сомнениях проектировщиков относительно целесообразности установки на танке двух и более башен. Он демонстрировал чертежи и использовал макет двухбашенного танка.

После доклада состоялось обсуждение. Общая оценка была положительная. В ходе разговора Сталин подошел к макету, снял переднюю башню и посоветовал не делать на танке «Мюр и Мерилиз»¹. В результате конструкторам Кировского завода пришлось работать сразу над двумя проектами: двухбашенного тяжелого танка и однобашенного танка с усиленной броней, поскольку эта машина становилась легче своего двухбашенного собрата.

Генсек предложил сэкономить вес в 3 т использовать на усиление броневой защиты. Кроме того, была разрешена работа над однобашенным вариантом — будущим танком КВ.

СМК в двухбашенном варианте получил корпус более простой формы, а главная башня — пулемет в задней части. Предусматривалась и установка зенитного пулемета ДА. Сталин считал, что в таком танке обязательно должен быть запас питьевой воды в специальном баке.

Тактико-технические данные тяжелого танка СМК приведены в Приложении.

Однобашенный тяжелый танк получил название КВ. Такое название было выбрано неслучайно. Танкостроитель Николай Федорович Шамшуринов писал: «Дело в том, что Специальное конструкторское бюро (СКБ-2) Кировского завода, где разрабатывались образцы новых танков, возглавлял с 1937 года Жозеф Яковлевич Котин, женатый на воспитаннице Ворошилова. Котин очень хорошо ориентировался в быстро меняющихся вкусах высших политических сфер, он прекрасно угадывал, что, когда

¹ «Мюр и Мерилиз» — большой универсальный магазин в центре Москвы. Большевики переименовали его в Мосторг, а позже — в ЦУМ, но люди старшего поколения, в том числе и Сталин, называли его по-старому.

и кому было нужно. Живя в полном соответствии с духом культового времени, для наглядной демонстрации “любви и преданности” вождям стал присваивать машинам еще на стадии проектирования имена “борцов за правое дело”. И кто бы мог перечить родственнику Климента Ефремовича? Между прочим, в КБ сразу же расшифровали новое название не как Клим Ворошилов, а как “Котин — Ворошилову”. К сожалению, надо признать, что КВ изначально делался не столько “для войны”, сколько “для показа”...»

На танке КВ вдоль корпуса устанавливался 12-цилиндровый V-образный дизель В-2К мощностью 600 л. с. Пуск двигателя осуществлялся двумя электростартерами или сжатым воздухом. Емкость трех топливных баков составляла 600 л. Запас ходу танка по шоссе достигал 230 км.

Производство двигателей В-2К только осваивалось в Харькове, и они имели много конструктивных недостатков. Так, особая трудность возникала при проектировании систем охлаждения дизеля в танке.

В последнее время из статьи в статью кочует миф о том, что дизель-моторы на несколько порядков менее пожароопасны, чем бензиновые двигатели. Сторонники дизеля устраивали публичные шоу, поднося зажженный факел к ведру с бензином — ведро мгновенно охватывалось пламенем, а вот соляр загорался с большим трудом.

Будучи студентом 2-го курса, я как-то спросил седого полковника, ведущего у нас военную подготовку, верно ли, что «Шерманы» все время горели, в отличие от КВ и Т-34? Полковник тихо ответил: «Хорошо горели все танки», а по выражению его лица я понял, что деликатный разговор окончен.

Не вдаваясь в технические детали, я лишь скажу, что бензин и соляр горят оба, но по-разному, а какой двигатель более пожароопасный — вопрос спорный.

В отчетах о танковых боях в 1942 г. встречается фраза о «весьма значительном в боевых условиях проценте пожаров танков с дизелями». Несмотря на опыты с факелом в соляре, дело обстояло именно так. По статистическим данным октября 1942 г., дизельные Т-34 горели немного чаще, чем бензиновые Т-70 (23 % против 19 %).

Важна и экономическая сторона. Если бензиновый танковый мотор М-17Т стоил 17 тысяч рублей, то дизель В-2 в начале своего производства обходился государству в сумму свыше 100 тысяч рублей, то есть был более чем в пять раз дороже. Причина этого в технологической сложности дизеля.

До 1943 г. В-2 был не в состоянии длительное время работать под большой нагрузкой. Следствием этого было то, что общий ресурс В-2 не превышал 100 моточасов на стенде, а на танке снижался до 40—70 часов. Для сравнения: немецкие бензиновые двигатели «Майбах» обрабатывали в тачке по 300—400 часов, отечественные ГАЗ-203 (спаренные агрегаты танка Т-70) и двигатель М-17Т поздних серий — до 300 часов. Двигатель М-17Т, который широко использовался в отечественном танкостроении в предвоенные годы (он стоял на танках БТ-5, БТ-7, Т-28, Т-35), пережил аналогичный период «детских болезней» в начале 1930-х годов. Тогда ресурс М-17Т не превышал 100 часов. После нескольких лет совершенствования конструкции и технологии производства ресурс вышел на приемлемый уровень — 300 часов. Но в этот момент был осуществлен переход на В-2 и своего рода шаг назад, к 100 часам моторесурса.

Благодаря широкой многозвенчатой гусеничной цепи, давление на грунт тяжелого танка КВ удалось снизить до 0,63 кг/кв. см, и было оно ниже, чем у танков БТ-7 (0,86 кг/кв. см), Т-35 (0,83 кг/кв. см), немецкого танка Т-IV (0,86 кг/кв. см) и у всех английских и американских танков того времени.

Опытный образец танка КВ имел классическую схему компоновки. Экипаж машины состоял из четырех человек. В отделении управления находился механик-водитель, в боевом отделении слева от пушки размещались друг за другом наводчик орудия и командир танка, а справа — заряжающий-радиот.

Первоначально опытный образец был вооружен спаренной установкой, состоявшей из 76-мм пушки Л-11 и 45-мм танковой пушки обр. 1934 г. Спаренная установка имела углы возвышения от -7° до $+25^\circ$. Для стрельбы использовались прицелы ПТ-1, ТОД и ПТК.

Пулеметное вооружение танка было явно недостаточным — 7,62-мм пулемет ДТ в шаровой опоре в корме башни и зенитный пулемет ДТ, установленный на турели основания люка башни.

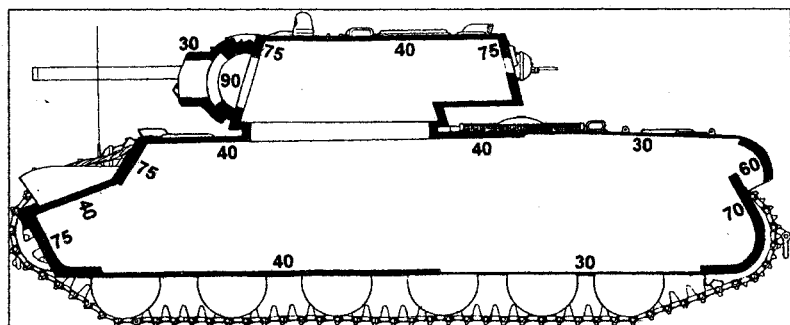

Схема бронирования тяжелого танка КВ-1 выпуска 1940—1941 гг.

Боекомплект танка состоял из 118 выстрелов к 76-мм пушке, 50 выстрелов к 45-мм пушке и 1008 патронов к пулеметам.

Спаренная пушечная установка являлась технической безграмотностью — зарядание ее было неудобно, и перед отправкой танка на Карельский перешеек для участия в боевых действиях 45-мм пушка была демонтирована, а вместо нее установили пулемет ДТ. Соответственно изменился и боекомплект. Теперь он состоял из 116 выстрелов к 76-мм пушке и 1890 патронов к пулеметам.

Бронева защита танка была противоснарядной и изготавливалась из гомогенной броневой стали. Башня и корпус сваривались из броневых листов толщиной 75 мм. Крыша имела броню толщиной 30 мм, а днище — 30—40 мм.

Ряд авторов утверждают, что «броня машины обеспечивала защиту от бронебойных снарядов пушек калибра до 75 мм включительно со всех дистанций». Я же лично читал в Архиве Артиллерийского музея дело об обстреле на НИАПе танка КВ из 76-мм пушки обр. 1902/30 г. длиной в 40 калибров с дистанции в 60 м. Однако заряд был уменьшен так, что скорость встречи с броней соответствовала дальности от 300 до 500 м.

Глава 4

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

В связи с большими потерями легких танков от огня финской артиллерии и с целью испытания нового танка в бою было решено направить три опытных танка (КВ, СМК и Т-100) на линию

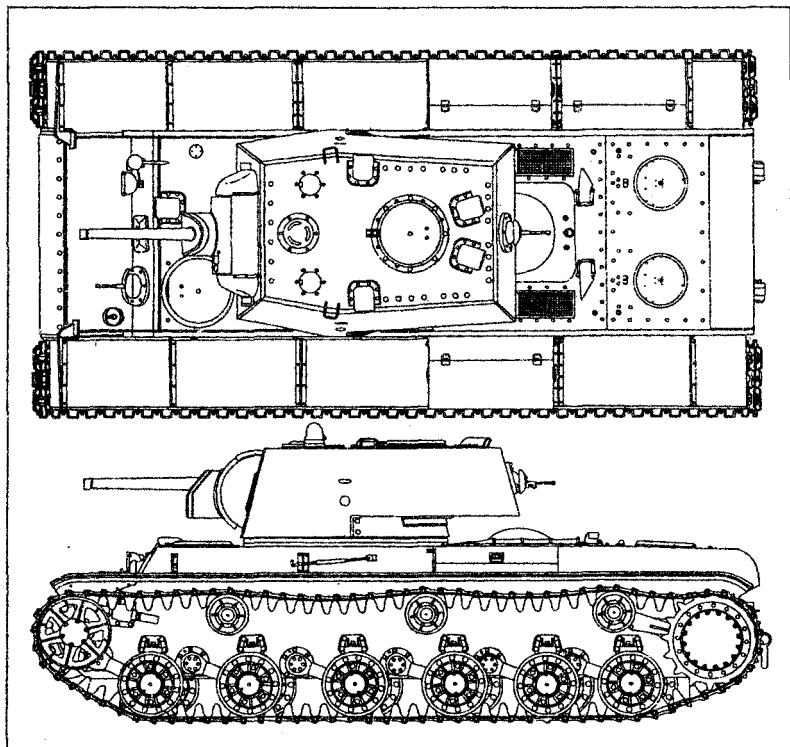
Маннергейма на Карельский перешеек. Поскольку в танковых войсках не было специалистов, обученных управлению этими машинами, в состав экипажей пришлось включить заводских испытателей-добровольцев. Их переодели в военную форму, валенки, полушубки, меховые танкошлемы и рукавицы. Всем выдали личное оружие, хотя формально военнослужащими они не являлись. Все добровольцы прошли краткую подготовку на бронетанковых курсах в Красном Селе.

Впервые в бой опытные танки вступили 18 декабря 1939 г., поддерживая наступление пехоты в районе Хоттиненского укреп-района финнов. Танки попали буквально под шквальный огонь финской артиллерии. Танк КВ получил 43 попадания артиллерийскими снарядами, и ни один из них не пробил брони, лишь был пробит ствол его 76-мм пушки. В остальном танк остался боеспособен, а пушку заменили вечером того же дня. В танки Т-100 и СМК также попали десятки снарядов, но ни один из них не смог пробить брони. Но на следующий день танку СМК не повезло — он подорвался на фугасе, а по другим данным танк наехал на ящик со снарядами.

Взрывом были повреждены ленивец и гусеница, сорваны болты трансмиссии. К СМК подошел танк Т-100 и прикрыл его бортом, чтобы дать возможность экипажу устранить повреждения. Однако ни устранить повреждения, ни взять СМК на буксир не удалось. Между тем финны открыли по танкам ураганный огонь из противотанковых и капонирных пушек. В Т-100 попало семь 37-мм и 47-мм снарядов, но ни один из них не пробил брони танка. В конце концов экипаж СМК в составе 8 человек благополучно покинул танк через аварийный люк в днище и таким же способом проник в танк Т-100.

В итоге танк СМК простоял в тылу финнов до конца февраля 1940 г.

А танк Т-100 после ремонта двигателя 18 февраля 1940 г. был снова отправлен в действующую армию. Он действовал совместно с танком КВ в составе 20-й (с 22 февраля по 1 марта) и 1-й (с 11 по 13 марта) танковых бригадах. За это время Т-100 прошел 155 км и получил 14 попаданий снарядов противотанковых пушек (левый борт — 6, маска 45-мм пушки — 1, ниша большой башни — 3, левая гусеница — 3, левый ленивец — 1). Но броня не была пробита ни при одном из этих попаданий.

КВ-1 выпуска 1940 г., ранних производственных серий

После окончания войны Т-100 отправили на завод для замены двигателя и проведения общего легкого ремонта. Всего к 1 апреля 1940 г. Т-100 прошел 1745 км, из них 315 км во время боев на Карельском перешейке.

Танк КВ 2 января 1940 г. был возвращен на Кировский завод для изучения. 17 февраля опытный танк КВ и первый танк установочной партии У-1 были отправлены на фронт. На опытном танке КВ вместо башни с 76,2-мм пушкой Л-11 установили башню с 152-мм гаубицей М-10. Танк У-2 с башней опытного танка КВ с 76,2-мм пушкой Л-11 был отправлен на фронт 22 февраля, танк У-3 с гаубицей М-10 — 29 февраля. Эти машины действовали в группе с танком Т-100 в боях в феврале — марте 1940 г.

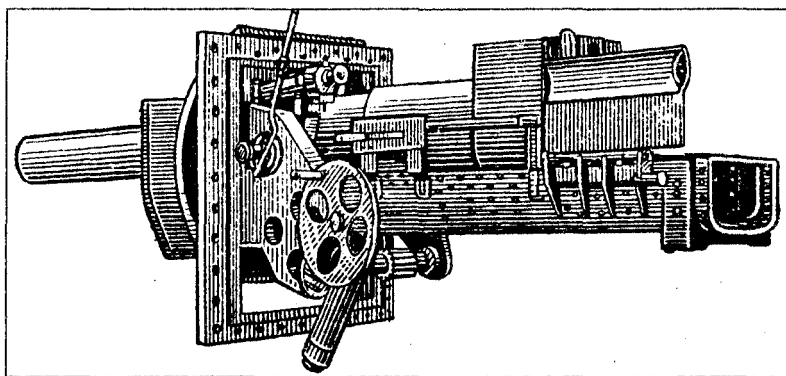
В январе 1940 г. на заводе им. Ворошилова по требованию Военного совета Северо-западного фронта первые четыре тан-

ка КВ из малой серии в 10 машин были оснащены 152-мм гаубицами М-10 для борьбы с дотами. Для этого танки получили большую высокую башню. В начале 1940 г. танки КВ в официальных документах именовались «Танки КВ с 76-мм пушкой» и «Танк КВ со 152-мм гаубицей», и лишь к концу года танки КВ со 152-мм гаубицами получили название КВ-2, а с 76-мм пушками — КВ-1, но я для удобства читателя буду и в 1940 г. называть их КВ-2 и КВ-1.

17 февраля 1940 г. два КВ-2 убыли с завода на Карельский перешеек, 22 февраля убыл один КВ-1, а 29 февраля — еще один КВ-2.

Однако проверить танки КВ-2 стрельбой по дотам в боевой обстановке не удалось, так как к моменту прибытия роты на фронт главная полоса обороны финнов, насыщенная дотами, была прорвана. Поэтому танки были опробованы стрельбой по уже захваченным дотам и надолбам и показали хорошие результаты.

Рассказывая о боевых действиях на Карельском перешейке, я немного забежал вперед, и теперь придется сказать пару слов о создании танка КВ-2. Первый образец танка был получен путем замены башни с 76-мм пушкой на большую башню со 152-мм гаубицей. Чуть позже эта гаубица получила название «152-мм танковая гаубица обр. 1938/40 г.». Она была создана на базе качающейся части 152-мм гаубицы М-10 обр. 1938 г. Любопытно, что угол ее вертикального наведения составлял -5° ; $+12^{\circ}$, то есть фактически никакой гаубицей она не являлась, а была просто короткостволь-

152-мм танковая гаубица танка КВ-2

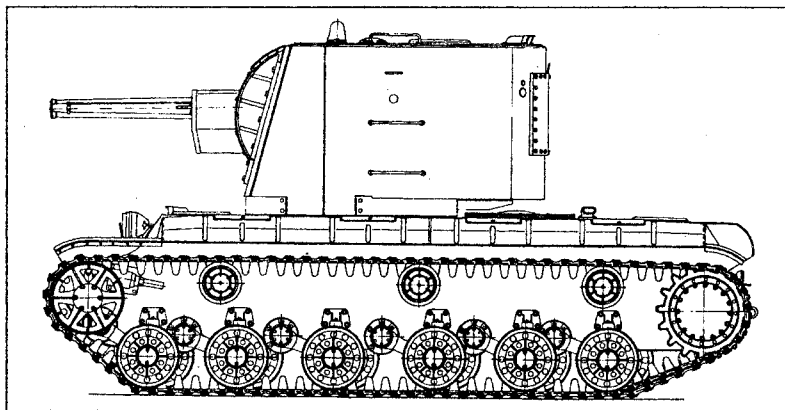
ной пушкой. С таким углом возвышения она могла считаться гаубицей лишь в XVIII веке.

В качающейся части 152-мм гаубицы М-10 на заводе № 172 произвели минимальные изменения — укоротили сектор подъемного механизма и люльки, убрали механизм переменного отката, для удобства заряжания ввели лоток, устанавливаемый на люльке. Цапфа качающейся части М-10 устанавливалась в подцапфенниках рамки, закрепленной в амбразуре башни. На ствол была одета броневая труба весом 80 кг.

Боекомплект гаубицы состоял из 36 выстрелов раздельно-гильзового заряжания. Подробнее следует остановиться на выстрелах 152-мм танковой гаубицы. Дело в том, что ряд авторов, не мудрствуя лукаво, утверждают, что КВ-2 летом — осенью 1941 г. мог стрелять только осколочно-фугасными 152-мм снарядами, а при стрельбе бетонобойными снарядами у него заклинивало башню, а то и сносило совсем. Тут дело в отсутствии желания посмотреть если не Таблицы стрельбы, то хотя бы «Энциклопедию артиллерии». На самом деле все штатные снаряды гаубицы М-10 — осколочно-фугасный, химический и бетонобойный (Г-530) — имели одинаковый вес (около 40 кг) и одинаковые размеры, и могли входить в боекомплект танка КВ-2.

А вот летом 1941 г. из-за отсутствия гаубичных бронебойных снарядов в боекомплекте буксируемой гаубицы М-10 был введен морской полубронебойный снаряд обр. 1915/28 г. с существенно большим весом — 51 кг, со специальным мощным зарядом. Так вот стрельбы такими выстрелами башня КВ могла и не выдержать.

Первые образцы башен КВ-2 имели высоту 1790 мм. В начале октября 1940 г. на Ленинградском Кировском заводе был изготовлен танк КВ-2 с «пониженной» башней. Танк КВ-2 с уменьшенной башней поступил на Артиллерийский научно-исследовательский опытный полигон (АНИОП) с Кировского завода 17 ноября 1940 г. Стрельбы из гаубицы начались 21 ноября. При этом длина отката гаубицы составила 810—860 мм. Угол вертикального наведения $-4^{\circ}36'$; $+12^{\circ}21'$. Вес качающейся части 2800 кг. Высота линии огня 2510 мм. Внутренние габариты башни составляли: длина 2400 мм, ширина 1745 мм, высота 1550 мм. Высота башни от грунта 3245 мм. Скорострельность на испытаниях составила 1 выстрел за 2—3 минуты. Кучность при стрельбе с места на дис-

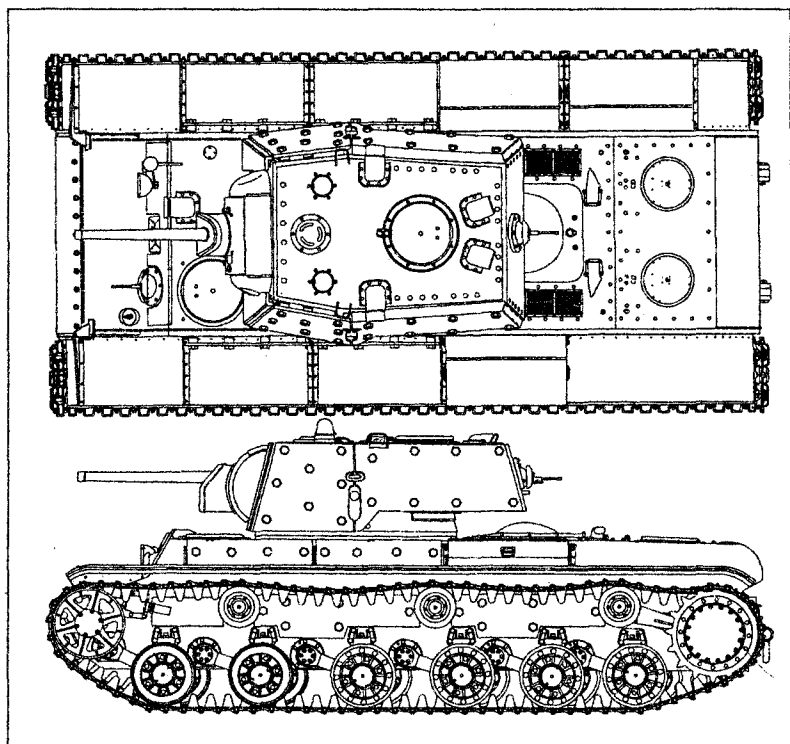
Тяжелый танк КВ-2 образца 1940 г.

танцию 1000 и 2000 метров оказалась удовлетворительной. При стрельбе обслуживание гаубицы было неудобно — заряжающие согнуты.

Глава 5 ТАНКИ-МОНСТРЫ

Как уже говорилось, первоначально танки КВ-1 выпускались с 76/30-мм пушкой Л-11. Всего было выпущено 142 таких танка. С января 1941 г. на КВ-1 стали устанавливать 76-мм пушку Ф-32. В качестве приборов стрельбы и наблюдения использовались прицелы: перископический ПТ-8 и телескопический ТОД-8. Боекомплект пушки увеличился до 114 выстрелов. Фактически это стало заменой шила на мыло, поскольку баллистика и боекомплект обеих пушек были идентичные. Вообще пушка Грабина имела несущественное преимущество перед Л-11. На подходе были 40-калиберные танковые пушки Ф-34 и Л-15, имевшие те же размеры казенных частей, что и Ф-32 и Л-11.

Казалось бы, на этом стоило и остановиться и все силы направить на доводку уже существующих образцов. Тем более что в советском танкостроении была достигнута невиданная ни до, ни после унификация — тяжелый танк КВ и средний танк Т-34 имели одинаковый двигатель и одинаковые пушки. Причем все

КВ-1 выпуска 1940 г., поздних производственных серий с экранами на корпусе и башне

танковые пушки имели одинаковый боекомплект как с новыми (Ф-22, УСВ), так и со старыми (обр. 1902 г., обр. 1902/30 г.) дивизионными пушками. Советская 76-мм танковая пушка гарантированно пробивала броню всех германских танков, состоявших на вооружении к 22 июня 1941 г.

Но вот грянул гром. Советская разведка в 1940 г. получила «достоверные сведения» о том, что де в Германии не только созданы, но и запущены в серийное производство супер-танки со сверхтолстой броней и сверхмощной пушкой. При этом назывались астрономические величины.

Обобщив все эти данные, Разведуправление Генштаба РККА 11 марта 1941 г. представило «наверх» спецсообщение № 316. О тяжелых танках вермахта там говорилось следующее:

«По сведениям, требующим дополнительной проверки, немцы начинают строить три образца тяжелых танков.

Марка танка	Вес	Вооружение	Броня
Тип V	36 тонн	1--75-мм пушка и 2 пулемета	До 60 мм
Тип VI	45 тонн	1--75-мм пушка, 1 20-мм пушка и 3 пулемета	До 70 мм
Тип VII	90 тонн	1--105-мм пушка, 1--20-мм пушка и 4 пулемета	—

Кроме того, на заводах «Рено» производится ремонт 72-тонных французских танков, участвовавших в войне на Западе.

По сведениям, поступившим в марте мес. с. г. и требующим проверки, на заводах «Шкода» и «Крупа» ставится производство 60 и 80 т танков»¹.

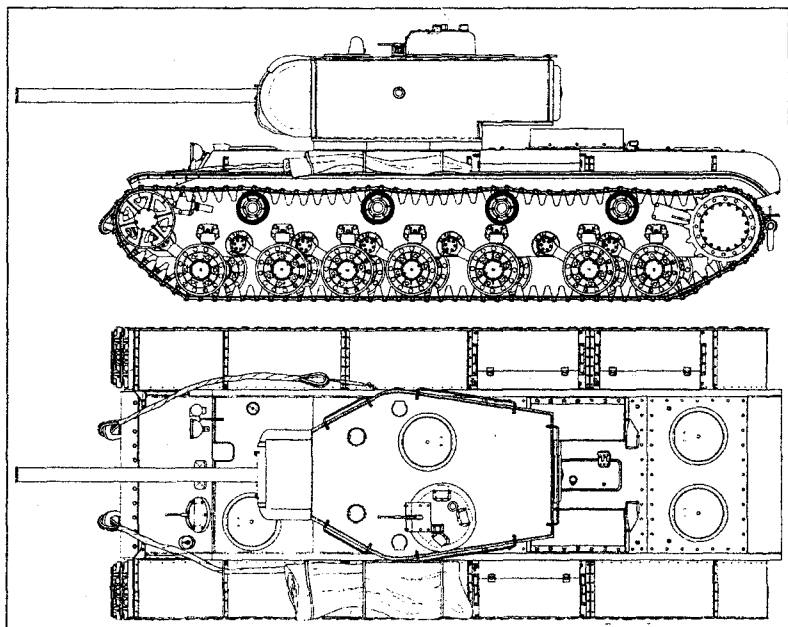
Как видим, в Генштабе сидели умные ребята — анализировать и перепроверять германскую «дезу» не стали, а лишь подстраховались: «по сведениям требуется проверка».

«А был ли мальчик?» Действительно, в Германии велись опытно-конструкторские работы по созданию тяжелых танков и даже изготовили несколько прототипов тяжелых танков VK-6501 и VK-3001 (оба фирмы «Хеншель и сын»). Но это были фактически макетные образцы шасси. Не было сделано даже опытных образцов пушек для тяжелых танков. Самыми мощными танковыми орудиями были 7,5-см пушки KwK 37L24 (чуть лучше нашей 76-мм пушки обр. 1927/32 г. и куда хуже Ф-32 и Ф-34).

Ну, кроме того, в Куммерсдорфе проводились испытания французских танков с противоснарядной броней. Вот и всё! А дальше шла великолепная дезинформация абвера. Когда и как на нее клюнули наши разведчики, мы, видимо, никогда не узнаем — в Ясенево независимым историкам вход закрыт.

Руководство клюнуло на «дезу» абвера и потребовало от Котина и К² создать отечественные супертанки. Руководство танковых заводов и КБ было заинтересовано в создании монстров, благо на ОКР шли огромные суммы. В те годы Грабин очень чутко реа-

¹ Россия. XX век. Документы. 1941 год в 2-х книгах / Под ред. А.Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. Кн. 1. С. 752.

Тяжелый танк КВ-220 (вид сбоку и сверху)

гировал на малейшие пожелания начальства, да и его неуемное честолюбие требовало быть «впереди планы всей».

Еще в 1938 г. Грабин начал работы над перспективной 85-мм танковой пушкой Ф-30. Первоначально она создавалась как полевая 85-мм пушка с круговым обстрелом. Баллистика пушки взята от 85-мм зенитной пушки обр. 1939 г. (со снарядом весом 9,2 кг и начальной скоростью 900 м/с). Угол вертикального наведения Ф-30 -5° ; $+20^{\circ}$.

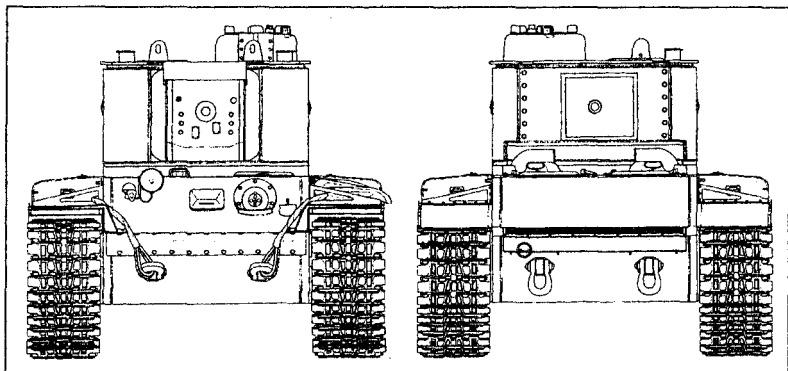
Летом 1940 г. 85-мм пушка Ф-30 прошла испытания на Гороховецком полигоне на учебном танке Т-28. 5 декабря 1940 г. Кировский завод выпустил опытный танк КВ-220 (объект 220) с 85-мм пушкой Ф-30. Вес танка возрос до 62 т, поэтому на него пришлось установить опытный дизель В-5 мощностью 700 л. с. 31 января 1941 г. начались заводские испытания КВ-220, но уже на следующий день дизель полетел, и испытания пришлось прервать. Работы над Ф-30 в целом велись вяло, так как основное внимание было уделено танковым пушкам других калибров.

В марте 1938 г. заводу № 92 Артуправление выдало задание на проектирование 95-мм танковой пушки. Работая как всегда оперативно, Грабин уже в сентябре 1938 г. выслал в ГАУ рабочий проект 95-мм танковой пушки Ф-39.

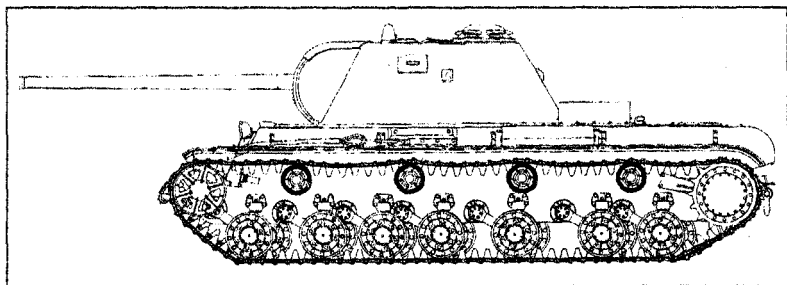
Ствол пушки состоял из трубы и кожуха. Затвор вертикальный клиновой полуавтоматический. Было два варианта: унитарное заряжание (длина патрона 936 мм, и он в Т-28 подавался наклонно) или раздельное (длина снаряда 505 мм и гильзы 497 мм). Боекомплект и баллистика должны были совпадать с 95-мм дивизионной пушкой Ф-28. И, как всегда, Грабин не ждал утверждения проекта, а заранее закончил изготовление чертежей и заказал поковки и литье.

Летом 1940 г. 95-мм танковая пушка Ф-39 успешно прошла заводские испытания в танке Т-28.

Почувствовав, что в ГАУ задул ветер в сторону 107-мм дивизионных пушек, Грабин не стал цепляться за заделы Ф-28 и Ф-39 и, фактически прекратив работы по 95-мм пушкам, перешел к проектированию 107-мм танковых пушек. Тем более что это отвечало и взглядам самого Грабина на танковые пушки. Вспомним хотя бы его крылатую фразу: «Танк — это повозка для пушки». В 1940 г. Грабин предложил проект 107-мм танковой пушки Ф-42 с баллистикой 107-мм пушки обр. 1910/30 г. В пушке Ф-42 были широко использованы детали и агрегаты от Ф-39. В марте 1941 г. 107-мм пушка Ф-42 была установлена в башне танка КВ-2 и успешно прошла заводские испытания.

Тяжелый танк КВ-200 (вид спереди и сзади). Чертеж В. Мальгинова

Тяжелый танк КВ-3 со 107-мм пушкой (проект). Чертеж В. Мальгинова

Результатом германской «дезы» стало постановление Совнаркома № 827—345 от 7 апреля 1941 г., которым предусматривалось вооружение танка КВ-3 107-мм пушкой ЗИС-6 с начальной скоростью снаряда 800 м/с. Кировскому заводу предписывалось «установить план по изготовлению в 1941 г. 500 штук танков КВ-3 со 107-мм пушками.

Завод № 92 (г. Грабин) вместе с Кировским заводом обязаны разработать чертежи установки 107-мм пушки ЗИС-6 в башне КВ-3 и к 30 мая 1941 г. предъявить в Наркомат обороны СССР для утверждения.

Завод № 92 обязан к 25 мая 1941 г. подать на Кировский завод 107-мм пушку ЗИС-6 с установочными деталями, установить в башне КВ-3 и вместе с Кировским заводом обработать бронировку системы.

Завод № 92 НКВ обязан обеспечить подачу Кировскому заводу 107-мм пушек ЗИС-6 на программу 1941 года в следующие сроки:

июль — 45
август — 80
сентябрь — 110
октябрь — 110
ноябрь — 110
и до 15 декабря — 65».

Тем же постановлением предусматривалось создание танков-монстров КВ-4 и КВ-5, вооруженных 107-мм пушкой ЗИС-6:

«О танке КВ-4.

Директору Кировского завода г. Зальцману:

1. Спроектировать и изготовить по тактико-техническим требованиям, утвержденным НКО СССР, танк КВ-4 (с удлиненной

базой), вооруженный 107-мм пушкой ЗИС-6 и основной броней 125—130 мм, предусмотрев возможность увеличения толщины брони в наиболее уязвимых местах до 140—150 мм.

2. К 2 октября 1941 г. изготовить один опытный образец, для чего:

а) изготовить и подать на Ижорский завод чертежи на корпус и башню КВ-4;

б) к 15 июня 1941 г. предъявить на утверждение в НКО СССР макет и технический проект танка КВ-4;

в) учесть, что Ижорский завод обязан к 15 августа 1941 г. изготовить и подать на Кировский завод корпус и башню КВ-4.

О танке КВ-5.

Директору Кировского завода т. Зальцману:

1. Спроектировать и изготовить к 10 ноября 1941 г. танк КВ-5. Разработку конструкции корпуса танка и штампованной башни произвести совместно с конструкторами Ижорского завода исходя из следующих основных характеристик КВ-5:

а) броня — лобовая 170 мм, борт — 150 мм, башня — 170 мм;

б) вооружение — 107-мм пушка ЗИС-6;

в) двигатель — дизель мощностью 1200 л. с.;

г) ширина не более 4200 мм.

Предусмотреть при конструировании возможность транспортировки по железной дороге при всех условиях движения.

2. К 15 июля 1941 г. изготовить и подать на Ижорский завод чертежи на корпус и башню КВ-5.

3. К 1 августа 1941 г. предъявить на утверждение в НКО СССР и ГАБТУ КА макет и технически проект КВ-5.

4. Учесть, что Ижорский завод обязан изготовить и подать на Кировский завод к 1 октября 1941 г. корпус и башню КВ-5.

Артиллерийское вооружение танков КВ-3, КВ-4, КВ-5.

1. Директору завода № 92 т. Елян и главному конструктору т. Грабину поручено разработать 107-мм танковую пушку с начальной скоростью снаряда 800 м/с под унитарный патрон с бронебойным снарядом весом 18,8 кг и по разработанному проекту изготовить, испытать и сдать к 1 июня 1941 г. опытный образец этой пушки для испытания в танке КВ-2».

Но вернемся к 107-мм танковой пушке ЗИС-6. Грабин довольно колоритно описывает диспут у А.А. Жданова: «Ожесточенным сопротивлением было встречено и мое предложе-

ние о мощности нового орудия. В то время в производстве шла 107-миллиметровая полевая пушка М-60. Мощность ее была 450 тонно-метров. Выгодно было использовать для нашей новой танковой пушки выстрел (снаряд, гильзу и заряд) от М-60, но мощность я считал необходимым довести как минимум до 550 тонно-метров. Следовательно, длина ствола увеличится по сравнению с М-60. Тут оказалось, что я наступил сразу на две «больные мозоли» моих оппонентов: мало того, что мощность показалась им чрезмерной, но всплыли и старые опасения, как бы танк с длинной пушкой не зачерпнул земли и затем при выстреле не разорвало бы ствол.

И этот вопрос пришлось решать у Жданова.

Закончился первый день работы. Наступил второй. Он был для меня не легче. Кое-как, со спорами и без взаимного понимания, согласовали почти все вопросы, кроме главного — о сроках. Котин непременно хотел, чтобы точный срок подачи нового тяжелого танка не был указан, а определился бы готовностью пушки: как только пушка будет готова, к этому моменту он подаст и танк. Я же настаивал на том, чтобы нам и танкистам был определен срок каждому свой, в отдельности.

Снова пошли к Жданову, проинформировали его о наших разногласиях. Жданов обратился к Котину:

— Когда будет танк?

— Как только Грабин даст пушку, танк будет готов, — ответил Котин.

Жданов спросил у меня:

— Товарищ Грабин, когда вы сможете дать пушку?

— Через сорок пять дней, — ответил я.

Раздался дружный хохот. До слез смеялись и мои коллеги, и Жданов. Только мне было не до смеха в весьма жизнерадостной атмосфере кабинета секретаря ЦК.

Когда наконец смех утих, Жданов сказал:

— Товарищ Грабин, мы собрались здесь, чтобы серьезно решать вопрос, а вы шутите.

— Нет, не шучу, — возразил я. — Срок, который я назвал, обоснован и вполне серьезен.

— Вы продолжаете шутить, — заметил Жданов. — Пойдите и посоветуйтесь еще раз.

Справедливость требует отметить, что сцена эта продолжалась гораздо дольше, чем в моем пересказе. За три эти слова: “Сорок пять дней” — я выслушал много шуток в свой адрес.

Пошла наша “пятерка” советоваться. Танкисты уже без смеха советовали мне увеличить названный срок в несколько раз. Я стоял на своем. Ясно стало, что соглашения нам не достигнуть. С тем и пришли к Жданову. Первые его слова были:

— Ну как, товарищ Грабин, продумали срок?

— Да.

— Наверное, не сорок пять дней?

— Сорок пять дней, товарищ Жданов.

— И все-таки вы несерьезны. Я думаю, что срок следует значительно увеличить.

Я не выдержал.

— Товарищ Жданов, почему короткий срок вызывает гомерический хохот и считается несерьезным, в то время как длинный срок находит поддержку и одобрение?

— Мы не знаем ни одного случая, чтобы новую танковую пушку создавали не только за сорок пять, но и за девяносто дней, — сказал Жданов.

— Согласен, такого не было. Теперь будет. Прошу вас, товарищ Жданов, в проект решения записать: “Срок изготовления опытного образца танка и пушки установить сорок пять дней с момента подписания решения”.

По моему предложению в проект решения были внесены именно 45 дней — срок действительно небывалый для конструкторов-артиллеристов и, как я не без оснований подозревал, не слишком-то реальный для конструкторов тяжелого танка. Проект решения был подготовлен. В тот же день я выехал на завод, не дожидаясь подписания решения. На прощание Жданов сказал:

— Если не сумеете уложиться в сорок пять дней, позвоните мне. Я доложу Сталину, и срок удлиним.

Я поблагодарил Жданова...

Итак, мы получили дело, в котором могли полностью проверить свое умение и готовность работать так, как потребуется во время войны»¹.

¹ Грабин В.Г. Оружие Победы. М.: Издательство политической литературы, 1989. С. 478—480.

Грабин немедленно приступил к работе. Составленный им график работ над 107-мм пушкой ЗИС-6 предусматривал:

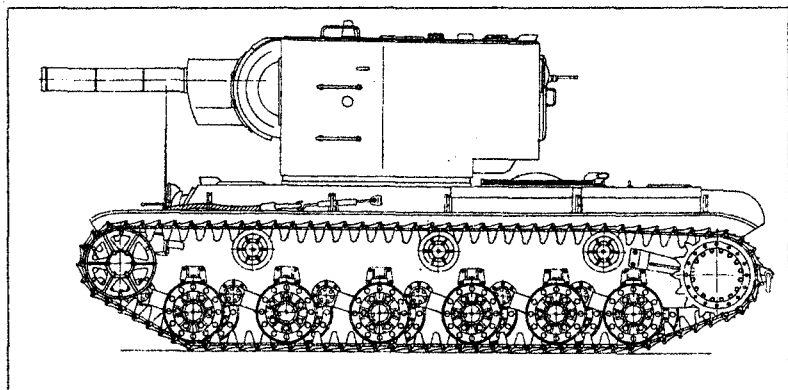
- а) начало работ — 7 апреля 1941 г.;
- б) проектирование пушки — 21 день;
- в) разработка рабочих чертежей — 21 день;
- г) изготовление опытного образца — 24 дня;
- д) разработка технологии — 20 дней;
- е) разработка приспособления — 35 дней;
- ж) разработка инструмента — 36 дней;

з) начало освоения технологического процесса в цехах валового производства 19 мая 1941 г., то есть через 42 дня от начала проектирования.

Приступая к проектированию 107-мм танковой пушки, КБ использовало типовую схему танковой пушки, которая была тщательно отработана на 76-мм танковой пушке Ф-34. Но так как калибры пушек различные, то при проектировании 107-мм танковой пушки с использованием схемы 76-мм танковой пушки применили принцип проектирования по подобию. Вес тела пушки достигал 1459 кг, а люлька — еще 356 кг. Это позволило КБ быстро разработать всю техническую документацию на конструкцию пушки, технологический процесс, оснастку и т.д. и запустить в производство. В этом случае вся техническая документация идущей в производстве пушки Ф-34 служила «типовой».

Для ЗИС-6 в качестве типовой схемы как по пушке в целом, так и по агрегату Грабин принял конструктивную схему 107-мм танковой пушки Ф-42. Калибр Ф-42 и ЗИС-6 был одинаковым, что позволило унифицировать многие детали и механизмы, кроме тех, которые должны были измениться в связи со значительным увеличением мощности ЗИС-6. Использование гильзы и снаряда от находящейся в производстве 107-мм полевой пушки М-60 определило вес снаряда — 16,6 кг. При начальной скорости снаряда не менее 800 м/с мощность ЗИС-6 достигала 530 тоннаметров — в 4,4 раза больше, чем у пушки Ф-32.

Грабин писал: «Так как снаряд и гильза с зарядом, выбранные для ЗИС-6, длиннее и тяжелее, чем у Ф-42, процесс заряжания новой пушки усложняется и может привести к снижению скорости стрельбы. Это недопустимо. Заряжающему необходимо оказать помощь, но как? Для полевой пушки можно добавить лишнего человека артиллерийской прислуге — подносчика патронов. Для

Тяжелый танк КВ-2 образца 1941 г.

танковой пушки это исключено. Значит, нужно механизировать процесс заряжания. На выбор было два решения. Можно было заставить механизм подавать заряжающему патрон, с тем чтобы тот дослал его в камору ствола. Затвор при этом должен автоматически закрываться. Но такое решение конструктивно будет очень сложным. Можно по-другому: заряжающий достает из гнезда боеукладки патрон, кладет его на лоток, а дальше в действие включается механизм — патрон досылается в ствол, затвор автоматически закрывается. Это устройство гораздо проще, и для приведения его в действие вполне возможно использовать энергию отдачи.

Поскольку механический досылатель — агрегат новый, ни разу нами не применявшийся, необходимо было подстраховаться...

Кроме «механического заряжающего», все остальные агрегаты Ф-42 могли быть использованы в ЗИС-6 как типовые либо же вообще без изменений — они унифицировались»¹.

В конце апреля 1941 г. прошли испытания 107-мм баллистического ствола пушки ЗИС-6. Мощность пушки была велика, и в качестве полигонного лафета пришлось использовать лафет от 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20. В начале мая 1941 г. опытный образец пушки ЗИС-6 был поставлен в башню танка КВ-2. 14 мая 1941 г. был сделан первый выстрел из ЗИС-6. До середины июня 1941 г. этот танк проходил заводские испытания, а затем был отправлен на АНИОП для прохождения полигонных испытаний.

¹ *Грабин В.Г. Оружие Победы... С. 490—491.*

19 мая 1941 г. Грабин вновь был в кабинете секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова.

«Когда обсуждение вопроса, по которому требовалась моя консультация, было закончено, Жданов спросил:

— Что со 107-миллиметровой танковой пушкой?

— Пушка в металле, заводские испытания подходят к концу, результаты хорошие.

— Неужели за 45 дней создали?

— Опытный образец был готов 14 мая. Затратили всего 38 дней.

По настоянию Жданова я подробно рассказал обо всех этапах создания пушки и о предварительных итогах работы. Рассказ занял довольно много времени. Когда я закончил, Жданов снял телефонную трубку, набрал номер:

— Иосиф Виссарионович, у меня Грабин. Он сообщил, что новая танковая пушка уже готова, ему не потребовалось увеличивать срок. Пушка снабжена специальным механизмом для зарядания, это увеличивает ее скорострельность. Он не только сделал опытный образец, но завод уже начал освоение пушки в валовом производстве...— Жданов прервался. Снова заговорил: — Да, я ему уже об этом сказал... Прекрасно... Хорошо, я ему передам. — Жданов положил трубку и обратился ко мне: — Товарищ Сталин просил поздравить вас и ваш коллектив с большим успехом и поблагодарить»¹.

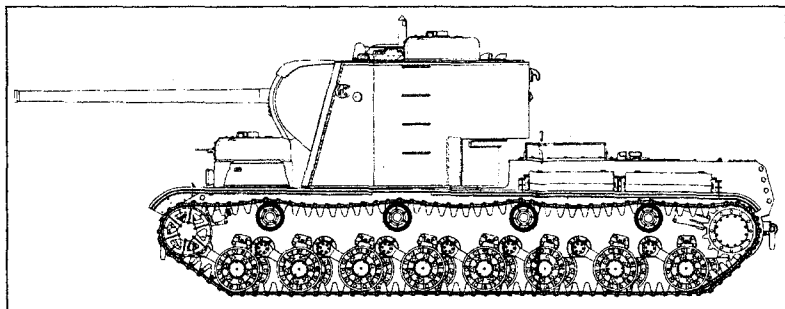
Далее Грабин писал: «Производство ЗИС-6 расширилось, а между тем танка, для которого ее предназначали, все не было. Кировский завод и к началу войны не поставил нового танка. Не берусь судить о причинах, по которым танкостроители не выполнили постановления ЦК и СНК.

Отсутствие танка заставило нас вначале приостановить выпуск ЗИС-6, а затем и вовсе снять пушку с производства.

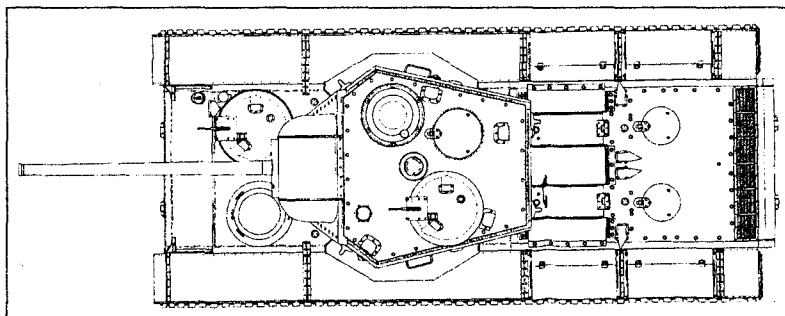
Даже сегодня писать об этом горько и больно: в те дни, когда на фронт забирали орудия из музеев, все, что могло стрелять, около 800 современных мощных танковых пушек были отправлены на переплавку в мартен. Такова была цена “ведомственных неувязок”.

Нам оставалось утешаться лишь тем, что работа над ЗИС-6 наложила отпечаток на всю дальнейшую деятельность ОГК и все-

¹ Грабин В.Г. Оружие Победы... С. 497.

Сверхтяжелый танк КВ-5. Вид сбоку

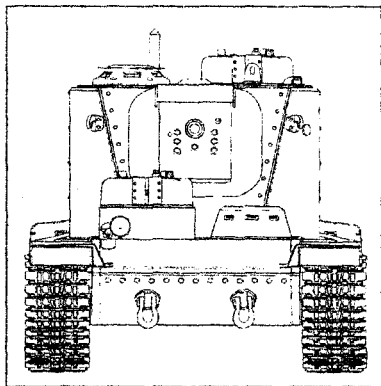
Сверхтяжелый танк КВ-5. Вид сверху

го завода: она дала возможность подняться на следующую ступень, перейти к широкому практическому применению наших методов»¹.

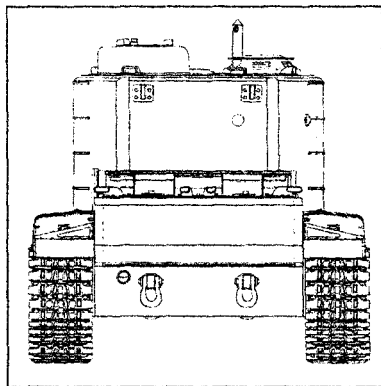
С последним выводом можно только согласиться. Но вот по данным историка М.Н. Свирина, по откорректированным по результатам заводских и полигонных испытаний чертежам в июле—августе 1941 г. было изготовлено пять серийных образцов ЗИС-6, после чего ее производство было прекращено. Грабин же, возможно, имел в виду число орудий, находившихся в работе к моменту ее окончания.

Что же касается тяжелых танков Котина, то Грабин в своей резкой оценке не совсем прав. Элементы конструкции КВ-3, включая двигатель, были испытаны на опытном танке КВ-220. Что же касается непосредственно КВ-3, то к 22 июня 1941 г. было

¹ Грабин В.Г. Оружие Победы... С. 498.

*Сверхтяжелый танк КВ-5.
Вид спереди*

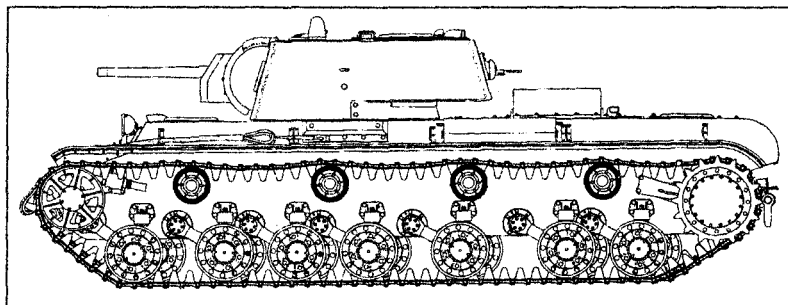

*Сверхтяжелый танк КВ-5. Вид
сзади. Чертеж В. Мальгинова*

изготовлено шасси с двигателем, но из-за проблем, возникших с изготовлением штампованной башни, работа затянулась.

Для танка КВ-5 был изготовлен технический проект, и началось изготовление ряда узлов и агрегатов. Однако в связи с приближением немцев к Ленинграду работы над КВ-5 были прекращены в первой половине августа 1941 г.

В сентябре — начале октября опытные машины КВ-220 и КВ-3 были кое-как доделаны и приведены в боевое состояние, причем на обоих танках установили башни от серийного танка КВ-1 с 76-мм пушкой Ф-32. Это было вызвано тем, что для КВ-3 башню вообще не сделали, а на КВ-220 85-мм пушка вышла из строя еще летом.

Тяжелый танк КВ-3 с башней от КВ-1. Чертеж В. Мальгинова

Танк КВ-220 военные приняли под индексом КВ-220—1, а КВ-3 — под индексом КВ-220—2. Оба танка были переданы в 124-ю танковую бригаду: КВ-220—1—5 октября, а КВ-220—2 — 16 октября. Один из них в декабре 1941 г. был в упор расстрелян германскими тяжелыми орудиями у железнодорожного моста через реку Тосна. Судьба второго неизвестна.

В сентябре — ноябре 1941 г. Грабин вернулся к пушке ЗИС-6. На ее базе была спроектирована строенная танковая установка ЗИС-6А. В нее входили 107-мм пушка ЗИС-6, 45-мм пушка 20К и 7,62-мм пулемет ДТ. Система 20К предназначалась для пристрелки и для поражения слабо защищенных целей, чтобы экономить 107-мм снаряды. Опытный образец установки ЗИС-6А был изготовлен весной 1942 г., но его не на что было ставить, и работы пришлось прекратить.

Таблица 1

Данные советских танковых орудий 1920—1945 гг.

Танковые пушки	КТ обр. 1927/32	Л-10	Ф-32	Ф-34	Ф-39
Калибр, мм	76	76	76	76	95
Длина ствола, клб	16,5	23,7	31,5	41,5	39
Угол ВН, град.	—5; +25	—3; +25	—7; +25	—5; +26	—5; +35
Вес качающейся части, кг	540	641	770	1155	—
Скорострельность, выстр/ мин	5	12	8	8	—
Вес бронебойного снаряда, кг	6,5	6,5	6,5	6,5	13,3
Начальная скорость бронебойного снаряда, м/с	370	558	612	655	630
Бронепробиваемость по нормали на дистанции: 500 м, мм	31	50	60	70	—
1000 м, мм	28	61	52	60	—
То же для подкалиберного* снаряда на дистанции 500 м, мм	—	—	—	90*	—

* Подкалиберный снаряд принят на вооружение в октябре 1943 г.

Глава 6

ЯВЛЕНИЕ ЗНАМЕНИТОЙ «ТРИДЦАТЬЧЕТВЕРКИ»

О танках Т-34 написано очень много, и здесь я остановлюсь лишь на узловых моментах. Т-34 стал логическим продолжением линии легких колесно-гусеничных танков серии БТ по линии увеличения их броневой защиты и мощности вооружения.

Летом 1938 г. дизель В-2 был установлен, и опытному танку БТ-7 был присвоен заводской индекс А-8 (буква «А» обозначала, что машина опытная). 5 сентября 1939 г. дизель В-2 был рекомендован для производства и установки в серийный танк БТ-7М (А-8). Новый средний танк с дизельным двигателем разрабатывался в двух вариантах — колесно-гусеничном А-20 и чисто гусеничном А-32.

27 февраля 1939 г. на заседании Комитета обороны состоялось обсуждение чертежей и макетов танков А-20 и А-32. В ходе обсуждения представленных главным конструктором завода № 183 М.М. Кошкиным проектов, большинство присутствовавших военачальников, включая и заместителя наркома обороны Кулика, отдали предпочтение проекту танка А-20, обладавшего большей подвижностью на дорогах. Однако конструктор М.И. Кошкин высказал свои сомнения в отношении требований заказчика изготовить в металле лишь один колесно-гусеничный танк и предложил изготовить и представить на государственные испытания две спроектированные заводом № 183 машины — А-20 и А-32. Менее чем за три месяца, уже к 26 мая 1939 г., опытный образец танка А-20 без установки пушечного вооружения был собран, обкатан на стенде и испытан на колесном ходу на территории завода пробным пробегом протяженностью 1 км.

В первых числах июня при заводских испытаниях максимальная скорость машины на колесном ходу достигала 85 км/ч. Общий пробег танка во время заводских испытаний, продолжавшихся до 15 июля 1939 г., составил свыше 800 км. Заводские испытания опытного гусеничного танка А-32 начались в середине июня 1939 г. и продолжались до 16 июля. Во время испытаний танк неоднократно развивал максимальную скорость до 70 км/ч и прошел в общей сложности свыше 350 км.

Высокие скоростные качества машины позволили представителям военной приемки завода № 183 выдвинуть предложение

о возможном усилении ее броневой защиты за счет увеличения толщины брони на 10 мм. Боевой вес танка при этом возрастал до 19,6 т. Во время заводских испытаний на опытных танках был выявлен ряд недостатков, основными из которых являлись: ненадежное крепление направляющего колеса (ленивца), ненадежная работа системы смазки двигателя, бортовых фрикционов и тормозов, недостаточная обзорность из танка. Кроме того, по танку А-20 была отмечена необходимость усиления подшипников редукторов колесного хода. После устранения указанных дефектов танки были переданы на полигонные испытания.

Танки А-20 и А-32 прошли полигонные испытания с 18 июля по 23 августа 1939 г. Согласно отчету об испытаниях: «Танк А-20, колесно-гусеничный с шестью ведущими колесами, изготовлен согласно тактико-технических требований от 13 мая 1939 года за № 284797 за исключением следующих пунктов:

1. Не предусмотрена огнеметная установка.
2. Увеличен общий вес танка на 1,5 тонны.
3. Недоработано приспособление по подводному хождению.

За время испытаний танк А-20 прошел 4200 км при средней скорости чистого движения на гусеницах: а) по шоссе 44,4 км/час; б) по грунту 31,7 км/час.

Танк А-20 имеет возможность совершать движение на одной гусенице, при включенном колесном ходе, по сухим грунтовым дорогам, местности и преодолевать препятствия.

Танк может совершать движение на колесах в колонне по шоссе (в любое время года) и сухим грунтовым дорогам.

Максимальную скорость на гусеницах танк может развивать до 75 км/час.

За время испытаний танк показал вполне удовлетворительную надежность в работе.

Танк А-32 — гусеничный, изготовлен по тем же тактико-техническим требованиям и вооружен 76-мм пушкой.

За время испытаний танк прошел 3000 км и показал вполне надежную работу.

В сравнении с серийными танками БТ, танки А-20 и А-32 имеют следующие преимущества:

Установлена более мощная броня, которая состоит в большинстве из наклонных листов, обеспечивающих защиту от пуль ДК (12,7 мм).

Танки имеют большую полезную площадь внутри боевого отделения и она лучше использована.

Как огневая платформа танки более устойчивы и имеют дополнительный пулемет в носовой части танка.

Проходимость танков А-20 и А-32 лучше, чем у танков БТ..

Выводы:

Танк А-20 пригоден для эксплуатации в РККА. Необходимо по результатам испытаний провести доработку чертежей.

Танк А-32 для эксплуатации в РККА пригоден. Имеющийся запас по увеличению веса использовать для увеличения толщины брони до 45 мм и ей равнопрочной. С этой броней изготавливаются два образца, которые и предъявляются на войсковые испытания»¹.

19 декабря 1939 г. состоялось заседание Комитета обороны, на котором было принято постановление № 443 «О принятии на вооружение РККА танков, бронемашин, артиллерийских тягачей и о производстве их в 1940 г.». В этом постановлении также отмечалось:

«КОМИТЕТ ОБОРОНЫ при СНК Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Принять на вооружение РККА:

а) увеличить толщину основных бронелистов до 45 мм;

б) улучшить обзорность из танка;

в) установить на танк Т-32 следующее вооружение:

1) пушку Ф-32 калибра 76-мм, спаренного с пулеметом калибра 7,62 мм;

2) отдельный пулемет у радиста — калибра 7,62 мм;

3) отдельный пулемет калибра 7,62 мм;

4) зенитный пулемет калибра 7,62 мм.

Присвоить указанному танку Т-34».

В июле 1940 г. начался серийный выпуск Т-34, и к началу Великой Отечественной войны промышленность поставила армии 1225 таких танков.

Первые танки Т-34 изготавливались с 76-мм пушкой Л-11, а начиная с 1941 г. — с пушкой Ф-32, со второй половины 1941 г. — с пушкой Ф-34.

¹ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940—1942 гг. / Под ред. В.А. Полонского. М.: ГАБТУ, 2005. Кн. 1. С. 625—626.

Согласно докладу начальника ГБТУ генерал-лейтенанта Федоренко, сделанному за две недели перед войной: «Обеспеченность Красной армии автобронетанковым вооружением на 1.06.1941 г. следующая:

Положено по штатам военного времени — 37 886.

Положено по штатам мирного времени — 34 950.

На 1.06.41 г. состоит в наличии: танков КВ — 545, Т-34—969, БТ-2,5,7—7550 (из них 594 БТ-2), Т-26 —10 057 (из них двухбашенных 1261, самоходных артустановок СУ-5—28 и 1137 огнеметных танков), Т-40—147, Т-37, Т-38—3460, Т-35—59, Т-28—481; всего 23 268 танков.

В 1940—1941 гг. на вооружение Красной армии приняты новые типы танков КВ, Т-34, Т-50 и Т-40.

Прочие типы танков, состоящие на вооружении Красной армии, а именно: Т-35, Т-28, БТ, Т-37, Т-38, в настоящее время с производства сняты»¹.

С 1 июня 1941 г. до 1 января 1941 г. ожидалось поступление от промышленности 898 тяжелых танков КВ, 1946 танков Т-34, 550 танков Т-50 и 527 танков Т-40.

«Учитывая необходимость перевооружения и дальнейший рост танковых войск, производственное задание промышленности по выпуску танков следует установить:

Наименование машин	На 1942 г.	На 1943 г.
Танки КВ	4500	7500
Танки Т-34	8000	15 000
Танки Т-50	4000	10 000
Танки Т-40	2000	4000
Итого:	18 500	36 500

При этом условии танковые корпуса к концу 1943 года будут полностью перевооружены и укомплектованы новой материальной частью»².

Забегая вперед, скажу, что танков Т-34 фактически было выпущено: за 1940 г. — 110 штук; за 1941 г. — 2996 штук; за 1942 г. —

¹ Главное автобронетанковое управление... Кн. 2. С. 49.

² Главное автобронетанковое управление... С. 49—50.

1252 штук; за 1943 г. — 15 821 штук; за 1944 г. — 14 648 штук; за 1945 г. — 12 551 штук; за 1946 г. — 2707 штук.

Данные танка Т-34 приведены в Приложении.

Бесспорно, что по ряду параметров Т-34 был лучшим танком в мире. Но, с другой стороны, нет никаких оснований хаять предвоенную германскую бронетехнику. Следует учитывать, что немцы шли несколько иным путем.

Чтобы не быть голословным, следует сказать об испытаниях в СССР весной 1940 г. трофейного танка Т-III (германское название PzKpfw III, но для удобства читателя я буду называть германские танки Т-I, Т-II, Т-III и т.д.).

У читателя возник уже вопрос: а не опечатка ли «1940 г.»? Может, 1942-й? Нет, все верно. В ходе похода Красной армии осенью 1939 г. для освобождения Западных Белоруссии и Украины от польской оккупации произошло несколько боестолкновений с германской армией, наступавшей на Польшу с запада. В ходе них было захвачено два танка — Т-II и Т-IIIФ.

Еще в Польше по Т-III с дистанции 400 м из нашей 45-мм пушки было произведено два выстрела, не пробивших бортовой брони толщиной 32 мм. Штатный бронебойный снаряд БР-240 оставил в борту две выбоины округлой формы глубиной 18 мм и 22 мм, но тыльная часть листа повреждений не имела, только на поверхности образовались выпучины высотой 4—6 мм, которые покрылись сеткой мелких трещин.

Этот факт вызвал сильное раздражение у наших военных — ведь 45-мм пушка была в 1939 г. основной противотанковой пушкой и танковой пушкой в Красной армии.

Посему на танковом полигоне в Кубинке был проведен новый обстрел Т-III из 45-мм пушки. При стрельбе с той же дистанции (400 м) при угле встречи от нормали от 0° до 30° лишь два из пяти снарядов пробили 32-мм броню танка.

Согласно отчету, «обстрел из 45-мм пушки бронебойным снарядом брони немецкого среднего танка дает нам крайний случай пробития, т.к. указанная немецкая цементированная броня толщиной 32 мм равнопрочна 42—44-мм гомогенной броне типа ИЗ. Таким образом, случаи обстрела борта танка под углом большим, чем 30 градусов, приводят к рикошету снарядов, тем более что поверхностная твердость немецкой брони чрезвычайно высока...

В данном же случае дело усугублено тем, что при стрельбе использовались снаряды выпуска 1938 г. с некачественной термообработкой корпуса, которая в целях увеличения выхода велась по сокращенной программе... что привело к повышению хрупкости корпуса снаряда и его раскалыванию при преодолении толстой брони высокой твердости»¹.

Еще одной особенностью германского танка была его трансмиссия и особенно коробка перемены передач. По расчетам выходило, что танк должен обладать большой подвижностью. Мощность двигателя в 320 л. с. позволяла 19,8-тонной машине развивать скорость по шоссе до 65 км/ч, а правильный выбор передач позволял хорошо реализовать обороты двигателя на любых дорогах. Испытатели провели совместный пробег танка Т-III с нашими машинами — Т-34 и БТ-7, который подтвердил преимущества немецкого танка на ходу. На мерном километре гравийного шоссе на перегоне Кубинка — Репище — Крутицы максимальная скорость «немца» достигла 69,7 км/ч, в то время как Т-34 смог развить лишь 48,2 км/ч, а БТ-7 — 68,1 км/ч. При этом Т-III обладал лучшей плавностью хода, а также отличался удобными местами всех членов экипажа.

Осенью 1940 г. начальник Кубанского полигона отправил председателю Комитета обороны К.Е. Ворошилову письмо: «Изучение последних образцов иностранного танкостроения показывает, что наиболее удачным среди них является немецкий средний танк «Даймлер-Бенц-Т-3Г»... Он обладает наиболее удачным сочетанием подвижности и броневой защиты при небольшой боевой массе — около 20 т... Это говорит, что указанный танк при сравнимой с Т-34 броневой защите, с более просторным боевым отделением, прекрасной подвижностью, несомненно, более дешевый, чем Т-34, и потому может выпускаться большой серией.

Согласно особому мнению тт. Гинзбург, Гаврута и Троянова, главным недостатком указанного типа танка является его вооружение из 37-мм пушки. Но согласно сент. с. г. разведобзора, эти танки уже модернизируются путем усиления брони до 45—52 мм и вооружения 47-мм или даже 55-мм пушкой»².

¹ Цит. по: *Свирин М.Н.* Броневой щит Сталина. История советского танка. 1937—1943. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 179—180.

² Цит. по: *Свирин М.Н.* Указ соч. С. 181—182.

Итак, даже Т-III с 37-мм пушкой был серьезным соперником Т-34. Соперником, я имею в виду, не в индивидуальном поединке, ведь танки — не рыцари, а в наступательном бою совместно с другими родами войск. А тем временем в Германии пошли в серию новые модификации Т-III и Т-IV, а также различные самоходные противотанковые орудия.

Глава 7

НАКАНУНЕ

Тяжелые танки КВ и средние Т-34 были созданы для танковых дивизий, входивших в механизированные корпуса. Весной 1941 г. были введены новые изменения в штаты мехкорпусов. Теперь танковая дивизия должна была иметь 75 танков, в т.ч. 63 танка КВ. Чтобы разобраться в боевом применении танков КВ и Т-34 летом 1941 года, необходимо представить историю создания и структуру советских механизированных корпусов¹.

Первое постоянное соединение мотомеханизированных войск — опытная механизированная бригада им. К.Б. Калиновского была сформирована в мае 1930 г. Осенью 1932 г. на базе стрелковых дивизий формируются два первых механизированных корпуса: 11-й и 45-й (соответственно из 11-й стрелковой дивизии Ленинградского ВО и 45-й стрелковой дивизии Киевского особого ВО). В 1934 г. сформированы еще два механизированных корпуса: 7-й в Ленинградском ВО и 5-й в Московском ВО.

Механизированный корпус состоял из двух бригад трехбатальонного состава. Также формировались отдельные механизированные бригады. Кроме этого существовали механизированные полки кавалерийских дивизий и танковые батальоны стрелковых дивизий.

Мехкорпуса существующей организации оказались громоздкими и трудноуправляемыми. Поэтому в феврале 1935 г. механизированные корпуса перешли на новую организацию: большинство корпусных частей обеспечения и обслуживания было упразднено, в управлении остались только связь и разведка. Ме-

¹ В рассказе об истории мехкорпусов использованы материалы сайта mechcorps.rkka.ru

ханизированные бригады вооружались только танками одного типа, преимущественно БТ.

Из-за различных взглядов руководящего состава Наркомата обороны на роль механизированных корпусов в предстоящей войне, после 1935 г. и до расформирования мехкорпусов в 1939 г. новых формирований корпусов не производилось. В августе 1938 г. механизированные корпуса, бригады, полки были преобразованы в танковые без существенных изменений организационно-штатной структуры. Бригады, имевшие на вооружении танки БТ и Т-26, именовались легкотанковыми, а Т-28 и Т-35 — тяжелыми танковыми.

Исходя из опыта операций в Польше в сентябре 1939 г., где «действия танковых корпусов показали трудность управления и громоздкость ее», а «отдельные танковые бригады действовали лучше и мобильнее», было решено расформировать управления четырех танковых корпусов, сократить тылы в танковых бригадах и упразднить стрелково-пулеметные бригады и стрелково-пулеметные батальоны танковых бригад. Предусматривалось формирование 16 танковых бригад, имеющих на вооружении 238 танков БТ, 16 бригад по 238 танков Т-26, 3 бригады по 117 танков Т-28 и 38 танков БТ и одну бригаду в составе 32 танков Т-35 и 85 танков Т-28. Кроме того, создавалось 10 легкотанковых полков и 4 мотоциклетных батальона. В военное время предусматривалось иметь 17 танковых бригад БТ, 25 — Т-26, три — Т-28 и одну — Т-35, в которых насчитывалось бы по штату 11 085 танков. В мирное время штатная численность танковых войск устанавливалась в 105 086 человек и 8201 танк.

Решением ГВС от 21 ноября 1939 г. предусматривалось создание моторизованных дивизий, имевших по штату 275 танков и 49 бронемашин. В 1940 г. и в первой половине 1941 г. планировалось создание 15 таких дивизий.

В мае 1940 г. в Наркомате обороны прорабатывался вопрос об организации танковых дивизий. 27 мая нарком обороны и начальник Генштаба представили в Политбюро и Совнарком докладную записку, согласно которой предлагалось иметь в составе танковой дивизии два танковых полка, один артиллерийский полк, один мотострелковый полк и один зенитный артдивизион. По штату в дивизии должно было быть 11 343 человека, 386 танков, 108 бронемашин, 42 орудия и 72 миномета. В состав танкового корпуса

предлагалось включить две танковые и одну моторизованную дивизии, авиаэскадрилью в 12 самолетов, дорожный батальон, батальон связи и мотоциклетный полк, который в «руках командира корпуса явится средством преследования при наступлении, обеспечения при действии корпуса на широком фронте и поддержкой дивизий, входящих в состав корпуса», а «для обеспечения наступательных действий танкового корпуса или при отражении контратак противника... придавать танковому корпусу не менее 1 авиабригады в составе 2 бомбардировочных и 1 истребительно-го авиаполков».

Следовало сформировать 6 управлений танковых корпусов и 12 танковых дивизий, обратив на их формирование управления двух кавалерийских и четырех стрелковых корпусов, четыре танковые бригады БТ, три танковые бригады Т-28, одну танковую бригаду Т-35, три мотоциклетных батальона, пять кавалерийских дивизий и одну стрелково-пулеметную бригаду. Две моторизованные дивизии сформировать не за счет сокращения кавалерии, а за счет переформирования двух стрелковых дивизий (по одной в Белорусском и Киевском Особых ВО). Предлагалось дислоцировать одну танковую дивизию в Ленинградском ВО, два танковых корпуса в Белорусском Особом ВО (одна моторизованная дивизия в Московском ВО), два танковых корпуса в Киевском Особом ВО, по одному танковому корпусу в Одесском ВО и Забайкальском ВО. Всего в танковых войсках следовало иметь 1260 тяжелых танков, 8711 танков БТ, 7238 танков Т-26 и 1140 огнеметных танков; тогда как на 1 апреля 1940 г. имелось 468 тяжелых танков, 7300 танков БТ, 7985 танков Т-26, 1027 огнеметных танков и 3223 танков Т-38.

Однако эти предложения не были утверждены, и 2 июня 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба представили в Политбюро и Совнарком переработанный план создания танковых корпусов. Были предложены некоторые изменения в организационную структуру корпусов и дивизий, что позволяло уложиться в установленную правительством штатную численность Красной армии в 3 410 000 человек. Следовало сформировать 8 танковых корпусов, 18 танковых и 8 моторизованных дивизий, 4 из которых уже имелись. На их формирование обращались управления двух кавалерийских и пяти стрелковых корпусов, шести стрелковых, пяти кавалерийских дивизий и

одиннадцати танковых бригад. В результате проведения этих мероприятий Красная армия имела бы 177 дивизий (18 танковых, 8 моторизованных, 3 мотострелковые, 92 стрелковые и 10 горнострелковых) и 25 танковых бригад. Всего по этому плану танковые войска без учета мобилизационного запаса и танков Т-37 и Т-38 будут иметь 22 398 танков, из которых на 1 мая 1940 г. имелось 16 851.

Предлагалась следующая дислокация танковых корпусов: по одному танковому корпусу в Ленинградском, Московском, Одесском и Забайкальском военных округах, по два танковых корпуса в Белорусском и Киевском Особых военных округах и по одной танковой дивизии в Закавказском и Среднеазиатском ВО.

На формирование танковых корпусов было предложено обратить следующие части: в Ленинградском ВО — 6-я, 18-я, 20-я и 34-я танковые бригады, 163-я стрелковая дивизия, 15-я стрелково-пулеметная бригада, 25-я кавдивизия и танковые батальоны стрелковых дивизий.

В Белорусском Особом ВО — управление 3-го кавалерийского и 10-го стрелкового корпусов, 2-я и 21-я танковые бригады, 29-я и 185-я стрелковые дивизии, мотоциклетный батальон, 7-я и 11-я кавдивизии и танковый полк 36-й кавдивизии, танковые батальоны стрелковых дивизий.

В Киевском Особом ВО — управление 4-го кавалерийского и 49-го стрелковых корпусов, 5-я, 10-я, 14-я, 23-я, 24-я танковые бригады, 141-я стрелковая дивизия, некоторые части 146-й стрелковой дивизии, 81-я моторизованная дивизия, 34-я кавдивизия и некоторые части 32-й кавдивизии, танковые батальоны стрелковых дивизий.

В Одесском ВО — управление 55-го стрелкового корпуса (из Харьковского ВО), 4-я танковая бригада, 15-я моторизованная дивизия, 173-я стрелковая дивизия, танковые батальоны стрелковых дивизий.

В Московском ВО — управление 57-го стрелкового корпуса, 39-я и 55-я танковые бригады, 1-й мотоциклетный батальон, 1-я моторизованная дивизия, танковые батальоны стрелковых дивизий.

В Забайкальском ВО — управление 51-го стрелкового корпуса (из Уральского ВО), 15-я и 37-я танковые бригады, 109-я моторизованная дивизия.

В Закавказском ВО — 16-я кавдивизия (из Киевского Особого ВО), 7-я танковая бригада, танковые батальоны стрелковых дивизий Закавказского и Северо-Кавказского ВО.

В Среднеазиатском ВО — управление 25-й кавдивизии, 146-я стрелковая дивизия, 10-й танковый полк, танковые батальоны стрелковых дивизий.

Видимо, советское руководство согласилось с этими предложениями, так как 9 июня 1940 г. нарком обороны утвердил план формирования мехкорпусов, и округа получили соответствующие директивы, согласно которым к 30 июня в Забайкальском ВО формировался 5-й мехкорпус, в Среднеазиатском ВО — 9-я танковая дивизия, в Закавказском ВО — 6-я танковая дивизия, в Ленинградском ВО — 1-й мехкорпус, в Белорусском Особом ВО формировались 3-й и 6-й, в Киевском Особом ВО — 4-й и 8-й, в Одесском ВО — 2-й, а в Московском ВО — 7-й мехкорпуса. Однако подготовка и проведение Прибалтийской и Бессарабской кампаний в июне 1940 г. не позволили провести предусмотренные формирования в Европейской части СССР.

30 июня 1940 г. начальник Генштаба подготовил для наркома обороны проект новой дислокации войск в западных округах. Во вновь создаваемом Прибалтийском ВО следовало иметь мехкорпус, который предполагалось иметь в Белорусском Особом ВО.

6 июля 1940 г. Совнарком своим постановлением за № 1193—464сс утвердил предложенную штатную численность танковых дивизий и организацию механизированных корпусов. Следовало сформировать восемь таких корпусов и две отдельные танковые дивизии.

4 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба докладывали в Политбюро и Совнарком, что формирование 8 мехкорпусов, 18 танковых и 8 моторизованных дивизий в основном завершено. На их формирование было обращено 12 танковых бригад БТ, 4 бригады Т-35 и Т-28, 3 химические бригады, 2 танковых полка Т-26 и танковые батальоны стрелковых дивизий, кроме дислоцированных на Дальнем Востоке.

14 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба направили в Политбюро доклад за № орг.1/106163сс/ов, в котором предлагали мероприятия, необходимые для усиления войск в первой половине 1941 г. Среди прочего следовало сформировать в Киевском Особом ВО еще один механизированный корпус

(9-й), 20 отдельных танковых бригад Т-26, предназначенных для усиления и сопровождения пехоты в бою, исходя из расчета — по одной бригаде на стрелковый корпус.

Проведение этих мероприятий позволило к концу 1940 г. развернуть в Красной армии 3 мотострелковых, 20 танковых, 9 моторизованных дивизий, 45 танковых и 3 мотоброневых бригад.

Новый этап организационного совершенствования РККА начался с 1941 г. 12 февраля военное командование представило советскому правительству новый мобилизационный план, согласно которому в случае мобилизации советские войска должны были развернуть 2 мотострелковых, 60 танковых, 30 моторизованных дивизий. Утверждение этого мобилизационного плана позволило начать формирование тех соединений, которые еще не существовали. В первую очередь это касалось создания 20 новых мехкорпусов, которое началось в феврале—марте 1941 г. 8 марта 1941 г. Политбюро утвердило назначения командиров формируемых мехкорпусов, танковых и моторизованных дивизий. Механизированные корпуса должны были стать тараном РККА и обеспечить ее победный марш по всей Европе. Речь, понятно, идет не о мифическом «превентивном ударе» летом 1941 г., а о настоящем — в летнюю кампанию 1942, 1943 или даже 1944 г. Если бы Гитлер не напал на СССР 22 июня 1941 г., то реально можно рассматривать только два варианта развития событий. В первом варианте Германия, Россия и Япония, вступив в союз, поделили бы мир. Во втором варианте Гитлер увяз бы в 1942—1943 гг. в боевых действиях на Среднем Востоке и в Африке. Не будем забывать, что США до вступления в войну СССР планировали создать свыше 300 дивизий, а поскольку РККА приняла на себя основной удар вермахта, то янки ограничились примерно 70 дивизиями. Нетрудно догадаться, что при отсутствии второго фронта и наступлении немцев на Среднем Востоке США пришлось бы послать многие десятки дивизий в Северную Африку и на Средний Восток уже в конце 1941 г. — начале 1942 г.

Вооруженные силы рейха оказались бы задействованы в тяжелой войне с Англией и США и в определенный момент, думаю, не раньше лета 1943 г., советские мехкорпуса могли победно пройти от Бреста до Бреста (то есть от Буга до Атлантики).

Задача мехкорпусов четко сформирована на совещании высшего комсостава РККА командующим Западным Особым военным округом генерал-полковником танковых войск Д.Г. Павловым, бывшим начальником ГАБТУ. Свой доклад «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции и ввод механизированного корпуса в прорыв» он прочитал 26 декабря 1940 г. Идея наступательной войны в докладе прослеживается достаточно четко: «Таким образом, танковый корпус, имеющий большую ударно-пробивную силу и технические возможности, в сочетании с другими подвижными родами войск (мотопехота, конница, авиация), может и должен решить следующие задачи:

1. Внезапным ударом нарушить сосредоточение и развертывание главных сил противника.
2. Окружить и уничтожить главную группировку противника.
3. Выйти на фланг и в тыл и совместно с войсками, действующими с фронтами, уничтожить противостоящего противника.
4. Танковый корпус в состоянии и обязан расширить тактический успех в оперативный.

...После прорыва второй оборонительной полосы начинается третий этап, который характерен тем, что требует самых решительных и быстрых действий по разгрому подходящих резервов и по уничтожению основной группировки противника, на пути отхода которого прочно встанет мехкорпус и совместно с частями, действующими с фронта, уничтожит противника».

Советская предвоенная доктрина предусматривала вводить механизированные корпуса в сражение в тот момент, когда общевойсковые соединения первых эшелонов пробьют брешь в обороне противника. Основной задачей механизированных корпусов в наступлении являлось: войти в прорыв, образованный общевойсковыми соединениями, стремительно развить их успех, с ходу захватить важные объекты и оборонительные рубежи противника, рассеять его оборону на всю глубину, совместно с авиацией и воздушно-десантными войсками уничтожить подходящие вражеские резервы, во взаимодействии с другими соединениями окружить и истребить главные силы обороняющихся войск и тем самым обеспечить достижение цели операции. Ширина полосы наступления корпуса определялась 12—20 км, а темп продвижения до 80 км в сутки.

Согласно своему назначению, механизированный корпус, соединенный с наступательными задачами, имел соответствующую организационную структуру.

Мехкорпус как высшая организационная единица бронетанковых войск включал две танковые, одну моторизованную дивизии и мотоциклетный полк. Иногда в непосредственном подчинении командира корпуса имелись артиллерийские полки (один или два).

По штатам танковая дивизия должна была иметь два танковых полка, моторизованный и артиллерийский полки, зенитно-артиллерийский дивизион, отдельный разведывательный батальон и подразделения обеспечения.

В мотострелковой дивизии было два мотострелковых полка, по танковому и артиллерийскому полку, примерно те же обеспечивающие специальные части и подразделения, что и в танковой дивизии.

14 мая 1941 г. начальник АБТУ РККА генерал-лейтенант Я.Н.Федоренко обратил внимание наркома обороны на то, что из-за неполного обеспечения механизированных корпусов танками по штатам они «являются не полностью боеспособными. Для повышения их боеспособности впредь до обеспечения их танками считаю необходимым вооружить танковые полки мехкорпусов 76-мм и 45-мм орудиями и пулеметами с тем, чтобы они в случае необходимости могли бы драться, как противотанковые полки и дивизионы».

Для проведения этого мероприятия имелось 1200 76-мм орудий, 1000 45-мм противотанковых орудий и 4000 пулеметов ДП, которых хватило бы на 50 танковых полков, по 24 76-мм орудия, по 18 45-мм орудий и по 80 пулеметов. Для перевозки этого вооружения предлагалось выделить 1200 машин ЗИС и 1500 машин ГАЗ. К докладной прилагалась ведомость распределения вооружения и автомашин по 19-му, 16-му, 24-му (Киевский Особый ВО), 20-му, 17-му, 13-му (Западный Особый ВО), 2-му, 18-му (Одесский ВО), 3-му, 12-му (Прибалтийский ОВО), 10-му (Ленинградский ВО), 23-му (Орловский ВО), 25-му (Харьковский ВО), 26-му (Северо-Кавказский ВО), 27-му (Среднеазиатский ВО) и 21-му (Московский ВО) мехкорпусам, утвержденная наркомом обороны 15 мая 1941 г.

16 мая 1941 г. начальник Генштаба направил в соответствующие округа директивы о проведении в жизнь этого мероприятия к 1 июля 1941 г., которое следовало «провести таким образом, чтобы не нарушать организационный принцип полка, как танковой единицы, имея в виду, что в последующем на вооружение будут поступать танки».

Примерно с апреля 1941 г. началась постепенная мобилизация Красной армии. Согласно военной терминологии, это называется частичной или скрытой мобилизацией.

26 апреля 1941 г. Генштаб отдал предварительное распоряжение Военному совету Забайкальского ВО быть готовым к отправке на запад 5-го мехкорпуса с 57-й танковой дивизией и 32-го стрелкового корпуса.

25 мая поступило распоряжение Генштаба о начале выдвижения на запад 16-й армии в составе двенадцати дивизий (кроме 5-го мехкорпуса и 32-го стрелкового корпуса в состав армии включались 217-я стрелковая дивизия Орловский ВО, 41-й стрелковый корпус (1180я, 144-я и 235-я стрелковые дивизии) и 20-й стрелковый корпус (137-я и 160-я стрелковые дивизии). С 22 мая по 1 июня 16-я армия перебрасывалась в район Прокуров, Хмельники.

Также был разработан план переброски 19-й армии из Северо-Кавказского ВО в район Черкассы, Белая Церковь, где она должна была сосредоточиться к 10 июля. В состав армии включался и 25-й мехкорпус Харьковского ВО, но до начала войны он свою дислокацию не изменял.

Одновременно готовились к передислокации 24-я и 28-я армии, создаваемые на базе управлений Сибирского и Архангельского ВО. Согласно справке о развертывании Вооруженных сил СССР от 13 июня 1941 г. в их состав включались 23-й и 7-й мехкорпуса соответственно.

12 июня 1941 г. нарком обороны направил командующему войсками Киевского Особого ВО директиву за № 504206, согласно которой на территорию округа с 15 июня по 10 июля 1941 г. должна прибыть 16-я армия в составе 5-го мехкорпуса, 57-й танковой дивизии и 32-го стрелкового корпуса. Все прибывающие части подчинялись Военному совету Киевского Особого ВО. Их предполагалось расположить лагерями следующим образом: управление 5-го мехкорпуса, 13-ю танковую дивизию, 109-ю мотодиви-

зию — в Бердичеве; 17-ю танковую дивизию — в Изяславле; 57-ю танковую дивизию — в районе Проскуров, Меджибор.

Части 5-го мехкорпуса и 57-й танковой дивизии начали прибывать на территорию Киевского Особого ВО в июне 1941 г., еще до начала войны. 109-я мотодивизия начала разгружаться 18 июня, а 114-й танковый полк 57-й дивизии — 22 июня.

К началу Великой Отечественной войны в войсках числилось 501 танк КВ и 59 танков Т-35. Всего же танков в РККА состояло 24 598 единиц, а с учетом складов и ремонтных баз — 25 479.

Большая часть танков КВ (278 единиц) и все танки Т-35 находились в Киевском Особом военном округе. В Западном и Прибалтийском ВО танков КВ было 97 и 78 единиц соответственно. Следующим шел Приволжский ВО. Остальные КВ были разбросаны между оставшимися Европейскими округами, в каждом из которых состояло от 4 до 10 таких машин. На Дальнем Востоке и в Средней Азии тяжелых танков вообще не было.

Таким образом, ни один мехкорпус и ни одна танковая дивизия не получили к 22 июня 1941 г. штатного числа танков КВ. Со средними танками Т-34 была та же картина. Единственным мехкорпусом, где число тяжелых танков приближалось к штатному, был 6-й мехкорпус, где имелось 114 танков КВ. Таким способом новые тяжелые танки можно было распределять в спокойные времена в начале 1930-х годов, да и то на западной, а не на восточной границе.

В ситуации же, когда война может начаться в любой день, танковая дивизия должна была укомплектовываться до штатного состава, а затем должна была начаться комплектация следующей. Что же касается танков КВ, то включение их в состав мехкорпусов можно объяснить лишь сильнейшей безграмотностью наших генералов. Это классические штурмовые танки, и их место в отдельных батальонах, полках, ну, максимум, в бригадах прорыва. Использовать же КВ-2 в маневренных боях, да еще с учетом их весогабаритных характеристик и ненадежной работы ходовой части и дизеля было попросту преступно. Когда эти очевидные моменты выяснились, то вместо того чтобы отдать под суд тех, кто направлял КВ-2 в мехкорпуса, у нас не придумали ничего лучшего, как вообще отказаться от штурмовых танков.

Глава 8

ПРИЧИНЫ БОЛЬШОГО ТАНКОВОГО ПОГРОМА

Как могло случиться, что Красная армия в 1941 г. потеряла около 900 тяжелых, 2,3 тысячи средних и 17,3 тысячи легких танков? ¹ А с учетом того, что на 1 июня 1941 г. в Сибири и на Дальнем Востоке находилось 6438 танков и большинство из них так там и оставались до конца года, советские танковые войска в Европейской части России были почти полностью уничтожены.

Причем, я повторяю, наши новые танки (КВ и Т-34) пробивали броню германских танков на всех реальных дистанциях боя, а ни один германский танк не мог пробить лобовую броню КВ и Т-34. В чем же дело?

К великому сожалению, наши генералы не понимали тогда, как не понимали во времена Хрущева с его ракетоманией и не понимают сейчас, что одним видом оружия нельзя выиграть войну. Лишь в отдельных боевых эпизодах можно оценить уровень оружий той и другой стороны в чистом виде. Например, это поединки рыцарей в Средние века или бой крейсеров в отдаленных районах океана в Первой и Второй мировых войнах.

Но танковые войска могут достичь успеха в бою лишь в тесном взаимодействии с авиацией, средствами ПВО, пехотой и артиллерией.

Однако главное — это не материальная часть, а люди. Еще Наполеон сказал: «Стадо баранов, предводительствуемое львом, сильнее стада львов, предводительствуемого бараном». Удачнее о танковом погроме 1941 г. не скажешь.

Понятно, что исход сражения решают не только генералы, но и солдаты. Однако у нас еще никто не рискнул пойти на святотатство и сделать качественное сравнение личного состава РККА и вермахта. На еретика накинутся и националисты, и коммунисты, и либералы. Да, да, либералы! Они поливают помоями Сталина и высшее политическое руководство страны, дают критическую оценку нашему генералитету, но что касается солдат и младшего комсостава, предпочитают помалкивать.

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 375.

Основные причины такой позиции «либералов» — это, во-первых, их кредо. Все в СССР было плохо — вождь, политбюро, генштаб и т.д. Но хаять их разрешено лишь вне контекста и категорически запрещено проводить какие-либо сравнения. Можно лишь теоретизировать, мол, была бы в России демократия, был бы царь-государь, вот тогда бы мы немцам накостыляли и через пару месяцев были в Берлине. Вот наш знаменитый историк Правдюк (фамилия-то какая!) уже полгода еженедельно разглагольствует по телевидению в цикле передач о Второй мировой войны. Хаёт советскую власть, а за спиной «великого» Правдюка портрет Николая II. Вот уж действительно образец для подражания! С позором проиграл две войны и довел армию и флот до полнейшего технического убожества.

Так что с Николаем II сравнение, увы, не получается. А с западными союзниками как? К маю 1940 г. они имели численное превосходство на Западном фронте. Французские и британские танки не брали германские танковые пушки. Результат — паническое бегство и капитуляция Франции. Во многом, особенно в отношении действия танковых частей, ситуация летом 1940 г. и летом 1941 г. очень похожа. Существенная же разница в одном — потерпев поражение, англичане и французы ударились в бег, а советские войска, неся огромные потери, занимали всё новые рубежи обороны и постоянно наносили контрудары.

Но вернемся к личному составу. Очевидец поражения 1940 г. на Западном фронте американский журналист и фанатик-антифашист Уильям Ширер писал, впервые увидев британских пленных: «Но больше всего меня поразило их физическое состояние. Все с впалой грудью, тощие и узкоплечие. Примерно у трети плохо со зрением — они в очках. Характерно, заключил я, для молодежи, которой Англия столь преступно пренебрегала все 22 послевоенных года, в то время как Германия, несмотря на поражение, изоляцию и 6 млн безработных, вытаскивала свою молодежь на солнце и свежий воздух... В 30 ярдах от нас в сторону фронта маршировали немецкие пехотинцы. Невольно сравнивал их с этими английскими парнями. Все немцы загорелые, крепко сложенные, на вид здоровые как львы, грудь колесом и т.д. Это один из аспектов неравной схватки»¹.

¹ Ширер У. Берлинский дневник. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2002. С. 312.

Попробуйте написать такое про советских солдат! Засудят, особенно если коснуться кавказцев и среднеазиатов! Так что я помолчу, а желающих отошлю к германской кинохронике, где показывают колонны советских пленных.

Наши военные историки и так, и сяк вертят данными по числу самолетов и танков в РККА и вермахте, но почему-то никто не приводит уровень грамотности личного состава этих армий. Каюсь, я этих данных и сам не нашел. Но по данным Большой Советской энциклопедии, с 1918 по 1941 год в СССР среднее образование получили 3 829 000 человек. Если отбросить женщин, умерших и негодных к военной службе мужчин, то среди военнослужащих к 22 июня 1941 г. было не более 1,5 миллиона человек со средним образованием. Нельзя отрицать, что Советское правительство сделало очень многое. Для сравнения: в 1913 г. среди рядового состава русской армии было всего 1480 человек со средним образованием. А всего грамотных в армии было 604 тысячи человек, малограмотных — 302 тысячи, а неграмотных — 353 тысячи человек. Замечу, речь шла о кадровой и этнически однородной армии. Неграмотных и плохо знающих русский язык инородцев в царскую армию вообще не брали¹. Так что качественный скачок в грамотности за первые двадцать лет советской власти налицо, но, увы, мы по-прежнему здорово отставали в этом плане от Германии.

Для укомплектования корпусов требовалось иметь в наличии более 20 тысяч танкистов-офицеров, тогда как их имелось не более

¹ К 1914 г. термины «белорус» и «малоросс» («украинец»), как в русской армии, так и во всех учреждениях Российской империи, понимались не как национальность, а как место жительства на определенной территории, так же как рязанец, уралец, сибиряк. Вообще ни в паспортах, ни в любых других документах национальность подданных империи не указывалась, указывалось лишь вероисповедание. Городские жители Малороссии и Белороссии говорили на русском языке. Часть жителей сельских местностей говорила на местных наречиях, крайне близких к русскому языку. Так что москвич без труда мог понять любую «мову». Сейчас на Украине язык коренных жителей сельских местностей презрительно называют суржиком, а официальным языком стал искусственный украинский язык, созданный австро-венгерской разведкой и украинствующими большевиками. Инородцы: финны, малые народы Севера и Сибири, все местные жители Средней Азии и т. д. в армию не призывались даже в военное время, хотя представители туземной аристократии не подвергались дискриминации и получали высшие чины в российской армии (Хан Нахичеванский, барон Маннергейм и т. д.).

6000 человек. И взять еще 14 тысяч офицеров за полгода было неоткуда. Укомплектованность мехкорпусов командно-начальствующим составом к лету 1941 г. составляла в разных соединениях от 22 до 40 %. Командиры же и личный состав, пришедшие из стрелковых и кавалерийских частей, не имели никакого практического опыта по боевому использованию бронетанковой техники.

Спору нет, советская власть сделала титанические усилия для образования и спортивного развития молодежи. Но, увы, мы слишком сильно отставали от Германии. Если бы мне пришлось ранжировать личный состав стран — участниц Второй мировой войны, то я бы расположил так: немецкий солдат; далее с большим отставанием — русский солдат, далее почти без отрыва — японец, финн; затем с большим отрывом — американец, англичанин, француз, дальше поляки, румыны и т.п.

Вдобавок к некомпетентности личного состава новые танки KB и Т-34 в большинстве частей по прибытии принимали на длительное хранение и тут же запирали на замок.

По соображениям секретности документацию на новые танки в некоторых танковых частях не выдавали на руки не только экипажам, но даже командирам подразделений.

Все вышесказанное часто приводило к выходу из строя новой техники. Например: «1. 23 мая 1941 г. в 6-м мехкорпусе выведены из строя 5 танков Т-34, поскольку по халатности были заправлены бензином. Танки требуют большого ремонта.

2. 11 мая 1941 г. 3-й мехкорпус запросил у завода-изготовителя документацию по ремонту и помощь специалистами, так как треть танков Т-34 учебно-боевого парка была выведена из строя во время учебных занятий. Проведенное дознание показало, что у всех танков по причине неправильной эксплуатации были сожжены главные фрикционы»¹.

Некомпетентность рядовых танкистов привела к таким потерям танков, что 9 октября 1941 г. Сталин издал приказ № 0400 «О назначении командного состава на средние и тяжелые танки», который гласил: «Для повышения боеспособности танковых войск, лучшего их боевого использования во взаимодействии с другими родами войск назначить:

¹ Цит. по: *Свирин М.Н.* Броневой щит Сталина. История советского танка. 1937—1943. С. 261.

1. На должности командиров средних танков — младших лейтенантов и лейтенантов.
2. На должности командиров взводов средних танков — старших лейтенантов.
3. На должности командиров рот танков КВ — капитанов — майоров.
4. На должности командиров рот средних танков — капитанов.
5. На должности командиров батальонов тяжелых и средних танков — майоров, подполковников»¹.

Для военного времени, когда полковники и подполковники командовали дивизиями, это была чрезвычайная мера.

Тем не менее потребовался еще один приказ Сталина № 0433 от 18 ноября 1941 г.: «Впредь танковые экипажи комплектовать исключительно средним и младшим комсоставом», то есть рядовых не должно было остаться даже на легких танках.

Завершая тему личного состава, следует заметить, что в июне 1941 г. воевавшая полтора года армия столкнулась с невоевавшей и в основном необученной армией. Танкисты, прошедшие с боями всю Европу, встретились с танкистами, сидевшими до этого в танках зачастую лишь по 6—12 часов.

Но перейдем конкретно к тактике действия танков летом 1941 г. В книге «Механизированные корпуса РККА в бою» Евгений Дриг обработал огромный архивный материал и сделал ряд оригинальных выводов по применению танковых войск. Он писал:

«Если же говорить о “субъективных” причинах неудачных действий механизированных корпусов, то наиболее важной из них была организационная структура самого корпуса и входящих в его состав танковых и моторизованных дивизий. Именно этот фактор привел летом 1941 года командование Красной армии к отказу от самостоятельных танковых соединений как таковых и к переходу к соединениям и частям поддержки пехоты — танковым бригадам, полкам и батальонам...

Отказ от танковой дивизии, как организационной единицы, был вызван прежде всего негативным опытом их использования летом 1941 года. И если мы сравним танковые дивизии РККА и вермахта, то пойдем главную причину такой реформы. Сразу

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 167. Подлинник.

бросается в глаза тот факт, что в советской танковой дивизии полностью отсутствовали противотанковые орудия, по количеству легких гаубиц она уступала немецкой в два раза, по полковым орудиям — в пять раз, по минометам среднего калибра — в полтора раза. Но самой ощутимой была разница в количестве моторизованной пехоты в обоих соединениях. На 375 танков советской дивизии приходилось около трех тысяч человек мотопехоты, а на 150—200 танков немецкой — шесть тысяч человек мотопехоты. Если считать в батальонах, то на 8 танковых батальонов в дивизии РККА приходилось 3 мотострелковых батальона (соотношение 2,67: 1), в то время как в немецкой танковой дивизии это соотношение было 1: 1,67—1: 2,5 в пользу пехоты (считая мотоциклетный батальон), так как на 2—3 танковых в ней было 5 мотопехотных батальонов.

В связи с такой организацией немецкой танковой дивизии было намного легче и наступать, и обороняться. Ей это позволяла делать пехота, двигавшаяся вместе с танками и способная занять и удерживать местность. Опыт войны привел советские танковые войска к сходной организации. Танковая дивизия 1946 года имела в своем составе 11 646 человек, 210 танков Т-34, три танковых и мотострелковый полк. Причем в танковых полках, помимо трех танковых батальонов, был еще батальон автоматчиков — последнее было уже исключительно советским изобретением, в немецкой танковой дивизии такой практики не было...

В танковой дивизии 1941 года только по штату было пять типов танков (тяжелые КВ, средние Т-34, легкие БТ, Т-26 и химические танки), а фактически дивизии имели на вооружении практически весь спектр бронетанковой техники, выпущенной в Советском Союзе в 30-е годы. Таким образом, получались комбинации, мешающие эффективно использовать танковые соединения. Например, в 12-м механизированном корпусе 23-я танковая дивизия была вооружена танками Т-26, а 28-я танковая дивизия — машинами БТ-7. Подвижность соединений одного и того же корпуса оказалась различной, поэтому эффективность совместных действий двух дивизий представляется сомнительной. Такие же ситуации возникали и в других корпусах — например, в 7-м (14-я тд на БТ, 18-я тд — на Т-26) и 19-м (40-я тд на Т-37, 43-я — на Т-26). Новые танки порой только добавляли проблем и разнобоя. Так, командир 41-й танковой дивизии в своем отчете о боевых дей-

ствиях жаловался на то, что танки КВ (в данном случае — КВ-2) с их маршевой скоростью 5 км/ч отставали даже от относительно медленных Т-26»¹.

Во многих деталях я согласен с Дригом, но с основным тезисом, мол, танковый погром наступил потому, что наши мехкорпуса имели слишком много танков, согласиться нельзя. Получается, что если бы в мехкорпуса ввели по одной стрелковой дивизии, то результат был бы иной?

Дело обстоит несколько иначе. Немцы имели мобильные танковые и пехотные дивизии, а наши мехкорпуса были мобильны только на бумаге. Германские танковые дивизии эффективно поддерживались авиацией и артиллерией. Наши тракторы перевозили корпусную артиллерию со скоростью 5—6 км/ч даже по шоссе, а германские полугусеничные тягачи перевозили самые тяжелые орудия со скоростью до 35 км/ч.

Ветеран войны полковник Р. Уланов рассказывал мне: «Везет трактор гаубицу-пушку МЛ-20. Кабина трактора открытая, водитель там один. Вдруг вижу — водитель соскакивает с сиденья, бежит к обочине, спускает штаны.... вытирается, надевает штаны, догоняет идущий трактор и садится за рычаги управления».

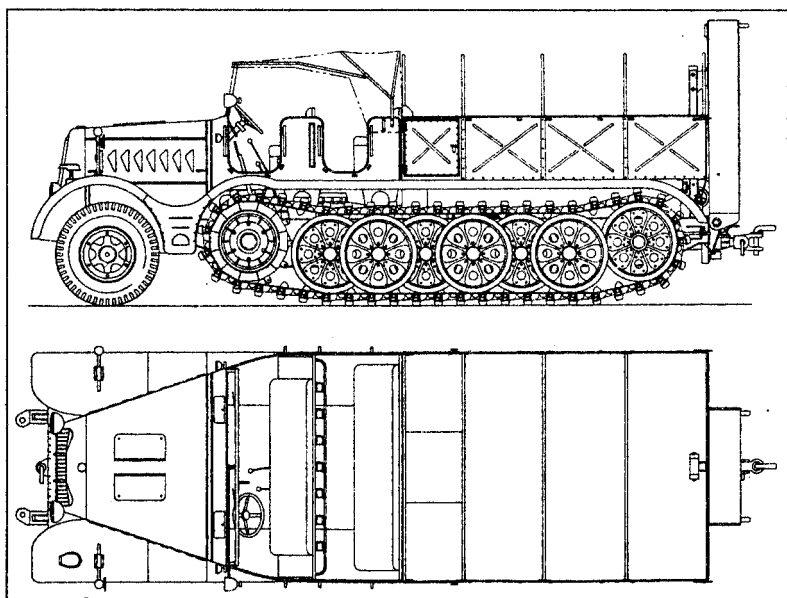
Такова была наша мехтяга!

У немцев официально к 22 июня было около 250 САУ. В первые же месяцы войны они получили от промышленности еще несколько сот САУ. Кроме того, в вермахте были еще сотни неучтенных САУ. Это САУ на шасси трофейных танков, особенно французских, и всякие самоделки — 37-мм противотанковые пушки на полугусеничных бронетранспортерах, 88-мм зенитные пушки на полугусеничных тягачах и т.п. В РККА же самоходки появились в 1943 году!

У немцев превосходно работала радиосвязь как в танковых частях, так и при взаимодействии их с авиацией, артиллерией и пехотой.

У немцев уже к 22 июня в моторизованных частях были сотни колесных и полугусеничных бронетранспортеров, а у нас бронетранспортеры появились лишь после войны.

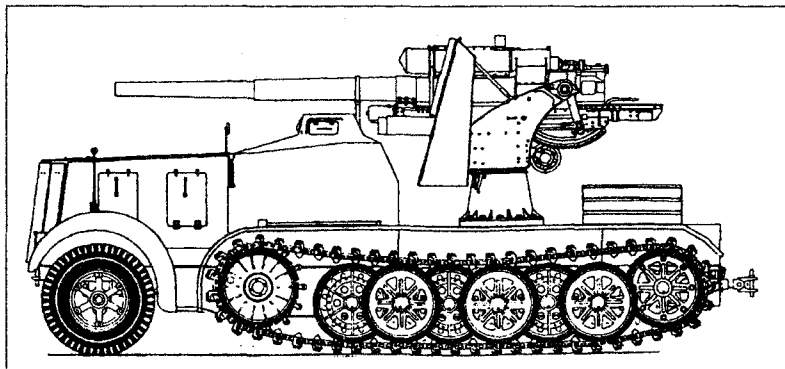
¹ Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной армии в 1940—1941 годах. М: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. С. 662, 663—664, 668.

Тягач Sd. Kfz. 9 с кормовым упором

Немецкие дивизии имели достаточно эффективные зенитные средства, способные бороться с низколетящими самолетами. Это 20-мм и 37-мм автоматические пушки, которые еще в 1930 г. фирма «Рейнметалл» доставила в СССР вместе с полным комплектом технологической документации. Но Тухачевскому зенитные автоматы были не нужны. Он считал, что с прикрытием наших войск с воздуха должны справиться 76-мм «универсальные орудия» (помесь дивизионной пушки с зенитной).

Так что основным средством ПВО сухопутных войск до июня 1941 г. у нас оставался 7,62-мм пулемет «Максим». Лишь в самом конце 1940 г. в войска начали поступать 37-мм зенитные пушки 61К обр. 1939 г. Они были скопированы с 40-мм пушки «Борфорс» вместе с ее нерациональной схемой автоматики. Но хуже было другое: 61К устанавливалась на большой четырехколесной повозке-«колымаге». Окапывать и маскировать ее было крайне трудно, а переставлять с места на место — муки расчета. У немцев же 37-мм и 20-мм как обычные, так и спаренные пушки были на легких двухколесных лафетах. Фактически это были универсальные автоматы, из которых одинаково удобно вести огонь

Первый германский «экспромт» для борьбы с танками КВ (лето 1941 г.) — 8,8-см зенитная пушка Flak 18, установленная на тягаче Sd. Kfz. 8

как по самолетам, так и по танкам и пехоте. Расчет легко вручную перевозил их на поле боя.

Но немцы все равно считали буксируемые зенитные установки недостаточно мобильными для танковых и моторизованных войск. В связи с этим уже в начале 1941 г. фирма «Алкет» приступила к производству 20-мм зенитной самоходной установки (ЗСУ) на шасси легкого танка Т-1. Кстати, в германской батарее эти ЗСУ (8 установок) имели еще три-четыре транспортера боеприпасов, созданных на базе танка Т-1 или полугусеничного бронетранспортера Sd.Kfz. 250/6.

Более подробно о советских и германских САУ я надеюсь рассказать в отдельной монографии. А здесь я привожу эти примеры, лишь чтобы показать уровень механизированности германских войск.

В завершение несколько слов стоит сказать и о конкретных германских средствах борьбы с танками КВ в 1941 г. и начале 1942 г. Первоначально самым эффективным орудием были 8,8-см зенитные пушки обр. 18, 36 и 37, бронебойные снаряды которых пробивали лобовую броню танков КВ.

15-см дивизионная тяжелая гаубица немцев не всегда пробивала лобовую броню КВ, но прямое попадание 15-см снаряда с близкого расстояния, даже если броня не пробита, приводило тяжелый танк, по крайней мере временно, в небоеспособное состояние.

Наконец, лобовая броня КВ поражалась с больших дистанций 10,5—15-см пушками из частей усиления, у нас такие орудия назывались корпусными.

В 1941 г. в германские части начали поступать подкалиберные и кумулятивные снаряды. Подкалиберный снаряд вошел в боекомплект противотанковых, танковых и зенитных пушек калибра от 2 до 10,5 см, а кумулятивный — в боекомплект почти всех орудий калибра 7,5 см и выше.

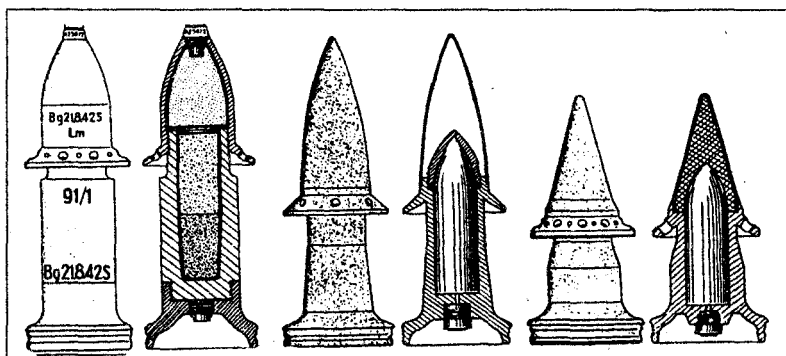
Чтобы 37-мм противотанковые пушки могли бороться с тяжелыми танками, с февраля 1942 г. в войска стала поступать подкалиберная кумулятивная мина 3,7 cm Stiel.Gr.41. Вес мины 9,15 кг, длина 712 мм. При зарядании стержень мины вводился в канал ствола с дульной части. В надкалиберной части мины диаметром 159 мм был помещен кумулятивный заряд весом 2,3 кг. По нормали он мог прожечь 180-мм броню. Эффективная дальность стрельбы до 100 м.

Конечно, это было не бог весть какое противотанковое средство, но за неимением лучшего...

Летом 1940 г. была запущена в производство первая в мире серийная пушка с коническим каналом ствола. Немцы именовали ее тяжелое противотанковое ружье s.Pz.V.41. Ствол имел в начале канала калибр 28 мм, а у дула — 20 мм. Ружьем система называлась по соображениям бюрократического характера, на самом деле это была классическая противотанковая пушка с противоткатными устройствами и с колесным ходом, и я буду называть ее противотанковой пушкой. Вес пушки в боевом положении составлял всего 229 кг.

В боекомплект входили подкалиберный снаряд с вольфрамовым сердечником и осколочный снаряд. Вместо медных поясков, применяемых в классических снарядах, оба снаряда имели по два центрирующих кольцевых выступа из мягкого железа. При выстреле выступы сминались и врезались в нарезки канала ствола. За время прохождения всего пути снаряда по каналу диаметр кольцевых выступов уменьшался от 28 до 20 мм. Осколочный снаряд имел очень слабое поражающее действие.

Подкалиберный снаряд под углом 30° к нормали на дистанции 100 м пробивал 52-мм броню, на дистанции 300 м — 46-мм, на дистанции 500 м — 40-мм.

Гроза тяжелых танков — снаряды к пушке Pak 41. Слева направо: 75/55-мм осколочно-трассирующая граната, бронебойно-трассирующий подкалиберный снаряд НК, бронебойно-трассирующий подкалиберный снаряд StK

В 1941 г. на вооружение была принята 4,2-см противотанковая пушка обр. 41 (4,2 см Pak 41) фирмы «Рейнметалл» с коническим каналом ствола. Начальный диаметр его был 40,3 мм, конечный — 29 мм. Пушка устанавливалась на лафет от 3,7-см противотанковой пушки Pak 35/36. В боекомплект пушки вошли подкалиберный и осколочный снаряды. В 1941 г. изготовлено 27 4,2-см пушек обр. 41, а в 1942 г. — еще 286.

На дистанции 457 м ее подкалиберный снаряд пробивал 87-мм броню по нормали и 72-мм броню — под углом 30°.

Самой мощной серийной противотанковой пушкой с коническим каналом стала 7,5-см Pak 41. Проектирование ее было начато фирмой Круппа еще в 1939 г. В апреле — мае 1942 г. фирма Круппа выпустила партию из 150 изделий, на чем производство их и прекратилось.

Пушка 7,5-см Pak 41 неплохо показала себя в боевых условиях. На дистанции до 500 м она успешно поражала все типы тяжелых танков. Однако из-за технологических трудностей, связанных с производством пушки и снарядов, массовое производство пушки налажено не было. К марту 1945 г. из 150 пушек уцелело лишь 11, из которых 3 были на фронте.

В конце 1941 г. — начале 1942 г. германское командование сумело довольно оперативно «заткнуть дыры» в противотанковой обороне трофейными пушками. Замечу, что за исключением тре-

тьеразрядных дивизий, где состояла матчасть производства до 1918 г., у немцев не было 76-мм дивизионных пушек. Их заменили 105-мм легкие гаубицы. Зато немцы захватили несколько тысяч 75-мм французских пушек обр. 1897 г. и советских 76-мм пушек Ф-22 обр. 1936 г.

Использовать пушки обр. 1897 г. для борьбы с танками в первоначальном виде не представлялось возможным из-за малого угла горизонтального наведения (6°), допускаемого однобрусным лафетом. Отсутствие подрессоривания не допускало возку со скоростью более 10—12 км/ч даже по хорошему шоссе. Однако германские конструкторы нашли выход: качающуюся часть 75-мм французской пушки обр. 1897 г. наложили на лафет германской 5-см противотанковой пушки Pak 38, а ствол пушки снабдили дульным тормозом. Так получилась противотанковая пушка 7,5 см Pak 97/38.

76-мм дивизионные пушки Ф-22 (обр. 1936 г.) немцы первоначально использовали в оригинальном виде в качестве полевых орудий, присвоив им название 7,62 см F.K.296(r). Но в конце 1941 г. германские инженеры, изучив орудие, выяснили, что оно имеет большой запас прочности. В результате к концу года был разработан проект переделки Ф-22 в противотанковую пушку 7,62 см Pak 36(r).

В пушке была расточена камора, что позволило заменить гильзу. Советская гильза имела длину 385,3 мм и диаметр фланца 90 мм, новая немецкая гильза была длиной 715 мм, а диаметр ее фланца составлял 100 мм. Благодаря этому метательный заряд был увеличен в 2,4 раза. Для уменьшения силы отдачи немцы установили дульный тормоз.

Замечу, что немцы сделали то, что Грабин предлагал еще в 1934—1935 гг., но Тухачевский и его сторонники в Артуправлении категорически запретили делать.

В итоге с конца 1941 г. и до середины 1943 г. модернизированная немцами грабинская пушка Ф-22 была наиболее сильным противотанковым орудием в мире. Любопытно, что руководство ГАУ даже рассматривало вопрос о запуске в производство 76-мм Pak.36(r). Но Грабин решительно отказался, поскольку он уже проектировал более мощные системы.

Трофейные противотанковые пушки стреляли только германскими бронебойными, подкалиберными и кумулятивными снарядами. Так, бронебойный снаряд УСВ пробивал на дистанции 457 м 120-мм броню, подкалиберный снаряд — 158-мм броню, а кумулятивный снаряд прожигал броню толщиной 100—115 мм.

Как видим, немцы к началу 1942 г. сумели оснастить свои пехотные части достаточным количеством противотанковых орудий, способных успешно бороться с танками КВ. Синдром танкобоязни был полностью преодолен.

Естественно, что германские подкалиберные и кумулятивные снаряды попали и в боекомплекты танковых пушек. Так, танки Т-IV, оснащенные короткоствольными 7,5-см пушками KwK 37, впервые применили кумулятивные снаряды осенью 1941 г., и с тех пор они стали единственным противотанковым выстрелом для 75-мм пушки с длиной ствола 24 калибра. При этом, как ни странно, на кумулятивные боеприпасы приходилась заметная доля пораженных танков при небольшом числе машин, способных применять именно эти боеприпасы. Возьмем в качестве примера 3-ю танковую дивизию, действовавшую в мае 1942 г. под Харьковом. 3-й танковый батальон 6-го танкового полка дивизии насчитывал 5 танков Т-II, 25 танков Т-III с 50-мм 42-калиберным орудием, 9 танков Т-III с 50-мм орудием с длиной ствола в 60 калибров и 6 танков Т-IV с 75-мм орудием с длиной ствола в 24 калибра. В период с 12 по 22 мая батальон добился следующих результатов:

5 танков КВ подбиты кумулятивными снарядами, но лишь обездвижены, поскольку сквозных пробитий брони достигнуто не было.

36 танков Т-34 выведены из строя, причем 24 танка поражены 75-мм кумулятивными снарядами, а 12 — бронебойными калибра 50 мм к орудию танка Т-III в 60 калибров.

16 танков БТ уничтожены снарядами 50-мм пушек, 12 из них — длинной 60-калиберной пушкой KwK 39 и 4 штуки — 42-калиберной пушкой KwK 42.

5 танков «Мк. II» («Матильда») выведены из строя, из них два — кумулятивными снарядами и три — 50-мм снарядами из 60-калиберного орудия.

Мы видим, что всего шесть танков Т-IV стали едва ли не основным средством борьбы с КВ и Т-34 в батальоне 3-й танковой дивизии вследствие оснащения их орудий кумулятивными боеприпасами.

Глава 9

ГИБЕЛЬ МЕХКОРПУСОВ КИЕВСКОГО ОКРУГА

Действия танков 4-го мехкорпуса

Наибольшее число новых танков из пограничных военных округов имелось в Киевском Особом военном округе, где находились 189 танков КВ-1, 89 танков КВ-2, 496 танков Т-34, а также старые танки: 51 тяжелый танк Т-35 и 215 средних танков Т-28¹. Всего в КОВО состояло 5894 танка. Поэтому с него я и начну свой рассказ.

В составе округа было восемь механизированных корпусов (4, 8, 9, 15, 16, 19, 22 и 24-й). Начнем по порядку. В 4-м мехкорпусе имелось наибольшее количество танков — 979 единиц. Замечу, что корпусом командовал печально знаменитый генерал-майор А.А. Власов. Танки новых типов имелись в 8-й и 32-й танковых дивизиях. К 22 июня 1941 г. в 8-й танковой дивизии было 50 танков КВ и 140 танков Т-34, а в 32-й танковой дивизии — 49 КВ и 173 Т-34.

Еще 20 июня 1941 г. по приказу командующего 6-й армией генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко 8-я танковая дивизия была поднята по боевой тревоге, а с лагерного сбора из-под Львова отозваны артиллерийские дивизионы 8-й и 81-й дивизий, которые по прибытии сразу же развернулись для прикрытия с воздуха расположения своих дивизий. Выдвижение дивизий в район сосредоточения происходило скрытно.

В 2 часа ночи 22 июня по боевой тревоге была поднята 32-я танковая дивизия, дислоцировавшаяся на восточной окраине Львова, и уже через час на скорости 30 км/ч, с шумом и лязгом, автомашины, трактора и танки шли по ночным улицам города в сторону Яворовского шоссе.

В 15 ч 00 мин 22 июня командующий 6-й армией приказал командиру 4-го мехкорпуса:

а) выделить два батальона средних танков от 32-й танковой дивизии и один батальон мотопехоты от 81-й моторизованной

¹ В главах, посвященных действиям мехкорпусов, были использованы материалы сайта mchcorps.rkka.ru и из книги Дрига Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной армии в 1940—1941 годах. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005.

дивизии и нанести ими удар в направлении Жулкев, Каменка-Струмилова, м. Холоюв и во взаимодействии с частями 15-го механизированного корпуса уничтожить пехоту и танки в районе Раздехов. По ликвидации противника в указанном районе указанным подразделениям сосредоточиться в лесу 2 км южнее м. Холоюв;

б) остальному составу корпуса быть готовым к нанесению удара в направлении Краковец, Радымно с целью уничтожения противника, прорвавшегося в районе Дуньковице.

В 23 часа 22 июня части приступили к выполнению поставленной задачи. Однако атака была отбита немецкими моторизованными частями, а наши войска понесли большие потери.

Тут несколько слов стоит сказать о боях в районе городка Раздехов, расположенного в нескольких десятках километров от границы. Рано утром 22 июня командование 10-й танковой дивизии 15-го мехкорпуса (тут волей-неволей придется вклиниться в рассказ о действиях 15-го мехкорпуса) получило приказ уничтожить воздушный десант немцев в районе Раздехова. Замечу, что после Крита нашим генералам везде мерещились парашютисты германских ВДВ. На самом же деле германские ВДВ до поздней осени 1941 г. в боях вообще не участвовали, а в начале войны немцы сбрасывали на парашютах лишь малые группы диверсантов.

В 9 ч 50 мин утра в район Раздехова для уничтожения вражеского десанта был выслан передовой отряд 10-й танковой дивизии, в который вошли 3-й батальон 20-го танкового полка и 2-й батальон 10-го моторизованного полка. Разведывательный дозор передового отряда (шесть танков) в 10 часов вечера вышел в район Корчина и там наткнулся на пехотный батальон противника с противотанковыми орудиями. Наши танкисты уничтожили шесть орудий и до взвода вражеских солдат, потеряв при этом два танка. А к исходу дня передовой отряд 10-й дивизии занял оборону на северо-западной и южной окраинах Раздехова. И только тут выяснилось, что это был не парашютный десант, а передовые части немцев.

Утром 23 июня два батальона передового отряда 10-й танковой дивизии, занимавшие оборону в районе Раздехова, были атакованы группой 11-й танковой дивизии германского 48-го моторизованного корпуса. Завязался бой, в результате которого наши тан-

кисты, подбив 20 танков противника и потеряв 26 своих машин, вынуждены были отойти на рубеж Майдан Стары.

В это время к Радзехову был направлен сводный отряд 32-й танковой и 81-й моторизованной дивизий 4-го мехкорпуса. Отряд был составлен из двух танковых батальонов и одного мотострелкового батальона.

Со стороны немцев к городку выдвигалась боевая группа 11-й танковой дивизии Людвиг Крювеля. Ядром боевой группы был 15-й танковый полк, усиленный мотопехотой и приданными зенитками полка люфтваффе «Герман Геринг». На 22 июня в 11-й танковой дивизии было 44 танка Т-II, 24 танка Т-III с 3,7-см пушкой, 47 танков Т-III с 5-см пушкой, 20 танков Т-IV и 8 командирских танков.

Во второй половине дня отряд 4-го мехкорпуса под командованием подполковника Лысенко атаковал городок. Южнее Радзехова имелся естественный вал, и нашим танкистам нужно было преодолевать эту возвышенность и, переваливаясь через ее гребень, вести ближний бой с немецкими танками и поддерживающей их артиллерией.

Густав Шродек описывает вторую фазу боя как «собачью свалку» на короткой дистанции: «Первые снаряды свистят вокруг нас. Их недолеты все еще слишком велики. Так как наши собственные пушки имеют лучшую эффективность на дистанции в 400 метров, мы должны сжать свои нервы и ждать приближения русских танков. Небольшая складка местности скрывает нас от первой волны атакующих. Когда они появляются, мы имеем лучшую позицию для стрельбы из всех возможных. Огонь поглощает все...

Новые цели появляются постоянно. Они выцеливаются и уничтожаются. Русские поражены. Они посылают все больше танков из-за возвышенности, но те никак не могут прорвать наши порядки»¹.

После боя 23 июня боевая группа 11-й немецкой танковой дивизии оставила удержанные в дневном бою позиции у Радзехова, которые теперь занимала 297-я пехотная дивизия, и двинулась далее на восток. Зенитные орудия остались в городке и в дальнейшем стали основной действующей силой обороны. С их помощью

¹ Цит. по: *Исаев А.В.* Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М.: Эксмо, Яуза, 2004.

оборонявшие Радзехов немцы уничтожили девять (по советским данным) танков КВ за один только бой 25 июня.

К вечеру 22 июня в штаб фронта прибыл генерал армии Г.К. Жуков. Он ознакомился с обстановкой и приступил к созданию сильной группировки танковых войск в районе Броды. Группировке ставилась задача во взаимодействии с ровенской группировкой (9-й, 19-й и 22-й мехкорпуса) разгромить вклинившегося противника. Поскольку части 4-го и 15-го мехкорпусов были втянуты в бои и действовали в широких полосах, Жуков приказал уменьшить полосу действия 15-го корпуса и усилить его за счет 4-го корпуса, из состава которого выводилась 8-я танковая дивизия. Жуков рассчитывал нанести мощный удар в районе Броды силами 8-го и 15-го мехкорпусов. Для усиления последнего ему была придана 8-я танковая дивизия.

Утром 24 июня 8-я танковая дивизия была выведена из состава 4-го корпуса. Пополнив запасы горючего и боеприпасов, она сосредоточилась в районе Жулкева для получения дальнейших приказаний. Затем поступил приказ командующего армией 8-й дивизии продолжить движение в район Буск, где поступить в подчинение командира 15-го мехкорпуса. И до начала июля 1941 г. эта дивизия действовала в составе 15-го мехкорпуса на радзеховском направлении.

25 июня контрудар в направлении Радзехов и Сокаль 15-й мехкорпус должен был наносить во взаимодействии с 4-м мехкорпусом. Но от последнего на радзеховском направлении действовала только 8-я танковая дивизия. 32-ю танковую дивизию командующий 6-й армией вывел из боя и 24 июня направил в район Яворова для нанесения контрудара по яворовской группировке.

24 июня командующий 6-й армией поставил командиру 4-го мехкорпуса следующую задачу: подчинив группу Лысенко и передав обратно 81-й мотодивизии один мотобатальон, приданный 32-й танковой дивизии, не ожидая их подхода, выступить в направлении Нагачув, Залеска Воля. Далее, во взаимодействии с 97-й стрелковой дивизией, 4-му мехкорпусу следовало в 14 ч 00 мин 24 июня нанести удар в направлении Нагачув, Залеска Воля, разгромить противника в районах Ольшина, Хотынец, Млыны, отбросить его за реку Сан и тем снять угрозу окружения соседа слева. 32-й моторизованный полк направлялся во Львов,

где должен был сменить 8-й моторизованный полк, несший гарнизонную службу в городе.

32-я танковая дивизия, двигавшаяся днем 24 июня с востока по улицам Львова, столкнулась с колоннами советского 8-го механизированного корпуса, который двигался навстречу. Создались пробки, которыми воспользовались местные националисты, беспрестанно обстреливавшие советские подразделения с крыш домов и чердаков. С 13 до 24 часов 24 июня в городе шли настоящие уличные бои с применением стрелкового, а иногда и артиллерийского оружия. Националисты ворвались в городскую тюрьму и выпустили из нее всех заключенных, затем прервали проводную связь штаба 6-й армии со штабом фронта, подняли настоящую панику среди городского населения и части армейских тыловых служб.

Понеся существенные потери, 32-я танковая дивизия к вечеру 24 июня оставила Львов и к 2 часам ночи 25 июня сосредоточилась в Яновском лесу в районе села Грабник.

Штаб 6-го стрелкового корпуса отдал 32-й танковой дивизии приказ атаковать позиции окопавшейся германской пехоты, без поддержки пехоты и артиллерии. Эта задача усложнялась еще и тем, что по району протекала речка Якша, а долина у Старого Язува была сильно заболочена.

К 2 часам дня 25 июня дивизия сосредоточилась на исходных позициях в районе Шипки, Ташыки, Бороусы. В 18 ч 20 мин она атаковала части германского 49-го горного корпуса в направлении Басяки, Вареницы, Семерувка. В результате этой атаки немцы потеряли 16 танков¹, 12 орудий, 14 прицепов с боеприпасами. Наши потери составили 15 танков 63-го танкового полка, а 64-й полк вообще не участвовал в бою, так как все его танки завязли в болоте. Дивизия отошла на исходные позиции.

Командующий армией Музыченко, вопреки приказу Жукова о переподчинении 8-й танковой дивизии 15-му мехкорпусу, продолжал использовать ее в своих целях. И в тот же день, 25 июня, эта дивизия (54 танка) атаковала Магерув, уничтожив батарею 7,5-см пушек. Нашим танкистам удалось в Магеруве захватить документы штаба 7-го артиллерийского полка немцев. Дивизия потеряла 19 танков.

¹ Пишу, согласно донесениям, но сам удивляюсь, откуда у немцев оказались танки в горном корпусе?

Против 8-й и 32-й танковых дивизий в этих боях действовали 1-я горно-егерская и 68-я пехотная дивизии 49-го горного корпуса противника. 68-я дивизия, понесшая огромные потери, была выведена в резерв и заменена 4-й горно-егерской дивизией.

26 июня в 12 часов дня части 4-го мехкорпуса вышли из района Стажиска на Судовую Вишню, чтобы атаковать механизированные части немцев (разведка доносила о 300 танках), двигавшиеся из Мосциска на Львов.

32-я танковая дивизия, пройдя 85 км, к 18 часам подошла к урочищу Замлынье, и командир дивизии отправил в разведку батальон 64-го танкового полка. У реки Судовой Вишни разведка обнаружила только подразделения 14-го пехотного полка противника, но никаких танков там не было.

Весь день 28 июня 32-я танковая дивизия вела активную оборону на рубеже Воля Бартатовска, урочище Лес Майский, фольварк Петерсгоф и уничтожила 3 танка и 4 легковых автомашины противника, а также подавила огонь его батареи. При этом наши потери составили 8 танков.

В 18 часов дивизия получила приказ командира корпуса перейти в район Большой Богданувки, Сугнювки, Кульпаркува, где должна была организовать подвижную оборону вдоль Яновского шоссе на участке Козице, Женска Руска и по Грудек-Якельоньскому шоссе на участке Рудно, Зимна Вода. Танки 32-й дивизии заняли указанные рубежи обороны, прикрывая отход частей 6-го стрелкового корпуса через Львов на Винники.

К 29 июня германские части вышли на ближайшие подступы ко Львову. С отходом 97-й стрелковой дивизии к утру 4-й мехкорпус занял оборону на фронте Козице, Рудно, Наваиа, а штаб дивизии разместился в лесу в 2 км севернее Оброшина.

30 июня танковые полки 32-й дивизии прикрывали ее отход по Золочевскому шоссе. В середине дня командир корпуса приказал частям отходить с рубежа Лесеница, Винники и к 15 часам 1 июля сосредоточиться в районе Збараж, Верняки, Кретовце. Корпус выводился в резерв.

1 июля 32-я танковая дивизия прошла Золочев, где подверглась бомбардировкам германской авиации, и двигалась на Тарнополь. 81-я моторизованная дивизия к 12 часам сосредоточилась в районе Гудова. К 8 часам утра 2 июля 32-я танковая дивизия подошла

к Збаражу, туда же подтягивалась оставшаяся материальная часть и личный состав.

Части 14-го моторизованного корпуса противника продвигались к Тарнополю, и генерал Музыченко днем 2 июля ввел в бой в этом районе боееспособные части 4-го и 15-го мехкорпусов. Однако 4-й мехкорпус «успеха не имел и перешел к обороне на рубеже Збараж, Тарнополь».

В отчете по итогам боевых действий 32-й танковой дивизии сказано об этих боях несколько иначе: «В 19 часов, при прохождении Збараж, головные части дивизии были внезапно атакованы противником силой до 24 танков и 100 человек мотопехоты, зашедшей заранее в домах Збараж. Бои продолжались до 24 часов. В результате боя уничтожено: 15 танков, 2 бронемашины, 3 противотанковых орудия, 3 тягача противника».

В результате длительных маршей 4-й мехкорпус имел большие небоевые потери. Техника в основном выходила из строя из-за неисправностей или из-за окончания моторесурса танков. Например, 63-й танковый полк 2 июля на станции Млыновцы близ Тарнополя отгрузил на платформы для отправки в тыл на капитальный ремонт 17 танков. Еще три танка требовали малого и среднего ремонта и могли пройти его в дивизионных мастерских. Много техники оставлялось в различном состоянии на маршрутах следования. Таким образом, исправных и годных к бою танков в 63-м танковом полку на 3 июля имелось всего 32.

В 15 ч 00 мин 9 июля по приказу командующего армией 4-й мехкорпус, с утра занимавший оборону Михайленки, Мясковка, Безымовка, Галиевка, перешел в наступление на Чуднов. К вечеру корпус, перерезав Бердичевское шоссе восточнее Чуднова и уничтожив до 40 автомашин, овладел рубежом Городище, южная окраина Ольшанка.

8-я танковая дивизия наносила удар с юго-восточной и западной сторон. Штаб корпуса разместился в Янушполе. Действия танкистов в этот день активно поддерживала авиация фронта.

81-я мотодивизия, несмотря на малочисленность и отсутствие тяжелого оружия, до 12 часов 10 июля вела упорные бои с превосходящими силами противника на занимаемом рубеже, неоднократно переходя в контратаки.

32-я танковая дивизия в 16 часов 9 июля получила приказ командира корпуса выдвинуться со всей исправной материальной

частью в район Янушполь для совместных с 81-й моторизованной дивизией действий по захвату Чуднова. Десять танков и две бронемашинны под командованием капитана Карпова к 22 часам сосредоточились в Янушполе. Остальная материальная часть, способная двигаться своим ходом, под командой капитана Егорова была направлена в лес северо-восточнее Рай-городка для совместных действий с 32-м моторизованным полком по его обороне и обеспечения подхода 213-й моторизованной дивизии. Эти подразделения, одними из первых прибывшие под Бердичев, вошли в состав группы войск «Казатин» генерал-майора Огурцова. Достигнув указанного района, группа Егорова вступила в бой с немцами в 3 км юго-западнее Бердичева, уничтожив пять бронемашин и два противотанковых орудия.

В результате контрудара из Янушполя на Чуднов 4-й механизированный корпус вышел на коммуникации 11-й танковой дивизии противника, которая находилась в Бердичеве. Но успех этот не был развит — германская 16-я танковая дивизия прорвалась через Остропольский укрепрайон и атаковала части 49-го стрелкового корпуса, вынудив их отойти.

В связи с отходом соседа — 49-го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора И.А. Корнилова — 4-й мехкорпус 10 июля был вынужден оставить занимаемые позиции и отойти на новый рубеж, заняв оборону фронтом на запад: 3-й мотоциклетный полк занял западную окраину Янушполя и мукомольный завод в Янушполе; 8-я танковая дивизия сосредоточилась на южной окраине Янушполя, Жеребки; 32-я танковая дивизия заняла Жеребки и Смелу.

63-й танковый полк, имевший не более 30 танков, в середине дня 10 июля оказался в окружении. К вечеру, когда подошли к концу горючее и боеприпасы, к полку сумели пробиться несколько Т-34 из 8-й танковой дивизии.

В 4-м мехкорпусе, отводившем свои части в район Прилук, к 15 июля имелось 68 танков, из них шесть танков КВ, 39 — Т-34, 23 — БТ, а также 36 бронемашин.

16 июля остатки 8-й танковой дивизии (отряд полковника Фотченкова) перешли в распоряжение командира сводного отряда 10-й танковой дивизии генерал-майора С.Я. Огурцова.

К этому времени из 50 танков КВ боееспособными остались только два. Тринадцать тяжелых танков было подбито в бою, два за-

вязли в болотах, у трех вышли из строя дизели, 25 машин бросили экипажи, а пять танков были эвакуированы на заводы на ремонт.

С остальными танками наблюдалась та же картина: из 140 танков Т-34 осталось только три; из 68 Т-28 — 31, из 31 БТ-7 — 11, из 36 Т-26 — 10.

В 32-й танковой дивизии из 49 танков КВ осталось 12, а из 173 Т-34 — 27. Из 31 БТ-7 осталось три, из 70 Т-26 — 12, были потеряны все 38 танков Т-27.

Всю оставшуюся матчасть 8-й танковой дивизии отправили во Владимирскую область на формирование новой 8-й танковой бригады, которая окончательно была сформирована в сентябре 1941 г.

Пополненная новой техникой 8-я танковая дивизия участвовала в обороне Днепропетровска в августе 1941 г., на ее базе в сентябре была сформирована 130-я танковая бригада, погибшая в Уманском котле.

Действия танков 8-го мехкорпуса

В составе 8-го мехкорпуса, которым командовал генерал-лейтенант Д.Н. Рябышев, имелось 899 танков¹. Новых танков (КВ и Т-34) в корпусе имелось, по различным данным, от 169 до 189, из них Т-34 — сто, а КВ-2 — два. Таким образом, КВ-1 было от 87 до 67. Последняя цифра, на мой взгляд, более верная.

При формировании 12-я танковая дивизия (точнее ее 23-й танковый полк) получила от расформированной 14-й тяжелой танковой бригады 51 тяжелый танк Т-35. В 1941 г. дивизия начала получать новую технику (КВ и Т-34), и все Т-35 были переданы в 34-ю танковую дивизию, где их распределили по танковым батальонам тяжелых танков 67-го и 68-го танковых полков.

К июню 1941 г. соединения 8-го мехкорпуса дислоцировались следующим образом: управление и корпусные части, а также 7-я моторизованная дивизия — в Дрогобыче, 108-я корпусная авиаэскадрилья и 12-я танковая дивизия — в Стромах, 34-я танковая дивизия — в Судовой Вишне.

В 5 ч 40 мин утра 22 июня части 8-го мехкорпуса были подняты по боевой тревоге и к исходу дня, составляя резерв 26-й армии,

¹ В различных источниках приводятся иные сведения — от 858 до 932 танков.

сосредоточились в районе Чишки, Ваньковичи, Райтаревиче (10 км западнее Самбора).

В целом соединения выдвигались достаточно организованно, хотя и столкнулись на дороге с двигавшимися навстречу частями 13-го стрелкового корпуса (генерал-майор Н.К. Кириллов). Лишь один мотострелковый полк 7-й моторизованной дивизии, своевременно не получивший приказ, попал под бомбовые удары вражеской авиации и потерял 190 человек, из них 120 ранеными. За день корпус прошел с учетом выдвижения в районы сосредоточения по тревоге в среднем 81 км.

В 20 ч 40 мин 22 июня корпус, не успевший еще полностью сосредоточиться в районе Самбора, приказом командующего Юго-Западным фронтом был выведен в новый район Куровице, Винники, Борыниче. По этому приказу корпусу ставилась задача: после ночного марша к утру 23 июня сосредоточиться в районе Куровице в «готовности парирования удара» мотомеханизированных соединений противника в направлении Броды и войти в подчинение 6-й армии.

Корпус с 23—24 часов 22 июня начал выдвижение в новый район по двум маршрутам, и к 11 часам следующего дня головные части дивизий подошли: 12-й танковой дивизии — к Куровице, 7-й моторизованной дивизии — к Миколаюв, 34-я танковая дивизия прошла Грудек Ягельоньски. Эти населенные пункты находились восточнее Львова, и такое положение корпуса отвечало идее его использования в северном направлении, для контрудара во фланг 48-му моторизованному корпусу вермахта на дубненском направлении.

К этому времени был получен устный приказ командующего 6-й армией о повороте корпуса и сосредоточения его в районе Яворов, Грудек Ягельоньски, Ярына. Корпус (без танковых полков 12-й танковой дивизии и артполка 7-й мотодивизии, сосредоточившихся в районе Куровице) вышел в указанный район к 24 часам 23 июня. К этому времени корпус прошел в среднем 215 км.

С 6 часов утра 24 июня корпус по приказу командующего 6-й армией начал переход в новый район: Краснэ, Олескэ, Броды. 8-й мехкорпус с 15-м мехкорпусом должны были совместными действиями уничтожить танковую группу противника, наступавшую в направлении Дубно.

Корпус совершал марш по двум дорогам, забитым войсками. Из-за больших пробок на дорогах корпус завершил марш во второй половине дня 25 июня, бросив по пути много танков и автомобилей из-за технических неисправностей, отсутствия горючего, пробок, особенно во Львове, когда 8-й мехкорпус столкнулся в городе с двигавшейся навстречу 32-й танковой дивизией 4-го мехкорпуса. Передовые отряды корпуса вышли из Львова в 12 часов 24 июня и были остановлены командованием на реке Западный Буг, а остальные части втянулись в уличные бои с местными националистами, поднявшими в городе вооруженное восстание.

По приказу командующего Юго-Западным фронтом корпус ночным маршем вышел в район Сребно, Болдуры, Станиславчик, Ражнюв.

К 6 часам утра 26 июня 12-я и 34-я танковые дивизии, действовавшие на правом фланге на направлении главного удара, заняли исходное положение к атаке на рубеже Гоноратка, Лешнюв, Грыцовеля для действий в направлении Броды, Берестечко, Марыся. 7-я моторизованная дивизия, действовавшая на левом фланге, к 11 ч 00 мин вышла на рубеж Соколувка, Адамы. Длина маршрута от Буска до исходного положения равна 86 км.

Корпус до начала боев прошел в среднем 495 километров, оставив на дорогах за время марша до 50 % материальной части.

8-й мехкорпус должен был перейти в атаку в 7 ч 00 мин 25 июня и к 12 часам выполнить ближайшую задачу — выйти в район Чаруков, Боремель, Берестечко, Звиняче. Этот приказ штабом корпуса был получен в 9 ч 20 мин 25 июня в районе Буска, а части корпуса к этому времени находились на марше из района Грудек в район Буск, Красное, поэтому выполнить задачу в установленный срок было невозможно.

Командующий фронтом, учитывая состояние корпуса и положение его частей, 25 июня приказал перенести начало атаки на 9 утра 26 июня. Задачи при этом оставались прежними.

В 9 ч 00 мин 26 июня корпус все равно не смог занять полностью исходное положение для атаки, его 7-я моторизованная дивизия к этому времени находилась в лесах северо-западнее Броды, двигаясь по труднопроходимой местности.

В это время ударная группа в составе танковых дивизий, имевших в наличии до 50 % матчасти, перешла в наступление в общем направлении на Берестечко. Корпус на рубеже Сребно, Баранье,

Сестратын, Пяски, Грыцовея, Станиславчик атаковал обороняющиеся части 16-й танковой дивизии противника в общем направлении Броды, Берестечко, Боремель, но, встретив организованное сопротивление противника, прикрывавшегося непроходимой для танков болотистой рекой и уничтожившего все переправы через реку, развить темп наступления не смог.

Когда части 12-й танковой дивизии вышли к реке Слонувке, немцы, организовав оборону на противоположном берегу, взорвали мост. К тому же пойма реки была сильно заболочена, и наступать можно было только по единственной дороге. Командир дивизии ввел в бой мотопехоту. При поддержке артиллерии пехотинцы форсировали вброд реку и захватили плацдарм на другом берегу. Саперы сразу начали восстанавливать мост и прокладывать гати через болото. К 11 часам мост был готов. Через реку переправились тяжелые танки и поддержали наступление пехоты. Они вышли в район немецких артиллерийских позиций, захватив к исходу дня высоты севернее Лешнюв (сам Лешнюв был захвачен к 16 часам) и уничтожив при этом три батареи и четыре танка противника. В этом бою 12-я танковая дивизия потеряла восемь танков подбитыми в бою, а два завязли в болоте. Кроме того, авиация противника вывела из строя все тракторы артиллерийского полка и большую часть артиллерийских расчетов (зенитным огнем при этом был сбит только один He-111).

34-я танковая дивизия атаковала противника в направлении Червоноармейск, Берестечко и к исходу дня овладела районом Хотын, Редкув, Коморувка, уничтожив при этом три батареи, два батальона мотоциклистов, захватила два штаба батальонов и четыре танка противника. Дивизия встретила упорную противотанковую оборону в районе Редкув, Теслухув. В этих боях было потеряно пять танков, из которых четыре подбито, а один танк сгорел.

Тут я замечу, что к 22 июня в составе 34-й танковой дивизии было только 48 тяжелых танков Т-35 (три машины находились в ремонте на Харьковском паровозостроительном заводе)¹. Из 48 танков Т-35 по тревоге 22 июня вышли 38, а уже 24 июня осталось 17 машин, 26 июня — еще 10, а 27 июня — остальные.

¹ По другим данным Т-35 было 47, а в ремонте на ХПЗ находилось 4 машины.

К полудню 26 июня дивизионная разведка доложила о движении из Теслухув на Козин до ста транспортных машин и танков, а также о скоплении в лесах у Антонувки до ста танков. Командир 34-й танковой дивизии полковник Васильев, опасаясь за свой правый фланг, сосредоточил дивизию в лесах южнее Хотын.

7-я моторизованная дивизия, действовавшая на левом фланге корпуса, в 13 часов атаковала противника на участке Бордуляки, Станиславчик, Монастырек, но продвинуться не смогла и оставалась на исходном рубеже до наступления темноты.

Части корпуса весь день подвергались авиационным бомбардировкам противника. Наибольший ущерб понесла 12-я танковая дивизия, где было уничтожено большое количество транспортных машин с боеприпасами и цистерн с горючим. Сильно пострадал и командный пункт корпуса, была разбита главная радиостанция и несколько штабных автомашин.

Так как ситуация складывалась благоприятно для советских войск, генерал Рябышев решил продолжать наступление с утра 27 июня.

Однако в 2 ч 30 мин 27 июня к командиру 8-го мехкорпуса прибыл начальник отдела боевой подготовки фронта генерал-майор В.П. Панюхов и передал устный приказ командующего фронтом: «37-й стрелковый корпус обороняется на фронте м. Почаюв Новы, Подкамень, Золочев. 8-му механизированному корпусу отойти за линию пехоты 37-го стрелкового корпуса и усилить ее боевой порядок своими огневыми средствами. Выход начать немедленно».

Аналогичный приказ получил и 15-й мехкорпус.

На основании этого распоряжения командир корпуса отдал приказ: «34-й танковой дивизии выйти из боя и, двигаясь по маршруту Червоноармейск, м. Почаюв Новы, сосредоточиться в районе юго-восточнее м.Почаюв Новы. 12-й танковой и 7-й моторизованной дивизиям, двигаясь по маршруту Броды, Подкамень, сосредоточиться южнее и юго-восточнее Подкамень».

Этот приказ был направлен командирам дивизий делегатами, а командиру 12-й танковой дивизии генералу Мишанину его передал сам командир корпуса, встретив комдива в районе Бродов.

12-я танковая дивизия успела получить приказ до начала наступления, а вот 34-я танковая дивизия уже атаковала противника севернее Берестечко, и ее выход из боя задержался на два

с половиной часа. Соединению пришлось отходить с тяжелыми арьергардными боями.

7-я моторизованная дивизия хотя и не успела перейти в наступление, находилась под огневым воздействием противника, и ей также пришлось отходить с боями.

12-я танковая дивизия, поставив в прикрытие 24-й танковый полк, оторвалась от противника и сразу же приступила к выполнению приказа.

В 6 часов утра 27 июня в районе 2 км южнее Броды через бригадного комиссара А.И. Михайлова был получен приказ командующего фронтом о наступлении 8-го мехкорпуса с 9 ч 00 мин в направлении Броды, м. Верба, Дубно и о сосредоточении корпуса к исходу дня в район Дубно, Волковые, м. Верба.

К этому времени части корпуса находились: 12-я танковая дивизия в движении на Подкамень, 7-я моторизованная и 34-я танковая дивизии оставались в занимаемых районах и вели бой с противником.

В 7 ч 00 мин командир корпуса в соответствии с приказом командующего фронтом издает свой приказ: «34-й танковой дивизии ударом в направлении Козин, м. Верба, Дубно к исходу 27 июня выйти в район Дубно, Загорце-Мале, Семидубы. 12-й танковой дивизии ударом в направлении Ситно, Козин, м. Верба к исходу 27 июня выйти в район Полуже, м. Верба, Судобиче. 7-й мотострелковой дивизии движением в направлении Броды, Червоноармейск, м. Верба к исходу 27 июня сосредоточиться в районе (иск.) м. Верба, Рудня, Берег, обеспечивая действия корпуса с северо-запада и юго-запада. Начало наступления в 9 ч 00 мин 27 июня 1941 г.».

В 8 ч 50 мин для разведки маршрутов выдвижения был послан корпусной мотоциклетный полк.

В мемуарной литературе растиражирована версия о том, что корпус в направлении Дубно отправил член военного совета фронта корпусной комиссар Вашугин. Однако версия не выдерживает никакой критики: к тому времени как Вашугин якобы прибыл в корпус («в десятом часу»), в дивизии уже были отправлены делегаты связи с приказом командира корпуса. Это подтверждается и документами 34-й танковой дивизии.

В момент получения приказа фронта 12-я танковая дивизия находилась в движении от Бродов на Подкамень, ее колонна

растянулась на 20—25 км. Делегатом связи штаба корпуса часть колонны — 25 тяжелых и средних танков — была немедленно развернута кругом и в качестве авангарда была в 10 ч 00 мин отправлена в направлении Козин, м. Верба, Дубно с задачей захватить Дубно и прикрыть с юго-востока выдвижение корпуса в этом направлении. Оставшаяся техника 12-й дивизии вышла в район Подкамень, где за отсутствием горючего начала приводить себя в порядок.

Вслед за отрядом 12-й танковой дивизии (командир — подполковник Волков) в 14 ч 00 мин была введена 34-я танковая дивизия (около 150 танков) с задачей к исходу дня овладеть районом Дубно, Загорце-Мале, Семидубы и организовать взаимодействие с 19-м механизированным корпусом, наступавшим в это время с северо-востока на Дубно.

В течение 27 июня 34-я танковая дивизия и отряд танков 12-й дивизии вели бои с частями противника. Встретив сильную противотанковую оборону в районах Коморовка, Поддубце, Буды, дивизия развернулась на рубеже Турковиче и остановилась на ночь, производя дозаправку боевых машин и разведку противника.

В 17 ч 00 мин из района Червоноармейска выступили части 23-го и 24-го танкового полков (до 30 танков) в район м. Верба для совместных действий с 34-й танковой дивизией. К исходу 27 июня эти части соединились с 34-й танковой дивизией. Остальные части 12-й танковой дивизии продолжали приводить себя в порядок в районе Подкамень, к вечеру дивизия сосредоточилась в лесах северо-восточнее Бродов.

Группу в составе 34-й танковой дивизии, частей 12-й танковой дивизии и мотоциклетного полка возглавил заместитель командира корпуса по политической части бригадный комиссар Н.К. Попель. К исходу дня он сообщил, что группа разгромила некоторые части 11-й танковой дивизии, которые были внезапно атакованы на марше, продвинувшись на 30 км, она заняла район Пелча, а затем подошла к Дубно.

7-я моторизованная дивизия с 16 часов находилась на марше в район Броды, Червоноармейск, оставив прикрытие на прежнем рубеже. Подойдя к реке Пляшувка, передовой отряд дивизии встретил сопротивление немцев, вражеский заслон был сбит и отряд, не задерживаясь, двинулся на Дубно. Основные же силы

дивизии подошли к Пляшувке только с наступлением темноты. К этому времени подразделения 16-й танковой дивизии опять заняли оборону на реке и 7-я моторизованная дивизия продвигаться дальше не смогла.

Продолжая выполнять приказ, 34-я танковая и части 12-й танковой дивизии (группа бригадминистра Попеля) с утра 28 июня ударом в направлении Турковиче, Адамувка, Александровка разгромили немецкие части в районе Подлуже, Адамувка, Пиратын и выходили в район Замчиско, Смолярна, Сады Мале.

К 11 часам авангард 7-й мотодивизии (батальон 300-го полка с дивизионом артиллерии) подошел к м. Верба, где завязал бой с мотопехотой и танками противника.

Главные силы 7-й мотодивизии и остатки 12-й танковой дивизии к этому времени прошли Ситно и к 13 часам встретили упорное сопротивление противника на рубеже р. Пляшувка, Рудня, Тарнавка. Одновременно разведкой было установлено движение крупной мотомеханизированной группы противника в направлении Теслухув, Козин, Кременец (на Кременец проследовало до 300 машин), из этой колонны выделилась группа, двинувшаяся в направлении Козин, м. Верба.

В течение всего дня до 19 часов попытки 7-й мотодивизии разбить противника и выйти на соединение с 34-й танковой дивизией заканчивались безрезультатно.

К 19 часам, с подходом новых пехотных дивизий противника из района Берестечко и возвращением обратно прошедших на Кременец сил 16-й танковой дивизии противника, 7-я моторизованная дивизия попала в районе Пляшова, Иване Пусте, Иващуки, Ситно в окружение (с севера ее атаковала 75-я пехотная дивизия, коммуникации в районе Броды были перерезаны 57-й пехотной дивизией генерал-лейтенанта О. Блюма (Oskar Blumm)). Дивизия начала нести существенные потери в танках, транспортных и специальных машинах от огня артиллерии противника и действий бомбардировочной авиации.

В связи с тяжелым положением 7-й дивизии и полной потерей связи с 34-й танковой дивизией Рябышевым был отдан приказ о выходе из окружения 7-й мотодивизии. Находясь под постоянным воздействием авиации и артиллерии противника, дивизия начала прорываться из кольца в различных направлениях. Потеряв большое количество танков, артиллерии и транспорта, к

24 часам дивизия вышла из окружения и сосредоточилась в районе юго-восточнее Бродов.

Начиная с вечера 28 июня части корпуса решением командира отводились через Броды на м. Подгорце.

На следующий день немцы продолжили атаковать позиции частей корпуса. В этот день произошел интересный эпизод, который описал в своих мемуарах бывший командир корпуса генерал Д.И. Рябышев и который хорошо показывает, на что были способны советские танки при их грамотном использовании: «Танки же немцев (до 40 машин) прорвались вглубь нашей обороны. Они с ходу раздавили одну батарею и ринулись к командному пункту 12-й танковой дивизии. Положение сложилось серьезное. Генерал Т.А. Мишанин быстро выделил из своего резерва три танка КВ, четыре Т-34 и приказал танкистам уничтожить прорвавшегося врага. На помощь этой семерке я направил три танка КВ, находившиеся на командном пункте корпуса. В тылу нашей обороны завязался танковый бой. Я наблюдал, как фашистские танки с черными крестами метались между нашими громадными КВ, ища спасения. Они пытались маневрировать, чтобы получить возможность стрелять в слабую боковую броню. Но и это не помогло: КВ и Т-34 сноровисто расстреливали из своих 76-мм пушек вражеские танки... Таким образом, шесть КВ и четыре Т-34 уничтожили все 40 немецких танков, а сами не понесли потерь»¹.

Корпус был выведен во фронтовой резерв. В результате боев 26—29 июня 8-й механизированный корпус потерял (без группы Попеля) 96 танков (из них три КВ и восемнадцать Т-34), погибло 635 и ранено 1673 человека.

Даже после столь тяжелых потерь корпус представлял собой внушительную силу: оставалось в 12-й танковой и 7-й моторизованной дивизиях 19 тысяч человек личного состава, 207 танков (43 КВ, 31 Т-34, 69 БТ-7, 57 Т-26, 7 Т-40), 21 бронеавтомобиль (после сбора отставших).

2 июля корпус начал выдвижение к Проскурову.

К утру 5 июля дивизии закончили сосредоточение в Проскурове. Отсюда были отправлены в Харьков на ремонт 134 танка и 5 тракторов.

¹ *Рябышев Д.И.* Первый год войны. М., 1990.

К исходу 7 июля корпус сосредоточился в районе Казатина.

Накануне выступления в район Нежина в корпус прибыл помощник командующего фронтом по автобронетанковым войскам генерал-майор В.Т. Вольский. Он получил приказ организовать оборону Казатинского района, а войск в своем распоряжении не имел. Ему был подчинен 300-й моторизованный полк 7-й мотодивизии.

На следующий день корпус выступил по маршруту Казатин, Сквир, Белая Церковь, Киев. К утру корпус был уже за Днпром и двигался к Нежину, где сосредоточился ночью 8 июля. В этот день возвратился из отпуска начальник штаба корпуса полковник Ф.Г. Катков.

Управление корпуса в середине июля было расформировано. Дивизии стали отдельными.

27 июня 11-я немецкая танковая дивизия подходила к Острогу, за ней выдвигалась 16-я танковая дивизия. 27 июня, встретив сильную противотанковую оборону на рубеже в 10—12 километрах юго-западнее Дубно, части группы расположились на ночлег в районе деревни Турковичи.

Удар группы Попеля оказался неожиданным для противника. Группа Попеля атаковала противника в районе Вербы, отрезала выдвинувшиеся вперед в направлении Кременца к реке Икве подразделения 16-й танковой дивизии (группу командира 2-го танкового полка подполковника Сиккениуса) от главных сил и к вечеру подошли к Дубно, выйдя в тыл 11-й танковой дивизии.

28 июля в район Вербы вышел батальон 300-го мотострелкового полка 7-й мотодивизии с дивизионом артиллерии. А следовавшие за ним в 20 км главные силы 7-й дивизии и части 12-й танковой дивизии уже не смогли пробиться к группе Попеля. Путь был перерезан 75-й пехотной дивизией и 16-й пехотной бригадой 16-й танковой дивизии. Немецкие части развернулись и заняли оборону на рубеже реки Пляшевки. Попытки прорваться продолжались до 7 часов вечера, 64-й пехотный полк заявил о 22 подбитых советских танках.

16-я танковая дивизия противника, прекратив наступление в районе реки Иквы, заняла оборону между двумя разрозненными группами 8-го мехкорпуса.

29 июня группа Попеля продолжала занимать ключевые позиции в немецком тылу, вызывая серьезное беспокойство ко-

мандования вермахта. Так, начальник штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер записал в своем дневнике: «На правом фланге 1-й танковой группы 8-й русский танковый корпус глубоко вклинился в наше расположение и зашел в тыл 11-й танковой дивизии. Это вклинение противника, очевидно, вызвало большой беспорядок в нашем тылу в районе между Бродами и Дубно. Противник угрожает Дубно с юго-запада, что при учете больших запасов вооружения и имущества в Дубно крайне нежелательно».

Однако не только успех группы не был развит, но даже пробить кольцо окружения с внешней стороны никто не пытался, хотя в десятке километров южнее находились 140-я и 146-я стрелковые дивизии. Танкистам группы Попеля, основу которой составляла 34-я танковая дивизия, пришлось рассчитывать на собственные силы. И они показали танкистам генерала Хубе, на что они способны. 29 июня 16-я танковая дивизия перешла в наступление с целью освободить коммуникации, перерезанные советскими танкистами, а в результате... Вот характерные эпизоды из истории 16-й дивизии: «И снова замешательство, неразбериха, потери! Неожиданно русские провели пехотную контратаку. Атака наших войск захлебнулась. Приказ к отступлению!»; «Приказов, казалось, уже никто не слышал, началась беспорядочная стрельба вокруг. Отступление частично перешло в панику. Лишь на короткое время еще раз удалось остановить напор танков и пехоты. Вербу пришлось оставить».

30 июня 16-я танковая дивизия при поддержке авиации начала новое наступление в направлении Вербы, и хотя разбить окруженную группировку советских войск и на этот раз не удалось, положение группы Попеля было крайне тяжелым: кроме 16-й танковой дивизии с севера наступала 44-я пехотная, с востока — 111-я пехотная, с запада — 75-я пехотная дивизии.

В конце концов немцы, используя численное преимущество, разбили окруженные части 8-го мехкорпуса, из окружения удалось вырваться только небольшой части бойцов и командиров во главе с бригадным комиссаром Попелем. Объединившись по дороге с остатками 124-й стрелковой дивизии, Н.К. Попель вывел 1778 человек.

Заканчивая рассказ о действиях 8-го мехкорпуса, приведу сведения о судьбе части танков Т-35, бывших в корпусе. Из актов на списание танков, датированных 18 июля 1941 г.:

- № 183—6—9.7. — г. Волчинск, сожжены бортовые тормоза;
№ 183—16—29.6. — 20 км от Львова, поломка КПП;
№ 744—65—9.7. — между Тарнополем и Волочинском, поломка КПП;
№ 234—35—30.6. — с. Иванковцы, опрокинулся в реку вверх гусеницами;
№ 238—69—30.6. — между Буск и Красне, авария КПП;
№ 288—43—26.6. — г. Грудек, сожжен главный фрикцион;
№ 200—5—8.7. — г. Злучев, поломка КПП;
№ 234—42—3.7. — г. Запытов, сожжен главный фрикцион;
№ 237—70—30.6. — между Ожидев и Олесно, поломка КПП;
№ 744—62—26.6. — г. Грудек, сожжен главный фрикцион, снаряды все расстреляны;
№ 744—67—2.7. — г. Жидин, лопнул коленчатый вал;
№ 744—66—9.7. — с. Бояженко, сожжен главный фрикцион;
№ 196—75—9.7. — Дзердзуне, сожжен главный фрикцион, отсутствуют аккумуляторы;
№ 197—1—25.6. — 20 км восточнее Грудека, сожжен главный фрикцион;
№ 744—64, № 196—95, № 330—75. — остались в г. Грудеке в состоянии негодности, так как находились в среднем ремонте.
№ 200—4, № 196—94, № 148—50—24.6. — оставлены при производстве среднего ремонта в Садова Вишня, вооружение и оптика сняты, при отходе взорваны;
№ 220—29, № 213—35. — застряли в болоте, оставлены при отходе;
№ 200—8—26.6. — поломан коленчатый вал, машина оставлена, вооружение и оптика сняты;
№ 220—27, № 537—80—24.6. — в районе Грудека-Ягелонского поломана бортовая передача и КПП, машины оставлены, пулеметы и боеприпасы сняты и закопаны;
№ 288—11—29.6. — упал с моста и сгорел вместе с экипажем в районе Львова;
№ 988—17, № 183—16—29.6. — оставлены в районе Львова в ожидании капремонта, вооружение и оптика сняты;
№ 200—9, № 339—30, № 744—61—30.6. — поломка трансмиссии и бортовой передачи, оставлены при отходе, № 200—9 подбит противником и сгорел, вооружение и оптика сняты со всех трех машин;

№ 399—48—30.6. — район Бело-Каменки, подбит при отходе и сгорел;

№ 183—3—30.6. — район Бело-Каменки, авария двигателя, оставлен экипажем, вооружение и боекомплект сняты и закопаны;

№ 148—39—30.6. — район Верби, подбит и сгорел;

№ 482—5—29.6. — авария бортовой передачи, оставлен в с. Запуть;

№ 288—74—1.7. — район Тарнополя, авария главной и бортовой передачи, подожжен экипажем при отходе;

№ 196—96—2.7. — авария бортовой передачи, оставлен в районе Тарнополя, вооружение не снято;

№ 148—22—1.7. — поломка КПП, оставлен в лесу не доезжая д. Сосово, пулеметы сняты, оптика зарыта;

№ 288—14—28.6. — без вести пропал вместе с экипажем у с. Запуть;

№ 220—25—30.6. — с. Птичье, подбит во время атаки и сгорел;

№ 744—63—1.7. — заедание поршней двигателя, оставлены на пути из Злочува в Тарнополь, пулеметы сняты;

№ 988—15—1.7. — поломка КПП, в г. Злочув, вооружение, оптика и боеприпасы сданы на склад;

№ 715—61 — поломка КПП, оставлен в 15-км за Львовом, пулеметы сняты;

№ 988—16—30.6. — с. Птичье, подбит и сгорел во время атаки;

№ 715—62—29.6. — г. Львов, поломка привода вентилятора, оставлен экипажем, пулеметы сняты;

№ 339—68—30.6. — авария бортового фрикциона, подбит и сгорел под Бродами;

№ 200—0. — с. Птичье, сгорел в бою во время атаки.

Из 47 машин одна пропала без вести. Из 46 машин, о причинах гибели которых имеются сведения, 39 (85 %) погибли не от боевых повреждений. Из этого количества по вине экипажа погибли всего две машины, упавшие с моста, и возможно, экипажи двух танков, застрявших в болоте. Две машины (4 %) после аварии были добиты немцами. Только 5 танков (11 %) были уничтожены вражеской артиллерией.

Три или четыре танка Т-35, находившиеся в Харькове, в июле — августе 1941 г. после окончания ремонта были отправлены в войска, но их дальнейшая судьба неизвестна.

Из четырех танков Т-35, находившихся к июню 1941 г. в Московском военном округе, два танка в составе танкового полка ВАММ приняли участие в битве за Москву.

Больше танки Т-35 не участвовали в боевых действиях, зато не покидали передовых позиций психологической войны. По-прежнему в больших количествах выпускались медали «За отвагу!» с изображением Т-35. В 1943 г. танк Т-35 появился на знаменитом плакате «За освобождение Советской земли».

В самом конце 1941 г. два танка Т-35, принадлежавших КБТКУТС, снимались под Казанью в документальном фильме «Битва за Москву». Нет, нет! Здесь не опечатка. На самом деле этот фильм был не документальным, а игровым. Документальные съемки наших фронтовых операторов под Москвой показались Сталину малоинформативными, и фильм пришлось переснять уже как игровой.

В 1990-х годах в СМИ прошла информация, что немцы одну пятибашенную громадину доставили для испытаний на Куммерсдорфский полигон. А в апреле 1945 г. этот Т-35 немцы использовали при обороне Берлина.

Последний же Т-35 до сих пор экспонируется в танковом музее в Кубинке.

Действия танков 15-го мехкорпуса

15-й механизированный корпус, которым командовал генерал-майор И.И. Карпезо, к июню 1941 г. располагал 716-ю танками, а по данным Мельгунова — 749-ю танками. Из них в 10-й танковой дивизии было 363 танка, включая 63 КВ и 38 Т-34. В 37-й танковой дивизии было 316 танков, в том числе один КВ и 34 танка Т-34.

10-я танковая дивизия перед войной дислоцировалась в районе г. Злочева, а 37-я танковая дивизия — в районе г. Кременец.

22 июня в 4 ч 45 мин в штабе 15-го мехкорпуса было получено извещение о переходе германскими войсками нашей госграницы и бомбежке наших аэродромов германской авиацией. Командир корпуса тут же объявил боевую тревогу и вскрыл пакет с директи-

вой штаба Киевского особого военного округа № 0013 от 31 мая 1941 г.

Дивизии корпуса стали выходить в районы сосредоточения согласно данной директиве: 10-я танковая дивизия — Золочов, Почапы, Сасув, Бялы Камень; 37-я танковая дивизия — Гайе Смоленске, Кадлубиска, Пониква; 212-я моторизованная дивизия — Бордуляки, Станиславчик, Руда-Бродзка, Ясна. Корпусные части оставались в местах расквартирования на зимних квартирах. Штаб 15-го мехкорпуса расположился в лесу у Подгорце.

Приключения частей 10-й танковой дивизии в районе Радзехова 22 июня уже описаны в предыдущей главе.

А на следующий день по приказу командующего Юго-Западным фронтом 10-я танковая дивизия должна была наступать в направлении Радзехув, Бышув, Сокаль и уничтожить сокальскую группу противника, не допустив отхода ее на западный берег реки Западный Буг.

37-й танковой дивизии было приказано к 18 часам сосредоточиться в районе Оплуцко, Охладув в готовности к удару в направлении на Лопатын, Виткув Новы.

212-й моторизованной дивизии ставилась задача удерживать рубеж Бордуляки, Руда-Бродзка и не допустить прорыва противника в направлении Броды.

В 15 ч 00 мин 23 июня 20-я танковая дивизия и 10-й мотострелковый полк атаковали до роты вражеской пехоты в направлении Радзехова и подбили пять танков противника и 12 противотанковых орудий. А 19-й танковый полк, застряв в болоте в районе Копты, Олеско, на указанный рубеж к сроку не вышел, в атаке не участвовал и к 16 часам находился на рубеже реки Радоставка. 10-й артиллерийский полк и 10-й зенитный артиллерийский дивизион находились в пути следования из лагерей.

37-я танковая дивизия на основании приказа командира корпуса сосредоточивалась в районе Оплуцко, Охладув, Грабина и к 14 часам достигла рубежа Соколувка, Баймаки. В это время в районе Адам разведка обнаружила 100 танков противника. Повернув дивизию на Адамы и не найдя там танков противника, командир 37-й танковой дивизии продолжал после этого выполнение задачи по сосредоточению дивизии в район Оплуцко, но с опозданием на 5—6 часов. В район Оплуцко дивизия не вышла в связи с

задержкой в районе Адамы и к 2 часам ночи 24 июня дошла лишь до рубежа реки Радоставки.

Согласно приказу командующего Юго-Западным фронтом № 0015 от 24 июня, полученному командиром 15-го мехкорпуса в 8 ч 30 мин 25 июня, корпусу ставилась задача на 25 июня занять исходное положение для перехода в атаку для разгрома подвижной группы противника, находящегося на линии к северу от Шуровице, Дмитрув, Мосты Вельке и выход в район Сокаль.

Командир 15-го мехкорпуса приказал: 10-й танковой дивизии выйти в район Топорув, Холоюв и быть в готовности к нанесению удара в направлении Радзехув. К этому времени 20-й танковый и 10-й мотострелковый полки занимали уже оборону на рубеже южнее Холоюв. 19-й танковый полк к 20 часам сосредоточился в районе высоты 210,0 севернее Топорув, остальные части дивизии — в районе Топорув. 10-й понтонно-мостовой батальон получил задачу навести две переправы на реке Поток Пуста.

В 16 часов для противодействия разведывательным танковым группам противника командир 20-го танкового полка выделил группу в составе 15 танков под командованием начальника штаба полка майора Говора. Ворвавшись в глубину противотанковой обороны противника, отряд майора Говора был встречен сильным противотанковым и артиллерийским огнем противника. В результате боя уничтожено: 56 противотанковых орудий, 5 танков и до роты пехоты противника. Наши потери составили 4 танка КВ и 7 танков БТ-7. Не вернулось из боя четыре танковых экипажа, в том числе начальник отряда майор Говор.

А в это время германские пехотные части охватывали фланги 10-го мотострелкового и 20-го танкового полков в районе Холоюв. 10-й мотострелковый полк с 20-м танковым полком и двумя батареями 10-го гаубичного артиллерийского полка контратаковали противника. В результате немцы потеряли убитыми и ранеными до батальона пехоты.

37-я танковая дивизия получила задачу подготовить из подручных материалов переправы через реку Радоставку, выйти передовыми частями на рубеж Колесники, лес Монастырек Охладовский и быть готовой к атаке в направлениях: Лопатынь, Радзехув и Охладув, Радзехув. В течение 25 июня дивизия выполняла данную задачу и вышла двумя полками Колесники, лес Монастырек

Охладовский, ведя бои с мелкими разведывательными группами противника при форсировании реки Радоставки.

212-я моторизованная дивизия, обороняясь на рубеже Радзивиллув, Шнырув, Пяски, вела бои с немецкими частями, наступавшими со стороны Лешнова.

Штаб 15-го мехкорпуса, расположенный в лесу южнее Топорув, дважды подвергся бомбардировке противником.

В течение дня 26 июня 20-й танковый и 10-й мотострелковые полки 10-й танковой дивизии вели бои в районе Холоюва. 19-й танковый полк в 10 часов утра атаковал противника в направлении Охладува и уничтожил 18 танков противника, около 70 противотанковых орудий и до батальона пехоты, а также сбил два вражеских самолета. Полк потерял 9 танков КВ и 5 танков БТ-7; 72 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Затем 19-й танковый полк отошел в район Монастырек Охладовский.

73-й и 74-й танковые полки 37-й танковой дивизии вышли на рубеж Колесники и лес восточнее Монастырек Охладовский.

8-я танковая дивизия к вечеру 26 июня сосредоточилась в районе Буска. 212-я моторизованная дивизия прикрывала Броды до выхода в этот район 8-го мехкорпуса.

В 18 ч 00 мин 26 июня 18 самолетов противника подвергли тяжелой бомбардировке командный пункт 15-го механизированного корпуса на высоте 210,0 южнее Топорув. Бомбежка продолжалась в течение 50 минут. В результате был тяжело контужен командир корпуса генерал-майор Карпезо, ранено два красноармейца и один убит. 10-й зенитный артиллерийский дивизион пулеметным огнем зенитных установок сбил семь вражеских самолетов. После выбытия из строя командира 15-го механизированного корпуса генерал-майора Карпезо в командование корпусом вступил заместитель командира корпуса полковник Ермолаев.

С 23 ч 00 мин 26 июня на командном пункте командира 15-го мехкорпуса в Гумены получили приказ штаба Юго-Западного фронта, переданный комбригом Петуховым. Этим приказом 15-му мехкорпусу ставилась задача во взаимодействии с 8-м мехкорпусом разгромить мотомеханизированную группу противника, действующую на дубенском и кременецком направлениях. 15-й мехкорпус с 8-й танковой дивизией с 9 ч 00 мин 27 июня должен был наступать в направлении Лопатынь, Щуровице, Дубно и к

исходу дня выйти в район Берестечко, в дальнейшем наступать в направлении Дубно.

8-я танковая дивизия, приданная на усиление 15-го мехкорпуса еще 24 июня, к исходу 26 июня только сосредоточилась в районе Буск.

К исходу 26 июня части 15-го мехкорпуса имели: 10-я танковая дивизия — танков КВ — 10, Т-34 — 5, Т-28 — 4, БТ-7 — 20; 37-я танковая дивизия — танков Т-34 — 29, БТ-7 — 185, Т-26 — 7.

Приданная на усиление 15-го механизированного корпуса 8-я танковая дивизия имела сводный танковый полк в составе 65 танков.

Итого, в корпусе с 8-й танковой дивизией к наступлению было 325 танков разных систем, то есть до двух танковых полков.

Кроме этого, почти вся боевая материальная часть после 5-дневных боев и маршей требовала планового осмотра и ремонта.

В 37-й танковой дивизии имелось три 122-мм орудия, четыре 152-мм орудия и четыре орудия полковой артиллерии. В 10-й танковой дивизии — десять 122-мм орудий, двенадцать 152-мм орудий и три орудия полковой артиллерии. Итого, 36 орудий. Плотность на 1 км фронта составляла 2,4 орудия.

28 июня 10-я танковая дивизия наступала в направлении Лашкув, Завидче, Смажув, Берестечко и в течение дня вела бои в районе урочища Воля Адамовска за овладение Лопатынь. Перейти гать между урочищем Воля Адамовска и Северувкой части дивизии не смогли и были окружены противником. Находящийся в это время вместе с 19-м танковым полком командир 15-го мехкорпуса полковник Ермолаев, видя всю обстановку и невозможность частям 10-й танковой дивизии переправиться через реку Острувка по одной гати, находящейся под обстрелом, до дивизиона тяжелой артиллерии и противотанковых орудий противника из района Лопатынь и из района Охладув, выслал делегата связи (своего адъютанта) в 8-ю танковую дивизию для передачи устного приказа дивизии на форсирование реки Острувка в районе Гута Шкляна и поддержки 10-й танковой дивизии с запада ударом на Лопатынь и установил сигналы взаимодействия дивизий по овладению Лопатынь.

Выехавший на легковой машине делегат связи лейтенант Обернихин был обстрелян пулеметным огнем и огнем противо-

танковых орудий, в результате чего водитель машины и лейтенант Обернихин были ранены, а машина сгорела. Лейтенант Обернихин добрался хлебами и оврагами до 8-й танковой дивизии и передал приказ командира корпуса.

С такой же задачей были высланы еще два танка БТ, но и их подожгли немцы, действуя из района Грабина. Это говорило о том, что противник обходит с тыла 10-ю танковую дивизию.

После установления делегатской связи с 37-й танковой дивизией командиру корпуса стало известно, что 37-я танковая дивизия форсирует реку Острувка. В 21 час 28 июня германская пехота с противотанковыми орудиями просочилась с направления Оплуцко и Колесники в леса урочища Воля Адамовска, где и завязался лесной бой танков с пехотой. Наступала ночь. Все попытки 10-й танковой дивизии переправиться через реку Острувку успеха не имели. Части дивизии несли большие потери в танках от огня противотанковых орудий и артиллерии.

В это же время пехотные части противника, отброшенные 37-й танковой дивизией из района Станиславчик, находились в районе Шиманувка, Конты Троицке и по реке Радоставка. Остаться 10-й танковой дивизии в данном районе на ночь, находясь под перекрестным огнем артиллерии и противотанковых орудий и будучи окруженной, было бесполезно и могло привести к потере всей дивизии. Тогда командир корпуса принял решение и передал устный приказ командиру 19-го танкового полка подполковнику Пролееву рокировать части 10-й танковой дивизии из данного района на восток на направление 37-й танковой дивизии, имея задачей вместе с 37-й танковой дивизией овладеть Лопатынью с юго-востока.

По выходе частей 10-й танковой дивизии в район Панкова командиром корпуса было установлено, что 37-я танковая дивизия, дерущаяся в 23 часа на переправе реки Острувка и высоте 202,0, овладеть переправой не могла и несет большие потери от огня противника. Для 10-й и 37-й танковых дивизий, находившихся под непрерывным артиллерийским обстрелом противника в горловине между двумя реками — Острувка и Стырь, оставаться было бесцельно, и командир 15-го механизированного корпуса полковник Ермолаев отдал приказ командиру 19-го танкового полка выйти на восточный берег Стыри в районе Станиславчик и прикрыть отход 37-й танковой дивизии, которой также была по-

ставлена задача, через командира 19-го танкового полка, выйти на восточный берег Стыри и занять оборону по реке Радоставка на своем прежнем исходном рубеже.

В результате боя 10-й танковой дивизией потеряно: один танк КВ, семь танков БТ, один танк Т-34, шесть человек ранено и один убит. Пропал без вести командир 10-го артиллерийского полка майор Боковнев. Потери немцев в лесном бою полностью учесть не удалось. По данным очевидца, уничтожена батарея противника и 15 мотоциклов.

8-я танковая дивизия, получив устный приказ через делегата связи, вела бой с противником до 29 июня в направлении Охладув, подвергаясь сильному артиллерийскому обстрелу, и понесла большие потери. Из района Охладув она отошла в лес юго-восточнее. Благодаря активным действиям 8-й танковой дивизии в направлении Охладув левый фланг корпуса был обеспечен с запада, и 10-я и 37-я танковые дивизии смогли отойти на рубеж реки Радоставки.

212-я моторизованная дивизия до 21 часа удерживала рубеж (иск.) Радзивиллув, Шнырув, Пяски и в 21 час под натиском превосходящих сил противника отошла на новый рубеж: высота 261,0, Гайе Смоленске, Глушин, Голосковице.

Командный пункт 15-го мехкорпуса расположился на кладбище на северной окраине Топорува.

29 июня на командный пункт 15-го мехкорпуса в Каштеляны прибыл представитель Юго-Западного фронта и вручил командиру корпуса приказ Юго-Западного фронта: с подходом и сменой частями 37-го стрелкового корпуса, 15-му механизированному корпусу выйти во фронтовой резерв и сосредоточиться в районе Бялы Камень, Сасув, Золочов, Ляцке.

Командир 15-го мехкорпуса отдал приказ дивизиям в ночь с 29 на 30 июня после смены частями 37-го стрелкового корпуса перейти в новый район и сосредоточиться: 10-й танковой дивизии — Цыкув, Доузенька, Бялы Камень; 37-й танковой дивизии — (иск.) Сасув, ур. Городыловский Ляс, Денбина; 8-й танковой дивизии — Княже, Ляцке, Залесье. Движение колонн начать в 22 ч 00 мин 29 июня. С этого момента начался планомерный организованный отход частей дивизии, продолжавших вести бои с наступавшим противником.

Выполняя приказ командира корпуса, дивизии стали выходить в новый район сосредоточения и прибыли: 10-я танковая дивизия — к 6 часам утра 30 июня; 37-я танковая дивизия, отходя с боями и взаимодействуя с 141-й стрелковой дивизией, — к 2 часам ночи 1 июля; 8-я танковая дивизия — в район юго-восточнее Лацке. Штаб корпуса к 14 часам 30 июня разместился в Луке в 9 км юго-восточнее Злобува.

212-я моторизованная дивизия в течение дня 29 июня удерживала одним мотострелковым батальоном Красные казармы в Броды. Остальные части дивизии обороняли рубеж: высота 261,0, Гайе Смоленске; Глушин Голосковице.

30 июня части 15-го мехкорпуса находились в районе сосредоточения Бялы Камень, Сасув, Золочов. Подтягивались отдельные подразделения и машины частей корпуса.

10-я танковая дивизия находилась в районе Бялы Камень и лес северо-восточнее и вела разведку в направлении Буск, Красне.

20-й танковый полк с 1-м батальоном 10-го мотострелкового полка уничтожил отряд противника в количестве 20 человек пехоты, два противотанковых орудия, два тяжелых орудия и два танка.

37-я танковая дивизия вышла в заданный район только к исходу 30 июня. 73-й танковый полк получил задачу от командира 141-й стрелковой дивизии уничтожить обходящего противника и обеспечить отход двух правофланговых полков дивизии в южном направлении. Полк пошел в атаку и уничтожил до батальона вражеской пехоты и до дивизиона артиллерии. Это дало возможность 141-й стрелковой дивизии планомерно отходить на юг, избежав окружения. К 19 часам 30 июня 73-й танковый полк вышел в район Ражшова, где посадил на танки два батальона 37-го мотострелкового полка и к 2 часам ночи 1 июля вышел в район сосредоточения дивизии — урочищу Городыловский Ляс.

74-й танковый полк при отходе с рубежа реки Радоставки постоянно отбивался от мелких преследовавших его отрядов немцев и к 6 часам утра 30 июня сосредоточился в районе Сосынинки (в 4 км севернее Золочева).

212-я моторизованная дивизия в 20 часов 30 июня начала отход на новый рубеж обороны Кругув, Нуше, Лопушаны, Олеюв. Штаб 15-го механизированного корпуса оставался в Луке.

Вечером 30 июня районы сбора корпуса и командный пункт командира корпуса подверглись усиленной бомбардировке авиацией противника. Особенно жестоко бомбардировалось шоссе восточнее Золочов, которое все было забито горящими автомашинами бесчисленных колонн.

Оставив Львов, части 6-й армии отходили на восток. Командир 15-го мехкорпуса принял решение прикрывать тремя танковыми дивизиями (10-й, 37-й и 8-й) отход соединений 6-й армии от наступавших в районе Броды, Дубно германских пехотных дивизий. Чтобы не подвергаться атакам вражеских бомбардировщиков, весь автотранспорт корпуса по лесным дорогам, мелкими группами, отправился в район Подкамень, Заложце.

10-я танковая дивизия в ночь на 1 июля совершила переход в район леса севернее Обожанце. 10-й мотострелковый и 10-й артиллерийский полки, прикрывая отход дивизии, к 9 часам заняли оборону западнее Колтув на рубеже Руда Колтувска, Хмелева. В 14 часов 10-й мотострелковый и 10-й артиллерийский полки вступили в бой с моточастями противника, были сильно потрепаны и отошли в район сосредоточения дивизии. Дивизия потеряла 14 автомашин. К 15 часам вся дивизия сосредоточилась в районе Колтув, где и производила дозаправку машин. Тылы дивизии к этому времени находились в лесу северо-западнее Олеув. Закончив дозаправку машин, дивизия продолжала движение и к исходу 1 июля сосредоточилась в Обожанце.

37-я танковая дивизия, отбивая атаки передовых частей противника и находясь под сильным воздействием авиации противника, с утра 1 июля продолжает отходить в восточном направлении в район Заложце Нове.

При отходе из урочища Городыловский Ляс (севернее Золочева) 73-й танковый полк в 10 часов утра 1 июля начал движение по маршруту Сасво, Колтув, Кругув, Копане, Гнидава, Ратыще, лес севернее и западнее высоты 376. При отходе головной колонны к переправам через реку Серет западнее Колтува по хвосту колонны четыре танка и мотоциклисты противника открыли пулеметный огонь. Одновременно до двух батальонов мотопехоты, при поддержке артиллерийского огня (до двух батарей) из района Дембина, подошли к району с. Калинка. В это время голова колонны 74-го танкового полка из Хмольопа вытягивалась к северу на шоссе Сасов — Колтув, поэтому 73-й танковый полк был

вынужден задержаться. Командир 73-го танкового полка повел в атаку 10 танков. Одновременно командир 10-го мотострелкового полка повел в атаку 150 красноармейцев. Бой с переменным успехом длился более четырех часов. В результате немцы, потеряв несколько танков и до батальона пехоты, отошли к Сасову.

Затем 73-й танковый полк, понеся большие потери, под прикрытием огня 74-го танкового полка, занявшего рубеж в районе безымянной высоты северо-восточнее Хмельова, продолжал движение по своему маршруту и к 23 часам 2 июля вышел к высоте 376.

В результате боев в районе Станиславчик, Манастырек, урочище Турзиньски Ляс, Ражнюв и в районе Сасова и Колтува 73-й танковый полк вышел в район своего сосредоточения к высоте 376 без тыловых подразделений и потеряв большинство танков.

74-й танковый полк, прикрыв отход своих тыловых подразделений и остатков 73-го танкового полка, двигался по маршруту Колтув, Карбузув, Олейют, Заложцы-Старе, Гайе Розтоцке. При подходе к Тросьянцу полк попал под артиллерийский и пулеметный огонь противника. К этому времени командир 74-го танкового полка имел разведанные о том, что переправа через Серет у Заложцы-Нове взорвана немцами. Оставив прикрытия со стороны Тросьянца, он повел свой полк через Книдава на переправу через Серет у Ратыше. Но у западной окраины Гайе Розтоцке полк был атакован немецкими танками, которые поддерживала артиллерия из района Гайе Розтоцке. Атаку удалось отбить, и немцы, понеся большие потери, отступили на юго-восток. В этом бою пропал без вести командир 74-го танкового полка полковник Коюнтин.

При отходе из района Золочев в район урочище Ляс Остра Гура (восточнее Заложцы-Нове) второй эшелон штаба дивизии 1 июля на подходе к с. Олеюв был отрезан от переправ через Серет у Заложцы-Нове. Горючее было на исходе, а высланные бензовозы не могли пробиться из-за многочисленных пробок на дорогах. Поэтому начальник второго эшелона штаба дивизии капитан Дорохин приказал слить весь оставшийся в баках бензин в несколько автомашин, на которые и посадили командный состав второго эшелона, а также погрузили ценные документы. С этим составом второго эшелона штаба и остатками ремонтно-восстановительного батальона Дорохин вышел из окружения и присоединился к своей дивизии в Старо-Константинове.

2 июля противник продолжает развивать наступление в восточном и юго-восточном направлениях, а 15-й танковый корпус отходил на восток. К 22 часам он сосредоточился в районе Збараж. Приказом командира корпуса дивизии выходили в районы: 37-я танковая дивизия — в лес 2 км северо-восточнее Новики; 10-я танковая дивизия — к Ивашковце и лесу северо-восточнее и восточнее; 8-я танковая дивизия — к Стехниковце, Курники; 212-я моторизованная дивизия — к Дальня, Нетреба. Штаб 15-го мехкорпуса следовал в полосе 10-й танковой дивизии. Район сбора командир корпуса назначил населенный пункт Новики.

10-я танковая дивизия, получив приказание штаба 6-й армии оборонять Тарнополь, в 6 часов утра 2 июля выступила в заданном направлении и к 14 часам заняла оборону на северной окраине Тарнополя, прикрывая отход тылов и частей 6-й армии. В 15 часов дивизия продолжила отход в направлении Подволочиска и к 19 часам заняла оборону на восточной окраине Ступники. В 20 часов дивизия встретила колонну танков противника и огнем своих танков с места, при поддержке артиллерии, приостановила движение неприятельской колонны. Было уничтожено шесть немецких танков и два противотанковых орудия. Наша 10-я дивизия потеряла один танк БТ. С наступлением темноты 10-я танковая дивизия вышла из боя и к утру отошла в Подволочиск.

37-я танковая дивизия, прикрывая отход корпуса с северо-восточного направления от мелких частей противника, к тому времени уже овладевшего Вышгородком, следовала по маршруту Збараж, Бялозурка, Базаляя.

212-я моторизованная дивизия, находясь в районе Олеюв, Пэрэпэльніки, продолжала отбивать атаки прорвавшихся частей противника и отходить в направлении Ратище. Во время переправы через Серет у Ратище дивизия снова имела столкновение с наседавшим противником и лишь к утру 3 июля сосредоточилась в лесу западнее Подлиски (восточнее Заложце-Нове), где подверглась сильному артиллерийскому обстрелу со стороны Залесьце и бомбежке с воздуха.

Прибывший к утру 2 июля в район Новики командир корпуса получил приказ Юго-Западного фронта о дальнейшем отводе 15-го механизированного корпуса в район Старо-Константинов, куда требовалось прибыть к утру 4 июля.

Согласно таблице марша, данной дивизиям штабом корпуса, последние должны были к утру 4 июля сосредоточиться в районах: 10-я танковая дивизия — Жабче, Стецки, Маньки (севернее Старо-Константинова); 37-я танковая дивизия — Новики, Радковце, Капустин; 212-я моторизованная дивизия — Новомайское, Бутовце, Волица-Керекешина. Штаб корпуса должен был расположиться в промежуточном районе сбора Колки (севернее Базаля), куда прибыл к исходу дня 2 июля.

К исходу 3 июля части корпуса головами колонн прибыли в район Старо-Константинова, куда в течение ночи на 4 июля продолжал подтягиваться остальной личный состав и материальная часть корпуса.

10-я танковая дивизия к 6 часам утра 3 июля вышла в район Подволочиск, где заняла оборону, прикрывая переправу и обеспечивая переход частей и тылов 6-й армии через реку Збруч. В 16 ч 00 мин противник перешел в наступление, а в 16 ч 30 мин дивизия с боем отошла в Каневку, переправившись через Збруч в трех местах: Подволочиск, севернее Подволочиска, Тарноруда.

212-я моторизованная дивизия после сосредоточения в лесу Подлиски продолжила переход в район сосредоточения Старо-Константинов. Штаб корпуса обосновался в лесу северо-западнее Старо-Константинова.

Командир 15-го мехкорпуса полковник Ермолаев, прибыв на командный пункт штаба корпуса, получил приказ командующего 6-й армией от 3 июля 1941 г.: «Всю исправную материальную часть (боевую) сосредоточить согласно приказу командующего фронтом в мое распоряжение. Остальную материальную часть и тылы направлять на восток, не переходя линии Ст. Константинов, Проскуров.

Районы сосредоточения материальной части 15-го механизированного корпуса: Купель, Топорувка.

Задача: немедленно повернуть боевую материальную часть, следовать в указанные районы и лично, или ответственного командира, прибыть в штаб 6-й армии в Волочиск».

Командир 15-го мехкорпуса в 21 час 3 июля выехал в Проскуров в штаб Юго-Западного фронта для доклада о положении корпуса и получения указаний на дальнейшие действия в связи с приказом командующего 6-й армией. Но, не застав штаба Юго-Западного фронта в Проскурове, командир корпуса вел перегово-

воры по прямому проводу с Житомиром и получил следующее указание начальника штаба Юго-Западного фронта: 15-му механизированному корпусу выполнять задачу, поставленную лично начальником штаба Юго-Западного фронта Пуркаевым, то есть о выходе корпуса в район Уланова.

4 июля командир 15-го мехкорпуса получил указание от начальника штаба Юго-Западного фронта: «15-й механизированный корпус продолжает оставаться во фронтовом резерве и к исходу 5.07.1941 г. сосредоточивается в районе (иск.) Игнатовка, Березовка, Марьяновка (все пункты южнее Любар)».

Полковник Ермолаев приказал к исходу 5 июля своим дивизиям сосредоточиться в следующих районах: 10-й танковой дивизии — бывший фольварк Одай, (иск.) Мазепинцы, высота 307,0; 37-й танковой дивизии — Марьяновка, (иск.) Любарка, высота 305,0; 212-й моторизованной дивизии — Мазепинцы, Березовка, Рогозна. Частям приказано приступить к выполнению данного приказа не позднее 16 ч 00 мин 4 июля.

Однако из-за изменившейся метеорологической обстановки и исключительно тяжелого состояния грунтовых дорог после прошедших дождей дивизии сосредоточились в районах: 10-я танковая дивизия — Петриковцы, Смела, Липятин; 37-я танковая дивизия — Аркуши, Мытинцы, Зазулинцы; 212-я моторизованная дивизия — (иск.) Уланов, Сальница, Рыбчинцы. Штаб корпуса находился в Уланове.

10-я танковая дивизия после переправы через реку Збруч сосредоточилась в лесу севернее Проскуров, где производила дозуправку машин. А в это время 37-я танковая и 212-я моторизованная дивизии совершали марш в район Уланов.

На следующий день, 5 июля, части 15-го механизированного корпуса продолжали двигаться в район Уланова. Головные подразделения частей 15-го мехкорпуса начали сосредоточиваться в указанных им приказом районах.

К исходу дня в район сбора прибыла только 10-я танковая дивизия в составе штаба дивизии, отдельных боевых машин танковых полков и своих тылов. Дивизия сосредоточивается в районе Петриковцы, Смела, Липятин. Тылы дивизии разместились в лесах у Райгородок. 10-й мотострелковый полк прибыл в составе двух-трех рот. Командир дивизии выслал разведку в составе одного разведывательного дозора в направлении Любар, Полонное.

37-я танковая дивизия в указанный командиром корпуса район сосредоточения не прибыла, а начала сосредоточиваться в лесах южнее Хмельник. 212-я моторизованная дивизия также не прибыла.

6 июля 15-й мехкорпус продолжал сосредоточиваться в район Уланова. Прибыли отдельные машины и подразделения частей корпуса. Прошедшие дожди сделали грунтовые дороги труднопроходимыми. В течение дня производился учет прибывшего личного состава, материальной части и вооружения.

К 11 часам 6 июля в районах сосредоточения было налицо: в 10-й танковой дивизии — два танка КВ, три танка Т-34, один танк Т-28, двенадцать танков БТ, два танка Т-26 и 21 бронемашина; в 37-й танковой дивизии — два танка Т-34, восемь танков БТ, пять бронемашин. Из 212-й моторизованной дивизии прибыла только одна бронемашина. Прибыл штаб 37-й танковой дивизии и сосредоточился в лесах южнее Хмельник. Штаба и командования 212-й моторизованной дивизии в районе сосредоточения все еще не было.

Командир корпуса приказал дивизиям сформировать отряды для борьбы с авиадесантами и мелкими частями противника, могущими прорваться с фронта, и для помощи частям, защищающим Любарский укрепленный район.

На основании решения Военного совета Юго-Западного фронта командир 15-го механизированного корпуса получил приказ: из всей оставшейся боевой материальной части и стрелковых подразделений корпуса сформировать сводные отряды и их силой оборонять рубеж по р. Гнилопять в районе Бердичева. Материальная часть строевых и тыловые подразделения частей 15-го механизированного корпуса отправить в район Пириятин, оставив в районе Уланов лишь необходимое количество машин для обслуживания боевого состава оставшихся сводных отрядов.

Выполняя данный приказ, были сформированы сводные отряды в составе: 10-й танковой дивизии — сводный батальон пехоты от 10-го мотострелкового полка, рота танков от 20-го танкового полка, сводный артиллерийский дивизион в составе трех 152-мм орудий, двух 122-мм орудий, разведывательная рота от 10-го разведывательного батальона в составе шести бронемашин и двух танков БТ, взвод связи и две радиостанции 5-АК. Командиром отряда назначен командир 10-го мотострелкового полка полковник Пше-

ницын, заместителем командира по политчасти — батальонный комиссар Курков. Штабом отряда стал штаб 10-го мотострелкового полка.

Вместе с отрядом осталась оперативная группа штаба 10-й танковой дивизии во главе с командиром 10-й танковой дивизии генерал-майором Огурцовым.

В 37-й танковой дивизии была сводная танковая рота в составе двух танков Т-34 и двенадцати танков БТ.

В 212-й моторизованной дивизии — сводный мотострелковый батальон под командованием командира полка майора Покорного.

Выделенные отряды, объединенные под командованием генерала Огурцова, названные группой «Казатин», поступили в распоряжение командующего бердичевской группой комдива Соколова, собравшего из оказавшихся в районе Бердичева разрозненных частей и отрядов группу войск и в течение нескольких дней пытавшегося отбить Бердичев, занятый 11-й танковой дивизией вермахта 7 июля. Генерал-майор Ноздрунов был отправлен к комдиву Соколову на должность начальника штаба 16-го мехкорпуса в бердичевской группировке войск.

К исходу дня 7 июля стало известно, что в Янушполь из Чуднов прорвалось несколько танков противника, 10-й танковой дивизией немедленно была организована оборона прикрытия перекрестка шоссе юго-западнее Райгородок, чтобы обеспечить проход тылов 10-й танковой и 212-й моторизованной дивизий и штаба корпуса. Тылы 37-й танковой дивизии начали отход из района Хмельник в направлении на Калиновку и далее на Пириятин через Канев. Все части корпуса, кроме оставшейся группы боевого состава в распоряжении командующего бердичевской группы, начали марш в новый район сосредоточения — Пириятин.

К 10 июля тылы корпуса начали сосредоточиваться в лесах северо-восточнее и восточнее Пириятина.

К исходу 12 июля в районы сосредоточения дивизии прибыло:

10-я танковая дивизия — 756 человек начальствующего состава, 3894 человека младшего начальствующего и рядового состава, шесть танков БТ (все требуют среднего ремонта), 17 бронемашин,

545 колесных машин, 14 тракторов, четыре 37-мм зенитных орудий, четыре 122-мм гаубиц, двадцать одно 45-мм орудие.

37-я танковая дивизия — 409 человек начальствующего состава, 1612 человек младшего начальствующего и рядового состава, два танка БТ, один танк Т-34, десять бронемашин, 144 колесные машины, два 37-мм зенитных орудия, одно 76-мм орудие, двенадцать 45-мм орудий.

212-я моторизованная дивизия — 745 человек младшего начальствующего и рядового состава, две бронемашины, 16 колесных машин, две 45-мм пушки, одна 122-мм гаубица, одна 37-мм пушка.

Здесь части корпуса привели себя в порядок и приступили к регулярным занятиям с личным составом.

10-я танковая дивизия была переформирована по штатам июля 1941 г. и впоследствии действовала в составе 40-й армии в качестве отдельной. Командовал ею бывший командир 19-й танковой дивизии генерал-майор танковых войск К.А. Семенченко. На ее базе сформированы 133-й танковый полк 133-й танковой бригады и 20-й учебный танковый полк.

37-я танковая дивизия 10 августа переформирована в 3-ю танковую бригаду под командованием полковника Н.А. Новикова.

212-я моторизованная дивизия была реорганизована в стрелковую, а командовал ей бывший командир полка полковник В.В. Бардадин.

Приведу анализ боевых действий 15-го мехкорпуса, обнаруженный Евгением Дригом в Центральном архиве Министерства обороны (ЦАМО РФ.Ф. 37, оп. 80038сс, д. 1, лл. 20—42) и опубликованные на сайте mchcorps.rkka.ru.

Недочеты в боевых действиях частей 15-го механизированного корпуса

1. Серьезным недочетом первых дней боевых действий корпуса являлся одновременный выход частей в район Радзехув, Охладув 22–23 июня 1941 г., вследствие большой разбросанности частей корпуса по дислокации мирного времени и медленного выдвижения 37-й танковой дивизии, которая получила задачу уничтожить танки противника в районе Адамы 23.6.41 г. и, как оказалось, удар наносила по пустому месту, что задержало выход ее в район сосредоточения на 6 часов.

19-й танковый полк 10-й танковой дивизии опоздал выходом в указанный район на целые сутки, так как застрял в болотах в районе Соколувка, Копты.

Благодаря одновременному выходу частей корпуса в указанный район удар по противнику первые 3 дня наносился по частям. В начале атаковал противника 20-й танковый полк с 10-м мотострелковым полком, затем атаковал 19-й танковый полк, который проявил частный почин и атаковал противника самостоятельно, без взаимодействия с другими частями корпуса, в результате чего нанес большой урон противнику, но и сам понес большие потери и вынужден был отойти в исходное положение. 37-я танковая дивизия овладевала рубежом Колесники, Монастырек Охладовский также без увязки действий с другими частями.

2. С первого дня встречи с противником 15-й механизированный корпус действовал на фронте до 70 км, что крайне затрудняло управление корпусом, действовавшим в лесисто-болотистой местности с плохой сетью дорог, крайнего недостатка средств передвижения в штабе корпуса, отсутствия самолетов связи и при наличии всего двух радиостанций вместо восьми. Благодаря этому связь с частями, со штабом Юго-Западного фронта, со штабом 6-й армии была крайне затруднена. Штаб корпуса был не укомплектован и не сколочен. Приказы фронта и штаба 6-й армии поступали с большим опозданием.

3. Действие механизированного корпуса на таком широком фронте и отрыв 212-й моторизованной дивизии от корпуса на 50 и более километров не давали возможности использовать моторизованную дивизию в тесном взаимодействии с танковыми дивизиями и нанесения сокрушительного удара по противнику на главном направлении. В результате чего танковые соединения, не имея своей пехоты, вынуждены были действовать самостоятельно. К тому же атаки танковых частей благодаря недостатку артиллерии не сопровождалась артиллерийским огнем и не предварялись артиллерийской подготовкой, а первые 3 дня боев не было бронебойных снарядов (в 19-м и 20-м танковых полках было всего на полк по 96 бронебойных снарядов).

Поддержки нашей авиации не видели в течение всех боев.

Захваченные рубежи танками, благодаря малочисленности нашей пехоты, не закреплялись последней. Стрелковые части, которые были хорошо вооружены и оснащены техникой, при поддержке артиллерии и танков дрались хорошо; ходили в атаки, которых немцы не выдерживали и бежали (пример 10-й мотострелковый полк и 212-я моторизованная дивизия).

В результате вышеуказанных причин взаимодействие родов оружия отсутствовало и не достигалось решительного успеха по разгрому и уничтожению противника.

4. Разведывательные органы, высылаемые от соединений, обычно давали данные о действиях передовых частей противника и крайне скудные данные о действиях главных сил, что не давало возможности определить силы, состав и направления действий противника.

Глубокой разведки не вели.

Данных авиаразведки не имели до 25 июня 1941 г. и в дальнейшем тоже.

5. Совершение больших маршей и непрерывных боев в течение 18 дней привело к тому, что боевая материальная часть машин требовала планового ремонта и осмотра. Все существующие нормы эксплуатации были перекрыты во много раз. Части корпуса за период боев израсходовали в среднем до 150 моточасов, совершив маршей и передвижений до 1500 км.

6. К недочетам организации маршей следует отнести:

а) Слабую подготовку командного состава, особенно ротного звена в вождении колонн и слабости расчета марша.

б) Слабую организацию регулирования движения по дорогам.

в) Нарушение элементарных правил дисциплины и организации марша.

г) Плохую организацию службы замыкания.

д) Вождение больших колонн, особенно автотранспорта.

е) Плохое знание задачи и маршрутов движения как водителем, так и, частично, командным составом, вследствие плохого доведения задачи.

ж) Незнание действительной нумерации своих частей личным составом вносило перепутывание колонн.

з) Медленное движение колонн, имеющих в своем составе машины с разной скоростью движения (трактора и колесные машины).

7. Боевые действия частей корпуса проводились в лесисто-болотистой местности с множеством рек и ручейков, представляющих собой противотанковые препятствия, и на слабо развитой сети дорог. Мосты через реки имели малую грузоподъемность, и большинство из них не выдерживало прохождения по ним танков.

При отсутствии в частях корпуса инженерных средств и мостовых батальонов для дивизии реки являлись непреодолимым препятствием.

8. Малая опытность водителей, особенно танков КВ, Т-34 и Т-28, приводила к тому, что танки часто попадали в болота и оставались из-за мелких неисправностей.

9. Организация ремонта материальной части из-за недостатка ремонтных средств и запасных частей поставлена была слабо. Эвакуация материальной части на армейские сборные пункты аварийных машин не производилась за отсутствием последних и недостатком тракторов. В силу этого напрасно терялось много материальной части на дорогах.

10. Управление тылами почти совершенно отсутствовало. Станции снабжения не организовывались и не указывались соединениям, в результате чего командование соединений и частей вынуждено было само отыскивать базы снабжения боеприпасов, горюче-смазочных материалов и продовольствия.

11. Частое изменение задач корпусу и доставка приказов штабов фронта и 6-й армии с большим опозданием вносило большую неясность и излишнюю затрату моторесурсов. Так, например, 24 июня был получен приказ штаба фронта о выходе 15-го механизированного корпуса с рубежа Колесники, Охладув, Холоюв в районы сосредоточения юго-западнее Броды, для нанесения совместного удара с 8-м механизированным корпусом в направлении Берестечко, Дубно.

Части корпуса приступили к выполнению этого приказа и были в пути следования, а некоторые уже достигли района своего сосредоточения (19-й танковый полк). Но 25.6.41 г. последовал приказ на обратное возвращение частей корпуса на ранее занимаемый рубеж с целью подготовки к наступлению в направлении на Радзехув, Сокаль совместно с 4-м механизированным корпусом.

В 23.00 26 июня был получен новый приказ штаба фронта, которым ставилась задача 15-му механизированному корпусу с 8-й танковой дивизией разгромить мотомеханизированную группу противника, действующего на Дубно, нанося удар в направлении Лопатынь, Берестечко, Дубно.

Командиром 15-го механизированного корпуса полковником Ермолаевым было принято решение на наступление 27.6.41 г. и отдан приказ, но 27.6.41 г. был опять получен новый приказ, в корне меняющий задачу корпуса, которым ставилась задача корпусу отойти в район Золочовских высот. Части корпуса по приказу начали отход и достигли рубежа Турзе, Чаныз, но последовал опять новый приказ фронта и поставлена задача — невзирая ни на какие трудности и техническое состояние боевой материальной части, корпусу 28.6.41 г. наступать в направлении Берестечко.

28.6.41 г. наступление было предпринято. Части корпуса вместе с 8-й танковой дивизией перешли в наступление, но вследствие отсутствия поддержки авиации, малочисленности пехоты и артиллерии, большого превосходства сил противника и трудных условий местности части смогли продвинуться на 6—8 км и к исходу дня 10-я танковая дивизия, находясь в окружении, по приказу командира 15-го механизированного корпуса с боем отошла на направление 37-й танковой дивизии, а затем все части корпуса, находящиеся под угрозой окружения, по приказу командира корпуса полковника Ермолаева были выведены из создавшегося мешка и заняли прежнее положение.

12. Двойственность подчинения корпуса, с одной стороны, штабу фронта, а с другой — штабу 6-й армии в отдельные периоды боевых действий вносила противоречивость постановке задач корпусу. Так, например, по приказу фронта 15-й механизированный корпус должен был отходить в резерв фронта, а в это же время по приказу 6-й армии 15-му механизированному корпусу ставилась задача возвратиться обратно из района Ст. Константинов в район Купель.

При выполнении приказа командующего 6-й армии по овладению Бердичевым в момент завязки боя передовых частей 10-й танковой дивизии последовал приказ штаба 6-й армии: 15-му механизированному корпусу вернуться в район Уланов и не допустить танков противника на Хмельник.

Этот приказ был доставлен поздно ночью, и повернуть корпус обратно было невозможно и нецелесообразно, так как противник уже занимал Бердичев и просачивался в направлении Хажин.

Выводы:

Несмотря на неукомплектованность и несколоченность, корпус с первого дня войны выполнял боевые задачи, находясь в непрерывных боях с противником с 22.6.41 г. по 10.7.41 г., то есть в течение 18 дней, а остатки частей корпуса в виде отряда в количестве 21 танка и сводного батальона мотопехоты под командованием генерал-майора Огурцова находятся в боях и по сей день.

15-й механизированный корпус без артиллерии и пехоты в течение 7 дней вел бои с превосходящими силами противника, контратаковал противника, нанося ему большие потери и задерживая его наступление, удерживал рубеж по р. Радоставка и р. Поток Пуста до исхода 29.6.41 г., выдерживая удар главных сил противника, прорвавшегося у Сокаль на Крыстынополь.

Подвергаясь ежедневным бомбардировкам противника с воздуха, лишь к исходу 29.6.41 г., после смены частями 37-го стрелкового корпуса, по приказу Юго-Западного фронта переходит в резерв фронта.

Производя организованный отход в резерв фронта, части корпуса встречались с противником на новых рубежах и прикрывали отход стрелковых частей 141-й, 139-й и 80-й стрелковых дивизий и выход тылов штаба 6-й армии на рубежах: у Золотова, Тарноноля, Олеюв, Заложне, Подволочиска и, наконец, остатками частей 10-й и 37-й танковых дивизий, сформированных отрядами под командованием генерал-майора Огурцова (21 танк, один батальон пехоты от 10-го мотострелкового полка и одна рота от 212-й моторизованной дивизии) вели бои под Бердичевым, а некоторая часть войск корпуса, присоединенная к различным частям в процессе боя, и сейчас ведет бои с противником на различных участках фронта.

За время боев противнику нанесен урон:

Уничтожено танков противника — 119 штук, танкеток — 9 штук, бронемашин — 1 штука. Уничтожено артиллерии разных калибров — противотанковых орудий — 244 штуки, артиллерийских орудий разных систем — 31 штука, минометов — 21 штука, станковых пулеметов — 11 штук.

Уничтожено до дивизии пехоты противника.

Сбито 56 самолетов противника (в основном бомбардировщиков).

Уничтожено автомашин — 143 штуки, мотоциклов — 129 штук.

Сюда не вошли потери, нанесенные противнику 212-й моторизованной дивизией, действовавшей все время отдельно от корпуса в районе Броды, и частями корпуса, действующими в бердичевской группе.

Данные о потерях противника указаны по показаниям очевидцев и являются далеко не полными, так как установить действительные потери противника не представлялось возможным.

Предложения:

1. В танковых дивизиях иметь разведывательные отряды, состоящие из:

а) роты мотоциклистов, вооруженных минометами и крупнокалиберными пулеметами;

б) разведывательной роты пехоты, возимой на автомашинах усиленной проходимости, вооруженной крупнокалиберными пулеметами и противотанковыми орудиями;

в) роты танков Т-34, имеющей на прицепе за танками орудия (76-мм) — не менее двух батарей, взвода противовоздушной обороны — 37-мм пушек и взвода комплексных зенитных установок.

Понтонно-мостовые батальоны дивизий усилить не менее чем двумя дорожно-инженерными ротами.

2. В танковых полках иметь разведывательные отряды, состоящие из роты пехоты на машинах и не менее взвода мотоциклистов, вооруженных минометами и крупнокалиберными пулеметами, роты танков и на прицепе за танками 76-мм батареи полковой артиллерии или противотанковых орудий.

3. В корпусе или отдельной дивизии иметь самолеты связи типа У-2 и придавать авиацию наведения танков и разведки противника.

4. В танковых дивизиях, действующих самостоятельно, иметь не менее двух мотострелковых полков со средствами противотанковой и противовоздушной обороны и один артиллерийский полк 152- и 122-мм орудий на механической тяге.

5. В танковых полках иметь 3 батальона 3-ротного состава. В каждом батальоне одна рота танков КВ и две роты танков Т-34. В каждом батальоне на прицепе танков Т-34 иметь по одной батарее 76-мм орудий и зенитной батарее 37-мм или комплексные зенитные пулеметные установки.

6. Обратить особое внимание организации взаимодействия родов оружия и особенно взаимодействия танков и авиации, придавая ее небольшими отрядами для совместных действий.

7. Массированные действия танков, как правило, должны проводиться в тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и авиацией.

Танковые атаки обязательно должны предваряться огневым налетом артиллерии и авиации (огонь танков, как правило, должен быть с места или коротких остановок, особенно огонь танков КВ), с последующим подавлением живой силы и артиллерии противника.

8. При атаках противника, перешедшего к обороне, танки целесообразно эшелонировать в глубину. В первом эшелоне обязательно иметь танки КВ.

9. При танковых атаках противника артиллерия 122-мм, 152-мм и противотанковая, а также и танки ведут огонь с открытых позиций прямой наводкой, расстреливая танки в упор, после чего танки переходят в контратаку во фланг противнику.

10. При самостоятельной обороне танковая дивизия может обороняться при наличии естественных противотанковых рубежей на фронте от 4 до 6 км.

11. Крайне необходимо во всех видах боя иметь дивизионные и корпусные танковые резервы.

12. В каждом танке иметь подрывные средства, необходимые для подрывных работ и для уничтожения подбитых танков, в случаях крайней необходимости.

13. Добиться точного знания норм и возможностей использования танков в бою общевойсковыми начальниками.

14. Максимально сократить тылы частей и соединений за счет укомплектования машинами большей грузоподъемности.

Обеспечить тылы средствами противовоздушной и противотанковой обороны и радиостанциями. В транспорте частей иметь не менее одной заправки горюче-смазочных материалов.

Обратить внимание на организацию станции снабжения и армейских сборных пунктов аварийных машин, каковые за все 18 дней боев отсутствовали, и эвакуации аварийных машин не было.

В боекомплектах артиллерийских выстрелов для танковой артиллерии иметь $\frac{3}{4}$ боевого комплекта бронебойных и трассирующих снарядов.

Временно исполняющий должность
командира 15-го механизированного
корпуса полковник Ермолаев

Временно исполняющий должность
военного комиссара
15-го механизированного корпуса
бригадный комиссар Лутай

Временно исполняющий должность
начальника штаба 15-го механизированного корпуса
полковник Шаров.

Глава 10

ТРАГЕДИЯ В ПРИБАЛТИКЕ

Действия 3-го механизированного корпуса.

К началу Великой Отечественной войны в составе Северо-Западного фронта, сформированного на базе Прибалтийского ВО (8-я, 11-я, 27-я армии, 3-й и 12-й механизированные корпуса), насчитывалось 379,5 тысячи человек, 4938 орудий и минометов, 1274 танка, 1078 боевых самолетов.

В составе 3-го мехкорпуса находились 2-я и 5-я танковые дивизии и 84-я моторизованная дивизия. Формирование 3-го корпуса было начато в июле 1940 г. и закончено к концу лета того же года.

В 3-м корпусе на 20 июня 1941 г. состояло:

Таблица 2

	КВ-1	КВ-2	Т-34	Т-28	БТ-7	Т-26	ХТ	Всего танков
2-я танковая дивизия	32	19	—	27	116	19	12	252
5-я танковая дивизия	—	—	50	50	170	18	—	268
84-я моторизованная дивизия	—	—	—	—	145	4	—	149
Всего	32	19	50	57	431	41	12	669

Кроме того, в корпусе имелось 224 бронеавтомобиля БА-10 и БА-20.

Замечу, что 5-я танковая дивизия была единственной в округе частью, где состояли танки Т-34. Увы, все 50 танков Т-34, поступившие в дивизию, были отправлены на хранение в парк и в эксплуатацию не вводились.

К началу июня 1941 г. части корпуса были дислоцированы:

2-я танковая дивизия — в Укмерге.

5-я танковая дивизия — в южном военном городке Алитуса; гаубичный артиллерийский полк, отдельный зенитно-артиллерийский дивизион — в северном военном городке.

84-я моторизованная дивизия — в Вильнюсе.

18 июня все части корпуса были подняты по тревоге и выведены из мест постоянной дислокации. Соединения расположились: 2-я танковая дивизия с 18 июня находилась в районе станции Гайжюны, Рукле, 5-я танковая дивизия в нескольких километрах южнее Алитуса, а 84-я моторизованная дивизия в лесах района Кяйшадорис (на берегу притока реки Вилия), причем 21 июня 1941 г. в дивизии вышел приказ о запрете жечь костры по ночам. Управление корпуса располагалось в Каунасе.

21 июня 1941 г. в Каунас прибыл командующий ПрибОВО генерал-полковник Ф.И. Кузнецов. Он предупредил командование корпуса о возможном в скором времени нападении Германии. Было приказано под видом следования на учения выводить части корпуса из военных городков в близлежащие леса и приводить в полную боевую готовность. Однако собрать корпус на одном направлении Кузнецов не разрешил — немцы могли накрыть части на марше.

Управление 3-го механизированного корпуса во главе с генералом А.В. Куркиным убыло в Кейданы (Кедайняй), севернее Каунаса. Туда же перешел 1-й мотоциклетный полк корпусного подчинения.

Из штаба 11-й армии сообщили: 5-я танковая дивизия, оставаясь на самостоятельном алитусском направлении, подчинялась непосредственно командующему 11-й армией.

Принятые меры безопасности позволили избежать возможных больших потерь при первых налетах немецких люфтваффе на места постоянной дислокации войск. Например, в 10 ч 45 мин противник нанес сильный авиаудар по району прежнего расположения 2-й танковой дивизии. Бомбы легли на пустое место. Дивизия потерь не имела. Не удалось сразу немецким летчикам обнаружить и 84-ю моторизованную дивизию: первый сильный авианалет она испытала только рано утром 23 июня.

Здесь я вновь отойду от хронологического порядка и расскажу отдельно о действиях дивизий корпуса¹. В 16 часов 22 июня командиры подразделений 2-й танковой дивизии получили первый боевой приказ о сосредоточении в районе Расейняй для удара по прорвавшемуся противнику. Спустя час полки дивизии выступили в поход. С наступлением темноты подошли к Ионаве. Авангардный 4-й танковый полк застрял на дороге из-за большого потока беженцев на автомашинах и повозках. Шедший за ним 3-й танковый полк изменил маршрут следования: перейдя мост через реку Нярис, проследовал на Ионава — Расейняй — Тильзит. Дивизия продвигалась проселочными дорогами. При движении колонн пользование радиостанциями строжайше запрещалось. Марш и сосредоточение дивизии в темное время суток, без потерь от авиации противника, хорошо организованное командованием дивизии, приводился в послевоенных учебниках в пример.

В середине дня 22 июня командование 11-й армии вывело 84-ю моторизованную дивизию из подчинения командира 3-го мехкорпуса и в дальнейшем это соединение в корпус так и не вернулось. Управление 3-го мехкорпуса, располагая к исходу дня одним лишь мотоциклетным полком, в ночь на 23 июня перешло в расположение своей единственной танковой дивизии. Тогда же штаб корпуса посетил начальник Автобронетанкового управле-

¹ Использованы материалы сайта mechcorps.rkka.ru

ния фронта полковник П.П. Полубояров, поставивший задачу корпусу на 23 июня наступать в западном направлении до дороги Таураге-Шяуляй и далее в юго-западном направлении на Тильзит. Наступление следовало начать в 12 часов дня.

Встретив противника на западном берегу реки Дубисса, 2-я танковая дивизия начала разворачивать в боевой порядок 2-й мотострелковый полк, который должен был прикрыть сосредоточение обоих танковых полков. С утра 23 июня завязались бои. 3-й и 4-й танковые полки, подтягивали отставшую технику и приводились в порядок после длительного и тяжелого марша. Вскоре левый фланг дивизии был обойден танками противника. На опасный участок были посланы шесть танков 3-го танкового полка, которые отбросили немцев, подбив у них два танка и семь обратив в бегство. (Судя по описанию этого боя, это были танки КВ.)

2-я танковая дивизия начала наступление в полдень короткими ударами. Продвинувшись на 3—4 километра, действовавшие в первом эшелоне танковые полки остановились, ожидая подхода мотопехоты. Ширина наступления дивизии не превышала 10 км, что обусловило высокую плотность танков в первой линии. Как вспоминал в «Военно-историческом журнале»¹ один из участников тех событий, танки шли так плотно, что почти каждый выпущенный снаряд из немецких противотанковых пушек достигал своей цели.

Особенно тяжелый бой у Скаудвиле с подходившими подкреплениями немцев — 114-м моторизованным полком, усиленным двумя артиллерийскими дивизионами и около сотней танков — вылился во встречное сражение. Продвижение вперед застопорилось. Даже танки КВ, беспрепятственно проходившие через боевые порядки немецкой пехоты, гусеницами давя артиллерийские позиции противника, давя и тараня танки 38(t), не смогли исправить положения. После подхода 2-го мотострелкового полка с танковой ротой и его закрепления на занятом рубеже понесшие потери танковые полки были отведены в исходный район. Всего за день 2-я танковая дивизия 6 раз предпринимала атаки.

По донесению генерала Солянкина в штаб корпуса, части дивизии за день боя разгромили 100-й моторизованный полк, уничтожив при этом до 40 танков и 40 противотанковых орудий против-

¹ Военно-исторический журнал № 6/1974 г.

ника. Потери дивизии были большими. (По некоторым данным, номер этого полка 114-й моторизованный, и потерял он вовсе не 40 танков, а гораздо меньше, по крайней мере, безвозвратно.)

24 июня в соответствии с приказом командующего фронтом дивизия вновь пыталась атаковать противника, однако вскоре бои приняли характер отражения усиливавшегося давления противника на боевые порядки 2-й танковой дивизии. К исходу дня дивизия, испытывая перебои в снабжении горючим и боеприпасами, начала «пятиться» назад.

Командир корпуса в 19 ч 30 мин 24 июня доносил командующим 8-й армией и Северо-Западным фронтом: «На протяжении всех боевых действий нет нашей авиации. Противник все время бомбит. Прошу действия Скаудвиле прикрыть».

Двухдневные не прекращавшиеся бои стоили 3-му механизированному корпусу потерей 80 % первоначальной материальной части.

В течение 24 июня 2-я танковая дивизия продолжала отражать атаки превосходивших сил противника, но к исходу дня начала пятиться назад в связи с тем, что кончилось горючее и на исходе были снаряды.

Штаб корпуса потерял связь со штабом 11-й армии и не знал, что происходит на фронте. Противник овладел Каунасом и частью сил устремился к Вильнюсу, а главными силами 56-го моторизованного корпуса вышел в район Ионавы, отсекая 11-ю армию от 8-й.

Командующий 11-й армией генерал-лейтенант В.И. Морозов попытался восстановить положение, бросив на Ионаву 84-ю мотострелковую дивизию. Но в ожесточенном бою это соединение, уже значительно обескровленное в боях под Каунасом, вновь понесло тяжелые потери и разрозненными подразделениями откатилось в расположение отступавших частей 16-го стрелкового корпуса.

Таким образом, наступая на параллельных даугавпилском и шяуляйском направлениях, противник обошел с флангов и окружил 2-ю танковую дивизию.

26 июня группа немецких танков с десантом автоматчиков на броне совершила внезапное нападение с тыла на штаб дивизии и управление 3-го мехкорпуса, располагавшего одним мотоциклетным полком. В завязавшемся жестоком бою погибли многие бойцы и командиры, в том числе и командир дивизии генерал-майор танковых войск Е.Н. Солянкин.

Бой продолжался до заката солнца. В сумерках все, кто остался в живых, отошли в глубину леса, а затем в расположение частей 2-й танковой дивизии, имевшей не более десятка боевых машин, да и то с пустыми баками. Значительная часть боевых машин была потеряна в бою под Скаудвиле или выведена из строя самими танкистами после того, как они израсходовали горючее и расстреляли все снаряды.

Генерал Куркин приказал привести в полную негодность танки, оставшиеся без горючего, предварительно сняв с них пулеметы, распределить по подразделениям стрелковое вооружение, патроны и гранаты, принять меры по перевозке тяжелораненых и больных.

Около двух месяцев продвигалась группа через леса Белоруссии и северной Брянщины на восток, обходя ночами города, деревни и села, занятые крупными гарнизонами противника, уничтожая немецкие тыловые подразделения, колонны автомашин с боеприпасами и различным снаряжением. Танкисты вышли к линии фронта в военной форме, имея при себе личное оружие и документы.

После выходы из окружения из танкистов группы генерала Куркина были сформированы и направлены на заводы за новой техникой танковые экипажи. Они составили ядро 8-й танковой бригады, командиром которой стал П.А. Ротмистров.

5-я танковая дивизия была выведена из подчинения командира 3-го механизированного корпуса фактически еще до начала войны, 21 июня 1941 г. устным распоряжением командующего округом. Приказным документальным порядком это зафиксировалось лишь в приказе командующего в 9 ч 30 мин 22 июня. 5-я танковая дивизия передавалась в непосредственное подчинение командующего 11-й армией. Дивизия после выхода из мест постоянной дислокации должна была развернуться на фронте свыше 30 км от Друскининкая до Алитуса вдоль восточного берега реки Неман. На предместное укрепление у Алитуса, куда отошли подразделения 126-й стрелковой дивизии, командир 5-й дивизии направил всего лишь один мотострелковый батальон, усиленный артиллерией 5-го мотострелкового полка. Позже, по мере готовности, в разное время туда подошли и другие подразделения дивизии, в том числе 2-й танковый батальон 9-го танкового полка и отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Уже к полудню

22 июня эти части были втянуты в танковый бой с прорвавшимися к Алитусу 7-й и 20-й танковыми дивизиями противника. Ему быстро удалось прорваться к важнейшим мостам через Неман и захватить их в целости и сохранности. Взрыв мостов, назначенный советским командованием на 14.00, произвести не успели. Одна из взрывных команд целиком попала в плен. Тем не менее бои в городе продолжались весь день и прекратились лишь с подходом немецкой мотопехоты и артиллерии. С наступлением темноты остатки защитников Алитуса переправились на восточный берег Немана.

Не имея информации о прорыве немцев через Неман, в оперсводке штаба Северо-Западного фронта от 22 ч 00 мин 22 июня 1941 г. указывалось, что 5-я танковая дивизия к исходу первого дня войны готовила оборону переправ в Алитусе.

Дивизия не смогла ввести на алитусском направлении все свои силы. В ночь на 23 июня в 2 ч 00 мин — 2 ч 30 мин противник высадил в тылу дивизии тактический парашютный десант численностью до 660 человек. Десантникам удалось захватить аэродром Ораны и охранявшие его 7 бронемашин и 4 орудия ПТО, принадлежавшие 184-й стрелковой дивизии 29-го литовского корпуса. Ввиду ненадежности литовцев из этой дивизии, советское командование начало принимать меры по немедленному отводу соединения в глубокий тыл. Ликвидацию немецкого десанта возложили на 10-й танковый полк 5-й танковой дивизии. Уже к 7 часам утра 23 июня десант был частью уничтожен, частью рассеян, однако почти половина танковых сил соединения оказались в стороне от развернувшегося в тот день сражения.

Основные силы 5-й танковой дивизии к утру 23 июня оказались зажатыми с двух сторон наступающими немецкими клиньями. С юга это соединение обошла 7-я танковая дивизия, с фронта действовала 20-я танковая дивизия группы Гота. 23 июня произошла первая танковая битва Великой Отечественной войны. В крайне невыгодных условиях боя советская дивизия потеряла по разным оценкам от 70 до 90 танков, в то время как немецкие безвозвратные потери составили всего 11 танков (по немецким источникам), из них 4, по-видимому, Т-IV. Сведения Ротмистрова о якобы уничтоженных в том бою 170 танках, бронетранспортерах противника являются десятикратным преувеличением.

Тем не менее об ожесточенности боя свидетельствует донесение одного из командиров полка немецкой 7-й танковой дивизии, в котором он докладывал, что в районе Алитуса «произошел исключительно тяжелый бой».

23 июня советское командование, не имея достоверной информации о положении на алитусском направлении, приказало 5-й танковой дивизии очистить район Кейдания, после чего быть готовой «короткими ударами очищать правый берег Немана в районе Каунаса от частей противника».

Тяжелые невосполнимые потери, многократное превосходство противника вынудили командование дивизии начать быстрый отход. Фактически соединение потеряло боеспособность и, судя по всему, и целостность. Часть танковых подразделений (не менее пятнадцать Т-34 и четырнадцать Т-26 из состава 10-го танкового полка) к исходу 23 июня откатились в полосу 37-й стрелковой дивизии 21-го стрелкового корпуса Западного фронта. В дальнейшем они составили сводный танковый батальон при контрударе 24-й стрелковой дивизии 26—27 июня на Ошмяны. Последние три танка Т-34 из этого подразделения были потеряны 3 июля при прорыве окружения у Радошковичей.

В середине дня 24 июня полковник Ф.Ф. Федоров прибыл на командный пункт 13-й армии, развернутый в Молодечно. Как вспоминает С.П. Иванов свою встречу с комдивом-5 в тот день: Федоров сильно переживал за неудачные действия своего соединения: «Это непоправимая беда, и мне придется расплачиваться за нее головой».

Из рапорта командира танковой дивизии командарму 13-й армии следовало, что к 12 ч 30 мин 24 июня остатки 5-й дивизии удерживали восточную и южную окраины Вильнюса, имея большие потери по предыдущим боям убитыми и ранеными — до 70 %, танков — до 150 штук, орудий — 15 штук и колесных машин — до 50 %. Комдив получил приказ немедленно возвращаться в боевые порядки дивизии и прочно удерживать занимаемые позиции.

Несмотря на приказ, остатки дивизии откатывались с такой скоростью, что уже к исходу 24 июня отряд в составе 15 танков, 20 бронемашин и 9 орудий во главе с комдивом Ф.Ф. Федоровым оказался в окрестностях Молодечно.

Этот отряд 5-й танковой дивизии стал первым боевым войском 13-й армии, которое до 24 июня ничего кроме управления не имела.

В тот же день командарм-13 генерал Филатов приказал свести все боевые машины 5-й танковой дивизии в боевую группу под командованием полковника И.Т. Беркова и совместно с курсантским батальоном Вильнюсского пехотного училища и 84-м полком НКВД нанести удар по танковой колонне противника, продвигающегося на Молодечно от Ошмян. Атака состоялась утром 25 июня.

Было подбито не менее пяти немецких танков и десятков автомашин. Отряд едва избежал окружения и был вынужден отойти.

В оперативной сводке штаба Западного фронта от 25 июня 1941 г. остатки 5-й танковой дивизии (3 танка, 12 бронемашин и 40 автомашин) указаны в 5 км юго-восточнее Молодечно.

В официальной истории 13-й армии 5-я танковая дивизия в составе этого объединения числилась с 25 июня по 18 июля 1941 г., хотя последние упоминания об этом соединении относятся именно к 25 июня.

В журнале боевых действий 13-й армии в записях от 29 июня встречается запись о танковом полке 7-й танковой дивизии, находившемся в 5 км юго-западнее Воложин в лесу. Вероятнее всего, в журнале ошибка и речь идет именно об остатках 5-й танковой дивизии, так как никаких других танковых соединений в районе Воложина в начале войны не было. Эта ошибка была повторена в ряде приказов и распоряжений штаба Западного фронта. Так, например, командиру 21-го стрелкового корпуса предлагалось достать дизельное топливо для этого полка и увязать с ним последние действия. Исходя из предположения, что полк все же существовал и принадлежал именно 5-й танковой дивизии, можно сделать вывод, что остатки этого соединения в конце июня 1941 г. оказались в глубоком тылу противника, где, по-видимому, были уничтожены.

Действия 12-го механизированного корпуса

12-й механизированный корпус начал формироваться в феврале 1941 г. на базе отдельной танковой бригады Прибалтийского ВО. Любопытно, что в состав дивизий 12-го мехкорпуса были включены и все танки армий бывших прибалтийских республик (за исключением танков МК-В и МК-У времен Первой мировой войны).

К началу войны корпус не закончил полностью укомплектование и обучение. В корпусе числилось 30 436 человек личного состава, причем если укомплектованность рядовым составом была близка к штатной, то командных кадров низшего и среднего звена явно не хватало. Например, в 23-м отдельном батальоне связи не было ни одного командира взводов радиостов, а 23-й отдельный разведывательный батальон вообще не имел штаба батальона. В управлении корпуса с корпусными батальоном связи и инженерным батальоном из 182 сержантов, положенных по штатной численности на 1 июня 1941 г., имелось 68, а в 581-м батальоне связи 202-й мотодивизии из 54 сержантов было всего 19.

28-й отдельный батальон связи и 28-й понтонно-мостовой батальон имели до 70 % рядового состава первого года службы, который прибыл из других частей и не владел подготовкой по специальности. На 22 июня 1941 г. в 12-м мехкорпусе состояло:

Таблица 3

	БТ-7	Т-26	Виккерс	Фиат 3000	Рено FT-17	Танкетки
Управление	6	—	—	—	—	—
23-я танковая дивизия	—	350	17	—	—	2
28-я танковая дивизия	236	68	9	—	—	—
202-я моторизованная дивизия	—	65	16	6	6	11
Всего:	242	483	42	6	6	13
	ХТ	Тягач Т-26	Всего танков	Броневедомобилей		
				БА-10	БА-20	Всего БА
Управление	—	—	6	18	—	18
23-я танковая дивизия	9	3	381	10	5	15
28-я танковая дивизия	1	—	314	10	15	25
202-я моторизованная дивизия	—	1	105	12	3	15
Всего:	10	4	806	50	23	73

В состав корпуса входили 23-я и 28-я танковые дивизии и 202-я мотострелковая дивизия.

Укомплектование 12-го мехкорпуса новыми танками Т-34 и КВ планировалось начать с июля 1941 года, с вооружения ими одного из танковых полков 28-й танковой дивизии. Для усиления брони легких танков в корпусе с помощью окружных рембаз производилось экранирование брони.

Слабой была обеспеченность корпуса и средствами радиосвязи. Штаб корпуса имел единственную радиостанцию 5АК, а в 202-й дивизии из положенных 113 радиостанций числилось только 60.

Корпус к 22 июня 1941 г. имел: 288 орудий и минометов, 68 бронемашин, 199 тракторов, 2945 автомашин.

Следует заметить, что кроме мехкорпусов в составе разведывательных батальонов стрелковых дивизий имелось 146 плавающих танков: 61 танк И-37 и 85 танков Т-38. Большею частью эти машины были сильно изношены и имели небольшой запас моторесурса. Кроме того, в стрелковых полках числилось 86 танкеток Т-27, которые предназначались для подвоза боеприпасов или использовались как тягачи 45-мм противотанковых орудий.

До 18 июня 1941 г. управление корпуса находилось в Митаве (Елгаве), 23-я танковая дивизия — в Либаве (Лиепаве), 28-я танковая дивизия — в Риге, 202-я моторизованная дивизия — в Радвилишкисе.

16 июня 1941 г. в 23 ч 00 мин командование 12-го механизированного корпуса получило директиву штаба округа о скрытной передислокации соединения в новые районы. 17 июня комкор Шестопалов проверял мобилизационную готовность 202-й дивизии, по возвращении из которой 18 июня в 13 ч 00 мин отдал распоряжение о приведении дивизий корпуса в боевую готовность: «Привести в боевую готовность все части в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять. Всю работу проводить быстро, но без шума, без паники и болтливости, иметь положенные нормы запасов, необходимых для жизни и боя».

Войска в ночь на 19 июня выступили в поход. Тут точнее сказать: что могло двигаться, то и выступило в поход. В 23-й танковой дивизии не сумели завести и оставили на зимних квартирах двадцать Т-26, два «химических» Т-26, двенадцать «прибалтий-

ских танков Виккерса» (британский вариант Т-26), две танкетки ТКС (польского образца) и один броневедомитель БА-10. Итого 37 единиц бронетехники.

В 28-й танковой дивизии не сумели завести и, соответственно, бросили: 26 танков БТ-17, 13 танков Т-26, 7 «Виккерсов», два броневедомителя БА-10 и два БА-20. Итого 50 единиц бронетехники.

В 202-й моторизованной дивизии не сумели завести и бросили: 6 танков Т-26, 8 танкеток Т-27, 10 танков «Виккерс», 6 танков «Фиат-3000», 6 танков «Рено FT-12», две танкетки ТКС и одну танкетку «Карден-Ллойд». Итого 39 единиц. А завести в 202-й моторизованной дивизии удалось 69 единиц, то есть 36 % техники осталось на зимних квартирах.

После двух ночных переходов, к 10 часам утра 20 июня, корпус сосредоточился в трех отдельных районах, на удалении 70—120 км от границы. 23-я танковая дивизия заняла район севернее Тяльшай, 28-я танковая дивизия сосредоточилась в лесах в 20 км севернее Шауляя (без 28-го мотострелкового полка, который остался гарнизоном в Риге в распоряжении штаба округа до подхода в город 183-й стрелковой дивизии и 5-го мотострелкового полка НКВД), а 202-я моторизованная дивизия к утру 22 июня вышла в район Кельме. Расстояние между дивизиями достигало 60 км.

Скрытное сосредоточение корпуса к началу военных действий позволило ему избежать потерь от авиации противника в первое время. Налеты люфтваффе на места прежней дислокации войск 12-го мехкорпуса приходились по пустым военным городкам.

Уже в 9 ч 45 мин 22 июня командующий фронтом принял решение на использование мехкорпусов для разгрома прорвавшегося противника. 12-й корпус в соответствии с этим приказом должен был наступать в расходящихся направлениях: 23-я танковая дивизия должна была ликвидировать противника в районе Крентинги, а остальные силы корпуса с рубежа Тяльшай — Повентис наступать «по флангу и в тыл противника, прорывающемуся на Таураге», то есть на германскую территорию. Корпус подчинялся управлению 8-й армии.

Командующий 8-й армии получил эту директиву общего, неконкретного содержания только в полдень 22 июня, на основании чего принял решение нанести удар по противнику всеми имеющимися в его распоряжении силами.

23-я танковая дивизия должна была немедленно по получении приказа наступать в направлении Плунге, Куляй с целью восстановления положения 204-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии. После атаки дивизии надлежало собраться в районе Тверай, Упинас. На время удара дивизия подчинялась командиру 10-го стрелкового корпуса генерал-майору Николаеву.

Главные силы корпуса командарм намеревался направить с 4 часов утра 23 июня с рубежа Варняй, Ужвентис на Таураге. Однако этим же распоряжением 202-я моторизованная дивизия передавалась в состав второго эшелона 11-го стрелкового корпуса генерал-майора Шумилова, с задачей развернуться на рубеже Кельме, Кряжай. Таким образом, к середине 22 июня в 12-м механизированном корпусе фактически осталась одна неполная 28-я танковая дивизия.

Командир 10-го стрелкового корпуса в 17 часов 22 июня поставил 23-й танковой дивизии задачу восстановить оборону 10-й стрелковой дивизии по линии государственной границы и деблокировать окруженный в районе Кулей 204-й стрелковый полк. 23-я танковая дивизия приступила к выполнению приказа. Из района Тиркшияй, Седа части дивизии направились к Плунге, где к вечеру 22 июня авангардом вступили в бой. Полностью, однако, дивизия в бой не вводилась. К тому времени 204-й стрелковый полк, сохранив артиллерию и личный состав, самостоятельно вышел из окружения и занял оборону. Необходимость срочного использования дивизии на этом направлении отпала, тем не менее ее появление в районе Плунге способствовало некоторой стабилизации здесь фронта.

202-я моторизованная дивизия, уже втянувшаяся в бои с немецкими танками у Кряжай, занимала оборону на прежнем рубеже. В первый же день войны это наспех развернутое в обороне соединение успешно отразило несколько атак противника с большими для него потерями (подбито 20—30 танков) и сумело отстоять свой рубеж обороны. Особенно тяжелые бои проходили вдоль шоссе на Шяуляй, где держал оборону 2-й мотострелковой бригады 645-й мотострелковый полк, при поддержке танков 1-го танкового батальона 125-го танкового полка. 189-й отдельный противотанковый дивизион под командованием капитана Г.Ф. Журавлева выдвинул свои орудия для стрельбы прямой наводкой. Соединение испытывало большие затруднения со снабжением.

Машины с боеприпасами из Радвилишкиса не пришли, пришлось формировать новую автоколонну для подвоза с армейских и окружных складов. Весь день в дивизии не было организовано питания личного состава.

В 23 ч 40 мин 22 июня командир 12-го мехкорпуса на основании приказа командующего армией принял решение и поставил боевые задачи соединениям корпуса. Возвращенная в корпус 23-я и 28-я танковые дивизии должны были в 4 часа утра 23 июня нанести удар по прорвавшемуся противнику в общем направлении на Скаудвиле.

Дивизии приступили к выполнению приказа. 28-я танковая дивизия, выдвигаясь из района севернее Шяуляй, опоздала на рубеж развертывания на 6 часов и подошла туда только к 10 часам 23 июня, совершенно не имея горючего. 23-я танковая дивизия, также значительно удаленная от рубежа начала атаки, по-видимому, испытала определенные затруднения при выводе частей из боя в районе Плунге. Так или иначе, дивизия начала движение на Тверай только во второй половине 23 июня.

Танковые соединения, избежавшие потерь от авиации противника в первый день войны, затем подвергались непрерывному и безнаказанному воздействию с воздуха. При их выдвигании в исходные для атаки районы 23-я дивизия потеряла от авианалетов противника 17 танков, а 28-я — 27 танков.

Командующий фронтом, не имея устойчивой связи с 8-й армией, направил в 3-й и 12-й мехкорпуса для оказания помощи в организации ударов начальника Автобронетанкового управления фронта полковника П.П. Полубоярова. Посетив оба корпуса, Полубояров пришел к выводу, что переход в наступление в 4 часа утра является невозможным. Он самостоятельно принял решение о переносе времени начала атаки для 12-го механизированного корпуса на 11 часов 23 июня, о чем он в 6 часов утра донес командующему фронтом. Время до начала атаки намечалось использовать для ведения разведки сильными танковыми отрядами.

Однако и новое время наступления оказалось нереальным. 28-я танковая дивизия стояла без горючего. Для заправки танков дивизии требовалось не менее 60—70 тонн бензина, а его на месте не было. Дивизионные склады все еще оставались в районе постоянной дислокации, в Риге, в 190 км от расположения дивизии. Начальник тыла корпуса полковник В.Я. Гринберг и на-

чальник снабжения 28-й танковой дивизии интендант 1-го ранга Д.И. Дергачев делали все, чтобы своевременно обеспечить танковые части горючим. Однако авиация противника непрерывно преследовала высланные в Ригу колонны автоцистерн, и в результате часть необходимого дивизии горючего была доставлена только в 15 часов.

После заправки горючим дивизия перешла к активным действиям. Командир 28-й танковой дивизии в 18 часов при обнаружении немецких танков развернул головной 55-й танковый полк в боевой порядок, двумя танковыми батальонами фронтом к противнику, один танковый батальон получил задачу ударить во фланг немецкой танковой части. Этот маневр возглавил заместитель командира танкового полка майор Б.П. Попов. К 22 часам 23 июня завязался первый бой советской дивизии с 1-й танковой дивизией вермахта.

Группа Попова в составе 17 танков отбросила противника на 5 км к югу. Вторая группа (23 танка), атаковав противника, смогла овладеть дорогой Калтиненай, Расейняй. В этом бою 28-я танковая дивизия уничтожила 14 немецких танков, 20 орудий и до батальона пехоты. Соответственные потери понесла и 28-я танковая дивизия. В бою погиб майор Б.П. Попов, которого впоследствии представили к званию Героя Советского Союза (посмертно), погибли два командира танковых батальонов, подбито 13 советских танков.

С наступлением темноты дивизия отошла на север и укрылась в лесу.

23-я танковая дивизия, выдвигавшаяся с 13 часов из Плунге на Тверай, в районе Жаренай подверглась обстрелу и нападению частей 61-й пехотной дивизии вермахта. Колонна советской дивизии, растянувшаяся на многие километры, была прервана. Тылы 46-го танкового полка попали в полуокружение. Командиру дивизии пришлось срочно разворачивать танковые части 46-го полка назад и выручать попавших в беду дивизионных мотострелков и тыловиков. Прорыв немецкой пехоты в итоге удалось ликвидировать, однако это сильно задержало дивизию. Только к исходу 23 июня главным силам 23-й танковой дивизии удалось сосредоточиться в лесу севернее Лаукува. Передовой 45-й танковый полк в 22 часа вступил в бой с немецкими танками и обратил их в бегство. После преследования на 5 км полк был отведен к

основным силам, из-за наступившей темноты и отсутствия поддержки других частей. В результате вечерних действий полк потерял 13 танков.

202-я моторизованная дивизия при поддержке 9-й противотанковой артиллерийской бригады 23 июня продолжала удерживать рубеж Кряжай, Кельме, отбивая многочисленные атаки противника, одновременно собирая отходившие разрозненные остатки 90-й и 125-й стрелковых дивизий 8-й армии.

Командование фронтом осталось недовольным действиями 12-го механизированного корпуса. В своем распоряжении вечером 23 июня командующий повторил прежнюю задачу корпуса в качестве руководства к действию на 24 июня.

Примерно в 13 ч 30 мин 24 июня Военный совет 8-й армии отдал новое боевое распоряжение генералам Куркину и Шестопалову: «В Ляоляй сто танков противника стоят, по-видимому, без горючего. На фронте Кряжай, Кельме — наступление пехоты, конницы, танков. Частью сил ликвидируйте».

Комдив Шестопалов направил в указанный район один танковый полк. Танкисты совершили 10-километровый марш, но вместо противника встретили там свои войска.

В официальной историографии утверждается, что 24 июня 12-й механизированный корпус продолжил активные действия в районе Калтиненай.

Однако нет ни одного описания боевых действий корпуса в этот день. Известно лишь, что с 7 ч 45 мин 23-я танковая дивизия перешла к активным действиям в направлении на Лаукува, Упинас, а 28-я танковая — в направлении на Скаудвиле.

Напротив, в донесении командующего войсками Северо-Западного фронта от 24 июня 1941 г. наркому обороны об обстановке на фронте к 22 ч 45 мин того же дня сказано: «12-й механизированный корпус в районе Калтиненай медлит атаковать 120—200 танков и до пехотной дивизии противника в районе Кельме. Виновен Шестопалов». Более того, по схеме, приведенной в статье «О некоторых причинах неудачных действий мехкорпусов», опубликованной в «Военно-историческом журнале» № 3/1979 г., видно, что 23-я танковая дивизия за день 24 июня отошла от района Лаукувы в район севернее Варняй, то есть на 20 км, а 28-я танковая дивизия к началу 25 июня оказалась в 35 км севернее от Калтиненай.

Так или иначе, к вечеру 24 июня командованию фронта стало ясно, что разгромить 4-ю танковую группу имеющимися силами невозможно. Предпринятый контрудар к желаемым результатам не привел. Ввиду этого было принято решение отвести войска 8-й армии на рубеж реки Вента в течение двух дней под прикрытием танковых дивизий 12-го механизированного корпуса.

Командир 12-го мехкорпуса комдив Шестопалов из-за отсутствия связи с вышестоящими штабами не получил приказа на отход. Поэтому около трех часов утра 25 июня он приказал командирам 23-й и 28-й танковых дивизий продолжать наступательные действия юго-западнее Шяуляя. По замыслу командира корпуса, танковые дивизии, наступая по сходящимся направлениям, должны были отсечь часть сил прорывающейся к Шауляю группировки противника и уничтожить ее. Начало наступления устанавливалось для 28-й дивизии — в 4 часа, для 23-й дивизии — в 6 часов. Но командир 23-й танковой дивизии, которая находилась в полосе 10-го стрелкового корпуса, на час раньше получил через командира 10-й стрелковой дивизии (приходилось из-за отсутствия связи таким образом управлять войсками) приказ командира 10-го стрелкового корпуса генерала Николаева на отход. Части дивизии начали было отступать, но вдруг новый приказ: наступать. В результате этого действия соединений 12-го мехкорпуса были разрозненные как по времени, так и по месту атаки.

28-я танковая дивизия, имея около 130 танков, перешла в атаку у местечка Пошили в направлении Карленай, Полугуе, Ужвентис. Танки сразу были встречены сильным огнем противотанковой артиллерии противника. Неся большие потери, отдельные подразделения 55-го и 56-го танковых полков смогли прорваться в глубину расположения противника и разгромить колонну моторизованного полка, выдвигавшегося по шоссе на Шяуляй.

Ожесточенный бой продолжался 4 часа. Были уничтожены 3 тяжелых и 14 противотанковых орудий, до двух батальонов пехоты, было захвачено 6 тяжелых и 24 противотанковых орудий, несколько танков, большое количество пленных, нарушено организованное движение немцев по шоссе. В ходе утренней атаки дивизия также понесла тяжелые потери. 48 танков остались подбитыми на поле боя. Погибли командир 55-го танкового полка майор С.Ф. Онишук, командиры танковых батальонов майор

Ф.Г. Александров и капитан И.В. Иволгин, помощник командира дивизии по технической части подполковник Соболев.

Всего в тот день (к 15 часам) дивизия лишилась 84 танков.

К 15 часам остатки дивизии (в составе 40 танков, штаб дивизии, разведывательный батальон, остатки 55-го и 56-го танковых полков) сосредоточились в районе сбора в лесу северо-восточнее Пашили.

23-я танковая дивизия также участвовала в контрударе и понесла тяжелые потери. Известно, что только 144-й танковый (46-й) полк оставил на поле боя около 60 процентов боевых машин.

Пока шло ожесточенное танковое сражение под Шяуляем, стрелковые и артиллерийские части 8-й армии с 25 июня начали организованный отход за реку Вента по линии Мажейкяй — Радвилишкис. Отход 11-го стрелкового корпуса прикрывала 202-я моторизованная дивизия. В это же время 23-я танковая дивизия прикрывала отход соединений 10-го стрелкового корпуса. После занятия армией этого рубежа части 12-го мехкорпуса собирались за боевыми порядками пехоты в районе Мяжкуйчай. Восточнее сосредотачивалась 28-я танковая дивизия. Но корпус недолго находился в этом районе. Противник легко обошел открытый правый фланг армии и устремился на Ригу. 27 июня командир 23-й танковой дивизии получил приказ о немедленном отводе частей через Елгаву на Ригу. 28-я танковая дивизия получила приказ прикрыть отход основных сил армии.

В течение 27 июня 28-я танковая дивизия занимала оборону по берегу реки Муша на участке Вайды — Памуша. К вечеру противник обошел правый фланг дивизии, одновременно усилил обстрел с фронта артиллерией. В ходе боя танкисты дивизии подбили 6 танков и уничтожили два орудия противника. Потери дивизии составили 8 танков. Погибли батальонный комиссар Шалаев и командир 28-го разведывательного батальона майор Швейкин. Пропал без вести начальник штаба соединения подполковник Маркелов.

Оперативная группа штаба корпуса, никого не поставив в известность, перешла в новый район, в лес южнее Борисели. Командование и штаб корпуса в первой половине дня 28 июня не знали обстановки на фронте, вынуждены были бездействовать, ожидая, пока восстановится связь с соединениями. Противнику

удалось окружить в районе Борисены (севернее Шяуляя) командный пункт 12-го механизированного корпуса. Во второй половине дня в лесу, где разместилось управление корпуса, слышались звуки разрывов снарядов и рев моторов вражеских танков. Вскоре на КП корпуса объявили боевую тревогу. Все, кто был в штабе, заняли оборону. Генерал Шестопалов лично из снайперской винтовки уничтожил более десяти гитлеровцев. В конце концов, не прорвавшись к окопу, где оборонялся Шестопалов со своими штабистами, немцы решили уничтожить минометным огнем последних защитников командного пункта.

В бою при прорыве кольца окружения погибли комиссар корпуса бригадный комиссар П.С. Лебедев, начальник штаба полковник П.И. Калиниченко, начальник медслужбы бригадный врач И.И. Скачков, секретарь парткомиссии старший политрук Н.Е. Марченко, помощник начальника оперативного отдела майор В.В. Высокоостровский, председатель военного трибунала военный юрист 2-го ранга А.Н. Чернявский и многие другие офицеры. Сам командир корпуса разрывом мины был тяжело ранен, попал в плен, где и умер 2 августа 1941 г. в лагере военнопленных в Шяуляе.

Во временное командование корпусом 1 июля вступил полковник В.Я. Гринберг.

Дивизии корпуса отходили через Елгаву на Ригу. Туда же отходил и 28-й мотострелковый полк, который выполнял приказ командующего фронтом по деблокаде военно-морской базы Лиепая и окруженных там частей 67-й стрелковой дивизии.

Город Рига был совершенно не подготовлен к обороне. Положение усугублялось тем, что 28 июня в городе вспыхнуло вооруженное восстание латвийских сепаратистов. 29 июня войскам НКВД (части формирующейся 22-й мотострелковой дивизии НКВД) удалось снова взять город под свой контроль, но уделять внимание на подготовку города к обороне извне сил уже не было. Рижские мосты обороняли лишь два батальона рабочей гвардии и небольшие подразделения пограничников, имевших на вооружении только легкое стрелковое оружие.

Немецкая 61-я пехотная дивизия вышла к Риге одновременно с отходившими подразделениями 10-го стрелкового и 12-го механизированного корпусов. Если бы противнику удалось быстро занять рижские мосты, главные силы 8-й армии оказались бы при-

жатыми к реке Западная Двина, без средств переправы на северный берег. Немецким войскам открылась бы беспрепятственная дорога в Эстонию и на Псков.

Бои за Ригу протекали в крайне невыгодных условиях для советских войск. Один из трех мостов был захвачен противником. Возникла серьезная угроза захвата остальных. Переправлявшейся на северный берег 28-й танковой дивизии было приказано очистить этот район от противника и не допустить им захвата мостов. Танкисты действовали дерзко и решительно, в бою участвовал лично командир дивизии полковник И.Д. Черняховский. Уличные бои продолжались двое суток. По немецким источникам в «битве за рижские мосты» вермахт потерял 532 человека только убитыми. Действия дивизии позволили практически беспрепятственно переправить основные силы 8-й армии на северный берег реки Западная Двина и занять там оборону.

После переправы остатки 12-го мехкорпуса собирались в районе станции Кегумс. Прикрывал сосредоточение корпуса со стороны Западной Двины на участке станция Кегумс, Рембате — танковый полк с мотострелковым батальоном 23-й танковой дивизии.

Потери 12-го механизированного корпуса к 29 июня 1941 г. достигли 80 %.

Корпус 29 июня получил задачу оборонять полосу по реке Западная Двина шириной около 40 км, имея при этом около 9 тысяч человек личного состава, 50 танков и 47 орудий. Понятно, что оборона корпуса характеризовалась низкой плотностью по людям, танкам и артиллерии из расчета на один километр фронта.

В район Крустпилса была выдвинута 202-я моторизованная дивизия, на рубеж Коакнес, Плявинас — 28-я танковая дивизия из Риги. В резерве, в местечке Эргли сосредотачивалась 23-я танковая дивизия с 30-ю танками. Часть дивизии по-прежнему оставалась в полосе 10-го стрелкового корпуса.

30 июня 1941 г. немецкая 36-я моторизованная дивизия форсировала Западную Двину и прорвала линию не успевшей занять оборону 202-й мотодивизии. В районе Крустпилса образовался новый крупный плацдарм немецких войск, нацеленных на Псков.

Военный совет 8-й армии решил ликвидировать плацдарм в районе Крустпилса силами 202-й моторизованной и

28-й танковой дивизий, которые были подчинены из-за отсутствия штаба 12-го механизированного корпуса командиру 65-го стрелкового корпуса генерал-майору К.В. Комиссарову. В 16 часов он получил приказ: уничтожить переправившегося противника и переправы взорвать. Но выполнить эту задачу генерал Комиссаров не смог, так как ему не удалось собрать отошедшие в разные районы части 12-го механизированного корпуса. 28-я танковая дивизия в течение 30 июня и 1 июля отбивала неоднократные попытки противника переправиться через Двину на своем участке.

По плану командира 202-й моторизованной дивизии полковника В.К. Горбачева, разработанному его штабом во главе с подполковником П.Ф. Батицким, удар по Екабпилсу наносился вдоль северо-восточного берега Западной Двины, а командир подходившей к реке 181-й стрелковой дивизии полковник П.В. Борисов решил нанести удар в юго-восточном направлении. Однако все атаки наших частей и подразделений к желаемым результатам не привели.

Противник 1 июля начал распространяться на Мадоны, Резекне и Псков.

Двое суток удерживала свои позиции в районе Гулбене 202-я дивизия. 645-й мотострелковый полк попал в полуокружение, так как его фланги были обойдены немецкой мотопехотой, не сумевшей с ходу овладеть городом. Далее, маневрируя, дивизия отходила по маршруту Остров — Порхов — Дно.

В боях за Даугавпилс совместно с 46-й танковой дивизией участвовала танковая рота 45-го танкового полка под командованием старшего лейтенанта Надежкина (5 танков Т-26) из 23-й танковой дивизии. Рота только за один день сумела уничтожить 10 бронемашин, 4 противотанковых орудия и 5 мотоциклов противника.

3 июля 125-й танковый полк и другие моторизованные части 202-й моторизованной дивизии под командованием полковника Штыкова были переданы в 28-ю танковую дивизию. (Вернулись в свою дивизию 12 июля 1941 г.)

4 июля 12-й мехкорпус имел всего 50 танков, из них в 23-й танковой дивизии — 10 танков, в 28-й танковой дивизии — 22 танка. 202-я моторизованная дивизия имела около 600 человек личного состава. Мотоциклетный полк отсутствовал.

5 июля поступил приказ о выводе остатков 12-го механизированного корпуса из боя.

Из частей отходившего через Псков 12-го механизированного корпуса заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Сафронов приказал организовать отряд и выбить противника из Острова.

Во второй половине дня 7 июля выявилась реальная угроза прорыва противника к переправам через реку Череха южнее Пскова, вдоль линии Остров — Псков. В этом районе находились на дневке остатки 23-й танковой дивизии (150 человек и 10 танков), направлявшиеся в город Сольцы на переформирование. Командующий фронтом задержал 23-ю танковую дивизию и развернул ее для обороны переправ. В помощь полковнику Орленко командующий направил 3-й мотострелковый полк (3-й танковой дивизии) из резерва фронта и один стрелковый батальон с минометами из 118-й стрелковой дивизии. К 20—22 часам 7 июля отряд вступил в бой с подошедшей в этот район немецкой 1-й танковой дивизией, продолжавшийся всю ночь на 8 июля. Затем обескровленный отряд отошел на северную окраину города.

После прорыва противником обороны в полосе 111-й стрелковой дивизии отряд полковника Орленко контратаковал врага. Опытные по предыдущим тяжелым боям воины 12-го мехкорпуса уничтожили 22 танка и 9 противотанковых орудий противника, сами потеряли при этом всего 12 танков.

За период с 22 июня по 7 июля 1941 г. боевые потери 28-й танковой дивизии составили 133 танка, по техническим причинам вышло из строя 68 танков. Итого 201 машина.

За тот же период боевые потери 23-й танковой дивизии составили 144 танка, по техническим причинам вышло из строя 122 танка, передано в другие части 9 танков, состояло в наличии на 7 июля 1941 г. 58 танков, из них только два были исправны.

15 июля 1941 г. в 12-м мехкорпусе имелось 68 танков Т-26.

202-я моторизованная дивизия участвовала в боях под Сольцами в составе 1-го механизированного корпуса.

В начале июля командир 28-й танковой дивизии Черняховский получил приказ передать мотострелковый, артиллерийский полки и все танки соединениям 8-й армии, а остальные части дивизии погрузить в эшелоны и вывести в тыл на формирование.

С 14 августа 28-я дивизия принимает участие в обороне Новгорода. К этому времени в дивизии останется всего семь танков: два КВ и пять БТ-7.

После долгих кровопролитных боев дивизия Черняховского отойдет в район Кирилловского монастыря, в трех-четыре километрах восточнее Новгорода. После взятия монастыря дивизия до конца августа будет вести здесь оборонительные бои.

Заболел воспалением легких командир 28-й танковой дивизии полковник И.Д. Черняховский. В его отсутствие дивизия будет переброшена в район Демянска в распоряжение командующего 27-й армией генерала Н.Э. Берзарина, в ней не останется танков, и дивизия будет переформирована в стрелковую. На помощь разбитым 3-му и 12-му мехкорпусам был двинут 21-й мехкорпус. Этот корпус относился к механизированным корпусам второй очереди. Он начал формироваться в Московском ВО в апреле 1941 г. и по планам Генштаба должен был быть полностью укомплектован лишь к весне 1942 г. К июню 1941 г. в состав 21-го мехкорпуса входили 42-я и 46-я танковые дивизии и 185-я моторизованная дивизия, имевшие до 80 % личного состава (из них 70 % были призваны в армию в апреле — мае 1941 г.) и 10—15 % грузовых, легковых и специальных автомобилей. Из боевой матчасти к началу войны в корпусе имелось всего 35 танков БТ и 16 танков Т-37/Т-38, а также 88 броневедомостей БА-10 и БА-20.

24 июня 1941 г. из Москвы прибыло два танковых батальона — 105 танков БТ-7 и два танка Т-34. На следующий день, 25 июня, 21-й мехкорпус получил задачу выдвинуться к Даугавпилсу, занять оборону и не допустить форсирования противником Западной Двины на участке станций Ницгале — Краслава.

В 16 ч 25 мин 25 июня выступили главные силы дивизии. С начала марша войска корпуса подвергались налетам авиации противника, что значительно снижало темп движения.

А утром 26 июня немецкий полк «Бранденбург» захватил мосты через Западную Двину. Подошедшие соединения LVI моторизованного корпуса вермахта выбили из Даугавпилса части 201-й воздушно-десантной бригады им. Кирова, дислоцировавшейся там перед войной.

В 5 часов утра 28 июня соединения 21-го мехкорпуса перешли в наступление на Даугавпилс. Передовой отряд 46-й танковой дивизии в 7 часов утра ворвался в село Малиновку, где встретил

упорное сопротивление противника, имевшего в этом районе до танкового полка с пехотой и артиллерией из состава 8-й танковой дивизии. Командир 46-й танковой дивизии основными силами нанес удар в обход Малиновки с запада. Дивизия выбила немцев из села и на плечах отходящего противника в 7 часов вечера ворвалась в Даугавпилс. На окраине города завязались упорные бои. Но 46-й танковой дивизии так и не удалось закрепиться в Даугавпилсе, и она отошла на восточную окраину города, а затем отступила к Сумбрам. После этого 46-я танковая дивизия была передана в группу генерал-лейтенанта Акимова.

Наступление 185-й моторизованной дивизии успеха не имело. Она была остановлена противником в 15—20 км северо-восточнее Даугавпилса.

Понеся большие потери, 21-й мехкорпус вместе с другими частями занял оборону на рубеже реки Великой. Официально 21-й мехкорпус будет расформирован 23 августа 1941 г.

Так немцы за три недели разгромили три мехкорпуса и заняли большую часть Прибалтики. Дольше всех (до 28 августа 1941 г.) сопротивлялся Таллин, но его в основном защищали моряки и морская артиллерия.

В советской историографии боевые действия в Прибалтике с 22 июня по 9 июля 1941 г. получили название «Прибалтийская стратегическая оборонительная операция». В ходе нее безвозвратные потери Красной армии составили: убитыми — 73 924 человека, санитарные — 13 284 человек, всего 87 208 человек. Эти сведения взяты из книги «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах» (М.: Воениздат, 1993) и, судя по всему, они не полные.

Глава 11

ТАНКИ В БОЯХ ЗА ЛЕНИНГРАД

Битву за Ленинград, в отличие от, например, Курской битвы, никто из историков не называл грандиозным танковым сражением. Тем не менее, в силу ряда обстоятельств, в битве за Ленинград действовало куда больше тяжелых танков, чем под Курском. Другой вопрос, что их действия была разнесены во времени и пространстве и в большинстве случаев представляли собой от-

дельные эпизоды. Поэтому я не буду здесь описывать общий ход боевых действий, а остановлюсь именно на отдельных эпизодах.

Германский историк Пауль Карель предоставил близкую к действительности картину движения германских танковых и моторизованных частей к Ленинграду:

«В 14 ч 00 мин 5 июля боевая группа Крюгера — авангард 1-й танковой дивизии — начала наступление на Псков, где она столкнулась с советскими танками, атаковавшими крупными силами. Механизированные противотанковые подразделения 1-й роты 37-го истребительно-противотанкового дивизиона со своими 37-мм пушками были буквально раздавлены тяжелыми советскими КВ-1 и КВ-2. Стрелки и артиллеристы оказались бессильны что-либо сделать с этими огромными ползающими крепостями. Они попятились. Русские прошли сквозь заслон немецких танков в направлении Острова. Так что же, их ничем не остановить?»

То был великий час майора Зёта, командира 3-го дивизиона 73-го артиллерийского полка, ранее 2-го дивизиона 56-го артиллерийского полка, из Гамбурга-Вандебека. Майор установил одну из своих 15-см тяжелых гаубиц 9-й батареи на дороге и приказал зарядить орудие бетонобойным снарядом, которые применялись для уничтожения мощных дотов. Наводчик орудия, обер-ефрейтор Георги, подпустил КВ-2 на расстояние уверенного выстрела.

— Огонь! — Словно получив удар гигантским кулаком, КВ-2 резко свернул на обочину и остался там недвижим. — Перезаряжай. Целься. Огонь!

Храбрый обер-ефрейтор и его расчет подбили еще двенадцать русских танков. Другие орудия тоже вступили в борьбу с советскими гигантами. В результате им удалось не только остановить атаку противника, но и вернуть пехоте уверенность в себе. Теперь при поддержке артиллеристов 3-го дивизиона они стали уничтожать вражеские танки с помощью подрывных зарядов. Уже очень скоро генерал-майор Крюгер получил возможность доложить: наступление продолжается.

Два дня спустя, 7 июля, 1-й танковый полк, возглавлявший боевую группу Вестхофена и образовывавший авангард 1-й танковой дивизии, и следовавшая сразу за ней 6-я танковая дивизия начали атаку против остатков советских танковых соединений в районе Пскова. Дальше, слева от них эшелоном шла 36-я мото-

ризованная дивизия — третья подвижная дивизия 41-го танкового корпуса. Капитан фон Фалькенберг, командовавший головной ротой, усиленной бронетранспортерами 1-го батальона 1-го стрелкового полка, следовал в башне танка № 700 к перекрестку к северу от Летова, напряженно глядя в бинокль.

Капитан смотрел на лейтенанта Фромме, взвод которого являлся головной походной заставой 2-го батальона 1-го танкового полка и который открыл огонь из своего танка № 711 по приближавшемуся советскому танку. Прямое попадание. Вражеский танк задымился, но продолжал движение. Он пошел прямо на танк Фромме и таранил его. Трое русских выпрыгнули из своей машины. Фромме тоже выскочил из своей с пистолетом в руке. Русские подняли руки. В тот момент в поле появились еще два советских танка. Трое сдавшихся было в плен красноармейцев, воспрянув духом, юркнули в свой танк. Фромме попытался выстрелить, но пистолет заклинило. Один из русских бросился на лейтенанта с быстротой молнии. Фромме пошарил рукой у себя за спиной и схватил топор, прикрепленный к прикрывавшему гусеницу щитку. Размахивая им, он пошел на русских. Они побежали. Фромме забрался обратно в свой танк.

Капитан фон Фалькенберг нырнул в люк и захлопнул его за собой.

— Вперед! — крикнул он водителю. — К перекрестку!

Лейтенант Кёлер, командир 2-го взвода, тоже наблюдал за упражнениями Фромме с топором и поспешил ему на помощь. Он выдвинулся на позицию справа от взвода Фромме и тотчас же вступил в действие. Его четыре Т-III успели как раз вовремя, чтобы встретить на фланге следующую порцию советских танков. К ночи восемнадцать танков стояли без движения на участке Фалькенберга. Советская контратака к юго-востоку от Чудского озера надорвалась. Путь на Псков лежал открытым¹.

Карель, как и другие германские авторы, отмечает, что многие из тяжелых танков КВ управлялись «гражданскими испытателями» с Кировского завода. «В подбитых танках немцы также обнаруживали погибших или раненых женщин»². Об участии

¹ Пауль К. Восточный фронт. Кн. 1. Гитлер идет на Восток. 1941—1943. С. 195—196.

² Там же. С. 201.

гражданских специалистов есть упоминания и в советских источниках: «6 августа 1941 г. из учебной команды на Кировском заводе была сформирована танковая рота из 10 тяжелых машин. Ее передали в 86-й отдельный танковый батальон, которым командовал майор А. Угрюмов, награжденный во время советско-финской войны орденом Красного Знамени. Кировские танки своим ходом отправились на передовую»¹.

С конца июля 1941 г. шли упорные бои за поселок Ивановское. Участник боев генерал Эрхард Раус о бое 18 июля писал: «Вокруг Ивановского произошло несколько отдельных боев местного значения. Мы легко отразили слабые атаки русских с севера вдоль пруда в направлении к мосту. Больше проблем создала еще одна внезапная атака русской пехоты из леса при поддержке единственного сверхтяжелого танка КВ-1. Эта атака должна была парализовать нашу систему управления, нервный центр которой находился, как правильно определили русские, возле церкви. Хотя контр-удар нашей резервной пехотной роты отбросил назад советских солдат, которые прорвали линию дозоров, КВ-1 выскочил из леса и на большой скорости ринулся вперед. Он проскочил так быстро и так близко к нашему замаскированному 10,5-см орудия, что оно просто не успело выстрелить. Танк начал описывать круги вокруг церкви, сокрушая все на своем пути. Был разгромлен штаб полковника фон Вальденфельса. Наши PzKw 35(t) были бессильны, так как под Расейнаем их стрельба совершенно не вредила стальному монстру. Наконец один удачливый унтер-офицер положил конец этому кошмару. Он сумел запрыгнуть на танк и несколько раз выстрелил из пистолета в смотровую щель водителя. Тот был ранен, потерял обзор и потому повел танк назад. Очевидно, он надеялся, что, вернувшись к своей пехоте, избежит от опасного пассажира. Наши мелкокалиберные пушки провожали танк огнем. Крича во всю глотку, водитель проскочил мимо 10,5-см орудия. За несколько секунд до того, как танк пересек наши линии, унтер-офицер спрыгнул, предоставив гиганта его судьбе. И как только танк вышел на ничейную землю, он взорвался, получив прямое попадание 10,5-см снаряда “в спину”...

¹ *Попов Н.С., Петров В.И., Попов А.Н., Ашик М.В.* Без тайн и секретов. СПб.: ИТЦ «Правда». 1995. С. 64.

...Ночью 19/20 июля нас встревожили звуки работающих моторов. Выяснилось, что русские эвакуируют подбитые танки. Это означало, что они готовят новые атаки, и уже на рассвете 20 июля выяснилось, что наше положение было правильным. Сверхтяжелые танки КВ-1 атаковали Ивановское с обеих сторон и прошли через наши передовые позиции, а затем и через линию пулеметных точек, прежде чем их сумели остановить 10,5-см орудия. Этими танками управляли гражданские механики, и они прибыли прямо с завода. Затем началась яростная перестрелка между группой легких танков, следовавших за КВ-1, и нашими PzLw 35(t). Этот бой привел к потерям с обеих сторон и завершился, лишь когда наши танки ударили по расчищенной русскими саперами дороге¹.

Вновь предоставлю слово Паулю Карелю: «13 сентября три советских тяжелых танка КВ-1 и КВ-2, только что вышедших из сборочного цеха завода в Колпине, частью даже некрашенные, скрежеща гусеницами, появились из утреннего тумана на дороге из Пулкова, направляясь к дороге Пушкин — Красное Село.

Штовес отдал своим трем танкам, стоявшим по обеим сторонам дороги к аэродрому г. Пушкина, приказ приготовиться к бою. Своему водителю он велел спрятать машину за сараем и не глушить двигатель, обеспечивая прикрытиe с юга. Сам он вместе с капитаном фон Беркерфельдом проверил посты на подступах к деревне Малая Кабось. Солнце разгоняло густой утренний туман. Было 07.00. Танк № 612 унтер-офицера Бунцеля медленно выехал на дорогу.

Вдруг, точно выскочив из-под земли, перед ними оказались два гиганта КВ-2. Штовес и Беркерфельд бросились в придорожную канаву. Но тут прогремел выстрел. Бунцель оставался начеку. Вновь подала голос его 5-см танковая пушка. Головной советский танк остановился. Из него повалил дым. Позади двигался второй. Его подбил танк № 614 унтер-офицера Гулиха, находившийся на другой стороне дороги. Первым же выстрелом — прямое попадание. Экипаж КВ-2 выскочил из потерявшей ход машины.

Появилось еще пять чудовищ КВ-2, а из тумана около Малой Кабоси вынырнули три КВ-1 и направились прямо на танк № 613 унтер-офицера Оэрляйна. Ехавшие на броне русские пе-

¹ Паус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2006. С. 117, 121.

хотинцы прыгнули на землю и выстроились цепью. Головной КВ выстрелил из своего 152-мм орудия, прямым попаданием угодив в танк Оэрляйна. Тяжелораненый унтер-офицер, наполовину приподнявшись из люка, рухнул на броню башни. Штовес побежал к нему. Справа и слева от него шли в атаку советские пехотинцы. Немецкие посты вокруг Малой Кабоси отходили. Отличить в тумане своих от чужих практически не представлялось возможным.

Вместе с артиллеристом Оэрляйна Штовес первым делом оттащил наиболее тяжело раненного члена экипажа, водителя, к танку унтер-офицера Гулиха, который стоял за небольшим сараем, обеспечивая огневое прикрытие из пулемета. Затем они побежали обратно. Вытащили из башни унтер-офицера Оэрляйна. Они также попытались достать тяжело раненного радиста, но не смогли добраться до него. Не успевали. Из тумана точно призраки появились русские. Донеслось “Ура!”. Лейтенант Штовес закрыл все люки ключом с квадратной головкой. Они вытащат радиста позднее, когда отобьют атаку противника и сами контратакуют. А пока нельзя дать русским пробраться в танк. В тот момент раненный в руку артиллерист вскрикнул от боли.

— Давай, парень, беги! — крикнул ему лейтенант. Артиллерист — недоучившийся студент-медик — прижал больную руку здоровой и скрылся в тумане. Штовес взвалил находившегося без сознания Оэрляйна на спину и поспешил уйти подальше.

Справа и слева советские пехотинцы шли в штыковую. По видимому, они приняли лейтенанта-танкиста за одного из своих — наверное, из-за надетого на нем русского ватника.

Штовес воспользовался этим. Он добрался до своего танка, который все еще стоял за сараем, обеспечивая прикрытие от атаки с запада. Приехала санитарная машина и увезла Оэрляйна, его водителя и артиллериста. Над полем боя, точно над котлом с вевьминным варевом, все еще курился туман.

Тем временем 1-ю роту 113-го пехотного полка охватил приступ паники. Часть отошла от перекрестка в Малой Кабоси. Пехотные орудия, равно как и противотанковая пушка, давно оставили позиции. В двадцати пяти метрах от сарая, за которым стоял танк № 611 лейтенанта Штовеса, прополз КВ-1. Он подставил борт. Бей его! Наводчик ефрейтор Бергенер бил. Второй снаряд вывел русский танк из строя. Машина Штовеса была от-

лично замаскирована. Она осторожно подъехала к углу деревянного сарая. По дороге шли третий и четвертый КВ. Их командиры нервничали, не понимая, откуда ведется смертоносный огонь.

Бергенер прицеливался:

— Огонь!

Недолет, и снова:

— Огонь!

Второй снаряд попал русскому танку прямо в броневую маску орудия. Четвертый танк, который поспешил развернуться, получил снаряд в корму.

В этот момент Штовес увидел танк унтер-офицера Бунцеля. Он обездвижил преследователя. Это был уже пятый советский танк, подбитый в тот день.

Теперь русские разобрались, где находится опасность. Зачавкали противотанковые ружья, загрохотали выстрелы 76-мм пушек.

— Уходим! — приказал Штовес.

В маленьком лесу они встретили танк № 612 Бунцеля. Унтер-офицер доложил:

— Пушка повреждена, но оба пулемета действуют.

В тридцати метрах позади виднелся танк № 614 Гулиха — что-то с ними было не так. Рядом на краю канавы занял позицию пулеметный расчет. Штовес направился туда. Он нашел там капитана фон Беркерфельда в каске набекрень.

— Прекрасная заварушка, — проворчал он невесело. — Сначала мои ребята дали деру при виде тяжелых танков. Но лейтенант навел порядок. Через минуту мы будем готовы действовать.

Штовес вернулся к своему танку. Двигатель завелся с пол оборота. Они медленно поехали к перекрестку — туда, где остался танк Оэрляйна, чтобы вытащить радиста.

Через двадцать минут обер-лейтенант Дариус, командовавший 6-й танковой ротой, принял сообщение, от которого у него перехватило дыхание. В динамиках рации зазвучал голос радиста из экипажа Штовеса:

— Лейтенант Штовес погиб, когда наш танк подбили.

Что произошло? Снаряд КВ-1 прямым попаданием угодил в башню танка № 611 с расстояния 400 метров. Осколком серьезно ранило лейтенанта в голову и лицо. Обливаясь кровью, он рухнул

на командирское сиденье. Но смерть на сей раз не явилась за ним. Через месяц лейтенант вернулся в свой полк. Однако к тому моменту он уже действовал далеко от Ленинграда.

1-я танковая дивизия продолжала вести бой за пригород Александровку, где находилась конечная станция юго-западной ветки ленинградского трамвая — в двенадцати километрах от центра города. Затем 17 сентября танковый корпус сняли с фронта, «чтобы применить в другом месте». Использовать его намеревались для захвата Москвы»¹.

В завершение рассказа об участии танков КВ в битве за Ленинград стоит сказать пару слов и о судьбе опытных танков Т-150, КВ-220 и КВ-3². Вопреки утверждению ряда отечественных историков все три машины не были эвакуированы, а остались в осажденном Ленинграде. В октябре 1941 г. командование фронта приказало опытные танки передать в войска.

Все три танка прошли необходимый ремонт, и на них установили башни от серийных КВ-1. Согласно документам военной приемки, «танк Т-150, опытный, убыл 11 октября 1941 года в 123-ю танковую бригаду, танк КВ-220—1 заводской № М-220—1, опытный, убыл в 124-ю танковую бригаду 5 октября 1941 года, танк КВ-220—2 заводской № М-220—2, опытный, убыл в 124-ю танковую бригаду 16 октября 1941 года. Все танки вооружены 75-мм пушками Ф-32».

Дальнейшие сведения о судьбе опытных машин противоречивы. Так, по рассказу командира роты 124-й танковой бригады:³ «Осенью 1941 года наша бригада получила на пополнение несколько танков КВ, один из которых назывался “За Родину”. Он был изготовлен в единственном экземпляре на Кировском заводе. Он обладал теми же возможностями, что и танк КВ, но имел усиленную броневую защиту, вес более 100 т и более мощный двигатель с турбиной. При движении на высших передачах двигатель свистел и этот свист был очень похож на свист пикирующих “юнкерсов”».

¹ Пауль К. Восточный фронт. Кн. 1. С. 231—233.

² КВ-220 в ряде документов проходит как КВ-220-1, а КВ-3 как КВ-220-2.

³ 124-я танковая бригада была сформирована в начале октября 1941 г. на базе 24-й танковой дивизии.

Первое время после получения танка при его движении в бригаде даже подавали сигнал «Воздух!». Танк поступил в мою роту, и сначала хотели назначить его командиром меня, но потом его командиром стал мой заместитель, опытный танкист лейтенант Яхонин. Танк считался практически неуязвимым для артиллерии противника и предназначался для штурма укрепленных позиций.

В декабре 1941 года (точной даты я не помню) наша бригада получила задачу прорвать оборону немцев на участке Усть-Тосно — железнодорожный мост, форсировать р. Тосна и во взаимодействии с частями 43-й стрелковой дивизии развить наступление на Мгу. В первом эшелоне атаковал 2-й танковый батальон под командованием майора Пайкина, танковый взвод 1-го батальона и танк «За Родину» моей роты. В данном бою танк получил задачу захватить железнодорожный мост через р. Тосна и удержать плацдарм для подхода основных сил. Бой развернулся на открытой местности. Промерзший верхний слой торфяника с трудом выдерживал танк. Когда он подошел вплотную к мосту, то был встречен огнем немецких тяжелых орудий, и с ним пропала радиосвязь. Я находился в это время на КП батальона. Когда с танком «За Родину» прервалась связь, я попытался пробраться к месту боя вдоль железнодорожной насыпи. Когда мне удалось подползти к танку, я увидел, что с него сбита башня и весь экипаж погиб»¹.

Глава 12

ЛЕГЕНДЫ О КРЫМСКИХ ТАНКАХ

Все советские историки, рассказывая о вторжении 11-й армии генерал-полковника Манштейна в Крым, о боях за Севастополь и Керченский полуостров, постоянно оперируют огромными цифрами германских танков — в 100, 200 и 300 машин. Соответственно, наши артиллеристы и моряки запросто подбивают за один бой по 10—40 тяжелых немецких танков. Сейчас им вторят и самодеятельные историки, к примеру, авторы той же «Военной летописи». Немцы же утверждают, что у них не было танков вообще.

¹ Цит.: по: *Коломиец М.* Монстры Кировского завода / Танкомастер № 6/2000.

Вот, например, официальные данные о боях за Перекоп.

С рассветом 25 сентября 1941 г. немецкая авиация усиленно бомбардировала передний край нашей обороны, Турецкий вал и глубину обороны до села Ишунь. В 10 часов утра противник силой до четырех пехотных полков при поддержке более 50 танков и под прикрытием сильного артиллерийского и минометного огня перешел в наступление на основную оборонительную линию Перекопских позиций, нанося главный удар вдоль Перекопского залива. После упорных боев наши части оставили город Перекоп и отошли за Турецкий вал, за исключением третьего батальона 417-го стрелкового полка, саперной роты и двух батарей, которые продолжали вести бой севернее Перекопа в районе Кантемировка.

Контратака 14 танков Т-37 и Т-38, приданных 156-й стрелковой дивизии, не удалась. Все 14 машин были уничтожены.

В 7 часов утра 26 сентября две немецкие пехотные дивизии, поддержанные 100 танками, начали наступление на позиции 156-й стрелковой дивизии. К 11 часам утра немцы заняли Турецкий вал и вышли к Армянску. Тем временем генерал Батов, командовавший советскими войсками на перешейке, подтянул свежие силы: 383-й полк из 172-й стрелковой дивизии, 442-й полк из 106-й стрелковой дивизии и 865-й полк из 271-й стрелковой дивизии. Эти три полка контратаковали противника. В течение дня 26 сентября город Армянск 4 раза переходил из рук в руки. Немцы тоже сняли с побережья Сиваша какие-то части 22-й пехотной дивизии и ввели их в дело. К вечеру Армянск остался за немцами.

В воспоминаниях П.И. Батова постоянно фигурируют крупные танковые соединения. То он говорит о 100 танках у Армянска на 6 октября, то «вечером 19 октября 170-я пехотная дивизия немцев, с которой действовало более шестидесяти танков поддержки пехоты, вырвалась к устью Чатырлыка»¹.

Увы, Павел Иванович, везде указывавший номера германских пехотных дивизий, нигде не указал названия танковых частей. Понятно, что такая же картина наблюдается и в других источниках: у Г.И. Ванеева, А.В. Басова, в «Хронике Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре» и т.д. То есть

¹ Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974. С. 117.

немецкие танки, как бизоны, ходят по Крыму сами по себе, без всякой организации, сбиваясь в стада по 50, 100 и более единиц.

Манштейн же утверждает, что танков у него не было. И действительно, к тому времени дивизия «Лейбштандарт Адольф Гитлер» была переброшена на Ростов, а для действий в Крыму Манштейн мог привлечь лишь два корпуса: 30-й в составе 22-й, 72-й и 170-й пехотных дивизий и 54-й в составе 46-й, 73-й и 50-й пехотных дивизий (треть 50-й пехотной дивизии еще была под Одессой).

У Манштейна в Крыму был лишь один дивизион штурмовых орудий. В составе 190-го дивизиона имелось 24 76-мм самоходные установки StuG III, созданные на базе танка Т-III. В каждом взводе, состоявшем из двух орудий, имелся один бронированный транспортер боеприпасов Sd.Kfz.253 и одна машина передовых артиллерийских наблюдателей Sd.Kfz.252.

30 октября организованное сопротивление советских войск на севере Крыма прекратилось и началось повальное бегство. Кому мои слова покажутся слишком резкими, я отправлю к «Хронике...»: «По отдельным отрывочным сведениям, поступавшим в течение дня, было известно, что в 11 ч 40 м. 45 автомашин с немецкой пехотой подошли к станции Карагут (10 км севернее Саки). Около 13 часов в районе деревни Икар (12 км севернее Евпатории) противник выбросил воздушный десант, и 40 человек этого десанта двигались к железнодорожной станции Евпатория.

В 13 ч 10 м. по дороге вдоль западного побережья Крыма, между деревнями Ивановка (16 км южнее Саки) и Николаевка, было обнаружено движение четырех танкеток, а в 13 ч 30 м. по дороге из Евпатории в Симферополь прошли 12 танков противника. В 15 ч 10 м. немцы заняли город Саки. В 16 часов из деревни Бурлюк по дороге на восток показались бронемшины противника. В 16 ч 15 м. из штаба ПВО донесли, что противник перерезал шоссе между Симферополем и Евпаторией на 37-м км»¹.

В начале ноября 1941 г. германские войска вплотную подошли к границам Севастопольского оборонительного района (СОР). Разгром и бегство советских войск объясняется не сотнями тя-

¹ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 21 июня по 31 декабря 1941 г. М. — Ленинград: Управление военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945. С. 203.

желых танков у Манштейна (у него и легких-то не было), а бездарностью наших генералов и особенно адмиралов.

Примерно половина сухопутных войск была расположена на побережье полуострова в ожидании мифического германо-итальянского десанта. Не было предусмотрено заграждений и укреплений на перевалах в горном Крыму и на южном его побережье.

Большая часть Крыма простреливалась 305—180-мм орудиями линкоров и крейсеров. Да что крейсера! Все населенные пункты и дороги Южного берега Крыма простреливались с моря из 76—100-мм пушек. Но, увы, ни один корабль Черноморского флота не поддержал огнем группы красноармейцев, отступавшие по приморским дорогам.

Взять с ходу хорошо укрепленный Севастополь Манштейн не смог, и началась многомесячная оборона города.

В советской военно-исторической литературе значение Керченско-Феодосийской операции сознательно преуменьшалось. Ее главной целью считалось ослабление немецкого давления на Севастополь и захват Керченского полуострова. На самом же деле планом операции предусматривался морской десант в Алуште, марш-бросок войск с Ак-Манайской позиции на Керченский полуостров к Перекопу и т.д., то есть планировалось вообще выбить немцев из Крыма. И, по мнению автора, такая возможность была. Другой вопрос, что позже наши историки стали задним числом подгонять первоначальные планы под результаты операции.

Ранним утром 26 декабря 1941 г. началась высадка частей 44-й армии на Керченском полуострове. В составе армии находилось пять стрелковых и горных дивизий, пять горнострелковых полков и 126-й отдельный танковый батальон.

26—31 декабря на Керченский полуостров в районе мысов Зюк и Хрони было высажено девять танков Т-26. К 31 декабря в районе Феодосии высажено 43 танка.

28 января 1942 г. Сталин приказал реорганизовать Кавказский фронт, разделив его на Крымский фронт и Закавказский военный округ.

В состав Крымского фронта были включены войска бывшего Кавказского фронта, расположенные на Керченском и Таманском полуостровах и в районе Краснодара (44-я, 51-я и 47-я

армии). Кроме того, командующему Крымским фронтом были подчинены войска Севастопольского оборонительного района, Черноморский флот, Азовская военная флотилия и Керченская военно-морская база. Командующему Крымским фронтом генерал-лейтенанту Д.Т. Козлову был подчинен также Северо-Кавказский военный округ с правом использования его войск и формирований лишь с разрешения Ставки Верховного Главнокомандования.

Наступление советских войск началось 27 февраля. Группировку из четырех дивизий 51-й армии поддерживало всего 170 орудий, а три дивизии 44-й армии — 62 орудия. Главный удар наносили войска 51-й армии в районе селения Кой-Асан.

Для прорыва немецкой обороны были использованы танки 39-й, 40-й и 55-й танковых бригад и 229-го отдельного танкового батальона. Фронт атаки этих соединений не превышал 5 км, то есть плотность достигала 34 танка на 1 км. Наши танковые соединения и части двигались тремя эшелонами. Каждой танковой бригаде и отдельному батальону было придано по саперной роте. Личный состав рот предполагалось везти за танками на специальных волокушах, но из-за размокания грунта от этой идеи пришлось отказаться и посадить саперов на танки первого эшелона. В задачу саперов входило разминирование проходов для техники и пехоты. Но, несмотря на все предпринятые меры, все же 7 танков подорвались на минах.

Немецкие пехотные дивизии сражались насмерть, а вот румыны традиционно побежали. Румынскую 18-ю пехотную дивизию поддерживали два германских артдивизиона, расчеты которых бросили орудия и подались вслед за союзниками.

Командование Крымского фронта доложило в Москву, что к 13 часам 28 февраля 1942 г. части 51-й армии захватили до 50 орудий, много минометов и свыше 100 пленных. А вот 44-я армия не продвинулась ни на шаг с начала наступления.

Румыны добежали до Киета, но там советские войска были остановлены германским 213-м пехотным полком, а также сбранными «с бору по сосенке» солдатами тыловых резервных подразделений, включая штабы. А румынскую 18-ю пехотную дивизию отправили в тыл на переформирование. Советские источники сообщают о появлении на фронте 73-й германской пехотной дивизии.

2 марта немцам удалось закрепиться по всей линии фронта, а советские войска понесли большие потери в личном составе и потеряли 93 танка. Поэтому командарм Козлов приказал: «В связи с плохим состоянием грунта на Керченском полуострове и невозможностью вследствие этого вести наступательные действия... прочно закрепиться на выгодных рубежах и до особого распоряжения наступление прекратить»¹.

Новое советское наступление было назначено на 13 марта. К этому времени Крымский фронт располагал 8 танками КВ, 13 танками Т-34, 32 танками Т-60 и 172 танками Т-26.

Л.З. Мехлис вместо того чтобы применить танки массированно на направлении главного удара, распылил их между стрелковыми частями. Так, 229-й отдельный танковый батальон (4 танка КВ) был придан 77-й стрелковой дивизии, 39-я танковая бригада (2КВ, 6 Т-34, 11 Т-60) — 236-й стрелковой дивизии, 56-я танковая бригада (90 Т-26) — 12-й стрелковой бригаде, а 40-я танковая бригада (2 КВ, 7 Т-34, 21 Т-60) — 398-й стрелковой дивизии. Командиры танковых бригад были подчинены командирам стрелковых дивизий и бригад.

На Керченском полуострове в 9 часов утра 13 марта пошел мокрый снег. Командование испугалось потерять последние 8 тяжелых танков на размокшем грунте (из-за поломок коробок передач) и приказало не вводить их в бой. Но сей приказ до 229-го отдельного танкового батальона не дошел, и его четыре танка КВ все-таки пошли в атаку.

В ходе многочисленных атак с 13 по 19 марта советские войска понесли большие потери, но прорвать немецкую оборону не смогли. Хотя и силы противника были на исходе. Манштейн писал: «18 марта штаб 42-го корпуса вынужден был доложить, что корпус не в состоянии выдержать еще одно крупное наступление противника»².

Тут же Манштейн пишет, что в течение первых трех дней наступления немцам удалось подбить 136 танков. На самом же деле с 13 по 19 марта 56-я танковая бригада потеряла 88 танков (56 подбито, 26 сгорело и 6 подорвались на минах), 55-я танковая бригада

¹ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 93.

² Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ, 1999. С. 266.

потеряла 8 танков, 39-я танковая бригада потеряла 23 танка, 40-я танковая бригада — 18 танков, 24-й танковый полк — 17 танков, 229-й отдельный танковый батальон — 3 танка. Всего 157 танков.

В итоге Крымский фронт к 25 марта располагал 54 танками. Из них в 39-й танковой бригаде было 4 танка (2 КВ и 2 Т-60), в 40-й бригаде — 13 танков (все Т-26), в 56-й бригаде — 31 танк (все Т-26), в 24-м танковом полку — 4 танка Т-26 и в 229-м отдельном батальоне — 2 танка КВ.

Зато германская 11-я армия впервые получила танковую дивизию. В конце марта в Крым начали прибывать подразделения 22-й танковой дивизии¹. В апреле в Крым прибыла 28-я легкая пехотная дивизия, а также 7-й румынский армейский корпус в составе 19-й пехотной дивизии и 8-й кавалерийской бригады.

20 марта немцы предприняли контратаку из района поселка Ново-Михайловка в район поселка Кормечь. Пехоту поддерживали 50 танков 22-й танковой дивизии. Бой шел до вечера. Нашу пехоту поддерживали 39-я и 40-я танковые бригады. По советским данным немцы потеряли до 35 танков, из которых 17 остались на поле боя. Причем 8 танков после осмотра нашими танкистами оказались в полной исправности.

В апреле 1942 г. Крым посетил маршал Антонеску. Диктатор вел себя очень важно. Как писал Манштейн: «Высшие румынские офицеры, казалось, боялись его как самого Господа Бога»². Антонеску пообещал прислать в Крым еще две румынские дивизии.

Штаб Манштейна составил план операции по уничтожению советских войск на Керченском полуострове, получивший кодовое название «Охота на дроф». Согласно этому плану, войска Севастопольского оборонительного района должны были сдерживать 54-й германский корпус и вновь прибывшая румынская 19-я пехотная дивизия. Весь Южный берег Крыма должна была защищать одна румынская 4-я горная бригада.

На Керченском же перешейке должны были наступать пять германских пехотных дивизий (170, 182, 186, 46 и 50-я), 26-я лег-

¹ 22-я танковая дивизия сформирована в сентябре 1941 г. в составе 204-го танкового полка и двух пехотных полков. До 7 октября 1942 г. ей командовал генерал-лейтенант В. фон Апель. К началу 1942 г. дивизия находилась в резерве группы армий «Юг».

² Манштейн Э. Утерянные победы. С. 268.

кая пехотная дивизия, 22-я танковая дивизия, а также румынские 19-я пехотная дивизия и 8-я кавалерийская бригада. На сей раз у немцев было до двухсот танков и самоходных установок. К 20 апреля на Крымском фронте у немцев имелось: 123 миномета, 15 7,5-см, 132 10,5-см и 62 15-см орудия, а также 16 21-см мортир.

Советские войска располагались уступом, вытянутым на севере. Численно они превосходили противника в полтора раза. К 8 мая в частях Крымского фронта имелось: 41 танк КВ, 7 — Т-34, 111 — Т-26, 79 — Т-60. Итого 238 танков, не считая 79-го учебного танкового батальона, имевшего 5 танков Т-26, один ХТ-133 и один трофейный Т-IV.

К 4 мая 1942 г. в составе артиллерии Крымского фронта имелось: минометов 50-мм — 1340, 82-мм — 817, 107-мм — 41 и 120-мм — 168; 45-мм противотанковых пушек — 175; 76-мм полковых пушек — 70; 6-мм дивизионных и корпусных пушек — 330; 122-мм гаубиц — 191; 152-мм гаубиц — 5; 107-мм пушек — 21; 122-мм пушек А-19 — 24; 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 — 109; пусковых установок реактивных снарядов М-8—24; пусковых установок реактивных снарядов М-13 — 29.

В 1987 г. А.В. Басов писал: «6 мая Буденный предупредил о возможном переходе противника в наступление против войск Крымского фронта.

Однако требование об усилении обороны оказалось невыполненным. Оборонительной группировки войск для отражения ожидаемого наступления врага не было создано. Все три армии (47-я, 51-я и 44-я, всего 21 дивизия) находились в одном эшелоне фронта. Дивизии и бригады, входившие в состав армий, были вытянуты в одну линию, а их боевые порядки до предела уплотнены. Стрелковые дивизии действовали в чрезвычайно узких полосах (в среднем по 2 км). Небольшие резервы, так же как и пункты управления, располагались близко к переднему краю, что ставило их под угрозу ударов вражеской артиллерии. Главная полоса протяженностью 27 км не имела необходимой глубины (она не превышала 4 км), а вторая была создана лишь на правом фланге. Левый, приморский фланг не обеспечивался со стороны моря. Там не было кораблей, которые поддерживали бы фланг сухопутных войск. Артиллерийские противотанковые резервы во фронте и в армиях не были созданы, противовоздушная оборона войск

также не была организована должным образом. Фронтовой тыловой рубеж — позиции Турецкого вал и керченского оборонительного обвода — в инженерном отношении не были завершены и войсками не занимались»¹.

Таким образом, Басов все валит на командование Крымского фронта. Попробуем разложить все по полочкам. Директивой № 2/оп от 6 мая 1942 г. Буденный не предупредил, а дезинформировал командование Крымского фронта. Там говорилось: «неприятель сосредоточил переправочные средства по азовскому побережью на участках Таганрога, Мариуполя и транспортную авиацию в Днепропетровске, Запорожье, Кировограде и Николаеве.

По данным разведки Южного фронта и Азовской военной флотилии, в районе Мариуполя и Таганрога противник имел транспорты, мотоботы и другие мелкие суда, позволявшие ему поднять одновременно до 7000 человек с личным вооружением. В порт Мариуполь прибыло до 2000 и ожидается прибытие еще до 300 немецких моряков. На участке Мариуполь — Таганрог было сосредоточено до двух пехотных дивизий немцев и до бригады румын.

По данным опроса пленного офицера германской армии, немцы сосредоточили транспортную авиацию в районах Николаева и Запорожья»².

Таким образом, Буденный подыграл немцам. И командование Крымского фронта по приказу маршала сосредоточило свои основные силы на севере, а не на юге, где Манштейн планировал нанести свой главный удар.

А вот командование флота почему-то проигнорировало директиву Буденного и попросту занималось охраной транспортов (от кого?), выставив охранение из кораблей и подводных лодок у кавказских баз, и занималось иными весьма полезными делами.

Риторический вопрос: как могло командование Крымского фронта ждать вражеские десанты со стороны Черного моря, когда там у немцев еще не было боевых кораблей, а боевая мощь Черноморского флота за счет поступления новых кораблей почти не уменьшилась по сравнению с 22 июня 1941 г.?

¹ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. М.: Наука, 1987. С. 141—142.

² Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С. 203.

А рано утром 8 мая немцы погрузили в Феодосии батальон пехоты на штурмовые лодки и высадили десант у горы Ас-Чалуле в тылу у наших войск. Батальон перешел в наступление и вызвал панику среди наших войск. Представим на секунду, если в Феодосийском заливе дежурили... нет, не крейсера, а хотя бы звено торпедных катеров или пара сторожевых катеров или бронекатеров? (Их-то у нас было с избытком.) Ведь ни одна бы немецкая лодка не ушла. Но Манштейн за 1941 г. хорошо изучил манеры наших адмиралов.

Одновременно с десантом 30-й корпус, поддержанный 150 танками и САУ, прорвал позиции 63-й горнострелковой и 276-й стрелковой дивизий на южном участке фронта. На остальных же участках фронта 42-й германский корпус поначалу лишь проводил демонстрацию наступления.

К исходу 8 мая 404-я стрелковая дивизия была разгромлена. Немцы прорвали фронт на южном участке шириной в 5 км и на глубину 8 км. На остальных участках фронта советские войска отбили все атаки и удержали занимаемые позиции.

9 мая Манштейн ввел в дело 22-ю танковую дивизию, атаковавшую 56-ю танковую бригаду и 229-й отдельный танковый батальон (11 танков КВ, 15 — Т-26 и 11 — Т-60). В ходе упорного боя наши части потеряли 5 танков КВ и 9 танков Т-26. По советским данным, немцы потеряли 50 танков. Понятно, это преувеличенные данные, хотя, вообще говоря, немецкие танкисты не особенно любили встречаться с танками КВ.

К исходу 9 мая в полосе 44-й армии уже не имелось сплошного фронта. Остатки занимавших оборону стрелковых дивизий мелкими группами отходили на восток. 72-й кавалерийской дивизии была поставлена задача остановить отступление, но безрезультатно.

На левом крыле 51-й армии из-за отступления 236-й стрелковой дивизии с ночи на 10 мая также образовался не занятый нашими войсками прорыв от селения Пять Курганов до города Кайман. Глубина прорыва немцев на некоторых участках Крымского фронта достигала 30 км.

По словам Манштейна: «Начиная с 11 мая операция протекала уже без существенных задержек, 22-я танковая дивизия броском вышла на северное побережье. Примерно восемь дивизий противника оказалось в созданном ею котле. Командование армии могло теперь отдать приказ преследовать противника»¹.

¹ Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ, 1999. С. 274.

К тому времени в составе Крымского фронта имелся 81 танк, включая 7 танков КВ, из которых 4 было неисправно.

Советские войска пытались закрепиться на Турецком валу. Но 13 мая немцы овладели большей частью вала. На правом фланге Крымского фронта противник к исходу дня занял селения Султановка и Аджиели. На левом фланге днем части Крымского фронта отходили на Сараймин.

В 23 ч 30 мин 13 мая с юго-западного направления немцы начали артобстрел Керчи, крепости и Керченской бухты. Немецкая авиация непрерывно бомбила город и порт. 13 мая было сброшено около 1780 бомб. В городе произведены большие разрушения, и начались пожары.

15 мая немцы объявили о падении Керчи. На самом же деле в этот день шли ожесточенные бои на рубеже Тархан — железнодорожная станция Керчь 2-я — Горком. Лишь к вечеру немцам удалось ворваться в город.

По данным Центрального военно-морского архива (Ф. 10. Д. 17716):

Таблица 4

Перевозки на Керченский полуостров с 29 декабря 1941 г. по 22 мая 1942 г.

Объект перевозки	Ввезено	Вывезено
Бойцов и комсостава	261506	175434*
Орудий и минометов	1596	99
Танков	629	108
Тракторов	1022	9
Бронемашин	217	нет
Автомашин	6035	158

* Включая гражданское население, плюс еще 72 789 раненых.

Согласно изданию «Гриф секретности снят» (с. 256), за 111 суток существования Крымского фронта было убито и умерло на этапах санитарной эвакуации 31 051 человек. Пропало без вести 161 890 человек. Небоевые безвозвратные потери составили 1866 человек. Итого 194 807 человек.

В свою очередь Манштейн писал: «18 мая сражение на Керченском полуострове было закончено. Только небольшие отряды противника под давлением нескольких фанатичных комиссаров еще несколько недель держались в подземных пещерах в скалах вблизи Керчи. По имеющимся данным, мы захватили около

170 000 пленных, 1133 орудия и 258 танков, 5 немецких пехотных дивизий и 1 танковая дивизия, а также 2 румынские пехотные дивизии и 1 кавалерийская бригада уничтожили две армии, в состав которых входило 26 крупных соединений»¹.

После эвакуации остатков трех советских армий на Таманский полуостров у 11-й германской армии были развязаны руки, и Манштейн смог приступить к решению своей главной задачи — взятию Севастополя, которая получила кодовое название «Лов осетра». Вопрос об использовании танков в третьем и последнем штурме Севастополя является крайне болезненной темой для наших историков, поскольку десятилетиями создавались мифы о сотнях германских тяжелых танков, штурмовавших город. Авторы 1980-х годов писали о 450 германских танках, штурмовавших город-герой.

Что же было на самом деле? Начну с отечественных танков. В первой половине ноября 1941 г. из Степного Крыма в Севастополь удалось войти лишь 10 танкам. К 5 декабря в Севастополе имелось всего 9 танков, которые к тому времени состояли в отдельном танковом батальоне (ОТБ). Номера тот батальон не имел. В нем было 213 человек, 9 танков, 6 автомобилей и 2 пушки.

22 декабря 1941 г. транспорт «Жан-Жорес» вышел из Новороссийска в Севастополь в охранении эсминца «Бойкий». На его борту находился 81-й отдельный танковый батальон в составе 180 человек и 26 танков Т-26. Уже через 3 дня батальон занял позицию на кордоне Мекензия № 1.

Позже в Севастополь был доставлен 125-й отдельный танковый батальон. На 10 мая 1942 г. 125-й ОТБ располагался в засаде в 4 км западнее хутора Мекензия и в 1,5 км северо-западнее маяка Восточный Инкерманский, а 81-й ОТБ был расположен в селении Голиково.

В начале июня 1942 г., по данным Г.И. Ванеева, «в 81-м и 125-м отдельных танковых батальонах Приморской армии насчитывалось 47 танков разных типов (БТ-7, Т-37, Т-27, Т-26, Т-34) и 7 броневых автомобилей (БА-10 и БА-20)»². По данным же И. Мо-

¹ Манштейн Э. Утерянные победы. С. 274

² Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Хроника героической обороны. Киев: Украина, 1995. Кн. 2. С. 158.

шанского, А. Савина, в 81-м ОТБ имелся один танк Т-34, один танк БТ-7 и 12 танков Т-26¹.

Применение легких танков под Севастополем не могло быть эффективным из-за сложного рельефа местности и насыщенности позиций противника противотанковыми средствами. Но, как мы знаем, за всю оборону города у защитников был всего один (!) средний танк Т-34 и ни одного тяжелого танка.

Самое интересное, что свободные КВ имелись, но доставить их в Севастополь было не на чем. Наши адмиралы и мэтры судостроения не догадались перед войной построить ни одного танко десантного судна или, по крайней мере, судна двойного назначения, которое в мирное время могло перевозить народнохозяйственные грузы, а в военное — танки.

Это подтверждается и отчаянной просьбой Октябрьского в Ставку от 17 мая 1942 г. о посылке в Севастополь в числе других вооружений 25 танков КВ и 50 танков других типов. Причем перебросить их предполагалось на линкоре «Парижская Коммуна».

Сделать это было вполне реально. Но, увы, Ставка отказала. Конечно, тут проще всего все свалить на Сталина. Но он не допускал волюнтаристских решений и в данном случае поступил в соответствии с рекомендациями Кузнецова и К°, который во многом разделяет ответственность за сдачу Севастополя.

Рассказ о применении советских танков под Севастополем я закончу любопытным эпизодом. 27 февраля 1942 г. наши войска применили под Севастополем телеуправляемые танкетки. Это были старые машины типа Т-27, выведенные к тому времени из состава боевых частей и остававшиеся только в учебных подразделениях. Вооружение с танкеток сняли, а взамен поместили мощный заряд тротила. Управлялись танкетки по проводам. Аппаратура дистанционного управления была создана в Москве на заводе № 627 Наркомата электротехнической промышленности под руководством военного инженера 3-го ранга А.П. Казанцева. Позже Казанцев стал известным писателем-фантастом. В Крым было доставлено шесть таких танкеток. В ночь на 27 февраля танкетки были доставлены на позиции в 1 км севернее Любимовки. В 6 ч 30 мин танкетки выпустили на немецкие позиции.

¹ *Моцанский И., Савин А.* Борьба за Крым сентябрь 1941 — июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002. С. 86.

Две танкетки взорвались на вражеских позициях, еще две взорваны до подхода к цели и две уничтожены артиллерийским огнем немцев.

С началом гласности рассказывать байки о 400—500 германских танках у Севастополя стало уже неудобно, и туда приплели уже упомянутую 22-ю танковую дивизию.

По данным книги «Борьба за Крым», к 30 июня 1942 г., то есть к началу штурма Севастополя, в составе 22-й отдельной¹ танковой дивизии имелось:

28 танков Т-2 с 20-мм пушкой;

114 танков 38(t) чехословацкого производства с 37-мм пушкой;

12 танков Т-3 с 37-мм пушкой;

11 танков Т-4 с 75-мм пушкой с длиной ствола в 24 калибра;

11 танков Т-4 с 75-мм пушкой с длиной ствола в 40 калибров.

Итого 176 танков².

Я не буду говорить, что эти цифры превышены даже для свежей дивизии, а 22-я танковая дивизия понесла существенные потери на Керченском полуострове. Беда для всех наших историков в том, что дивизии этой вообще не было в Крыму. На самом деле 22-я танковая дивизия с 21 по 24 мая 1942 г. прямо из-под Керчи была отправлена в 17-ю армию, которая наступала на Кавказ.

Для наших историков обороны Севастополя это страшный удар. Вот, возьмем для примера книгу А.В. Басова «Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945», выпущенной Академией наук СССР под редакцией академика А.М. Самсонова, автора исторических трудов о Великой Отечественной войне. На странице 169 в таблице «Соотношение сил и средств сторон к началу июня 1942 г.» в графе «танки» видим, что у немцев было 450 танков, и соотношение сил по танкам было 1: 12 в пользу немцев. А на странице 319 в таблице «Сухопутные войска немецко-фашистского блока, действовавшие в Крыму в 1941—1944 гг.», со-

¹ Почему авторы назвали 22-ю танковую дивизию «отдельной», можно только гадать. То ли чтобы блеснуть терминологией, смысла которой не понимают, то ли с умыслом, чтобы объяснить ее отсутствие в составе 11-й армии Манштейна.

² *Мошанский И., Савин А.* Борьба за Крым. Сентябрь 1941 — июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002. С. 79.

ставленной на основании секретного «Сборника материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за 1941—1954 гг.» (М., 1955—1956. Вып. 1—4) Басов пишет, что 22-я танковая дивизия отправлена с 21 по 24 мая в 17-ю армию.

Какие же настоящие германские танки были под Севастополем? Манштейн прекрасно понимал, что для штурма Севастополя нужны были тяжелые танки с толстой броней, но к маю 1942 г. такие немецкие танки существовали только в депешах советских командиров, направленных «наверх»: «Подбито 10... 20... 100 тяжелых танков противника...» Поэтому Манштейн и решил использовать трофейные тяжелые танки. Не менее 8 танков КВ, захваченных в исправном состоянии на Керченском полуострове, были отправлены под Севастополь. Туда же из Франции был доставлен 224-й отдельный танковый батальон, оснащенный тяжелыми французскими танками В-2 (всего 17 танков, из них 12 в огнеметном варианте). Вес танка В-2 — 32 т, вооружение: одна 75-мм и одна 47-мм пушка. Скорость хода 28 км/ч В огнеметном варианте 75-мм пушка заменялась огнеметом. Дальность стрельбы огнемета 40—45 м. Главным же достоинством В-2 была толстая броня (лоб и борта корпуса — 60 мм, башня — 56 мм).

Броню танков В-2 и КВ (лоб и башня 75 мм) не брали советские 45-мм противотанковые пушки и 76-мм полевые пушки, а 76-мм дивизионные орудия (Ф-22 и УСВ) могли поразить их лишь при удачных попаданиях. Любопытно, что немцы за успешные действия под Севастополем окрестили КВ «севастопольским танком».

Кроме того, в боях за Севастополь участвовали два дивизиона (№ 190 и № 197) штурмовых орудий, то есть 75-мм самоходных пушек на шасси танка Т-3.

Несколько слов стоит сказать и о радиоуправляемых германских танках. В апреле 1942 г. под Севастополь была доставлена легкая рота радиоуправляемого оружия из 300-го отдельного танкового батальона. Рота была оснащена танками В-IV (Sd. Kfs.301), управляемыми по радио. Танк весом 5—6 т был прикрыт 10-мм броней. Он мог, двигаясь со скоростью до 38 км/ч, доставить 450-кг подрывной заряд к укреплению противника, а затем вернуться на исходную позицию. Кроме того, в составе роты был

1 танк радиоуправления, созданный на базе танка Т-3. (Танк пушки не имел.)

Таким образом, если считать за полноценные боевые танки и штурмовые орудия, и радиоуправляемые танкетки, то у немцев не набралось бы под Севастополем и 100 машин.

Особый интерес представляет и освобождение Крыма весной 1944 г. Хотя тяжелых танков там участвовало немного, зато обе стороны использовали машины десятков типов — советские, германские, чешские, французские, американские, английские и канадские.

26 сентября 1943 г. войска Южного фронта начали так называемую Мелитопольскую операцию. Войскам Южного фронта (5-я Ударная, 44-я, 2-я гвардейская, 28-я, 51-я армии, 20-й и 11-й танковые корпуса, 2-й и 4-й мехкорпуса, 4-я и 5-я кавалерийские корпуса и 8-я воздушная армия) противостояла 6-я немецкая армия.

Замысел советского командования предусматривал нанесение двух охватывающих ударов: главного — силами 5-й Ударной, 44-й, 2-й гвардейской и 51-й армий, 19-го и 11-го танковых и 4-го кавалерийского корпусов севернее Мелитополя в общем направлении на Михайловку, Веселое; и вспомогательного — из района южнее Мелитополя силами 28-й армии в обход города с юго-запада.

На фронте в 250 км 10 пехотным дивизиям и одной танковой дивизии 6-й армии противостояли 31 стрелковая дивизия, два механизированных корпуса, 7 танковых бригад (всего около 400 танков).

Однако за первые 4 дня советским войскам удалось продвинуться вглубь обороны противника всего на 2—10 км. После этого наступило временное затишье.

Наибольший успех был достигнут 28-й армией, в полосу которой были перегруппированы 51-я армия, танковые и кавалерийские корпуса. 23 октября соединения 51-й армии во взаимодействии с войсками 28-й армии после десятидневных ожесточенных боев освободили Мелитополь.

К этому времени войска правого крыла фронта прорвали оборону противника и перерезали железную дорогу Запорожье — Мелитополь. Введенные в прорыв южнее Мелитополя подвижные соединения фронта при поддержке авиации быстро развивали успех, угрожая основным коммуникациям противника.

Между тем 20 октября 1943 г. Южный фронт был переименован в 4-й Украинский фронт с оставлением в должности прежнего командующего армией Ф.И. Толбухина. Войскам фронта была поставлена задача захватить Сивашский и Перекопский перешейки, а затем вторгнуться в степной Крым.

6-я армия быстро отступала. 30 октября советские войска вышли на побережье Сиваша.

В ночь на 1 ноября передовые части 19-го танкового корпуса с ходу прорвались через укрепления противника на Турецком валу и подошли к городу Армянску. Однако к утру 1 ноября немцы вернули себе район Турецкого вала, и части 19-го танкового корпуса оказались в окружении. Три дня они вели бой в окружении, потеряв почти все танки и САУ.

1 ноября началась переправа 346-й стрелковой дивизии через Сиваш. В этот день западный ветер отогнал воду, и солдаты шли по пояс в воде. Наши бойцы удачно закрепились на небольшом плацдарме на южном берегу Сиваша. Через 5 дней туда же переправилась 263-я стрелковая дивизия. Впоследствии, за 39 суток по паромно-лодочной переправе на плацдарм были переправлены несколько тысяч солдат, более 50 автомашин, 3,5 тысячи тонн боеприпасов. А сам плацдарм был расширен до 18 км по фронту и до 14 км в глубину.

А 9 декабря вступил в эксплуатацию мост длиной 1915 м от северного берега Сиваша до острова Русский, и от острова Русский до южного берега Сиваша (до плацдарма) возведена насыпная гать длиной 1060 м.

В ночь на 12 февраля 1944 г. разразился невероятной силы шторм, бушевавший пять суток. Дамба оказалась почти полностью размытой, опоры моста расшатаны, понтоны разбросаны. Но 11 марта была введена в строй новая переправа.

С 31 октября по 11 декабря 1943 г. была проведена Керченско-Эльтигенская операция. Однако и она оказалась неудачной. Несмотря на огромные потери, советским войскам удалось закрепиться лишь на маленьком пятачке западнее Керчи.

Позиционные бои на крымском перешейке и в районе Керчи шли до 8 апреля 1944 г. Тем временем Ставка Верховного Главнокомандования разработала план Крымской стратегической наступательной операции, которая вместе с Одесской операцией получила название Третьего сталинского удара.

План наступления советских войск на Крым предусматривал удар силами 4-го Украинского фронта от Перекопа и Сиваша и Отдельной Приморской армии с плацдарма севернее Керчи.

На 1 апреля 1944 г. группировка 51-й армии имела в своем боевом составе 96 125 человек, 1415 полевых орудий, 186 зенитных орудий, 862 миномета, 89 танков. При ширине участка прорыва 10 км плотность артиллерии и минометов на километр фронта на участке прорыва составляла 185 стволов и до 9 танков.

Действия армий поддерживала 8-я воздушная армия, имевшая в своем составе 727 самолетов, из них 215 штурмовиков и 147 бомбардировщиков.

19-й танковый корпус с частями усиления имел в своем составе 187 танков, 46 САУ, 14 бронетранспортеров, 31 бронемашину, 154 различных орудия, 57 минометов, 169 мотоциклов, 15 реактивных установок БМ-13. Такими силами корпус мог выполнять задачи большого оперативного масштаба.

2-я гвардейская армия в боевом составе насчитывала 71 912 человек, 1043 полевых орудия, 81 зенитное орудие, 750 минометов, 33 танка, 7 САУ. При ширине участка прорыва 8 км армия имела 150 стволов артиллерии и минометов на километр. Боевые действия армии при прорыве обороны на Перекопе поддерживали ВВС Черноморского флота и частично 8-я воздушная армия. Командующий 2-й гвардейской армией для ускорения прорыва обороны на Перекопе решил высадить в тыл противника десант в составе усиленного батальона.

Следует заметить, что тяжелых танков в составе 4-го Украинского фронта было очень мало, и все они (пять КВ-1С и одиннадцать КВ-85) были в составе 1452-го самоходно-артиллерийского полка, вместе с шестью СУ-152 и тремя СУ-76. Их предполагалось использовать на участке прорыва для непосредственной поддержки пехоты.

Что же касается Приморской армии, то у нее тяжелые танки КВ были только в 63-й бригаде. Ранее имевшийся в ее составе 14-й гвардейский танковый полк прорыва (шестнадцать КВ-1С) был потерян еще в октябре 1943 г. на Тамани.

Каковы же были силы противника в Крыму? По состоянию на апрель 1944 г. германские 5-я, 11-я, 336-я пехотные дивизии, 279-я бригада штурмовых орудий 49-го горнострелкового корпуса, 3-й румынский кавалерийский корпус в составе 9-й кавалерийской,

10-й и 19-й пехотных дивизий (всего состав группировки — около 80 тыс. человек) находились в северном Крыму. Штабы корпусов дислоцировались в Джанкое.

Керченский полуостров по-прежнему оборонял 5-й армейский корпус: 73-я, 98-я пехотные дивизии, 191-я бригада штурмовых орудий (45 штурмовых 7,5-см орудий), а также 6-я кавдивизия и 3-я горнострелковая дивизия румын.

Противодесантную оборону от Феодосии до Севастополя держал 1-й горнострелковый корпус румын в составе 1-й и 2-й горнострелковых дивизий. Этот же корпус в основном вел борьбу с партизанами Крыма. Противодесантная оборона на побережье от Севастополя до Перекопа была возложена на два полка румынской 9-й кавдивизии.

Как видим, у немцев в 1944 г. в Крыму не было не только тяжелых, но и вообще танков, а только две бригады САУ StuG III с 7,5-см пушками.

Правда, танки были у румын. С начала 1943 г. охранную службу в Крыму несли три румынские танковые роты (51-я, 52-я и 53-я), имевшие на вооружении легкие танки 38(t). Эти танки были созданы в Чехословакии еще в 1938 г. и вооружены 37-мм пушками фирмы «Шкода». Кроме того, немцы передали румынам несколько советских трофейных танков, в том числе один КВ, четыре Т-34, четыре типа МЗ «Ли» и несколько легких танков. Насколько активно румыны применяли трофейные танки в ходе Крымской операции, установить не удалось.

Подробное описание хода Крымской операции выходит за рамки работы. Я же остановлюсь лишь на действиях тяжелых танков.

8 апреля 1944 г., согласно приказу командира 3-й гвардейской стрелковой дивизии, которому был оперативно подчинен 1452-й самоходно-артиллерийский полк прорыва (11 КВ-85, 5 КВ-1С, 2 СУ-152), танкисты и пехотинцы, сосредоточившись на 1,6 км южнее Турецкого вала, атаковали позиции противника с задачей захватить Армянск. Через несколько минут после начала атаки полк наскочил на минное поле, не указанное на карте. Саперы, назначенные для разминирования, находились в танках (?) и не могли их покинуть, так как немцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия. Тем не менее через три часа после начала атаки проходы все же удалось разминировать и 1452-й самоходно-

артиллерийский полк прорвал оборону противника, потеряв сожженным один КВ-85, подорванными на минах три КВ-85 и пять КВ-1С, а также четыре КВ-85 и две СУ-152, подбитыми артогнем противника. Потерь в личном составе не было, раненых — 6 человек (2 офицера и 4 рядовых).

8 апреля 1944 г. в 14 ч 00 мин три оставшихся КВ-85 с десантом 3-й горнострелковой дивизии достигли Армянска. Полк поставленную задачу выполнил. По итогам этого боя уничтожено 11 ДОТов, 5 противотанковых пушек и до 200 солдат и офицеров противника. Даже подбитые советские танки вели огонь по огневым точкам немцев. Основные потери личного состава и материальной части были обусловлены недостаточной компетентностью руководства, которое не смогло организовать взаимодействие различных родов войск при прорыве немецкой обороны.

До 10 апреля полк ремонтировал свою матчасть, и уже 11 апреля танковая группа (три КВ-85, две СУ-152 и две СУ-76) 1452-го самоходно-артиллерийского полка вновь атаковала немецкую оборону в районе Ишуни. Танки поддерживала пехота 3-й горнострелковой дивизии. Из-за того, что разведка не была проведена, танки провалились в 8-метровый противотанковый ров и специальные ловушки, похожие на ямы. Атака не удалась, пару КВ-85 и СУ-76 вытаскивали из ям с помощью тракторов.

После этого применения тяжелых танков командованием 2-й гвардейской армии было решено изменить тактику использования этой части. Тем более что немцы 10—11 апреля начали организованный отвод своих войск к Севастополю. Приказом командарма 2-й гвардейской армии материальная часть 1452-го самоходно-артиллерийского полка и 512-го отдельного огнеметного танкового батальона распределялась по армейским подвижным отрядам. Они состояли из пехоты на студебекерах, а также из танков и САУ и имели задачу как можно быстрее прорваться в Севастополь. В эти отряды вошли и танки КВ-85. Столкновений со StuG. III не было.

Группой под командованием Героя Советского Союза гвардии полковника Пузанова (один Т-34, восемь ОТ-34, четыре КВ-85) были освобождены города Евпатория, Саки, Бахчисарай. 6 мая вновь сведенный в часть 1452-й самоходно-артиллерийский полк, имея в составе всего один КВ-85 и две СУ-152, подошел к

Севастополю и вел бои в районе Мекензиевых гор, поддерживая 37-ю гвардейскую стрелковую дивизию. 9 мая две уцелевшие машины полка — KB-85 и СУ-152 с 264-м гвардейским стрелковым полком прорвались в Севастополь.

При освобождении Крыма KB-85 редко вступали в дуэль с танками и САУ противника и использовались преимущественно в качестве самоходных орудий для поддержки пехоты.

Несколько слов стоит сказать и о действиях 63-й танковой бригады, приданной 3-му горнострелковому корпусу. Корпус наступал в центре на направлении главного удара. В первом эшелоне наступали 242-я горнострелковая и 318-я стрелковая дивизии, а во втором эшелоне — 128-я гвардейская стрелковая дивизия и 63-я танковая бригада.

В связи с успешным наступлением советских войск на Перекопе генерал Енеке отдал приказ 5-му корпусу, защищавшему Керченский полуостров¹, оставить свои позиции и отходить к Севастополю. Узнав об этом, командующий Отдельной Приморской армией генерал А.И. Еременко приказал перейти в наступление.

В 2 часа ночи 11 апреля войска Приморской армии перешли в наступление, и к 8 часам утра наши войска вошли в оставленную немцами Керчь.

Уже к концу дня 11 апреля в Приморской армии были сформированы подвижные отряды. Наиболее сильным был подвижный отряд 3-го горнострелкового корпуса. В него вошли 63-я бригада, 1499-й самоходно-артиллерийский полк, горнострелковая дивизия, истребительно-противотанковый полк, полк зенитной артиллерии и саперный батальон.

Немецкие войска, противостоявшие Приморской армии, были посажены на автомобили и двинулись по шоссе Феодосия — Белогорск — Симферополь. Прикрывали их отход специальные заслоны из румынских и германских войск. Подвижные группы Приморской армии преследовали противника.

К началу марша подвижной группы в составе 63-й танковой бригады было пять танков KB-1С, но до Владиславов-

¹ 31 октября 1943 г. советские войска высадились на Керченском полуострове, но сумели захватить там лишь небольшой плацдарм. Подробнее об этом рассказано в моей книге «Битва за Черное море».

ки дошел лишь один танк КВ, а остальные вышли из строя на 100-километровом участке шоссе.

К 22 апреля 63-я танковая бригада сумела дойти до Севастополя. К этому времени в ее составе было 33 танка. На следующий день бригада приняла участие в штурме Сапун-горы, и к исходу дня было потеряно (сгорело) 20 танков.

Следует заметить, что в ходе Крымской операции в состав войск, наступавших как со стороны Перекопа, так и со стороны Керчи, непрерывно шли подкрепления и техника. Уже в ходе операции начали прибывать части 3-го Украинского фронта. К примеру, в первые дни наступления в состав 11-го танкового корпуса было введено 63 танка «Матильда» и несколько десятков других танков.

Крымская операция показала важную роль «отрядов преследования», с помощью которых была очищена степная часть Крыма. При этом стало очевидно, что в состав таких групп должны входить средние и тяжелые танки и САУ. «Это повышает подвижность отрядов, придает им большую пробивную силу и делает их способными захватывать и удерживать до подхода главных сил важные объекты»¹.

Глава 13

«МАТИЛЬДА» И «ВАЛЕНТАЙН»

Уже 22 июня 1941 г. в своем радиовыступлении британский премьер Уинстон Черчилль заявил: «Мы окажем России и всему русскому народу всю помощь, которую только сможем». 24 июня на пресс-конференции президент США Рузвельт также сказал о готовности оказать России всяческую помощь.

16 августа 1941 г. Советский Союз заключил с Англией соглашение о товарообороте, кредите и клиринге. Соглашением предусматривалось предоставление СССР кредита в 10 млн фунтов стерлингов и поставка в счет этого кредита британских танков, самолетов и других видов вооружения.

¹ История бронетанковых и механизированных войск Советской армии / Под ред. Е.А. Разина. М.: Издание академии бронетанковых и механизированных войск Советской армии, 1953. Т. 2. С. 85.

Черчилль предложил распределить основные положения билля о ленд-лизе на СССР, что и было сделано в сентябре 1941 г., а 7 ноября сенат признал оборону Советского Союза жизненно важной для интересов США, и с этого дня американские поставки в СССР также стали производиться на основании закона о ленд-лизе.

Еще в июле 1941 г. в Англию выехала специальная комиссия из советских специалистов, в задачу которой входил выбор образцов боевой техники, пригодной для эксплуатации в СССР. После осмотра танков были выбраны танки Mk II «Матильда» и Mk III «Валентайн».

Согласно договоренности, Англия и США обязались поставлять в СССР ежемесячно 500 танков (250 британских и 250 американских).

Первые британские танки прибыли в Советский Союз на судах конвоя PQ-1. Конвой прибыл в Архангельск 11 октября 1941 г. Он доставил 20 танков Mk II «Матильда» и Mk III «Валентайн».

136-й отдельный танковый батальон, воевавший на Можайском направлении, стал первым подразделением, получившим 1 декабря английские танки. В состав батальона входили 10 танков Т-34, десять Т-60, девять «Валентайнов» и три «Матильды», полученные в Горьком 10 ноября 1941 г. Экипажи, получившие британские танки, не имели достаточного опыта, и в результате уже к 10 декабря из-за поломок вышли из строя две «Матильды», пять «Валентайнов», один Т-34 и четыре Т-60. И только 15 декабря 1941 г. 136-й отдельный танковый батальон совместно с 20-й танковой бригадой смог принять участие в контрнаступлении под Москвой.

К 8 декабря 1941 г. из Англии в СССР доставили 142 «Матильды» и 182 «Валентайна».

В конце 1941 г. в США закупили 72 средних и 94 легких танка. К 8 декабря 1941 г. в пути находилось 62 американских танка. Первая партия — 47 легких танков М3 — прибыла в Архангельск с конвоем PQ-6 23 декабря 1941 г.

Прибытие и использование импортных танков хорошо иллюстрирует таблица по состоянию на 3 марта 1942 г.¹

¹ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940—1942 гг. Кн. 3. С. 111.

Таблица 5

Пункты	Mk IV	Mk II	Mk III	M4A2	M3 ср.	M3 лег.	Mk VII	Итого
Поступило в порты Севера	124	835	1086	46	899	719		3709
Поступило в порты Юга			293	85	46	460	20	904
Выдано формирующимся частям	40	22	7		48	41		158
Выдано на фронт	42	652	1109	41	731	1010	20	3605

Остальные танки находились в пути, в состоянии приемки, на ремонтных базах и т.д. Военным училищам и курсам было выдано 135 танков, учебным частям — 176, для «экспериментальных работ» — 13.

Всего в 1941 г. в СССР было отправлено: американских танков: легких M3A1 — 1676, легких M5 — 5, легких M24 — 2, средних M3 — 1386, средних — M4A2 (с 75-мм пушкой) — 2007, средних M4A2 (с 76-мм пушкой) — 2095, тяжелых M26 — 1, бронированных ремонтно-эвакуационных машин БРЭМ M31 — 115; английских танков: «Валентайн» — 3782 (из них канадских — 1388), «Матильда» — 1084, «Черчилль» — 301, «Кромвель» — 6, «Тетрарх» — 20.

При проводке северных конвоев было потеряно 443 легких танка M3A1, 417 американских средних танков, 54 полугусеничных бронетранспортера, 228 «Скаутов» M3A1, 320 «Валентайнов», 43 «Черчилля», 252 «Матильды» и 224 бронетранспортера «Универсал».

Всего же за годы Второй мировой войны Советский Союз реально получил по ленд-лизу 19 510 единиц бронетанковой техники, что составляло от нашего производства около 16 % танков, 8 % САУ и 100 % бронетранспортеров. Что же представляли собой «иномарки», поставляемые нашими западными союзниками?

Проектирование танка «Матильда» началось в 1936 г., после того как фирма «Виккерс» получила заказ на постройку так называемого «дешевого» танка. Разработку проекта, получившего обозначение A11, возглавил Дж. Карден. В концепцию танка заложили мощную броневую защиту, небольшую скорость (для того чтобы «идти в ногу» с пехотой) и ограниченную огневую мощь

(казалось достаточным вооружить танк только пулемётом). Все эти ограничения возникли из-за необходимости уложиться в лимит стоимости одного танка — 6000 фунтов стерлингов.

В итоге машина имела массу недостатков, среди которых в первую очередь следует упомянуть экипаж из двух человек (башня танка была одноместная). Вооружение из одного пулемета уже в те годы считалось насмешкой над понятием «огневая мощь». И, наконец, было просто нелепым оснастить танк «коробкой передач», имевшей только одну скорость — 13 км/ч, то есть чуть выше скорости бегущего человека.

Однако справедливости ради следует отметить, что броневая защита A11 была более чем достаточной и во время боёв во Франции не пробивалась снарядами немецких противотанковых пушек.

От поставок первой модификации (Mk I) англичане нас, слава Богу, избавили. К нам попала версия Mk II.

Вес «Матильды» Mk II составлял 27 т, экипаж — 4 человека.

Корпус танка состоял из литых (носовая часть, подбашенная коробка и корма) и катанных (днище, борта и фальшборта) броневых деталей, соединённых друг с другом гужонами. Башня танка — литая, цилиндрическая. Её поворот осуществлялся при помощи гидравлического привода или вручную. «Матильда», кстати, стала первым танком, в котором был установлен гидропривод поворота фирмы «Фрейзер Нэш Компани», применявшийся для вращения стрелковых башен самолетов-бомбардировщиков. Толщина брони корпуса колебалась в пределах от 14 до 78 мм, а башни — от 20 до 75 мм. Начиная с модификации Mk IIА в передней части башни, в литой маске, устанавливалась 2-фунтовая (40-мм) пушка, 7,92-мм пулемёт BESA (на варианте Mk II ставился 7,92-мм пулемёт «Виккерс», кожух водяного охлаждения которого был прикрыт литой броневой маской) и телескопический прицел I образца № 24В. Танки модификации «Матильда» III CS оснащались 76-мм гаубицей. На крышке командирской башенки имелась стойка для зенитной стрельбы из пехотного 7,7-мм пулемета «Брен». Кроме того, на части танков устанавливались дымовые гранатомёты для запуска дымовых гранат калибра 101,6 мм.

Боекомплект состоял из 93 выстрелов, 3150 патронов (14 лент) калибра 7,92 мм, 2800 патронов (100 магазинов) для пулемета «Брен» и 8 дымовых гранат.

Силовая установка танка, начиная с варианта Mk III, состояла из двух 6-цилиндровых, рядных дизелей жидкостного охлаждения «Лейланд» мощностью по 95 л. с. при 2000 об/мин (Модификации Mk II и Mk IIA оснащались двумя 6-цилиндровыми дизелями АЕС мощностью по 87 л. с.)

Два топливных бака общей ёмкостью 225 л обеспечивали танку запас ходу по шоссе 130 км. При этом двигатели, имевшие суммарную мощность 190 л. с., разгоняли 26-тонную боевую машину до максимальной скорости 25 км/ч.

Исключительно «Матильдами» Mk II и Mk III были вооружены танковые полки 5-го мехкорпуса. В бригадах 9-го, 10-го и 11-го танковых корпусов английские танки использовались совместно с Т-60 и Т-70.

Вот как описывает боевое применение «Матильд» командир 1-го батальона 233-й танковой бригады 5-го мехкорпуса капитан Дмитрий Лоза: «Наша 233-я танковая бригада 17 сентября была введена в бой на правом берегу реки Десна. Наступление на Рославль развивалось медленно. Во-первых, противник сопротивлялся отчаянно, а во-вторых, танки «Матильда» для действий в лесисто-болотистой местности оказались абсолютно непригодными. Эти машины предназначались для использования в пустынях Африки. Какая «умная голова» в Москве решила их сюда направить — осталось загадкой. Дело в том, что у названного английского танка ходовая часть полностью закрыта фальшбортом с рядом «окошек» небольшого размера в его верхней части. В пустыне через последние с траков свободно сыпался песок. В смоленских лесах и болотах за фальшборты набивалась грязь и корни деревьев. Гусеницу практически заклинивало. Даже мотор глох. Приходилось через каждые 4—5 километров останавливаться и очищать ходовую часть ломом и лопатой...

22 сентября. Медленно продвигаемся, ведя бои за каждую деревню. И вот, выбив противника из очередного опорного пункта, моя танковая рота преследует вражескую пехоту, откатывающуюся на север по проселочной дороге через небольшое картофельное поле. Гусеницы «Матильд» с трудом проворачиваются, и мы движемся со скоростью пешеходов — надо уже останавливаться и очищать ходовую часть от грязи. Ко всему прочему, то ли по чьему-то злому умыслу, то ли по недосмотру снабженцев к 40-мм пушкам «Матильд» подвезли только бронебойные снаряды — «бол-

ванки». Осколочных снарядов в боекомплекте не оказалось. То есть танк мог успешно вести борьбу с бронированными целями и с пехотой пулеметом на действительную дальность его стрельбы. Однако расстояние между «Матильдами» и неприятелем возросло до 800—900 метров, что делало его огонь малоэффективным¹.

Танк «Валентайн» Mk III, как и «Матильда», по британской классификации относился к пехотным танкам и при весе 16,5 тонны имел максимальную скорость движения по шоссе 24 км/ч. Танк обязан своим именем святому Валентину, на день которого — 14 февраля 1938 г. — пришлось подача проекта в военное министерство. Заказ же был размещен только в июле 1939 г.

Экипаж танка Mk III состоял из четырех человек. Пушка та же — 40-мм (2-фунтовая) с боекомплектом 79 выстрелов. «Валентайны» более поздних выпусков (VIII—X серий) оснащались 57-мм (6-фунтовыми) пушками, а, начиная с XI серии, устанавливались 75-мм пушки.

Лобовая броня «Валентайна» была довольно приличная — 65 мм, а корма и крыша имели противопульное бронирование — 8 мм.

Любопытная «Справка-доклад» от 17 апреля 1943 г. начальника штаба бронетанковых войск полковника Заева о применении английских танков на фронтах Великой Отечественной войны: «Английские танки типа МК-2 “Матильда” и МК-3 “Валентайн” применялись на фронтах Отечественной войны, организационно входя:

а) в состав отдельных танковых бригад и отдельных танковых батальонов, где они были объединены с танками отечественных марок, главным образом типа Т-70, т-60;

б) в состав танковых полков 5-го механизированного корпуса, вооруженных исключительно английскими танками МК-2 и МК-3;

в) в состав танковых бригад 9, 10, 11-го танковых корпусов в объединении с легкими танками Т-60, Т-70.

Танки типа МК-2 и МК-3 применялись в течение 1942—1943 гг. в условиях зимы и лета, преимущественно на Западном (до 200 танков), Брянском (до 250 танков) и Северо-Кавказском

¹ Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 11.

(до 150 танков) и в 5-м мех. корпусе на Юго-Западном фронте (до 180 танков)».

В докладе отмечены следующие недостатки британских танков:

«а) система охлаждения танков МК-2 и МК-3 расположена в труднодоступных для экипажей местах; трубопроводы от двигателя к радиаторам идут по днищу танка, в зимних условиях вода в трубопроводах замерзает даже при работающем двигателе.

Это сильно затрудняет подогрев танка и делает почти невозможным заправку системы охлаждения водой при низких температурах;

б) конструкция танков сложна, что усложняет работу по ремонту и требует в 3—4 раза больше затрат времени;

в) маневренность танков и их проходимость в силу маломощности двигателей, большого удельного давления (0,7—1,0) и низкого коэффициента сцепления с грунтом очень ограничена, особенно зимой.

Запас ходу 70—100 км.

г) в танке МК-2 фальшборт сильно затрудняет замену узлов и агрегатов ходовой части, а также при незначительном прогибе брони фальшборта от удара артснаряда заклинивает гусеницы и выводит танк из строя;

д) танки вооружены 40-мм пушкой, снабженной только бронебойными снарядами (болванка), предназначенными для ведения огня по танкам. Не имея осколочного и осколочно-фугасного снаряда, танки не могут вести эффективного пушечного огня по живой силе и огневым точкам противника»¹.

А вот выдержки из доклада начальника штаба управления бронетанковых войск полковника Ульянова от 19 октября 1943 г.: «Опыт боев показал, что успешное применение танков МК-2 и МК-3 на поле боя без взаимодействия их с отечественными машинами малоэффективно. Вызвано это тем, что задачу уничтожения пехоты, подавление огневых точек танки МК-2 и МК-3 полностью выполнить не могут, так как они не имеют достаточно мощного противопехотного огня. Подавлять огневые точки и живую силу противника танки могут только пулеметным огнем. 40-мм

¹ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940—1942 гг. С. 177.

пушка, поставленная на танки, имеет снаряды только бронебойные (болванки) и вести эффективную борьбу с противотанковой артиллерией, огневыми точками с перекрытиями не может.

Сила танка заключается в маневренности, броневой защите и огне; этими качествами танки типа МК-2 и МК-3 полностью не обладают. Танк МК-2 мало подвижен; танк МК-3 более подвижен, но его отрицательной стороной является то, что средством борьбы с пехотой служит только пулеметное вооружение. Зачастую танки МК-2 и МК-3 несут потери от ПТО [противотанковой обороны] лишь только потому, что защитить себя огнем пушек они не могут. ПТО открывает огонь с дистанции 600—800 м, тогда же как танки подавить ПТО с такой дистанции, да еще с ходу, не могут (на такую дистанцию огонь с ходу малоэффективен)...

Наилучший эффект танки МК-2 и МК-3 дают в оборонительном бою, когда их используют в засадах для борьбы с танками противника на танковероятных направлениях.

Для наилучшей борьбы с живой силой желательно вместе с танками МК-2 и МК-3 ставить легкие отечественные танки Т-70.

Включать в подвижной противотанковый резерв эти танки нежелательно ввиду их плохой проходимости и малой подвижности.

При выборе направления контратак особое внимание следует уделять выбору местности и грунту, так как по мягкому грунту и сильно пересеченной местности подвижность этих машин снижается до предела, нередки случаи, когда на мягком грунте танк К-3 застревает.

В наступательном бою танки МК-2 и МК-3 недостаточно эффективны по своим боевым качествам, ввиду вышеизложенных отрицательных сторон. Целесообразнее всего в наступательном бою их использовать с отечественными машинами, ставя на фланги для прикрытия на случай танковой контратаки, так как они обладают мощной броней и противотанковым оружием.

При выборе направления действий особое внимание уделять местности, местность должна быть малопересеченной и по возможности с твердым грунтом как в сухую погоду, так и при выпадении осадков.

В условиях зимы боевые действия этих танков, а особенно МК-2, почти сводятся на нет ввиду их плохой проходимости»¹.

¹ Главное автобронетанковое управление... С. 413—413.

В связи со слабостью британских танковых пушек ОКБ-92 в Горьком в 1941 г. получило заказ на их перевооружение. В декабре 1941 г. были испытаны танк «Валентайн» с установкой ЗИС-95—45-мм танковой пушкой 20К и спаренным пулеметом ДТ, и «Матильда» с установкой ЗИС-96—76-мм танковой пушкой Ф-34 и спаренным пулеметом ДТ.

Обе установки приняли на вооружение, и был выдан заказ на первую партию в 100 установок ЗИС-95. Однако из-за острой нужды в 45-мм танковых пушках для танков Т-70 и 76-мм пушках для танков Т-34 и КВ в серию установки ЗИС-95 и ЗИС-96 так и не пошли.

Главное бронетанковое управление думало частично решить проблему за счет принятия на вооружение к 2-фунтовой (40-мм) британской пушке нашего выстрела с осколочной гранатой сталлистого чугуна. Такая граната была испытана на заводе № 179 в марте 1942 г. В том же году в Англии были закуплены танки «Матильда» СS с 76-мм пушкой.

Забегая вперед, скажу, что и в американских легких танках М3 «Стюарт» было решено заменить штатную 37-мм пушку М5 на отечественную 45-мм танковую пушку. В середине октября 1943 г. танк «Стюарт» с 45-мм пушкой был испытан пробегом и стрельбой на Кубинском полигоне. Однако до массового перевооружения танков М3 дело так и не дошло.

Глава 14

«ЧЕРЧИЛЛЬ» В РОССИИ

Британский танк «Черчилль» был единственным типом тяжелого танка, поставляемого нам союзниками.

Работы над «Черчиллем» начались в сентябре 1939 г. на фирме «Гарланд энд Вульф» в Белфасте. Первые 14 серийных танков были изготовлены в июне 1941 г. Первые танки выпускались с 2-фунтовыми (40-мм) пушками в башне и 3-дюймовыми (76-мм) гаубицами СS в передней части корпуса рядом с местом механика-водителя.

Наконец в марте 1942 г. началось изготовление 6-фунтовых (57-мм) пушек Mk-III длиной 43 калибра. По английским данным бронейбойный снаряд пушки пробивал 81-мм броню на дис-

танции 500 ярдов (457 м) при угле 30° к нормали. Подкалиберный снаряд к 6-фунтовой пушке был создан в Англии лишь в 1944 г. и в СССР не поставлялся. Танк «Черчилль» с 6-фунтовой пушкой получил индекс Mk-III.

В 1942—1943 гг. Англия поставила в СССР по ленд-лизу 301 танк Mk-III и Mk-IV. Еще несколько десятков танков погибло по пути в Россию. Так, на знаменитом конвое PQ-17 на судне «Эмпастр Байрон» шло 30 танков «Черчилль». Однако 4 июля 1942 г. судно было потоплено подводной лодкой U-703, а капитан инженерных войск Джон Раймингтон, который сопровождал танки и должен был обучить русские экипажи, был поднят со спасательной шлюпки на борт U-703.

Первые образцы танка «Черчилль» прошли испытания на Кубинском полигоне. Данные танка «Черчилль» хорошо изложены в выводах из «Отчета по кратковременным испытаниям английского тяжелого танка Mk-IV “Черчилль” (танк был модификацией Mk-III) на НИБТПолигоне ГАБТУ Красной Армии» от 16 сентября 1942 г.:

I. Оценка боевых свойств танка Mk-IV.

Сравнение основных тактико-технических данных танка Mk-IV с отечественными танками KB-1 и KB-1С.

Сравнивая основные тактические данные тяжелых танков Mk-IV, KB-1 и KB-1С, можно сказать следующее: танк Mk-IV уступает танкам KB-1 и KB-1С по мощности пушечного вооружения (6-фунтовая пушка уступает 76,2 мм ЗИС-5 по весу осколочно-фугасного снаряда, но превосходит по бронепробиваемости), но имеет преимущества по броневой защите. Боекомплект к пулеметному вооружению танк Mk-IV имеет в три раза больше по сравнению с танками KB.

Бронебойная граната 57-мм пушки, установленной на танке Mk-IV, пробивает броню двух бортов немецкого среднего танка Т-III суммарной толщиной в 60 мм с дистанции 950 м.

Танк Mk-IV имеет значительно меньшую удельную мощность и, как следствие, меньшую максимальную скорость. Несмотря на это, танк Mk-IV не уступает по средним скоростям движения танкам KB-1 и KB-1С. По запасу хода танки Mk-IV и KB равноценны.

II. Оценка надежности танка Mk-IV и его эксплуатационных данных.

1. Английский тяжелый танк Mk-IV обладает недостаточной надежностью в работе отдельных агрегатов и является недоведенной до конца машиной, как в конструктивном, так и в производственном отношении.

2. Танк Mk-IV плохо преодолевает кособоры при движении с креном, по причине сбрасывания гусениц. Предельный крен 20° является недостаточным. Кроме того, и при движении с креном менее 20° не исключена возможность сбрасывания гусениц (Т-34 имел предельный крен тоже 20°).

3. Расходы горючего являются вполне нормальными во всех дорожных условиях.

III. Оценка конструкции танка.

1. Броневой корпус несколько необычно удлинен и, соответственно, уменьшен по ширине и высоте. Носовая часть корпуса оказалась низкорасположенной между высокоподнимающимися гусеницами, которые закрыты большими грязевиками. Это создает плохую обзорность для водителя и стрелка. Перископические смотровые приборы, установленные около водителя и стрелка, обзорность увеличивают мало («Черчилль III» имел смотровой лючок механика-водителя и по одному перископическому прибору для водителя и стрелка на крыше корпуса; «Черчилль VII» — по два прибора; для сравнения: ИС-2 имел смотровой лючок и два таких же прибора, ИС-3 не имел лючка и имел всего лишь один прибор). При положении пушки по ходу танка обрез канала ствола не выходит за габариты грязевиков и находится между ними. Это приводит к тому, что при стрельбе из пушки в таком положении газовой волной срывает и ломает передние грязевики танка.

2. Смотровые приборы, установленные в башне танка, обеспечивают удовлетворительную обзорность («Черчилль III» не имел командирской башенки; «Черчилль VII» — имел). Аналогичные приборы были установлены в польском танке «Виккерс» выпуска 1939 г.

3. Двигатель танка вполне современной конструкции автотракторного типа. Конструкция двигателя выполнена с минимальным применением высокодефицитных цветных металлов и рассчитана на массовое производство. Наряду с этими преимуществами, двигатель танка Mk-IV является не доведенной до конца

конструкцией, и поэтому надежность его в эксплуатации следует поставить под сомнение.

4. В трансмиссии танка серьезного внимания заслуживает механизм поворота, выполненный в одном агрегате с механической коробкой перемены передач. Механизм поворота обеспечивает поворот танка на месте, легкость управления танком при движении и высокую для тяжелого танка маневренность.

5. Гидравлический привод управления с сервомеханизмами облегчает управление танком.

6. Ходовая часть оказалась недостаточно прочной для 40-тонного танка. Как показали кратковременные испытания, с осей тележек отлетают по сварке внутренние опорные катки, вслед за этим теряются внешние опорные катки вместе с осями, балансиры тележек начинают тереться о гусеницу и быстро выходят из строя. Опорные катки тележек своими ребордами враспор прилегают к тракам гусеницы, отчего катки и гусеницы имеют повышенный износ. Катки во время движения сильно нагреваются, что связано с повышенным трением катков о гусеницу. Пальцы гусеницы обладают недостаточной механической прочностью и ломаются. (Это связано как с качеством изготовления ходовой, так и с самой конструкцией — отсутствие обрешетки и упрощенная конструкция опорных катков, которые к тому же требовали частого обслуживания, «тяжелые траки», которые получали танки в 1941—1942 гг., причем все типы траков для «Черчиллей» были литыми, штампованных не было).

Заключение.

1. Английский тяжелый танк Mk-IV «Черчилль» по своему вооружению, броневой защите и маневренности может вести эффективную борьбу с танками немецкой армии.

2. В данном виде танк Mk-IV является не доведенной до конца машиной, как в конструктивном, так и в производственном отношении. Во время эксплуатации в войсковых частях танк Mk-IV будет требовать частого ремонта с заменой отдельных деталей и целых агрегатов.

3. Отдельные агрегаты танка (механизм поворота в одном агрегате с коробкой перемены передач и др.) являются оригинальной конструкцией и могут быть рекомендованы для внедрения в отечественном танкостроении.

Тип.....Тяжелый пехотный танк
 Вес, т.....39,6
 Высота, м.....2,45
 Ширина, м.....3,25
 Общая длина, м.....7,65
 Выступ орудия, м.....0
 Экипаж, чел.....5
 Радио.....№ 19

Вооружение

Вооружение	57 мм ROQF 6-фунтовая Mk-III или V	7,92 мм пулемет Besa	7,92 мм пулемет Besa	Пулемет 303 Bren	2-дюйм- мовый бомбомет
Размещение	Башня	коакси- альный	курсовой	ПВО	Башня
Боекомплект	84 выстре- ла	6925 патро- нов	600 патро- нов	—	30 гранат дымовых
Угол вертикального наведения, град.	—12; +20	—	—	—	—
Угол горизон- тального наведения, град.	360 Привод гидра- влический	—	—	—	—

Ширина гусеницы, см..... 55,9
 Опорная длина гусеницы, см..... 381
 Звеньев в гусенице..... 72
 Давление на грунт, кг/кв. см..... 0,92
 Клиренс, см..... 51
 Преодолеваемые препятствия:
 Брод, м0,8
 Вертикальная преграда, м.....1,13
 Ров, м.....2,8
 Угол подъема, град..... 30
 Двигатель..... Bedford Twin-Six,
 12 цилиндров,
 21300 см³
 Мощность.....350 л.с. / 2200
 об/мин

Топливо.....	Бензин
Расход топлива, шоссе.....	334 л/100 км
Расход топлива, проселок.....	561 л/100 км
Удельная мощность.....	8,8 л.с./т
Запас топлива, л.....	682 + 148 (в дополни- тельных баках)
Коробка перемены передач.....	4 передних; 1 задняя
Автономность по дороге, км.....	259
Автономность по проселку, км.....	154
Скорость по дороге, км/ч.....	25
Скорость по проселку, км/ч.....	13

Бронирование:

Броня	Лоб	Борт	Корма	Верх	Низ
Башня	89 мм / 90°	89 мм / 90°	89 мм / 90°	35 мм / 0°	—
Надстройка	38 мм / 25° гласис 101 мм / 86° у водителя	—	—	19 мм / 0°	—
Корпус	89 мм / 65° нос	76 мм / 90°	64 мм / 90°	19 мм / 0°	19 мм / 0°

Тут стоит сделать несколько дополнительных замечаний. Металлические гусеницы цевочного закрепления на танке «Черчилль» давали пробуксовки в распутицу и гололед. Поэтому отечественные умельцы вставили в них специальные стальные «шпоры», что затрудняло проскальзывание гусениц.

Внутри «Черчилля» было намного просторнее, чем в советских танках, что существенно облегчало работу экипажа. Интересно, что в ЗИПе танку из Англии поставлялась и рабочая форма таксистов. Она выглядела не столь эффектно, как меховые «канадки», поставляемые вместе с автомобилем студебекер, и поэтому не расхищалась нашими генералами.

В свое время Уинстон Черчилль заявил журналистам: «У танка «Черчилль» недостатков больше, чем у меня самого». Но это был обычный политический пиар. Машина в общем и целом для пехотного танка на 1942—1943 гг. была неплохой.

В 1943 г. на базе тяжелого танка «Черчилль» Mk-VII, оснащенного уже 75-мм пушкой, был создан огнеметный танк «Черчилль-Крокодил». В этом танке огнеметная аппаратура устанавливалась в отделении управления, слева от водителя, вместо курсового пулемета. Все остальное вооружение танка оставалось прежним. Огнесмесь размещалась не в танке, а в специальном бронированном одноосном прицепе, который буксировался танком. Жидкость подавалась из баков под давлением, создаваемым сжатым азотом. Дальность огнеметания составляла 135—150 м. Емкость в прицепе — 1800 л. Прицеп был защищен броней толщиной до 15 мм.

Один огнеметный танк «Черчилль-Крокодил» в настоящее время экспонируется в танковом музее в Кубинке. Сведений о боевом применении «Крокодила» на Восточном фронте мною не найдено.

После прибытия «Черчиллей» встал вопрос о формировании вооруженных ими частей. 2 октября 1942 г. Сталин приказал сформировать четыре отдельных тяжелых танковых полка из танков «Черчилль». В каждом полку иметь 22 танка. Однако через 6 дней Верховный передумал и приказал из танков KV и «Черчилль» создать отдельные полки прорыва в составе 21 танка и иметь их в резерве Ставки, присвоив им наименования гвардейских.

В конце 1942 г. два полка, оснащенные танками «Черчилль», были отправлены на фронт на юг и на север, чтобы испытать танки в разных климатических условиях.

48-й тяжелый танковый полк прорыва в составе 21-й армии с 21 января по 2 февраля 1943 г. действовал в районе поселка Гумрак северо-западнее Сталинграда. В составе полка был 21 танк «Черчилль».

За время от конца формирования полка до момента выхода его из боев (20 марта) танки проработали в среднем по 480 часов (1000 км пробега).

Техническое состояние танков на 20 февраля 1943 г. было следующим: на ходу — 4 танка; поражены артогнем: в ходовую часть — 6 танков, в корпус — 3 танка; неисправен гидравлический привод управления — у 8 танков.

С 14 по 20 февраля 48-й полк был осмотрен представителями полигона НИБТ, которые отметили среди прочего: «Отдельные

механизмы двигателя конструктивно не отработаны, следствием чего являются частые поломки (например, привод бензопомпы).

Неудачная установка направляющих колес ограничивает обзорность из танка.

Ненадлежащее крепление опорных катков тележек подвески приводит к частому выходу их из строя.

Неудовлетворительное крепление опорного катка к тележке подвески вызывает необходимость при выходе его из строя менять всю тележку, что приводит к излишнему расходу запасных частей.

Конструкция траков не обеспечивает надежного сцепления гусеницы с грунтом, и качество их изготовления очень низкое.

Неудачное размещение верхней ветви гусеницы в зимнее время из-за набивания снега на салазки вызывает поднятие ее выше погона башни и заклинивание последней.

Вооружение танка имеет ряд недостатков, которые снижают эффективность ведения огня.

При заклинивании башни верхней ветвью гусеницы нельзя работать поворотным механизмом до тех пор, пока с направляющих салазок не будет удален снег¹.

50-й тяжелый танковый полк прорыва (21 танк «Черчилль») был направлен на войсковые испытания на Волховский фронт, где он с 17 марта 1943 г. сражался в оперативном подчинении 8-й армии. Здесь этой части во взаимодействии с другими подразделениями предстояло действовать в соответствии с тактическим предназначением — прорывать многоэшелонированную долговременную полосу обороны противника.

К операции в 8-й армии готовились вроде бы тщательно: была произведена рекогносцировка местности и созданы колонные пути для продвижения к траншеям противника, так как наступать должны были сквозь кустарник высотой 35—40 см. Но в 50-м полку прорыва, прибывшем всего за сутки до наступления, сделать этого не успели. 19 марта 1943 г. танки пошли в атаку на участке урочище Пушечная гора, взаимодействуя с частями 374-й стрелковой дивизии. Из 21 танка, участвовавшего в атаке, 12 застряли в болоте и подорвались на минах, а два были подбиты артогнем. Семь оставшихся машин ворвались на немецкие позиции, но пе-

¹ Главное автобронетанковое управление... С. 132—133.

хота атаку не поддержала, и танки, расстреляв боезапас, вернулись в исходное положение.

22 марта пять танков «Черчилль» под командованием гвардии капитана Белогуба, согласно боевого распоряжения штаба 374-й стрелковой дивизии, атаковали противника в направлении развилки дорог 400 м восточнее озера Белое. Боевым распоряжением атака была назначена на 22 марта 1943 г. на 8 ч 30 мин. Сигналом для атаки пехоты было время движения танков через ее боевые порядки. В назначенное время «Черчилли» двинулись в атаку, но пехота вперед не пошла, так как командование 374-й стрелковой дивизии операцию отменило, но танкисты об этом извещены не были. Танки ворвались на немецкие позиции, где четыре машины были подбиты артиллерией, и лишь один вернулся на исходную позицию.

С 11 часов 22 марта по 25 марта 1943 г. танки находились в этом районе — экипажи сидели в танках и вели огонь с места. Каждую ночь автоматчики 50-го танкового полка прорыва доставляли танкистам боеприпасы и продовольствие, а перед рассветом уходили.

За это время «Черчилли» уничтожили артбатарею, четыре дзота, склад с боеприпасами и до двух взводов пехоты. Танк гвардии капитана Белогуба держал под обстрелом 105-мм батарею противника и не давал переместить ее в другое место.

Несмотря на неоднократные просьбы командира 50-го танкового полка прорыва, штаб 374-й стрелковой дивизии пехоту на рубеж, занятый танками, не продвигал. Немцы неоднократно предлагали экипажам танков сдаться в плен, на что танкисты отвечали «мощным артиллерийским и пулеметным огнем». В связи с тем, что связь по радио между танкистами и пехотой велась открытым текстом, немцам стало известно о том, что группой танков командует гвардии капитан Белогуб. 25 марта 1943 г. они предложили ему бросить танки и отойти к своим. Белогуб ответил отказом. Тогда перед его танком был выставлен белый крест — знак того, что немецкие солдаты похоронят советского командира.

После этого по танкам был открыт сильный артиллерийский огонь, затем в атаку пошла пехота. Танкисты отбивались несколько часов. Когда кончились снаряды и патроны, они отбивались гранатами, выбрасывая их через левый бортовой люк (артиллерийским огнем противника верхние люки и люк пра-

вого борта были заклинены). Гвардии капитан Белогуб просил вызвать огонь на свои танки, чтобы смести наседающую пехоту противника, но даже этого артиллерия 374-й стрелковой дивизии сделать не смогла — вовремя не подвезли снарядов! В это время на помощь танкистам пришли два «Черчилля», отремонтированных силами 50-го полка прорыва, и взвод пехоты 374-й стрелковой дивизии. Им удалось зацепить трактором танк Белогуба и эвакуировать его в тыл (экипажи трех других подбитых танков отошли с пехотой).

Не оценивая тактическую грамотность боя, можно сказать, что жизнь танкистам (а экипажи, просидевшие в танках три дня, не потеряли ни одного человека убитыми) спасла именно броня «Черчилля», которую за трое суток так и не смогла пробить немецкая артиллерия.

Летом 1943 г. в Тамбове был сформирован 59-й тяжелый танковый полк прорыва в составе 21 танка «Черчилль». 25 июля 1943 г. он был введен в строй.

Представляет интерес доклад начальника штаба бронетанковых и механизированных войск от 17 апреля 1943 г. «О применении английских танков на фронтах отечественной войны»: «Танки “Черчилль” практически достаточно не изучены в силу еще ограниченного боевого применения, но опыт их боевых действий на Донском и Волховском фронтах показал их низкую проходимость, плохое наблюдение из танка, особенно для механика-водителя, большую опасность в пожарном отношении из-за бензинового двигателя и большого количества не огнестойких материалов в оборудовании. Неудачное размещение ветви гусеницы танка “Черчилль”. В зимнее время набивание снега на салазки вызывает поднятие гусеницы выше погона башни и заклинивание последней, а это ведет к выводу из строя поворотного механизма башни.

Практика боевого применения и боевых действий английских танков дает возможность установить:

а) целесообразность использования этих танков в частях и соединениях танков непосредственной поддержки пехоты;

б) организационно объединять эти танки с отечественными танками типов Т-34, Т-70 с целью повышения огневой мощи соединения (части);

в) применение этих танков наиболее целесообразно на южных участках театра боевых действий в течение всего года. На остальных участках применение их в зимних условиях затруднительно.

Начальник штаба БТ и МВ КА полковник Заев»¹.

Не менее любопытен и ответ того же Заева главе британской миссии генерал-лейтенанту Мартелю (от 3 августа 1943 г.): «При прорыве сильных укреплений немцев тяжелые танки КВ и «Черчилль» с ролью танков прорыва вполне справились, и как танки прорыва, усиливающие атакующую пехоту, вполне себя оправдали...

Танк «Черчилль» к роли танков прорыва, на усиление пехоты в целом подходит, но опыт еще раз подтвердил слабость его пушечного вооружения.

Бензиновое топливо танка значительно увеличивает опасность пожара, % сгоревших танков «Черчилль» значительно больше в сравнении с дизельными танками КВ.

Основным врагом танков в этих операциях являлась противотанковая самоходная артиллерия и танки. Минные поля приносили значительно меньший вред. Что касается безвозвратных потерь, то они на минных полях совершенно незначительны, так как большинство танков, оставшихся на минных полях, имеют повреждения только в ходовой части и быстро восстанавливаются...

Танку «Черчилль» надо срочно дать лучшую пушку и дизель-мотор»².

Глава 15

АМЕРИКАНСКИЕ ТАНКИ ЛЕНД-ЛИЗА

Самыми бестолковыми танками, поставляемыми Советскому Союзу по ленд-лизу, оказались американские средние танки М3. Их разновидности в Англии называли «Генерал Ли» и «Генерал Грант». Танки М3 всех модификаций имели настолько оригинальный вид, что их было трудно спутать с другими моделями.

¹ Главное автобронетанковое управление... С. 177—178.

² Главное автобронетанковое управление... С. 309—310.

По своему замыслу танк представлял собой машину времен Первой мировой войны, с расположением орудия в бортовом спонсоне, как на английских танках Mk-I, Mk-VIII, а вместо неподвижной рубки — вращающаяся башня. Двигатель располагался сзади, трансмиссия — спереди, коробка передач — под поворотным полом башни, а между ними размещалось боевое отделение.

Корпус танка изготовлялся из плоских листов. Толщина брони была неизменной на всех моделях и составляла: два дюйма (51мм) — лобовая броня, по полтора дюйма (38мм) — бортовые и кормовые листы, полдюйма (12,7мм) — крыша корпуса. Днище имело переменную толщину: от половины дюйма (12,7мм) под двигателем до одного дюйма (25,4мм) в районе боевого отделения. Стенки башни имели броню — два дюйма с четвертью (57мм), а крыша — семь восьмых дюйма (22мм). Передняя плита устанавливалась под углом 60° к горизонту, боковые и задние — вертикально.

С правой стороны корпуса устанавливали литой спонсон с 75-мм орудием, не выходящий за габариты корпуса. Высота спонсона наряду с размерами двигателя определяла высоту танка. Над корпусом возвышалась литая башня с 37-мм орудием, сдвинутая влево, ее венчала маленькая башенка с пулеметом.

Полученная пирамида оказалась выше трех метров — десять футов и три дюйма (3214 мм). Длина танка составила восемнадцать футов и шесть дюймов (5639 мм), ширина — восемь футов одиннадцать дюймов (2718 мм), клиренс — семнадцать и одна восьмая дюйма (435 мм). Но танк получился с просторным боевым отделением и до сих пор считается одним из самых комфортабельных.

Изнутри корпус оклеивался губчатой резиной, чтобы предохранить экипаж от мелких осколков брони. По бортам устанавливали двери, имелись люки сверху и в пулеметной башне. Это обеспечивало быструю посадку экипажа, а самое главное — удобную эвакуацию раненых из танка, через бортовые двери, хотя двери и снижали прочность корпуса. У каждого члена экипажа имелись смотровые щели и амбразуры для стрельбы из личного оружия, защищенные броневыми козырьками.

На танках МЗ модификаций МЗА1, МЗА2 и всех машинах на их базе устанавливался авиационный звездообразный девятицилиндровый карбюраторный двигатель «Wright Continental»

R 975 EC2 или модификация C1 мощностью 340 л.с. Он обеспечивал 27-тонному танку наибольшую скорость до 26 миль/ч (42 км/ч) и при возимом запасе топлива 175 галлонов (796 литров) пробег 120 миль (192 км). К недостаткам двигателя относится его высокая пожароопасность, так как он работал на высокооктановом бензине, сложность в обслуживании, особенно цилиндров, оказавшихся снизу.

Основным оружием танка являлось 75-мм орудие, установленное в спойсоне. Это орудие было спроектировано в арсенале Вестерфлейт на основе 75-мм французской полевой пушки обр. 1897 г., принятой на вооружение армии США после Первой мировой войны. Орудие, получившее индекс M2, имело длину ствола около 3 м, оборудовалось одноплоскостным стабилизатором наводки, полуавтоматическим затвором, системой продувки ствола после выстрела. Система стабилизации наводки в вертикальной плоскости на танке M3 была применена впервые в мире и впоследствии служила прототипом для аналогичных систем для танков многих армий мира. Углы вертикальной наводки составляли 14°, в горизонтальной плоскости 32°, далее орудие наводилось поворотом всего танка. Вертикальная наводка пушки осуществлялась как электрогидравлическим приводом, так и вручную. Боезапас располагался в спонсоне и на полу танка.

Однако при установке пушки M2 на танке выяснилось, что ствол выходит за переднюю линию корпуса. Это сильно переполошило военных, боявшихся, что танк может пушкой за что-то зацепиться при движении. По их требованию длину ствола уменьшили до 2,33 м, что естественно ухудшило баллистику орудия. Такой усеченной пушке присвоили индекс M3, а при монтаже в танке, чтобы не переделывать систему стабилизации, на ствол надевали противовес, внешне похожий на дульный тормоз.

37-мм пушка была создана в том же арсенале в 1938 г. На танк M3 устанавливались ее модификации M5 или M6, во вращающейся на 360° башне. Углы вертикальной наводки позволяли вести огонь и по низколетящим самолетам. В башне также устанавливался спаренный с орудием пулемет, а сверху — маленькая башенка, вращающаяся на 360°, с еще одним пулеметом. Башня имела вращающийся полукруг со стенками, выделяющими боевое отделение в отдельный отсек. Боезапас орудия располагался в башне и на вращающемся полке.

Вес среднего танка М3 составлял 27,2 т, а число членов экипажа 6—7 человек.

Поставляемые в СССР средние танки М3 танкисты называли «братской могилой».

У янки хватило ума легкому танку «Стюарт» присвоить тот же индекс М3, что и среднему танку. Поэтому в советских служебных документах эти танки именовались легкой (л.) М3 и средний (ср.) М3.

Вес легкого танка М3 составлял 12,7 т, толщина брони 37,5—12,5 мм. Боекомплект к 37-мм пушке М3 — 103 выстрела. Экипаж 4 человека. Скорость по шоссе 56 км/ч. Стоимость легкого танка М3 — 42 787 долларов, а среднего М3 — 76 200 долларов.

Свойства американских танков М3 достаточно хорошо показаны в отчете ГБТУ от 1 ноября 1943 г.: «На марше танки М3-с и М3-л выносливы и безотказны. В обслуживании не сложны. Позволяют совершать марши при более высоких средних скоростях движения по сравнению с отечественными танками.

При выборе маршрута предпочтительно должны избираться более прямые и широкие дороги. Наличие большого радиуса поворота у танков М3-с и М3-л на узких дорогах с частыми закруглениями вызывают опасность схода машин в придорожные кюветы и снижают скорость движения.

При совершении марша в зимних условиях танки имеют следующие недостатки:

а) Малое сцепление гусеницы с грунтом, что ведет к пробуксовке, боковому и прямому скольжению (при неумелых действиях механика-водителя на подъемах, спусках и кренах танк теряет управление).

б) Шпоры существующей конструкции недостаточно обеспечивают танк от пробуксовки и скольжения гусениц и очень быстро выходят из строя. Необходимо изменение конструкции шпоры и крепления ее к траку для обеспечения большего сцепления с грунтом и предупреждения бокового скольжения.

в) При попадании одной гусеницы в кювет, воронку — танк, имея в управлении поворотом систему двойного дифференциала, вследствие пробуксовки гусеницы, оказавшейся под малой нагрузкой, не может самостоятельно преодолевать препятствия. Пробуксовывающая гусеница, находящаяся в наклонном положении, как правило, спадает...

Из проведенных маршей в составе полка выявлено:

а) Запас ходу по зимней укатанной дороге:

для МЗ-с — 180—190 км,

для МЗ-л — 150—160 км.

б) Средняя техническая скорость движения по грунтовой дороге зимой:

для МЗ-с — 15—20 км;

для МЗ-л — 20—25 км.

В танке МЗ-с экипаж размещен удобно, посадка свободна. Вентилятор мотора обеспечивает чистый воздух и нормальную температуру внутри танка.

Управление физической напряженности не требует.

Подвеска танка обеспечивает плавность хода.

Утомляемость экипажа незначительна.

В танке МЗ-л размещение экипажа стесненное, управление танком затруднительное и при продолжительной работе экипажа в танке утомляемость его по сравнению с МЗ-с большая. Из-за отсутствия облегчающих приспособлений механик-водитель по сравнению с МЗ-с затрачивает большее усилие на управление танком.

Командир танка МЗ-л находится почти изолированно от экипажа — размещается позади люльки, и управление другими средствами, кроме ТПУ [танковое переговорное устройство. — А.Ш.], затруднено...

Маневренность по болотистому грунту плохая ввиду большого удельного давления (особо для МЗ-с), что ведет к глубокому погружению гусеницы в грунт, резкому снижению скорости и трудности поворотов.

В лучшую сторону выделяется МЗ-л, имеющий возможность преодолевать незначительные по длине заболоченные участки на больших скоростях.

Движение в лесу при наличии пней затруднено.

Пушки на МЗ-с и МЗ-л безотказны в бою. Вследствие специального устройства прицелов из пушек огонь ведется только прямой наводкой.

Телескопические прицелы пушек просты в устройстве и точны при стрельбе. Командиры орудий легче по сравнению с другими прицелами обнаруживают через них цели, устойчивее держат их в поле зрения и быстро устанавливают прицел.

Отрицательной стороной 75-мм пушки танка М3-с является малый горизонтальный угол обстрела (32 град.).

Большая мощность пулеметного огня (четыре пулемета «Браунинг») не дают должного эффекта из-за отсутствия прицелов на пулеметах, за исключением пулемета, спаренного с 37-мм пушкой. В лобовых пулеметах совершенно отсутствует возможность наблюдения за огнем, что позволяет использовать их огонь только после прохождения боевых порядков своей пехоты...

Сопrotивляемость брони низкая. С дистанции 800 м пробивается всей противотанковой артиллерией. Крупнокалиберный пулемет пробивает броню М3-л с дистанции 500 м. Броня М3-с крупнокалиберным пулеметом не пробивается.

Танки М3-с и М3-л, работая на бензиновых двигателях, имеют легкую воспламеняемость. При попадании снарядов в боевое или моторное отделение от наличия паров бензина внутри танка часто возникает пожар. Имеет место воспламеняемость топлива от детонации. Эти причины вызывают большие потери личного состава экипажей.

Имеющиеся на танке два стационарных и два переносных огнетушителя действуют эффективно. При своевременном использовании их пожар, как правило, прекращается¹.

Лучшим и самым массовым средним танком США стал М4 «Шерман». Испытания опытного танка «Шерман» с 75-мм пушкой в башне начались в сентябре 1941 г. на Абердинском полигоне.

Корпус танка М4А2 сваривался из катаных броневых плит. Верхняя лобовая плита толщиной 50 мм располагалась под углом 47°. Борта корпуса вертикальные. Угол наклона кормовых плит 10—12°. Броня бортов и кормы имела толщину 38 мм, крыши корпуса — 18 мм.

Башня литая, цилиндрическая, установлена на шариковой опоре. Лоб и борта защищались соответственно 75-мм и 50-мм броней, корма — 50 мм, крыша башни — 25 мм. В передней части башни крепилась маска спаренной установки вооружения (толщина брони — 90 мм).

75-мм пушка М3 или 76-мм пушка М1А1 (М1А2) была спарена с 7,62-мм пулеметом «Браунинг» М1919А4. Углы вертикального наведения у пушек были одинаковы: -10°; +25°.

¹ Главное автобронетанковое управление... С. 435—438.

Боекомплект танка М4А2 состоял из 97 выстрелов калибра 75 мм.

Танк оснащался силовой установкой из двух 6-цилиндровых дизелей GMC 6046, расположенных параллельно и соединенных в один агрегат: крутящий момент с обоих передавался на один карданный вал. Силовая установка имела мощность 375 л. с. При 2300 об/мин. Запас ходу по топливу составлял 190 км.

Вес танка М4А2 — 31,5 т. Экипаж 5 человек. Скорость хода по шоссе 42 км/ч.

С 1943 г. в США выпускали и модернизированные танки «Шерман»: М4А3 со 105-мм гаубицей и М4А4 с длинноствольной 75-мм пушкой М1А1 (ее вариант с дульным тормозом имел индекс М1А2).

По американским данным, в СССР было поставлено 4063 танка М4А2 разных вариантов (1990 танков с 75-мм пушкой и 2073 танка с 76-мм пушкой) и два танка М4А4.

Об участии танков «Шерман» в боях повествует Дмитрий Лоза в своей книге «Танкист на “иномарке”». Осенью 1943 г. танковые полки 5-го мехкорпуса, находившегося на переформировании в районе города Наро-Фоминска, получили вместо «Матильды» американские танки М4А2 «Шерман».

15 ноября 1943 г. 233-я танковая бригада, оснащенная «Шерманами», была отправлена в район Киева. «Украинская осень сорок третьего года встретила нас дождем и мокрым снегом. Ночью дороги, покрываясь крепкой ледяной коркой, превращались в каток. Каждый километр пути требовал затраты немалых сил механиков-водителей. Дело в том, что траки гусеницы «Шермана» были обрешиненные, что увеличивало срок их эксплуатации, а также снижало шум движителя. Лязг гусениц, столь характерный демаскирующий признак “тридцатьчетверки”, был практически не слышен. Однако в сложных дорожно-ледовых условиях эти гусеницы “Шермана” стали его существенным недостатком, не обеспечивая надежной сцепки траков с полотном дороги. Танки оказались поставленными на “лыжи”.

В голове колонны двигался первый батальон. И хотя обстановка требовала поторапливаться, скорость движения резко упала. Стоило механику-водителю чуть нажать на газ — и танк становился трудноуправляемым, сползал в кювет, а то и становился поперек дороги. В ходе этого марша мы на практике убедились, что беда в одиночку не ходит. Вскоре выяснилось, что “Шермана”

не только “легкоскользящие”, но и “быстроопрокидывающиеся”. Один из танков, заскользив на обледенелой дороге, ткнулся внешней стороной гусеницы в небольшой бугорок на обочине и мгновенно завалился на бок. Колонна встала. Подойдя к танку, шутник Николай Богданов изрек горькое: “Сия судьба-злыдня отныне спутник наш!..”

Командиры машин и механики-водители, видя такое дело, начали “ошпоривать” гусеницу, накручивая на внешние края траков проволоку, вставляя в отверстия движителя болты. Результат не замедлил сказаться. Маршевая скорость резко увеличилась. Переход закончили без приключений... В трех километрах севернее Фастова бригада оседлала шоссе, идущее на Бышев»¹.

Советские танкисты называли М4 «эмча». Участвуя в отражении попыток противника вырваться из Корсунь-Шевченковского «котла», «эмчисты» применяли и другой способ борьбы с тяжелыми вражескими танками. В каждом взводе на одного атакующего «тигра» выделялось два «Шермана». Один из них, подпуская немецкий танк на 400—500 метров, бил бронебойным снарядом по гусенице, другой — ловил момент, когда целая гусеница разворачивала «крестатого» бортом, и посылал ему в топливные баки болванку.

«Два события заставляют меня отчетливо помнить день 13 августа 1943 года: крещение огнем (моя первая встреча с противником) и трагедия, развернувшаяся на моих глазах, когда наша противотанковая артиллерия расстреляла свои танки. Второй раз быть свидетелем губительного дружественного огня мне пришлось в январе 1944 года в селе Звенигородка, когда встретились танки 1-го и 2-го Украинских фронтов, замкнувших кольцо окружения вокруг Корсунь-Шевченковской группировки немцев.

Эти трагические эпизоды произошли в силу незнания многими солдатами и офицерами того, что на вооружении наших частей стояли танки иностранного производства (в первом случае английские “Матильды”, а во втором — американские “Шермана”). Как в первом, так и во втором случае они были приняты за немецкие, что привело к гибели экипажей.

Раннее утро. Наша 233-я танковая бригада сосредоточилась в смешанном лесу с вечера 12 августа. Первый батальон бригады

¹ Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». С. 23—24.

растянулся по его западной опушке. Моя первая рота находилась на его левом фланге в 200 метрах от проселочной дороги, за которой простиралось гречишное поле.

Линия фронта проходила примерно в двух километрах от нас по реке Болва...

2-я бригада получила приказ на возвращение в ранее занимаемый район. Ее командир приказал подразделениям следовать самостоятельно в пункты прежней дислокации, не выстраиваясь в общую походную колонну. Вполне целесообразное распоряжение, позволяющее значительно сэкономить время. Тем более что данный маневр совершался на расстояние всего 2—3 километра. Рота старшего лейтенанта Князева при нанесении контратаки находилась на левом фланге боевого порядка танкового полка. Для нее самым коротким являлся путь через гречишное поле, то есть мимо позиции артиллеристов и нашего расположения. Именно этим ближайшим путем и повел комроты своих подчиненных. Три головные “Матильды” показались из-за небольшого бугорка и пошли прямо по полю. Через несколько секунд две машины загорелись, встреченные залпами нашей противотанковой батареи. Три человека из моей роты кинулись к пушкарям. Пока они до них добежали, последние успели произвести второй залп. Третья “Матильда” остановилась с развороченной ходовой частью. Экипажи роты Князева не остались в долгу. Открыв ответный огонь, они уничтожили два орудия вместе с их расчетами. Мы начали пускать зеленые ракеты, служившие сигналом “свои войска”. Противотанкисты прекратили стрельбу. Смолкли и танковые пушки. Взаимный огневой обмен дорого обошелся сторонам: 10 погибших, три танка вышли из строя, уничтожены два орудия.

Командир артиллерийской батареи не находил себе места. Какой позор для его подразделения: приняв “Матильды” за вражеские танки, расстреляли своих! То, что расчеты не имели силуэтов появившихся здесь иномарок, явилось огромным упущением вышестоящих штабов.

...28 января сорок четвертого года. В 13 часов в центре Звенигородки состоялась встреча танкистов 1-го и 2-го Украинских фронтов. Цель операции была достигнута — окружение крупной группировки противника в Корсунь-Шевченковском выступе завершилось.

Для нас — “шерманистов” первого батальона 233-й танковой бригады — радость этого большого успеха оказалась омраченной. Погиб комбат капитан Николай Маслюков...

Его танк и две машины взвода младшего лейтенанта Петра Алимова выскочили на центральную городскую площадь. С противоположной стороны сюда же мчались два “Т-34” 155-й бригады 20-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта. Маслюков обрадовался: соединение передовых подразделений войск, идущих друг другу навстречу, состоялось. Их разделяло расстояние не более 800 метров. Комбат-1 начал докладывать обстановку на этот час командиру бригады. И на полуслове связь оборвалась...

Броневой 76-миллиметровый снаряд, выпущенный одной из “Т-34”, прошил борт “Шермана”. Танк загорелся. Погиб капитан, два члена экипажа были ранены. Разыгравшаяся драма — прямой результат неосведомленности “тридцатьчетверочников”: они не знали, что на вооружении частей соседнего фронта имеются танки-“иномарки”¹.

Лоза крайне честно отзывается об американских танковых боеприпасах: «Что касается снарядов, то они “проявили” себя с самой лучшей стороны, будучи прекрасно упакованными в картонные пеналы и связанные по три штуки. Главное, что в отличие от снарядов “Т-34—76” при возгорании танка они не детонировали...

До конца войны на Западе и в сражении с японской Квантунской армией не было ни одного случая, чтобы у горящего “Шермана” взорвался боезапас. Работая в Военной академии имени М.В. Фрунзе, я через соответствующих специалистов выяснил, что американские пороха были очень высокой очистки и не взрывались при пожаре, как делали наши снаряды. Это качество позволяло экипажам не бояться брать снаряды сверх нормы, загружая их на пол боевого отделения так, что по ним можно было ходить. Кроме того, их укладывали на броню, обертывая в куски брезента, крепко привязывали бечевками к жалюзи и надгусеничными крыльями...

Коль уж речь зашла о радиосвязи и радиостанциях “Шерманов”, уделю им немного внимания. Надо сказать, что качество радиостанций на танках “Шерман” вызывало зависть у танкистов, воевавших на наших танках, да и не только у них, но и воинов других родов войск. Мы даже позволяли себе делать подарки

¹ Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». С. 34—35, 37—38.

радиостанциями, которые воспринимались как “царские”, в первую очередь нашим артиллеристам...

Впервые всесторонней проверке радиосвязь подразделений бригады подверглась в январско-мартовских боях сорок четвертого года на Правобережной Украине и под Яссами.

Как известно, на каждом “Шермане” стояло две радиостанции: УКВ и КВ. Первая для связи внутри взводов и рот на расстоянии 1,5—2 километра. Второй тип радиостанции предназначался для связи со старшим командиром. Хорошая аппаратура. Особенно нам нравилось, что, установив связь, можно было намертво зафиксировать данную волну — никакая тряска танка не могла сбить ее.

И еще один агрегат в американском танке до сих пор вызывает мое восхищение. О нем, по-моему, мы ранее речи не вели. Это бензиновый малогабаритный движок, предназначавшийся для подзарядки аккумуляторных батарей. Замечательная штука! Расположен он был в боевом отделении, а его выхлопная труба выведена наружу по правому борту. Запустить его для подзарядки аккумуляторов можно было в любой момент. На советских “Т-34” в годы Великой Отечественной войны для поддержания аккумулятора в рабочем состоянии приходилось гонять пятьсот лошадиных сил двигателя, что было довольно дорогим удовольствием, учитывая расход моторесурса и горючего¹.

Наш «танкист на «иномарке»» дает в основном благоприятные отзывы о «Шерманах». На самом деле у него хватало и недостатков. Сравнивая Т-34 с «Шерманом», надо уточнять, о каких модификациях идет речь, поскольку иначе сравнение некорректно. На мой взгляд, эти машины примерно одного уровня, но Т-34 более приспособлен к условиям Восточного фронта. Увы, оба танка существенно проигрывали германскому танку «пантера».

Глава 16

ПОСЛЕДНИЕ КВ

О развитии тяжелых танков в военный период достаточно хорошо рассказано в монографии Н.Ф. Шашмурина «50 лет противоборства»: «Трагедия танков КВ (КВ-1, КВ-2) заключается в

¹ Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». С. 74, 79, 90—91.

том, что они, находясь в серийном производстве, в нарушение всех порядков и законов, до и после финской войны, вплоть до лета 1940 года, не проходили соответствующих испытаний с целью отработки конструкции силовых узлов и систем: моторной установки, трансмиссии, ходовой части. Хотя уже с листа (чертежа) для компетентного специалиста была очевидна непригодность ряда агрегатов, в особенности наиболее сложного и ответственного — коробки перемены передач. А ведь именно эти элементы (силовая часть танка) являются основой для разработки и производства нашего КВ, завода. В то же время они оказываются носителями основных дефектов, прежде всего конструктивных, на тяжелых танках. Они ограничивали возможности боевого использования танка, а в ряде случаев приводили к трагическим последствиям. В частности, послужили одной из важнейших причин срыва наступательных операций (Керченской и Харьковской) весной 1942 года. Получить соответствующую информацию практически невозможно. Однако мы часто слышим и читаем, как хвалят наши танки за... мощное оружие, непробиваемую броню! Это не наша заслуга, а плоды труда наших поставщиков, активных участников общего дела по созданию таких мощных боевых машин, как тяжелые танки. Они нас не подводили, и забывать об этом не стоит. В то же время читатель не обнаружит информации о том, какой спрос следует с нас, танкостроителей. Так прятать концы — уметь надо! Во всем комплексе по созданию танка есть важный раздел, где очень значима наша роль и ответственность. Это общая компоновка танка. Для оценки здесь наиболее уместно использование метода сравнения. Танк КВ-1 в 1942 г. был снят с производства в связи с вышеуказанными конструктивными дефектами»¹.

Я уже писал о создании мощных 85-мм и 107-мм танковых пушек Грабина. По мнению Шашмурина, они вполне могли быть установлены в танк КВ-1. На мой взгляд, это мнение достаточно обоснованно. Шашмурин пишет: «А вот комментарий Грабина под фотографией пушки 107-мм калибра:

“107-мм танковая пушка большой мощности ЗИС-6 создана по указанию И.В. Сталина для тяжелого танка в 1941 году перед

¹ Шашмурин Н.Ф. 50 лет противоборства // Триумф и трагедия тяжелых танков КВ / Под ред. В.В. Гагина. Воронеж, 2000. С. 32.

войной. К началу войны пушка была поставлена на валовое производство. Котин Ж.Я. к установленному сроку танк не создал, хотя и обещал. Он мог бы установить эту пушку в башне КВ-1. Грабин В.Г. 26.04.69 г.»»

Очень жаль, что Грабин не знал истинных причин. Котин и другие уклонились от установки пушки калибра 85 мм на танк КВ-1, который они приговорили к уничтожению как вещественное доказательство своих ошибок, жертвуя интересами Родины, совершая при этом одно преступление за другим. Если бы вся их афера вскрылась, вся эта артель была бы поставлена к стенке. Зато в этом случае танк КВ-1 остался бы достойно оправдывать свое предназначение, как танк прорыва:

— сохраняется существующая противоснарядная защита до 105 мм;

— обеспечивается надежная работа трансмиссии путем установки новой КПП, уже отработанной на более тяжелом танке КВ-3 с двигателем мощностью 850 л. с.;

— вместо пушки калибра 76 мм устанавливается мощная танковая пушка калибра 85 мм;

— сохраняется возможность применения в дальнейшем мощного пушечного вооружения до 122 мм, а также создание артсамоходов с орудиями калибра до 152 мм»¹.

По мнению Шашмурина, Котин и ряд военных из ГБТУ в 1942 г., «обманув Сталина, вынудили его к требованию по снижению веса, разбронированию танка на 5—7 тонн. Все эти «мероприятия» привели к тому, что «...танк КВ стал постепенно терять свои преимущества...». Кто породил — тот и уничтожил. Мы могли бы обеспечить жизнедеятельность танка с учетом последующего усиления огневой мощи путем установки орудия Д-25 калибра 122 мм, и создания на его базе артсамохода с пушкой М-20 калибра 152 мм. [Тут Шашмурин имеет в виду гаубицу-пушку МЛ-20 — А.Ш.] Стало быть (повторяю), танк КВ в своем первородном исполнении мог бы вытянуть всю войну, так же, как Т-34. А тогда и танк, и сами работники КБ, и кировцы оказались на краю гибели. И это в обстановке, когда идет борьба за выживание народа, спасение страны»².

¹ Шашмурин Н.Ф. Указ. соч. С. 36—37.

² Шашмурин Н.Ф. Указ. соч. С. 41.

5 июня 1942 г. вышло постановление ГКО № 1878сс за подписью председателя ГКО И.В. Сталина, в котором говорилось: «Опыт боевого применения КВ-1 в воинских частях вскрыл следующие недостатки КВ:

1) Большой вес танка (47,5 т), что сокращает его боевую оперативность и усложняет условия боевой эксплуатации;

2) Недостаточная надежность коробки перемены передач вследствие недостаточной прочности шестерен первой и замедленной передач и картера;

3) Недостаточно интенсивная работа системы охлаждения двигателя, вследствие чего приходится часто производить переключение скоростей с высших на низшие, что приводит к сокращению средних скоростей движения и ограничивает возможность наиболее полного использования мощности двигателя;

4) Недостаточная круговая обзорность танка из-за неудобного расположения смотровых приборов и отсутствия командирской башенки».

Согласно этому постановлению, на базе танка КВ-1 был создан танк КВ-1С (С — скоростной). По сравнению с КВ-1 на новом танке толщина бортовой брони корпуса была уменьшена с 75 мм до 60 мм, 75-мм броня сохранилась лишь на лбу подбашенной коробки. Широко применялось броневое литье, в том числе на многих танках ставилась литая башня. На КВ-1С установили уменьшенную башню новой конструкции с командирской башенкой кругового обзора, новый главный фрикцион, новую систему охлаждения, а также применили облегченные опорные катки, ленивец и облегченные гусеничные цепи. Вес машины был доведен до 42,5 т, а скорость — до 43 км/ч по шоссе.

Тактико-технические данные тяжелого танка КВ-1С приведены в Приложении.

Четкой классификации тяжелых и средних танков в годы Второй мировой войны не было, но танк КВ-1С оказался легче германского среднего танка «пантера» Т-V (43—44,8 т в различных вариантах). Лобовая броня корпуса «пантеры» составляла 85 мм, а башни — 100 мм. Пушка 7,5 см KwK 40 длиной в 70 калибров имела существенно большую бронепробиваемость, чем 76-мм ЗИС-5, а скорость хода «пантеры» достигала 55 км/ч по шоссе. Так что по всем параметрам КВ-1С существенно уступал «пантере».

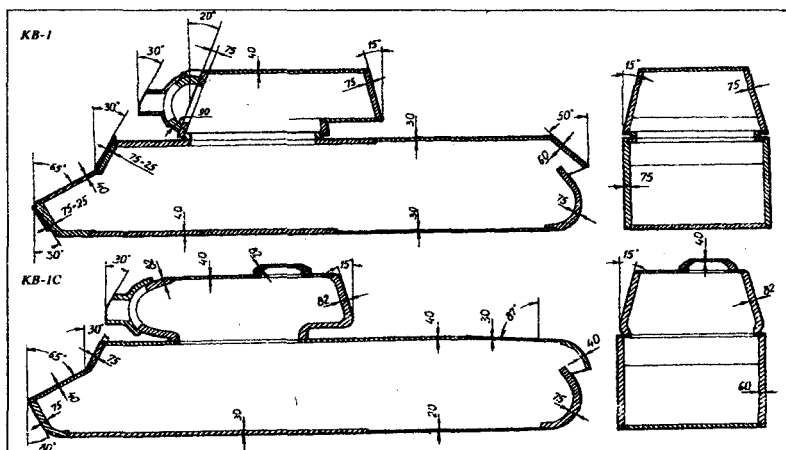

Схема бронирования танков KV-1 и KV-1С

Другой вопрос, что танк KV-1С опередил «пантеру» на 5 месяцев. Серийный выпуск KV-1С начался в августе 1942 г., а «пантеры» — в январе 1943 г. А на войне 5 месяцев — это очень много.

Любопытно, что серийное производство танков KV-1С было начато до их официального принятия на вооружение — 20 августа 1942 г. KV-1С находился в производстве ровно год, и в августе 1943 г. его производство было прекращено. Всего изготовили 1106 машин.

На базе KV-1 в конце 1941 г. был создан огнеметный танк KV-8 (объект 228), вооруженный огнеметом АТО-41 конструкции И.А. Аристова. Огнемет поршневого действия устанавливался в башне рядом с пушкой. Поскольку штатная пушка не помещалась рядом с огнеметом, 76-мм ЗИС-5 заменили 45-мм пушкой. Ствол пушки закрывался фальшстволом, имитирующим 76 мм пушку. Боекомплект к пушке составлял 88 выстрелов. Дополнительное вооружение танка состояло из четырех пулеметов (в том числе одного зенитного) с боекомплектом 3400 патронов.

После выстрела зарядка огнемета происходила автоматически, так как зажигающая смесь находилась под давлением 4,0—4,5 кг/ кв. см. В момент выстрела смесь воспламенялась от электрической свечи. Зажигающая смесь (60 % мазута и 40 % керосина) хранилась в баке емкостью 960 л. Ее хватало на 92 выстрела (примерно по 10 л на выстрел). Интервал между двумя выстрелами из

огнемета составлял от 3 до 10 с. Дальность — 60—65 м, а при использовании смеси специального состава — до 90—100 м.

В 1942 г. было изготовлено 42 танка КВ-8. Они поступили на вооружение нескольких рот в отдельных танковых батальонах огнеметных танков. В остальных ротах состояли огнеметные танки ОТ-34, созданные на базе среднего танка Т-34.

В 1943 г. тяжелые огнеметные танки выпускались уже на базе КВ-1С. Такие машины получили индекс КВ-8С. В них устанавливали модернизированный огнемет АТО-42. Спаренный с пушкой пулемет убрали, а экипаж увеличился до 5 человек. Боекомплект для пушки составлял 114 выстрелов, а для пулемета — 3000 выстрелов. Емкость бака для зажигательной смеси уменьшилась до 600 л. Этого хватало на 60 выстрелов.

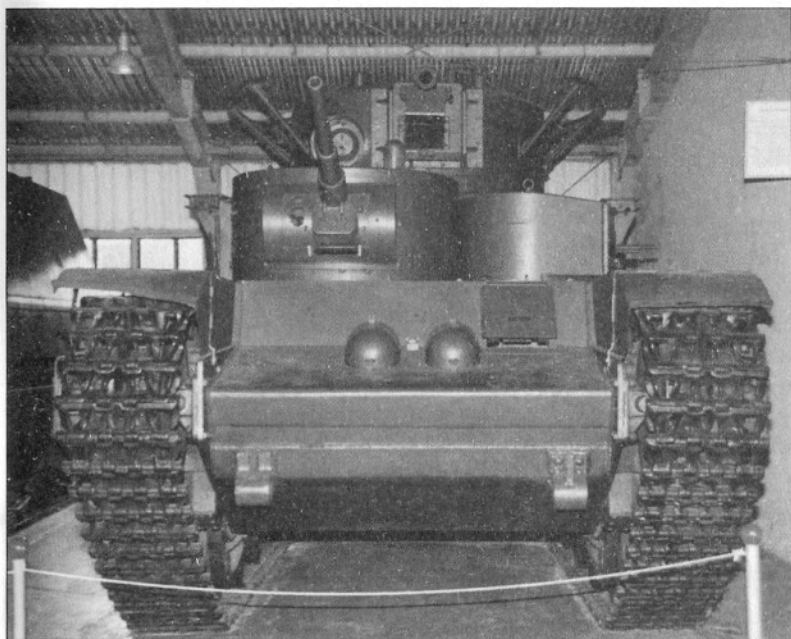
В 1943 г. выпустили малую серию из 25 танков КВ-8С.

К концу 1942 г. 76-мм танковые пушки Грабина длиной в 30 и 40 калибров оказались слишком слабыми не только для тяжелого, но и для среднего танка. Чтобы разобраться с пушками для танков и самоходок, нужно сказать, что в 1941—1945 гг. в СССР не было создано ни одной серийной новой пушки, гаубицы и мортиры. Это высказывание явно покоробит и военных историков, и генералов. Но давайте разберемся, что главное в пушке? Это, прежде всего, ствол и его внутреннее устройство, а также баллистические данные орудия. От них зависят характеристики и тип выстрела — снаряд, заряд, гильза или картуз. Потом идут противооткатные устройства, и в самом конце — лафет для буксируемых орудий или установочные детали для САУ и танков.

Меня с детства раздражала хвастливая болтовня, что, мол, наши славные конструкторы за месяц (!) создали 152-мм самоходную установку, не в пример другим странам, где пушку проектировали несколько лет.

Неправда! Работы над этим орудием были начаты в 1908 г. (!) фирмой Шнейдера. В 1910 г. оно было принято на вооружение как 152-мм осадная пушка обр. 1910 г. Потом она претерпела много модернизаций и называлась обр. 1910/30 г., обр. 1930/34 г., обр. 1937 г., а уж затем ее действительно за месяц поставили на СУ-152, разработав лишь несколько деталей крепления ее в самоходе.

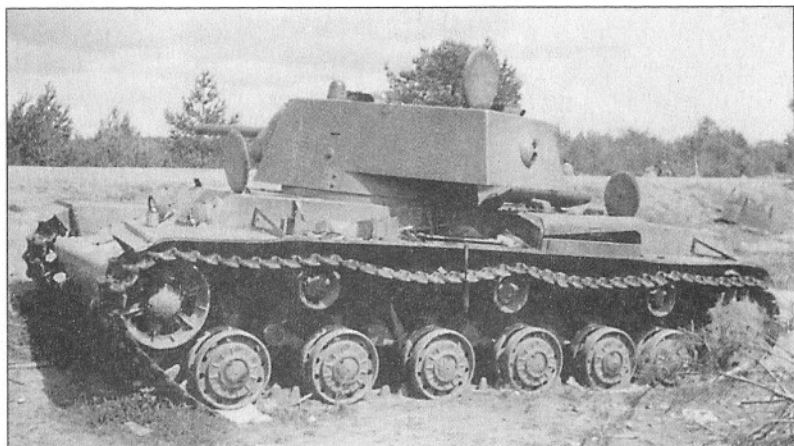
Примерно то же самое происходило с танковыми и полевыми пушками. К 1942 г. у нас в производстве были 76/40-мм пушки

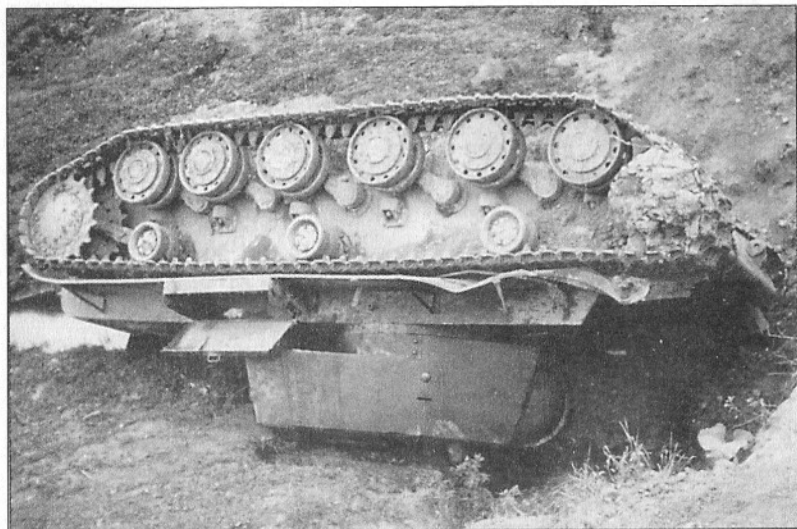
Тяжелый танк Т-35

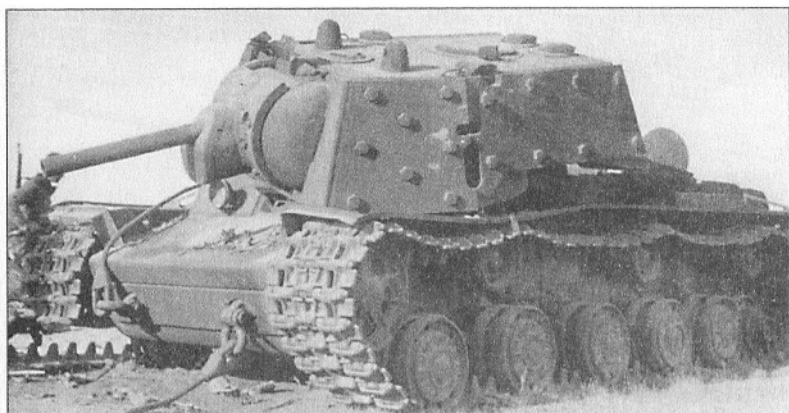
Танк Т-35, захваченный немцами

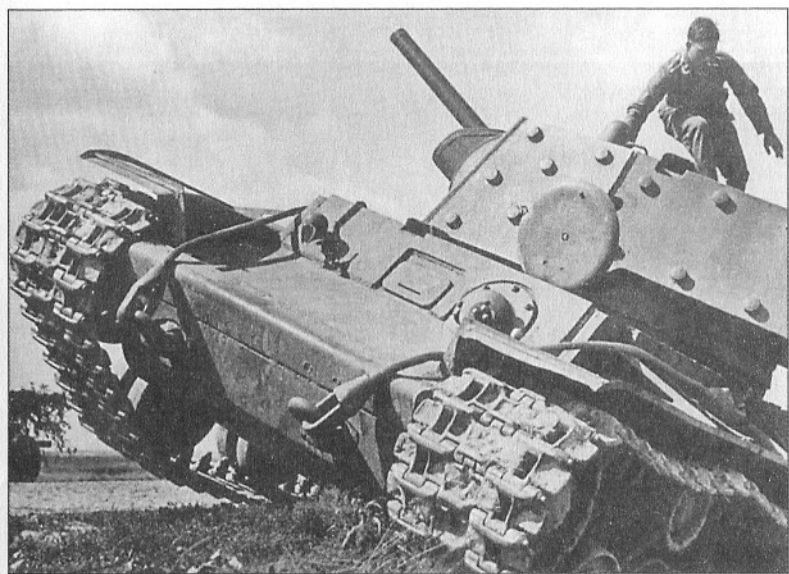
Тяжелый танк КВ-1 выпуска 1940 г.

Перевернувшийся КВ-1 выпуска 1940 г.

Подбитый KV-1 выпуска 1940 г. с дополнительной наварной броней с экранами

KV-1 выпуска 1940 г. с экранированной броней, захваченный немцами

Тяжелый танк КВ-2 со 152-мм танковой гаубицей

Танк КВ-2, захваченный немцами

Огнетный танк КВ-8

Тяжелый танк КВ-1С

Спаренная пулеметная установка «Максим»

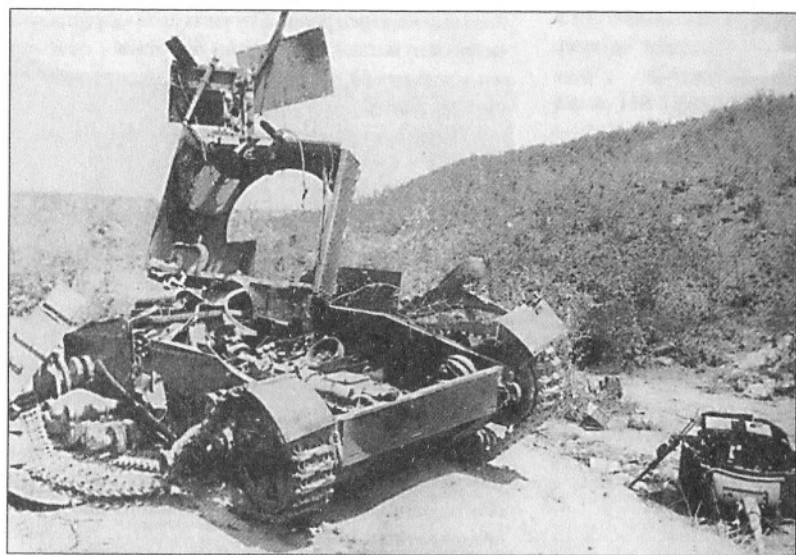
*Подбитая счетверенная пулеметная установка «Максим»
на автомобиле. Основное средство ПВО в советских мехкорпусах
в начале войны*

2-см зенитный автомат Flak.30 на полугусеничном тягаче Sd.Kfz. 10/4. Полукустарная, но очень эффективная установка при стрельбе как по воздушным, так и по наземным целям. Поражала броню танков Т-26, БТ, Т-37

*Германское
20/28-мм
противо-
танковое
ружье
sPzB 41*

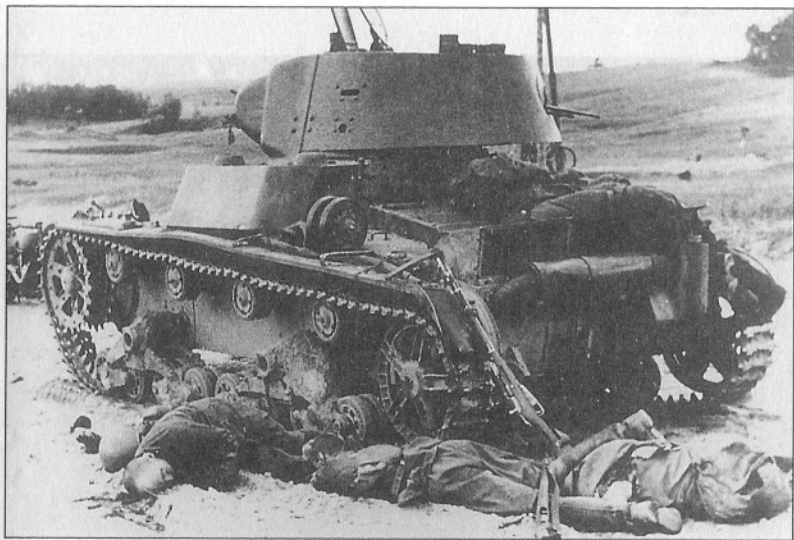
*Танк Т-26, разбитый германской авиацией.
Севастополь. Июль 1942 г.*

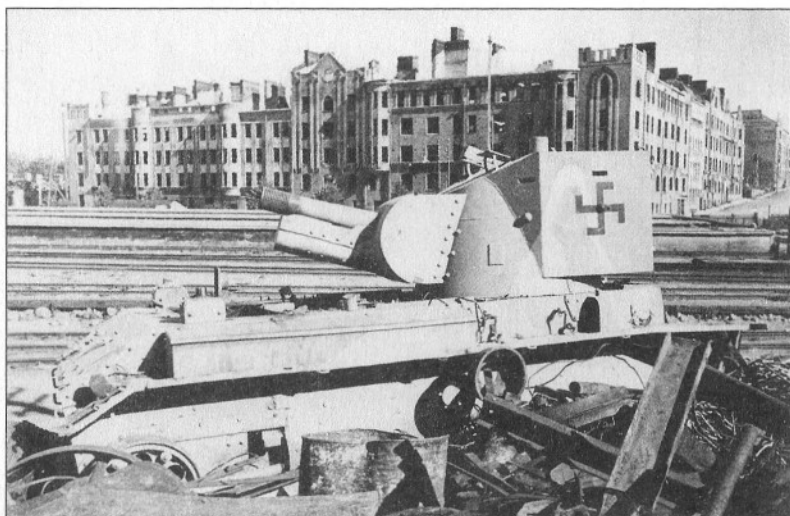
*Легкий танк Т-26 выпуска 1938 г. из состава 14-го мехкорпуса,
брошенный экипажем из-за отсутствия горючего. Западный
фронт. Июнь 1941 г.*

*Легкий танк Т-26 с цилиндрической башней,
рацией и фарами ночного боя*

*Советский огнеметный танк ОТ-133 (ХТ-133), поврежденный
немецкой авиацией. Западный фронт. Июнь 1941 г.*

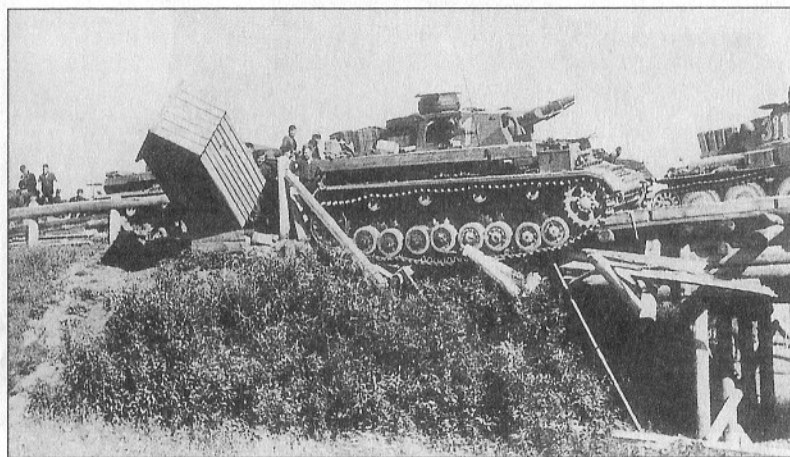
Советский танк БТ-7 попал в 1940 г. в плен к финнам. Финны установили на нем 114-мм английскую гаубицу. Финская самоходная установка ВТ-42 захвачена в Выборге в 1944 г.

Подбитые советские танки БТ

Немецкие танкисты при помощи деревянной балки пытаются вытащить застрявший танк Т-III. Литва. Июнь 1941 г.

Застрявший на деревянном мосту танк Т-IV. Литва. Июнь 1941 г.

*Колонна танков PzKpfw.35(t) 6-й танковой дивизии на марше.
Литва. Июнь 1941 г.*

*Командир танка Т-IV 6-й танковой дивизии наблюдает за полем
боя. Литва. Июнь 1941 г.*

Тяжелый танк ИС-1 (ИС-85). Вид спереди

*Тяжелый танк ИС-2 с первым вариантом 122-мм пушки Д-25Т
(с Т-образным дульным тормозом)*

Тяжелый танк ИС-2М, модернизированный в 1954 г.

8,8-см САУ «Фердинанд»

«Тигры» 503-го батальона на Курской дуге. Июль—август 1943 г.

«Тигр» 505-го батальона в боях на Курской дуге. Июль 1943 г.

Реактивная пусковая установка «Штурмтигр» в Музее бронетанковых войск в Кубинке

Загрузка боеприпасов в «Штурмтигр»: подъем снаряда при помощи крана-лебедки

ЗИС-3, 85-мм зенитные пушки обр. 1939 г. (52К), 107-мм пушки (были сняты с производства в 1941 г.) и 122-мм пушки А-19 обр. 1931 г. Кроме того, можно было использовать 100-мм корабельные пушки Б-24 и Б-34.

Вот и все, никакого другого выбора для танков и САУ у нас не было.

Поэтому волей-неволей конструкторы начали опыты по установке модернизированных качающихся частей 85-мм зенитной пушки в тяжелый танк.

Работы над 85-мм танковой пушкой Д-5 были начаты в январе 1943 г. под руководством Петрова. В пушке был использован ствол с баллистикой 52К, люльку и ряд других элементов взяли от опытной 122-мм танковой гаубицы У-9. Ствол пушки состоял из свободной трубы, сварного кожуха и навинтного казенника. Затвор вертикальный клиновой с полуавтоматикой копирного типа, по устройству аналогичен затвору Ф-34. Пушка Д-5 выпускалась в двух вариантах: танковом Д-5Т и самоходном Д-5С (иногда их называли Д-5С-85). В 1943 г. пушками Д-5Т вооружались тяжелые танки КВ-85 и ИС-85 (ИС-1).

В КВ-85 (объект 239) 85-мм пушку установили в новую башню с увеличенным диаметром основания, для чего пришлось несколько переделать подшипник погона. Из экипажа был исключен стрелок-радист, а на его месте поместили часть боеприпаса и дополнительный топливный бак. Курсовой пулемет жестко зафиксировали. Пулемет этот обслуживал механик-водитель, кнопка спуска была вмонтирована в правый рычаг управления. Радиостанцию перенесли в башню к месту командира танка.

Тактико-технические данные тяжелого танка КВ-85 приведены в Приложении.

Производство КВ-85 началось в сентябре 1943 г. Выпущена серия в 130 (по другим данным 148) машин.

Танками КВ-85 оснастили несколько отдельных танковых полков. Большая часть КВ-85 в составе гвардейских танковых полков прорыва попала на Южный (2-го формирования), позже — 4-й Украинский фронт, где участвовала в освобождении Украины. Так, например, в состав 28-й армии 4-го Украинского фронта входил 34-й гвардейский танковый полк прорыва (20 танков КВ-85), который совместно с 40-м тяжелым самоходно-артиллерийским полком, имевшим девять СУ-152,

20—25 ноября вел бои в районе поселка Екатериновка. 20 ноября оба полка в двухэшелонном порядке атаковали позиции противника, который кроме артиллерии имел в обороне зарытые танки Т-IVH и САУ «Мардер II» (до 18 штук). В течение дня танкистам и самоходчикам удалось захватить первые линии немецких окопов, потеряв при этом шесть танков КВ-85 (оставлены на территории противника) и шесть СУ-152. Во второй день боев до 10 танков Т-IVH контратаковали позиции советских войск. Огнем противотанковых орудий танков и САУ атака была отбита, противник потерял 5 танков, с советской стороны потерь в танках не было.

23 ноября 1943 г. все исправные машины полка опять атаковали германские позиции, прорвали его оборону и продвинулись на 5 км. В этой операции было подбито еще два танка, а один танк сторел. 23 ноября 1943 г. 34-й гвардейский танковый полк прорыва был отведен на ремонт в тыл.

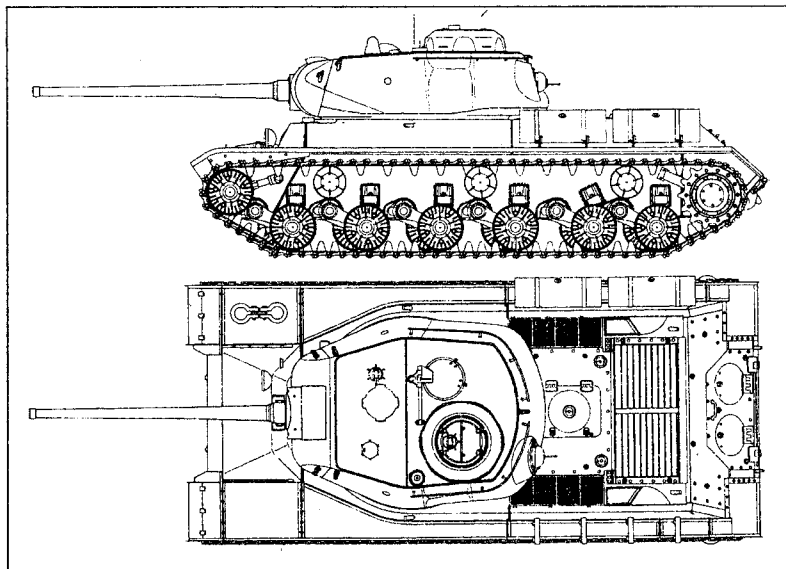
Глава 17

ТАНК «РОДИНА»

В 1942—1943 гг. фронтовики хорошо помнили о нашем танковом превосходстве в 1941 г., а единственный выпускавшийся тогда танк КВ-1С был существенно хуже не только «тигра» и «пантеры», но и по многим показателям, включая огневую мощь, уступал последним модификациям танка Т-IV. Поэтому среди солдат и младшего комсостава ходили слухи, что наши конструкторы готовят новый тяжелый танк, превосходящий по своим данным не только КВ-1С, но и все вражеские танки.

Солдаты даже присвоили ему название — «Родина». Фронтвой поэт, танкист, воевавший на тяжелых танках, Сергей Орлов в стихах выразил эту надежду, полагая

*... Будто где-то танки выпускают
Посильнее даже, чем КВ.
«Родина» — название танкам этим,
Неподвластным минам и огню,
Никакая силища на свете
Не пробьет их гордую броню....*

Тяжелый танк ИС-85. Вид сбоку и сверху

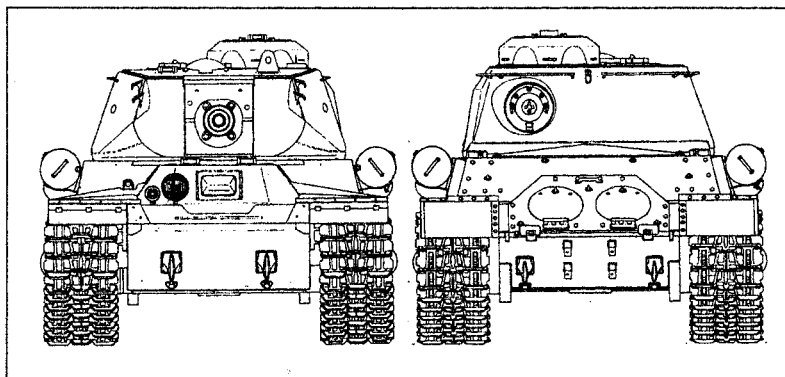
Кстати, именно так и собирались назвать новый танк в КБ Челябинского Кировского завода, но где-то наверху он уже получил название — ИС (Иосиф Сталин) ¹.

Испытания опытных образцов тяжелого танка ИС-1 (он же ИС-85, он же объект 237) начались летом 1943 г.

Новый танк был вооружен той же пушкой (Д-5Т), что и КВ-85, но имел различия в корпусе. На место радиста-пулеметчика установили дополнительные топливные баки, сиденье механика-водителя передвинули к центру, расположив симметрично продольной оси машины, что позволило несколько сузить верхнюю часть корпуса спереди. Функции радиста передали командиру, для чего радиостанцию перенесли в башню. Как и на КВ-85, новый танк оснастили командирской неподвижной башенкой для улучшения кругового обзора.

7 августа 1943 г. постановлением ГКО танк ИС-1 был принят на вооружение, и его серийное производство началось в конце октября. В начале 1944 г. производство танка ИС-1 было прекращено. Общий выпуск танков ИС-1 составил 107 машин.

¹ Вполне допускаю, что это было сделано в пику Черчиллю.

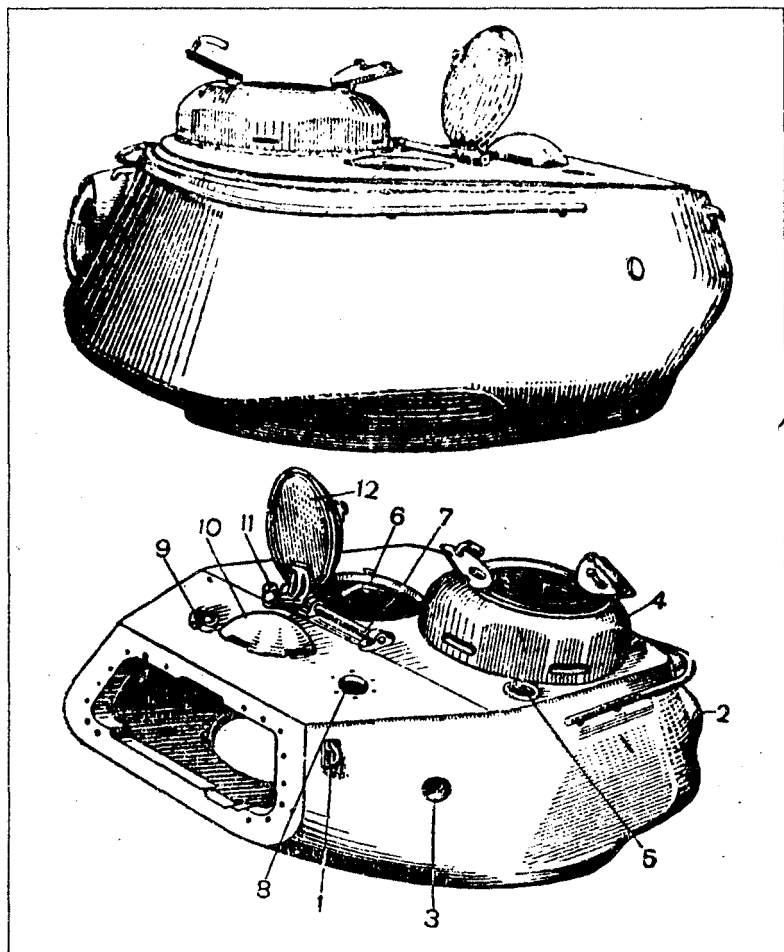
*Тяжелый танк ИС-85. Вид спереди и сзади.
(Чертеж восстановил и выполнил А. Сергеев)*

Тактико-технические данные танка ИС-1 приведены в Приложении.

Несколько слов стоит сказать и об организационной части. В сентябре — октябре 1942 г. началось формирование отдельных тяжелых танковых полков прорыва РГК. Эти полки предназначались для совместного прорыва с пехотой и артиллерией заранее подготовленных оборонительных линий противника. Полк состоял из четырех рот тяжелых танков КВ-1 (по 5 машин в каждой) и роты технического обеспечения. Всего в полку насчитывалось 214 человек личного состава и 21 танк.

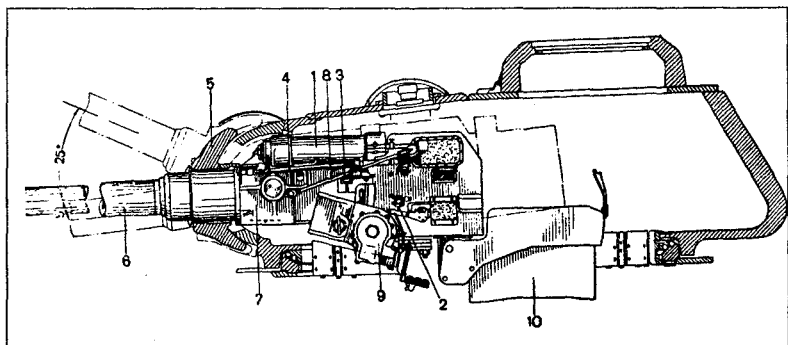
Первым известным случаем боевого применения тяжелых танков ИС-85 стали действия 13-го гвардейского тяжелого танкового полка прорыва. 15 февраля 1944 г. полк, имея в своем составе 21 танк ИС-85, прибыл в район Фастов — Белая Церковь. После марша полк получил задачу поддержать атаку 109-й танковой бригады на деревню Лисянка, для чего командиром полка была выделена рота — 5 танков ИС. К моменту вступления ее в бой последние Т-34 109-й танковой бригады, атаковавшие Лисянку в лоб, были подбиты «пантерами» и противотанковыми штурмовыми орудиями немцев.

Подпустив ИСы на расстояние 600—800 метров, немцы открыли шквальный огонь и в течение 10 минут подбили все советские тяжелые машины, при этом две из них сгорели. Каждый танк получил от 3 до 7 попаданий. На следующий день Лисянку

Башня танка ИС-1

1 — рым; 2 — прилив для установки хвостового пулемета; 3 — отверстие для стрельбы из личного оружия; 4 — командирская наблюдательная башенка; 5 — оградительное кольцо для вывода антенны; 6 — замок входного люка; 7 — торсионный валик; 8 — отверстие для броневго колпачка перископического прицела ПТ4-15; 9 — броневой колпачок перископического смотрового прибора; 10 — броневой сферический колпачок люка вентиляции; 11 — стопор; 12 — крышка входного люка

Установка пушки Д5-Т85 в башне танка ИС-1

- 1 — тормоз отката; 2 — боковой уровень; 3 — поперечный ползун;
 4 — телескопический прицел 10Т-15; 5 — кожух маски; 6 — ствол;
 7 — люлька; 8 — тяга привода ПТ4-15; 9 — подъемный механизм;
 10 — мешок гильзоулавливателя*

окурили и взяли. В ней были захвачены брошенные без горючего 16 «пантер», два Т-IV и два штурмовых орудия.

5 марта 1944 г. 15 танков ИС-85 13-го гвардейского тяжелого танкового полка прорыва поддерживали атаку 50-й танковой бригады на Умань. Во время боя пять танков было подбито огнем немецких 88-мм зенитных орудий, три машины вышли из строя по техническим причинам, а одна упала с моста у деревни Полковничье и перевернулась.

Недостатком ИС-1 являлось слабое вооружение. Требовалась более мощная пушка. Здесь можно было пойти двумя путями — удлинить ствол и увеличить мощность заряда, чтобы получить большую бронепробиваемость, высокий темп стрельбы и большой боекомплект выстрелов в танке. По этому пути пошли немцы. Они создали принципиально новую 7,5-см танковую пушку KwK 40 с длиной ствола в 70 калибров и установили ее на танках «пантера» и ряде САУ. В танках «тигр» они применили 8,8-см танковую пушку KwK 36 с длиной ствола в 56 калибров, фактически это была модернизированная качающаяся часть 8,8-см зенитной пушки Flak 36.

Летом 1942 г. немцы запустили в серийное производство существенно мощную зенитную пушку 8,8-см Flak 41. Любопытно, что партия из 44 таких пушек в августе 1944 г. была отправлена в армию Роммеля в Ливию, а не на Восточный фронт. Там они показали себя как превосходные противотанковые орудия. На базе качалки Flak

41 была создана 8,8-см танковая пушка KwK 43 с длиной ствола в 71 калибр, которую установили на «королевский тигр».

В СССР на заводе им. Калинина в Свердловске тоже на базе 85-мм пушки обр. 1939 г. с длиной ствола 52 калибра (без дульного тормоза) пытались создать 85-мм пушку КС-1 с большей длиной ствола (61,2 калибра) и более мощным патроном. Но, увы, на вооружение ее удалось принять лишь 2 июня 1945 г.

Так что для новой танковой пушки ИСа осталась альтернатива — 100-мм морская пушка Б-24 (Б-34) или 122-мм корпусная пушка А-19. Кстати, такая же ситуация сложилась и с новыми тяжелыми противотанковыми пушками. В.Г. Грабин сумел на единый лафет поставить 100-мм пушку С-3¹ и 122-мм С-4. На заводе № 9 Петров создал буксируемую 122-мм пушку Д-2.

На полигоне ГБТУ в Кубинке были проведены испытания 122-мм и 100-мм танковых пушек, которые предназначались для вооружения танка ИС-2. Согласно докладной записке об опытах от 12 сентября 1944 г.:

«1. 122-мм танковая пушка Д-25 (завода № 9), имеющая баллистику одинаковую с пушками: 122-мм А-19, 122-мм Д-2 завода № 9 С-4 ЦАКБ, а именно: начальная скорость $V_0 = 780-790$ м/с при снаряде 25 кг. Эта пушка пробивает лоб «пантеры» уверенно на дистанции 2500 метров, причем это еще не предельная дистанция.

2. 100-мм танковая пушка Д-10, имеющая баллистику одинаковую с пушкой 100 мм БС-3, а именно: начальная скорость $V_0 = 890-900$ м/с при снаряде 15,6 кг.

Эта пушка пробивает лоб «пантеры» на дистанции до 1500 м, причем это уже предел.

3. 88-мм германская пушка с начальной скоростью 1000 м/с при снаряде 10 кг, пробивает лоб «пантеры» на дистанции только до 650 метров.

Лобовая броня «пантеры» имеет толщину 85 мм и наклон к горизонту 35°. Следовательно, при стрельбе по танку «пантере» на указанных дистанциях, в точке встречи с целью траектория снаряда наклонена к горизонту под углом, мало отличающимся от нуля, и угол между осью снаряда и нормалью к броне (угол встречи) близок к 55°.

¹ Позже в ходе интриг «сепаратистов» из ЦАКБ, окопавшихся на заводе «Большевик», пушка С-3 будет переименована в БС-3. Б — индекс завода «Большевик», а С — индекс ЦАКБ.

Указанные результаты являются предварительными, поскольку при опытах были применены пушки разной изношенности: 100-мм Д-10, сделавшая 400 выстрелов, а 122-мм Д-25 новая. Но полученная разница настолько значительная, что больших поправок в результатах ожидать трудно.

Принятый до настоящего времени способ оценки бронепробиваемости при углах встречи от 0° до 30° оказывается недостаточным в применении к противотанковым пушкам.

Поэтому, по нашему мнению, необходимо вновь пересмотреть вопрос о наиболее выгодных для борьбы с танками калибрах пушек.

Если иметь в виду борьбу с танками «пантера», то, как воочию показывают Кубинские опыты, 122-мм пушка Д-25 ($V_0 = 780—790$ м/с, $g = 25$ кг) оказывается более выгодной, нежели 100-мм пушка Д-10 ($V_0 = 890—900$ м/с, $g = 15,6$ кг).

Точно также следует рассматривать как более выгодную, 122-мм пушку на колесном лафете (А-19, Д-2 завода № 9, С-4 ЦАКБ).

100-мм пушка БС-3 оказывается менее выгодной».

По поводу этих опытов заместитель начальника техотдела Наркомата вооружений генерал-майор Толочков отправил письмо Л.П. Берии, в котором говорилось:

«1. В настоящее время танки ИС, вооруженные 122-мм пушкой, успешно отражают контратаки вражеских танков всех типов на всех дистанциях танкового боя (т.е. до 1500 м).

2. Вооружение части танков ИС 100 мм пушкой Д-10Т неизбежно создаст трудности со снабжением танковых полков прорыва.

3. Замена на части танков ИС 122-мм пушек Д-25 на пушки 100 мм калибра скажется отрицательно на огневой мощи тяжелого танка при борьбе с вражеской живой силой и долговременными укреплениями, так как могущество осколочного и фугасного действия 100-мм пушки значительно снижено по сравнению со 122-мм пушкой Д-25.

4. Боекомплект 122-мм танковой пушки Д-25 составляет 28 выстрелов, а 100-мм пушки Д-10 — 29 выстрелов. Таким образом, значительного увеличения боекомплекта не произойдет.

5. Заряжающему в условиях боя трудно обеспечить быстрое зарядание удлиненных патронов калибра 100 мм. Кроме того, при ведении интенсивного огня из полуавтоматической пушки большого калибра произойдет быстрая загазованность боевого отде-

ления танка, что потребует на время прекратить стрельбу. Так что в данном вопросе реальная скорострельность пушки Д-10 будет значительно снижена по сравнению с данными полигона.

Исходя из сказанного выше, считаю нецелесообразной в настоящее время замену танковых пушек Д-25 на 100-мм пушки Д-10 завода № 9».

Я уделил много внимания выбору калибра и типа орудия не только потому, что Грабин еще в начале 1941 г. метко заметил: «Танк — это повозка для пушки». Главное, что Кубинские опыты летом 1944 г. и вышеприведенные письма определили тип вооружения всех наших тяжелых танков и в послевоенное время. Все они будут вооружаться 122-мм пушками с раздельно-гильзовым заряданием.

Между тем преимущество 122-мм пушек было не столь очевидно. Они существенно проигрывали в скорострельности 100-мм пушкам с унитарным заряданием.

Как уже говорилось, решить вопрос вентиляции внутрибашенного помещения и канала можно было разными способами и сравнительно просто. Наконец, высокий темп стрельбы из танковой пушки был нужен не на час, а всего лишь для производства 2—5 выстрелов, чтобы поразить вражеский танк или САУ. А со 100-мм бронебойными снарядами проблема была легко решена.

Замечу, что в конкурсе буксируемых противотанковых пушек победила 100-мм С-3, существенно обогнав своих 122-мм конкурентов.

Итак, новый тяжелый танк ИС-2 (объект 240) получил 122-мм танковую пушку Д-25Т. Фактически это модернизированная качалка от А-19 с горизонтальным клиновым затвором вместо поршневого. Помимо нового вооружения танк ИС-2 имел более толстую броню. Осмотрев ИС-2, Сталин сказал: «Это танк победы! С ним мы будем завершать войну».

Тактико-технические данные тяжелого танка ИС-2 приведены в Приложении.

В начале 1944 г. танк ИС-2 пошел в серийное производство. В феврале 1944 г. имевшиеся в составе Красной армии полки прорыва, укомплектованные танками КВ, были переведены на новые штаты. Одновременно началось формирование новых частей, оснащенных машинами ИС, которые стали именоваться тяжелыми танковыми полками. При этом им еще при формировании

присваивалось наименование «гвардейский». По штату в новых полках насчитывалось 375 человек личного состава, четыре танковые роты ИС (21 танк), рота автоматчиков, рота технического обеспечения, зенитная батарея, саперный, хозяйственный взвод и полковой медицинский пункт.

Любопытна оценка танка ИС-2, данная командиром роты «тигров» (сентябрь 1944 г.):

«1. При появлении “тигров” большинство ИС-2 отступают и избегают вступать в танковую дуэль.

2. Во многих случаях ИС-2 позволяют вступать с ними в боевой контакт только на большой дистанции (более 2000 метров), а также только если они находятся на более выгодной позиции (на краю леса, деревни или под прикрытием естественного рельефа местности).

3. Экипажи ИС-2 склонны покидать свой танк сразу после первого попадания снаряда “тигра”.

4. Во всех случаях русские экипажи стараются не допустить попадания исправного ИС-2 в наши руки. Они либо отбуксируются, либо взрываются.

5. ИС-2 может быть подбит на больших дистанциях даже при отсутствии пробития лобовой брони (рапорт из другого подразделения “тигров” показывает, что “тигр” может пробить лобовую броню ИС-2 только с дистанции менее 500 метров).

6. Лучшие результаты достигаются при массированном обстреле боков и кормы ИС-2.

7. Вдобавок следует вступать в танковую дуэль с ИС-2 подразделением не менее взвода “тигров”. Отдельный “тигр” в такой дуэли обречен на уничтожение.

8. Опробовано на практике, что было бы полезным после первого же засеченного попадания в ИС-2 ослепить его выстрелом фугасного снаряда».

Глава 18

СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ ТАНКОВ

Могли ли танки стрелять с ходу на полях Второй мировой войны? Да, конечно! Ответ очевиден для 99 % читателей. Нет ни одного отечественного фильма, где показаны танковые атаки

1941—1945 гг., где бы наши и немецкие танки не вели бы огонь с ходу. Да и читатели, служившие в танковых войсках, сами неоднократно стреляли с ходу на учениях.

На самом же деле ответ должен быть скорее отрицательным, чем положительным. Почему «скорее»? Да тут не все просто.

«Эффективность стрельбы из этих танков, под которой понимается частота попадания в стандартную мишень при известной дальности до цели в диапазоне 1500—1000 м, при стрельбе с места составляла соответственно 0,5—0,8, а при стрельбе с ходу не превышала 0,05—0,07. Причиной этому были угловые колебания корпуса движущегося танка, а также вместе с ним пушки и линии прицеливания наводчика в трех взаимно перпендикулярных плоскостях, что приводило к резкому увеличению рассеивания снарядов»¹.

Следует заметить, что автор цитаты из ЦНИИАГ (Центральный научно-исследовательский институт автоматики и гидравлики) использовал данные полигонных испытаний, где высококвалифицированные танкисты стреляли в спокойной обстановке, то есть при отсутствии противника, а главное, с ровного многократно укатанного гусеницами танков грунта. И в этих условиях из движущегося танка, выстрелив 20 снарядов, можно было поразить «стандартную мишень», то есть фанеру с габаритами танка супостата. На неровной местности и в реальном бою с ходу попасть во вражеский танк с дистанции 1500—1000 м было физически невозможно, даже если эту дистанцию сократить до 500 м.

Поэтому оптимальным способом ведения артиллерийского огня для танков в течение всей войны была стрельба с коротких остановок. Почему с коротких? Да чтобы противник не успел прицелиться и поразить танк.

Но вот 19 сентября 1942 г. Сталин издал «Приказ НКО о внедрении в боевую практику танковых войск стрельбы из танков с ходу» № 0728. Вопрос сей деликатный, и я лучше процитирую большую часть приказа: «Опыт Отечественной войны показывает, что наши танкисты не используют в бою всей огневой мощи

¹ Высокочастотные системы управления и приводы для вооружения и военной техники / Под ред. В.Л. Солунина. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1999. С. 61.

танков, не ведут по противнику интенсивного артиллерийского и пулеметного огня с ходу, а ограничиваются прицельной стрельбой только из орудий, да и то с коротких остановок.

Практикуемые нашими войсками танковые атаки без достаточно интенсивного огня всех огневых средств танка создают благоприятные условия для безнаказанной работы орудийных расчетов артиллерии противника.

Такая неправильная практика значительно уменьшает силу огневого и морального воздействия наших танков на противника и приводит к большим потерям в танках от артиллерийского огня врага.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Танковым частям действующей армии с момента подхода к боевым порядкам своей пехоты атаку противника начинать мощным огнем с ходу из всего танкового вооружения, как из орудий, так и из пулеметов, не боясь того, что стрельба получится не всегда прицельная. Стрельба из танков с ходу должна быть основным видом огневого воздействия наших танков на противника и прежде всего на его живую силу.

2. Увеличить боекомплект в танках, доведя его на танке КВ до 114 снарядов, на танке Т-34 — до 100 снарядов и на танке Т-70 — до 90 снарядов.

В танковых бригадах и полках иметь три боекомплекта, из них один возимый в танках.

3. В целях увеличения дальности действия танков возобновить к 10.10.1942 г. установку запасных баков для горючего на танках КВ и Т-34 емкостью для КВ — 350 л и для Т-34—270 л¹.

Хорошо, что сей приказ пока не попал на глаза профессиональным «антисталинистам». Вот уж они поерничали бы над компетентностью вождя. Реально же приказ № 0728 является классическим примером победы психологии над технической целесообразностью. Танк хоть на секунду остановится, и сопровождающая его пехота мгновенно залегает. А потом ее «черта лысого» поднимешь. Да и вражеская пехота чувствует себя менее уверенно, когда рядом вздымаются разрывы осколочно-фугасных снарядов калибра 76—122 мм.

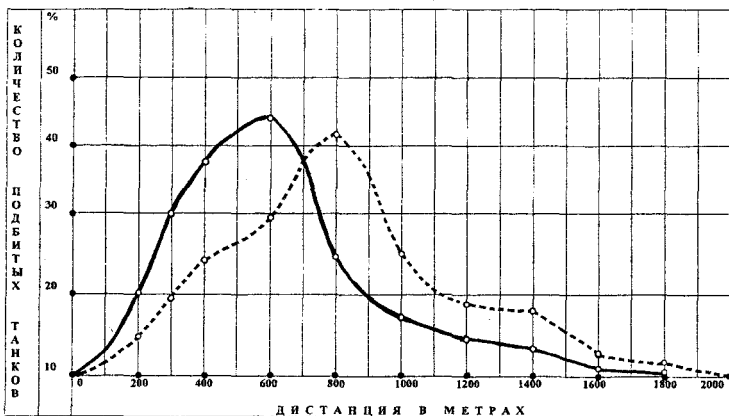
¹ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940—1942 гг. Кн. 2. С. 362—363.

Более подробно о стрельбе с ходу говорится в «Отчете начальника штаба БТ и МВ ЦФ в УКБТ и МВ КА¹ (сия абракадабра и ее расшифровка читателю неинтересна, и я сокращенно буду писать «руководство бронетанковых войск») по обобщению опыта использования танкового оружия в Отечественной войне» от 15 июня 1943 г.: «Условия боевой обстановки требуют применения вооружения в зависимости от характера выполняемой задачи. Опыт боевых действий многочисленными примерами подтверждает целесообразность открытия огня в обороне с дистанции: для танков КВ и Т-34 — 1100—1400 м; для Т-70 — 1100 м; для Т-60 — 700—800 м (короткими очередями); по скоплениям живой силы необходимо вести огонь осколочно-фугасной гранатой без колпачка с дистанции до 2000 м; по танкам противника на дистанции прямого выстрела, однако прицельная стрельба и с более дальних дистанций приводит к хорошим результатам, так, например, из танка Т-34 (251-й танковый полк) 20.03.1943 года при отражении атаки танков противника тремя выстрелами с дистанции 2500 м был подбит танк Т-3.

Экипажи танков должны проявлять выдержку и стремиться открыть внезапный огонь с минимальной дистанции для поражения противника наверняка, однако при определении момента открытия огня необходимо трезво оценивать количество целей (особенно танков противника) и скорость их движения, чтобы по времени успеть нанести противнику поражение. Известен случай (в 1942 году у Ольховатка — район Харьков), когда группа наших танков КВ и Т-34, атакованная большим количеством немецких танков, подпустила их на 400 м и, открыв огонь с явным опозданием, сдержать натиск врага не сумела и сама очутилась в тяжелом положении. Враг, хотя и понес значительные потери, все же сумел прорваться в глубину нашей обороны. Отсюда следует вывод: массированные танковые атаки врага встречать огнем с места с дальних дистанций, если, разумеется, в силу сложившихся обстоятельств задача отражения их возложена на наши танки, а не на артиллерию. При стрельбе из засад внезапный и меткий огонь из всех видов танкового оружия дает наилучший результат с дис-

¹ Начальник штаба бронетанковых и механизированных войск ЦФ Управления командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии.

Дистанция обстрела наших танков и артсамоходов немецкой танковой и противотанковой артиллерией калибра 75 и 88 мм. По данным отчетов фронтов и танковых армий за 1943—1944 гг.

Из пушки калибра 75 мм

Из пушки калибра 88 мм

Дистанция обстрела наших танков и артсамоходов немецкой танковой и противотанковой артиллерией калибра 75 и 88 мм. По данным отчетов фронтов и танковых армий за 1943—1944 гг.

танции 300—600 м. При стрельбе с ходу, в наступлении выходной дистанцией для ведения огня является: для танков КВ и Т-34 — до 800 м, для Т-70 — до 600 м, для Т-60 — до 500 м (короткими очередями). Практическая скорострельность, достигаемая нетренированными экипажами при стрельбе: с места из танка КВ и Т-34 — 10—12 прицельных выстрелов в мин, из Т-70 — 4—5 выстрелов в мин, с ходу: из КВ, Т-34 — 5—6, Т-70 — 2—3 выстрела в минуту.

Для уничтожения различных целей расходуется примерное количество боеприпасов: по танку с места, на дистанцию прямого выстрела — 2—3 бронебойных снаряда, с ходу — 6—8 снарядов. По дзоту с места — 3—5 осколочно-фугасных гранат, с ходу — 10—16. По противотанковым орудиям на дистанцию до 1200 м — с места — 2—3 осколочно-фугасные гранаты, с ходу на дистанции до 500—700 м — 6—9 гранат.

[У немцев для 75-мм пушек наиболее эффективная дистанция поражения советских танков была 600 м, а для 88-мм пушек — 800 м. Советские военные инженеры по фактическим пораже-

ям пушек построили график. — *А. Ш.*]В обороне при стрельбе с места необходимым условием является внезапное открытие огня и наличие запасных танковых капониров для быстрой и скрытой смены огневых позиций. В наступлении на обороняющегося противника основными видами огня является стрельба с ходу и с коротких остановок. При атаке переднего края обороны противника танки открывают мощный огонь из всех видов оружия по известным огневым точкам, а также по местам вероятного их нахождения, в момент прохождения боевых порядков пехоты, изготовившейся к атаке. Стрельба с ходу, несмотря на то что меткость ее значительно падает, оказывает на противника ошеломляющее воздействие. 4 июня 1943 года, после артналета, танки 240-го танкового полка совместно со стрелковыми батальонами атаковали противника на высоте 253,0, ведя интенсивный огонь с ходу. Противник, потеряв до 150 человек убитыми, 6 противотанковых орудий, 17 пулеметов и другое вооружение, в беспорядке отошел. В бою под Богуславкой расчеты противотанковых орудий противника, деморализованные огнем с ходу танков КВ 29-го гвардейского танкового полка прорыва, в панике бежали с поля боя, сбросив свое вооружение.

Помимо морального воздействия на противника стрельба с ходу значительно снижает собственные потери, так как маневрирующие на поле боя танки менее уязвимы от огня противника. Типичной скоростью для стрельбы с ходу является скорость 14—18 км/ч. На дистанции до 800 м стрельба с ходу эффективна. По живым групповым целям на дистанции до 400—500 м, а также для “прочесывания” кустарников, опушек леса, необходимо вести интенсивный огонь из пулеметов и обстрел осколочной гранатой с установкой “на картечь” и на дистанции как шрапнель. Если в результате успешной атаки противник начал отход, то необходимо преследовать его на максимальных скоростях, стремиться выйти на пути отхода с огнем с коротких остановок и из засад уничтожить его живую силу и технику, расходуя боеприпасы более экономично, чем при атаке переднего края, в силу трудностей пополнения их.

Стрельба с коротких остановок по обнаруженным целям эффективна при слаженности всего экипажа и подготовке исходных данных для открытия огня заблаговременно до остановки танка. Коротких остановок необходимо избегать на открытой мест-

ности, а также при наличии у противника большого количества противотанковых средств, которые сразу обрушат свой огонь на остановившийся танк. Еще одним обязательным условием для стрельбы с коротких остановок является слаженность действий целых подразделений. Ни в коем случае не допускать остановок, хотя и коротких, для целого подразделения.

Короткие остановки отдельных танков и групп в 2—3 машины должны сочетаться со стремительным движением и огнем остальных танков подразделения. [Это для собственной пехоты, чтобы не останавливалась. — *А.Ш.*].

В целях своевременного обнаружения замаскированных огневых точек и особенно противотанковых орудий обязательно обстреливать места вероятного их нахождения: строения, рощи, стога сена и т.д. Кроме этого обязательно вести наблюдение с передовых наблюдательных постов, расположенных в боевых порядках пехоты или непосредственно за ними. Данные об обнаруженных огневых точках противника сообщать командирам подразделения по радио...

Расход боеприпасов зависит от напряженности боя. Практика боев дает самые различные данные о количестве израсходованных боеприпасов в том или ином виде боя. Как правило, наибольших расход боеприпасов бывает при прорыве укреплений полосы обороны противника. Известно, что в бою средней интенсивности боекомплект расходуется за 5—6 часов, однако бывают случаи (150-я танковая бригада в районе Ольховатка, 1942 год), когда за день боя расходовалось до трех боекомплектов. В описанном выше бою за высоту 253,0 танки 240-го танкового полка в течение полутора часов израсходовали до 2 боекомплектов, однако такой высокий расход боеприпасов вполне оправдывается достигнутыми результатами. В результате стремительной атаки и мощного огня противнику нанесен крупный урон, в то время как наши танки потерь не понесли.

255-й танковый полк в бою за Холчи, Березовка в течение 8 часов израсходовал два боекомплекта. Необходимо отметить, что экипажи наших танков очень недостаточно применяют огонь.

Как правило, танки выходят из боя с израсходованным боекомплектом снарядов и почти нетронутым боекомплектом пулеметных патронов. Очень часто это вытекает из недооценки эффективности пулеметного огня. Это мнение глубоко ошибочно и

с ним необходимо вести борьбу всеми мерами. Пополнение боеприпасов в бою производится различными способами. Если подразделение по выполнению задачи сосредоточивается в районе сбора, то немедленно организуется подвоз боеприпасов на транспортных машинах, а если огонь противника препятствует этому, то на танках (чаще всего Т-60 и Т-70).

Если боекомплект израсходуется в ходе боя, то танки поочередно отводятся в укрытие за боевые порядки своей пехоты, куда и подаются боеприпасы. В зимних условиях, когда снежный покров не позволяет подвозить боеприпасы на транспортных машинах, с успехом применяются сани (“волокушки”) на буксире за танками...

Командир танка Т-34 очень перегружен самыми различными обязанностями: наблюдает за полем боя, ведет огонь и управляет экипажем, а если он является командиром подразделения, то управляет подразделением.

Башенный стрелок занят заряданием, причем он не всегда успевает заряжать, если снаряды надо доставать из дальних ящичков укладки и накопились отстрелянные гильзы, которые необходимо разложить по ящичкам. Вследствие вышеизложенного стрелок, как правило, в наблюдении за полем боя не участвует.

Механик-водитель сосредоточивает свое внимание на рельефе местности в пределах направления атаки и оказывает помощь командиру танка только в корректировании огня докладом через ТПУ — “перелет” и т.д. Стрелок-радист занят работой на рации и непрерывного наблюдения за полем боя вести не может, тем более он ограничен средствами наблюдения.

Вывод из вышеизложенного следующий: при существующих на танке Т-34 средствах наблюдения и составе экипажа особо необходима систематическая тренировка в наблюдении за полем боя, иначе танк будет “слепым”. Для удобства зарядания заряжающий Т-34 должен откидывать свое сиденье. Экипаж танка Т-70 находится в еще более затруднительном положении, поскольку командир танка выполняет обязанности и стреляющего, и заряжающего. Лучшие условия для наблюдения имеет танк КВ вследствие наличия большего количества приборов и наличия в экипаже специального командира орудия. Командир танка все внимание уделяет наблюдению за полем боя и управлению эки-

пажем. Лучшим танком по условиям наблюдения является танк МК-2 «Матильда».

Стреляющего заменяет: у танка Т-34 — заряжающий, у танка КВ и «Матильда» — командир танка»¹.

На мой взгляд, приведенные примеры стрельбы с ходу — случайность или, скорей всего, «липа». Стрельба с ходу из танков — пустая трата снарядов. Но в целом приказ № 0728 был правильным — психология и «менталитет» пехотинца здесь важнее.

Единственным способом обеспечить ведение огня с ходу было введение стабилизатора. Начало работы по созданию стабилизаторов танкового вооружения в СССР приходится на 1934 г. В 1938 г. на танки Т-26 стал устанавливаться прицел марки ТОС со стабилизацией линии прицеливания в вертикальной плоскости для 45-мм пушки. Этот прицел использовался и на части танков БТ-7.

Стабилизация линии прицеливания осуществлялась при помощи гироскопа, смонтированного в головной части прицела. Гироскоп был связан с нижней призмой, которая поворачивалась в сторону наклона на половину угла наклона. Поэтому изображения цели и местности были неподвижны по отношению к горизонтальной черте перекрестия прицела. Гироскоп давал возможность производить автоматический выстрел в момент, когда оси гироскопа и канала ствола были параллельны.

Автоматический выстрел происходил при замыкании контактов стрельбы (один — на гироскопе, другой — на корпусе прицела). Сигналом замыкания служил световой кружок («зайчик»), пересекавший горизонтальную черту перекрестия прицела.

В начале войны система была снята с вооружения из-за недостаточного освоения в войсках, конструктивных и эксплуатационных недостатков.

Как уже говорилось, американские средние танки М3, поставляемые по ленд-лизу в СССР, были снабжены системой стабилизации. Имел стабилизатор и танк М4 «Шерман». Это был одноплоскостной стабилизатор фирмы «Вестингауз», относившийся к типу гироскопических стабилизаторов с индикаторным маятниковым гироскопом и силовой гидравлической следящей системой.

¹ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940—1942 гг. Кн. 3. С. 244—247.

Увы, наши танкисты не жаловали американские стабилизаторы и во всех или почти во всех случаях заштыривали (выключали) их.

В СССР в 1943—1945 гг. разрабатывались стабилизаторы для 76,2-мм пушки С-34 танка Т-34 и для 85-мм пушки ЗИС-С-53 танка Т-34—85. В разработке этих стабилизаторов (СТП-34 и СТП-С-53) большая заслуга принадлежала М.М. Лихачеву. В отличие от прицепа ТОС в этих конструкциях стабилизировалось орудие, но из-за больших габаритов стабилизаторы приняты не были.

Эффективные стабилизаторы танковых пушек были созданы лишь во второй половине 1950-х годов. В США первый серийный двухплоскостной стабилизатор получил танк М60 в 1959 г., а у нас первый серийный одноплоскостной стабилизатор СТП-1 «Горизонт» был установлен на танке Т-54А, а первый серийный двухплоскостной стабилизатор СТП-2 «Уклон» — на танке Т-54Б.

Перейдем к другой загадке войны — использованию реактивных снарядов М-8 и М-13 в качестве противотанковых средств. Не только в художественных фильмах, но и в мемуарах офицеров гвардейских минометных частей и даже в секретных военных трудах, обобщающих опыт войны, реактивные установки БМ-13 и БМ-8 выдаются за эффективное противотанковое средство.

Вот я беру в руки книгу «Катюши» на поле боя»¹, в создании которой помощь авторам советами и воспоминаниями оказали маршал артиллерии П.Н. Куликов и многочисленные генералы и офицеры. Вот на странице 29 описываются бои в октябре 1941 г. под Волоколамском: «18 октября только 3-м дивизионом капитана М.П. Хаблова в селе Жилино было выведено из строя около 20 танков». Стоп, секунду — да это цитата. Смотрю сноску: «Полевая реактивная артиллерия в Великой Отечественной войне. М., 1955. С. 20». Так это вообще огромный том, да еще секретный. У меня его нет под рукой, посему опять продолжаю листать «Катюши» на поле боя». Смотрю страницу 38: с 1 по 3 декабря 1941 г. только в полосе 5-й армии «катюши» уничтожили до 12 танков. А вот Курская дуга (стр. 114): 6—7 июля у станции Поныри 65-й гвардейский минометный полк уничтожил 25 танков.

¹ Дегтярев П.А., Ионов П.П. «Катюши» на поле боя. М., Воениздат, 1991.

Но вот я беру в руки скучнейшую брошюру «Таблицы стрельбы реактивными снарядами М-13» издания 1942 г. Из нее следует, что при дальности стрельбы 3000 м отклонение по дальности составляло 257 м, а боковое — 51 м. Для меньших расстояний отклонение по дальности вообще не приводилось, так как рассеивание снарядов не поддавалось расчету. Нетрудно представить вероятность попадания реактивного снаряда в танк на такой дистанции. Если же теоретически представить, что боевая машина как-то ухитрилась выстрелить в танк в упор, то и тут дульная скорость 132-мм снаряда составляла всего 70 м/с, что явно недостаточно, чтобы пробить броню «тигра» или «пантеры». Здесь недаром оговорен год издания таблиц стрельбы. По таблицам стрельбы ТС-13 одного и того же реактивного снаряда М-13 среднее отклонение по дальности в 1944 году составляет 105 м, а в 1957 году — 135 м, а боковое, соответственно, 200 и 300 метров. Очевидно, что вернее таблицы 1957 года, в которых рассеивание увеличилось почти в 1,5 раза, так что в таблицах 1944 года имеют место ошибки в расчетах, или, скорее всего, преднамеренная фальсификация для поднятия боевого духа «отцов-командиров».

Спору нет, если снаряд М-13 попадет в средний или легкий танк, то он будет выведен из строя. Лобовую же броню «тигра» снаряд М-13 пробить не в состоянии. Но чтобы гарантированно попасть в одиночный танк с дистанции тех же 3 тысяч метров, надо выпустить от 300 до 900 снарядов М-13 из-за их огромного рассеивания, на меньших же расстояниях потребуется еще большее число ракет.

Откуда же взялись все сведения о поражении германских танков «катюшами»? Ну, во-первых, в большинстве случаев по наступающему танку стреляли не одни БМ-13, но и ствольная артиллерия, а командному составу гвардейских минометных частей было лестно приписать успех себе. Во-вторых, после залпа М-13 пехота противника несла большие потери, а германские танкисты не столь глупы, чтобы наступать без пехоты. Они поворачивали назад. Атака отбита, так почему бы не приписать себе несколько уничтоженных танков. А вдруг начальство проверять станет? Да не станет, а если что, так объяснить, что де немцы ночью танками и ремонтно-эвакуационными машинами отбуксировали свою разбитую технику с поля боя. Вот и весь сказ.

Не будем забывать и тот факт, что в советское время, да и сейчас мемуары пишут не столько ветераны, сколько мало компетентные в военном деле литобработчики. А те жаждут угодить начальству и обывателю и, соответственно, пишут «что надо».

Но вот иной пример, рассказанный уже известным нам Дмитрием Лозой. В ходе Уманьско-Батлшанской наступательной операции 15 марта 1944 г. два «Шермана» из 45-й механизированной бригады 5-го мехкорпуса застряли в грязи. Десант с танков спрыгнул и отступил. Немецкие солдаты обступили застрявшие танки, «замазали грязью смотровые щели, залепили черноземом прицельные отверстия в башне, полностью ослепив экипаж. Стучали по люкам, пытались их открыть штыками винтовок. И все горланили: «Рус, капут! Сдавайтесь!»

Но тут выехали две боевые машины БМ-13. «Катюши» передними колесами быстро спустились в кювет и дали залп прямой наводкой. Яркие огненные стрелы с шипением и свистом устремились в лошину. Через мгновение ослепительное пламя заплесало вокруг «Эмча». Когда дым от взрывов ракет рассеялся, танки стояли, на первый взгляд, невредимыми, только корпуса и башни были покрыты густой копотью. По уцелевшим фашистам, разбежавшимся в разные стороны, открыли огонь танкисты».

Танкисты, попавшие под огонь М-13, от всей души благодарили своих спасителей: «Евгений Шапкин обнял и расцеловал офицера-артиллериста. “Спасибо, дружище, за выручку! Немного не по себе от вашей работы, но что поделаешь. На войне всякое бывает”.

Исправив повреждения гусениц, выкинув обгоревшие брезенты, «Эмча» ушли на Могилев-Подольский»¹.

Итак, по двум «Шерманам» в упор выпустили тридцать два 132-мм снаряда М-13, и у них... лишь обгорел брезент.

Уверен, что найдутся «знатоки», которые, прочитав эту главу, начнут писать гневные опусы, мол, Широкоград охаивает нашу реактивную технику, не понял роль «катюш» в Великой Отечественной войне и т.д.

О «катюше»(М-13) и ее забытом братце «Луке Му..ве»(М-30) я, слава богу, написал много книг — от «Отечественных минометов и реактивной артиллерии» (Минск: Харвест: Москва: АСТ,

¹ Лоза Д. Ф. Танкист на «иномарке». С. 32—33.

2000) до «От «катюши» до «Смерча»» (М.: Вече, 2005), и всех интересующихся действиями нашей и германской реактивной артиллериями я туда и отсылаю.

А в завершение стоит сказать пару слов об авиационных неуправляемых ракетах. К началу Великой Отечественной войны 82-мм реактивные снаряды состояли на вооружении истребителей-бипланов И-15бис и И-153. Самолеты не имели бронирования жизненно важных частей. Боевая нагрузка штурмовиков включала до 150 кг бомб или (4—8) × РС-82, а также 4 пулемета нормального калибра: ПВ-1 — на И-15бис и ШКАС — на И-153.

Первое применение реактивных снарядов нашей авиацией было в целом неудачно. Одной из причин этого явилось нежелание летчиков на небронированных машинах подлетать близко к цели. Снаряды запускались в основном с дистанции 600—700 м, то есть вне предельной досягаемости пулеметного огня. Поэтому в июле—сентябре 1941 г. на НИП АВ ВВС КА¹ были проведены стрельбы реактивными снарядами РС-82 и РС-132. Они показали малую эффективность стрельбы ими по малоразмерным целям, и особенно по танкам. В то же время массированное применение реактивных снарядов по площадным и линейно вытянутым целям (по колоннам войск) давали определенный эффект.

В ходе испытаний на НИП АВ ВВС КА средний процент попаданий снарядов РС-82 в неподвижный танк при стрельбе с дистанции 400—500 м составил 1,1 %, а в плотную колонну танков — 3,7 %. В последнем случае из 186 выпущенных снарядов в танки попало 7 снарядов. Разрывы снарядов на расстоянии 1—3 м от танков особых повреждений не наносили.

Со снарядами РС-132 дело обстояло еще хуже. Из 134 выпущенных снарядов ни один не попал в танк. Причем все это происходило на полигоне, и стрельба велась на дистанции 400—500 м. А на фронте штурмовики Ил-2 вели огонь с расстояния 600—700 м и более. Соответственно и рассеивание было значительно выше.

Для борьбы с танками в 1941 г. в РНИИ были созданы авиационные реактивные бронебойные снаряды РБС-82 и РБС-132. Эти снаряды были созданы на базе РС-82 и РС-132. Бронебойные

¹ НИП АВ ВВС КА — Научно-испытательный полигон авиационного вооружения ВВС Красной Армии.

снаряды были оснащены бронебойными боевыми частями. Кроме того, РБС-82 имел более мощный двигатель, его вес увеличился до 15 кг.

Для поражения танков снарядами РС-82 и РС-132 требовалось только прямое попадание снаряда, так как при разрыве снаряда вблизи танка последний существенных повреждений не получал. Реактивные бронебойные снаряды РБС-82 и РБС-132 при попадании по нормали пробивали 50-мм и 75-мм танковую броню соответственно. Причем, как показали полигонные испытания, РБСы пробивали танковую броню и затем взрывались, нанося сильные разрушения внутри танка и уничтожая экипаж. При разрыве РОФС-132 на расстоянии 1 м от танка при угле места цели¹ в 30° кинетической энергии осколков было достаточно для пробития брони толщиной до 15 мм. При угле места цели в 60° разрыв РОФС-132 в 3 м от танка обеспечивал пробитие осколками брони толщиной 30 мм, размеры пробоин при этом имели величины, равные в среднем 20—25 × 35—80 мм.

Впервые реактивные снаряды РБС-132 и РОФС-132 были с успехом испытаны в бою в августе 1941 г. экипажами 174-го штурмового авиаполка 11-й смешанной авиадивизии на Западном фронте. До этого бронебойные и осколочно-фугасные снаряды в июне—июле 1941 г. успешно прошли полигонные испытания на НИП АВ ВВС КА на самолетах СБ, Пе-2, Ил-2 и Су-2. В выводах отчета по испытаниям (№ 0032 от 21 сентября 1941 г.) рекомендовалось увеличить ракетное вооружение Ил-2 до 12 снарядов.

По результатам испытаний заместитель начальника Главного управления ВВС генерал Ф. И. Жаров и начальник ВВС ВМФ генерал С. Ф. Жаворонков 27 сентября 1941 г. направили письмо № НВ-13022сс заместителю председателя ГКО Н. М. Вознесенскому с предложением о немедленной постановке РБС-132 на вооружение ВВС КА и ВМФ. После согласования ряда вопросов с командующим минометными частями Ставки Главнокомандования полковником Аборенковым в ГКО приняли решение о проведении сравнительных войсковых испытаний ракетных снарядов нового типа с целью определения наилучшего из них.

¹ Угол места цели — здесь угол между направлением движения снаряда и осью цели.

Испытания эти проводились с ноября 1941 г. по январь 1942 г. экипажами 312-го и 519-го штурмовых авиаполков 47-й смешанной авиадивизии на московском направлении.

Но, несмотря на отличные результаты боевого применения бронейных и осколочно-фугасных реактивных снарядов, Наркомат вооружений так и не смог наладить их устойчивое серийное производство почти до середины войны. Массовое применение РБС-132 и РОФС-132 началось лишь с весны 1943 г., а РБС-82 — только с лета 1944 г.

Глава 19

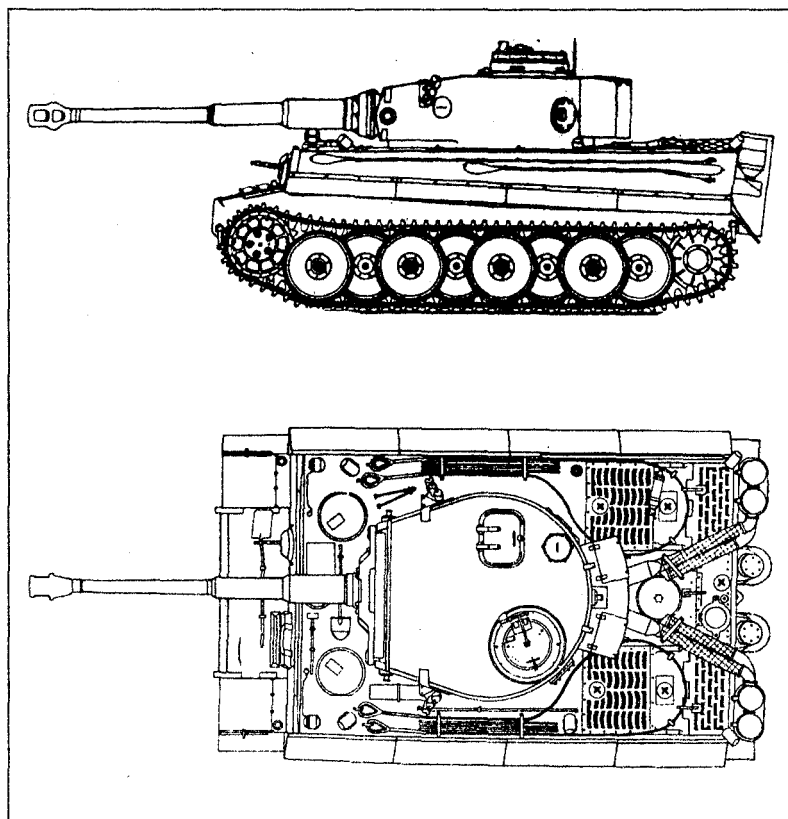
ЛЮБИМЫЕ КОШКИ ФЮРЕРА

В мае 1941 г. Гитлер впервые всерьез поставил перед германскими конструкторами задачу создать тяжелый танк с сильным артиллерийским вооружением. Уже тогда фюрер знал о советских КВ, но не посчитал нужным довести эти сведения до командования вермахта.

Почти ровно через год, 20 апреля 1942 г., Гитлеру были представлены два опытных образца тяжелых танков. Фирма «Хеншель и сын» представила танк VK 4501(H), оснащенный танковым вариантом 8,8-см пушки Flak 36 (главный конструктор машины доктор Эрвин Адерс).

Второй образец был спроектирован доктором Фердинандом Порше. В своей машине Порше установил два дизельных двигателя с воздушным охлаждением собственной конструкции с V-образным расположением десяти цилиндров. Мощность каждого дизеля составляла 300 л. с. Увы, доводки такой силовой установки немцам пришлось ждать довольно долго. Танк Порше был также оснащен 8,8-см пушкой.

Любопытно, что специалисты из управления вооруженных сил оказались довольно консервативными и инертными людьми и резко выступили против 8,8-см пушек, аргументируя это переутяжелением конструкции танка. Вместо этого они предложили поставить на «тигр» 7,5-см пушки KwK 42 L/70, которые были спроектированы для среднего танка «пантера». Поэтому фирма «Хеншель» подстраховалась и создала два варианта башни: под 7,5-см пушку (H-2) и под 8,8-см пушку (H-1).

*Тяжелый танк «тигр» раннего периода выпуска
а) вид сбоку; б) вид сверху*

В конце концов был выбран танк «Хеншель» VK-450(H-1) с 8,8-см пушкой. Танки «тигр» получили очень мощную бронезащиту. В них использовалась катаная хромоникельмолибденовая гомогенная броневая сталь. Корпус имел прямоугольное сечение коробчатого типа за счет вертикальной установки бортовых листов и небольшого наклона лобовых броневых листов. Днище «тигра» представляло собой монолитный бронелист размером $4,88 \times 1,83$ м; борта и кормовая часть башни также выполнялись из единой бронеплиты.

«Тигр» стал первым немецким танком с ходовой частью, опорные катки которой располагались в шахматном порядке.

Первоначально опорные катки имели обрешиненные бандажи, на последних «тиграх» замененные необрешиненными катками с внутренней амортизацией. Такой тип ходовой части позволял экономить резину на бандажах и существенно продлевал срок службы самого катка, хотя и сопровождался повышенным грохотом при движении. Ведущие колеса имели переднее расположение. Опорные катки имели индивидуальную торсионную подвеску с гидравлическими амортизаторами на первом и последнем блоках. Шахматное расположение катков позволяло равномерно распределить огромный вес танка и обеспечивало плавный ход машины. Однако в ходе эксплуатации выявились и существенные недостатки новой ходовой части. В частности, в зимнее время между катками легко набивались снег и грязь, которые, замерзая, могли полностью блокировать ходовую часть «тигров».

Любопытно, что на «тиграх» применялись гусеницы двух типов. Широкие гусеницы с траками 725 мм назывались боевыми и использовались во время сражения. Поскольку такая ширина не позволяла перевозить танк на стандартных железнодорожных платформах, при транспортировке «тигр» приходилось «переобувать» в другие транспортные, более узкие (520 мм) гусеницы. При использовании узких гусениц давление танка на грунт возрастало с 1,03 до 1,45 кг/кв. см.

В качестве силовой установки на «тиграх» первоначально использовался 12-цилиндровый карбюраторный двигатель «Майбах» 210P45, который в мае 1943 г. в связи с переходом на унификацию танкового производства был заменен более мощным мотором «Майбах» 230P45.

8,8-см пушка KwK 36 была установлена в башне на башенном погоне диаметром 179 мм, что обеспечивало в горизонтальной плоскости круговой обстрел. Полный боекомплект состоял из 92 выстрелов.

В отличие от Flak 36 с ударниковым стреляющим механизмом танковая пушка KwK 36 имела электроспуск, то есть воспламенение порохового заряда в артиллерийском выстреле производилось не ударной капсюльной втулкой-воспламенителем с/12, а электрозапальной втулкой с/22.

Пушка KwK 36 была снабжена дульным тормозом. Введение дульного тормоза снижало отдачу орудия, но и имело крайне негативные последствия. Так, при стрельбе газы из дульного тормо-

за создавали большое облако пыли и тем сильно демаскировали танк. Раскаленные газы также представляли большую опасность для пехоты, сопровождавшей танк. Понятно, что это относится не только к «тигру», но и ко всем другим танкам, имевшим пушки с дульным тормозом.

Чтобы уменьшить загазованность боевого отделения при стрельбе, была введена система эжекции — продувание сжатым воздухом канала ствола после каждого выстрела. Примерно такая же система эжекции была и на танках «пантера». Кроме того, в башне были установлены специальные химические поглотители дыма. Замечу, что в советских танках эжекция была введена лишь после войны.

Помимо пушки «тигр» был вооружен двумя 7,92-мм пулеметами MG 34. Один пулемет размещался в башне и был спарен с пушкой, а второй (курсовой) располагался в лобовой вертикальной плите корпуса. Полный боекомплект состоял из 4800 патронов.

Британская комиссия, осматривавшая трофейный «тигр», записала в своем заключении: «Внутреннее устройство башни намного практичнее и удобнее, чем у всех ныне действующих британских машин, что служит очередным доказательством неизменно высокого уровня немецкой конструкторской мысли и ее технического воплощения в области производства орудий»¹.

Танк T-VI «тигр» (германское обозначение PzKpfw VI) находился в производстве с августа 1942 г. по август 1944 г. За эти два года всего было выпущено 1354 танка. Производство каждого «тигра» занимало 300 000 человеко-часов и обходилось казне в 800 000 рейхсмарок (26 600 американских долларов или 6600 английских фунтов). Производство одного «тигра» требовало столько же времени, сколько создание двух «пантер» или трех бомбардировщиков «Мессершмит-109».

Тактико-технические данные тяжелого танка «тигр» приведены в Приложении.

Почти параллельно с «тигром» началось проектирование более мощного тяжелого танка «королевский тигр». Этот танк имел много названий — «тигр II», «тигр-Б», а немцы называли его

¹ *Форти Дж.* Германская бронетехника во Второй мировой войне. М.: Астрель, АСТ, 2002. С. 165.

PzKpfw VI Aust B. Я же буду называть его «королевским тигром», поскольку это название более знакомо как русскоязычному, так и иноязычному читателю.

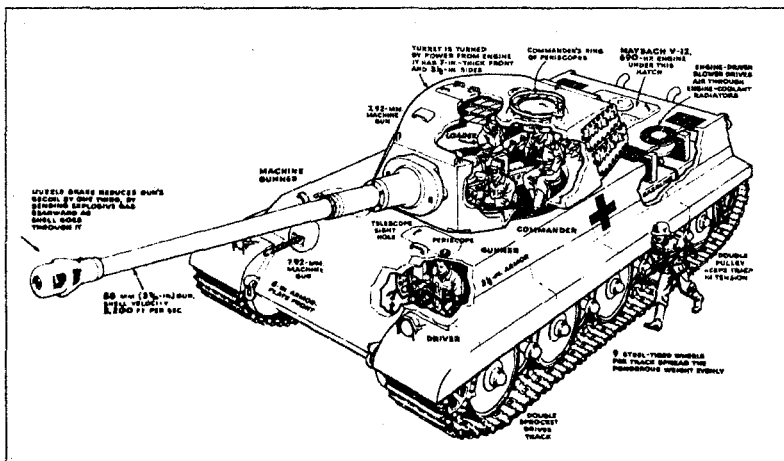
Работы над «королевским тигром» начались осенью 1942 г. Как и в случае с «тигром», основными конкурентами были «Хеншель и сын» и Фердинанд Порше. В обоих вариантах танк получил новую более мощную танковую пушку, созданную на базе качающейся части 8,8-см пушки Flak 41. Новое орудие превосходило KwK 36 по поражающей способности более чем в полтора раза (дульная энергия — 5 МДж), обладало высокой точностью стрельбы (отклонение на дальности 1 км по вертикали — 260 мм, по горизонтали — 210 мм). На расстоянии 1 км оно могло пробить бронелист толщиной 190 мм. В боекомплект входили бронебойно-трассирующие снаряды (Panzergranate 39), бронебойные подкалиберные снаряды с вольфрамовыми сердечниками (Panzergranate 40/43) с начальной скоростью 1130 м/с и фугасные снаряды.

Порше снабдил свой танк электрической трансмиссией и предложил разместить силовую установку в передней части танка. Однако стоимость электрической трансмиссии и наличие дефицитных материалов в ее конструкции заставили отказаться от танка Порше.

В итоге в январе 1943 г. был подписан контракт на производство «королевского тигра» с фирмой «Хеншель». Первый прототип будущего танка VK 4503(H) появился только в октябре 1943 г., почти на три месяца позже срока. Такая задержка объяснялась требованиями максимальной стандартизации деталей будущего танка с тем, чтобы их можно было использовать на танках «пантера II»¹.

Танк фирмы «Хеншель» был создан по классической схеме. Его силовая установка по-прежнему размещалась сзади, а ведущие колеса спереди. Трое из пятерых членов экипажа располагались в просторной башне. Максимальная толщина броневоего листа достигала 180 мм, причем листы устанавливались под большими углами наклона. Корпус и башня «королевского тигра» были сварными, что еще больше усиливало защиту машины. На башнях производства фирмы «Хеншель» была установлена маска нового типа, дополнительно защищенная от попадания сна-

¹ Однако фирма MAN так затянула модернизацию T-V, что танк «пантера II» так и не был запущен в производство.

Компоновка тяжелого танка «королевский тигр»

рядом, рикошетировавшего от башни. Внутреннее устройство и оснащение танка практически ничем не отличалось от тех, что использовались на «тигре» и «пантере».

На «королевском тигре» был установлен тот же двигатель «Майбах» HL230345, что и на поздних модификациях «пантеры», невзирая на большую разницу в весе этих танков.

Конструкция ходовой части в целом повторяла ту, что использовалась на «тигре» PzKpfw VI Aust E. Единственное различие состояло в том, что она удлинилась на один опорный каток на борт.

Все опорные катки были цельнометаллическими с внутренней амортизацией. Ширина боевых гусениц составляла 81 см (против 72,5 см на первых «тиграх»), а транспортных — 66 см и 52 см соответственно. Верхние ветви гусениц прикрывались экранами, защищающими танк от кумулятивных снарядов.

Кроме пушки «королевский тигр» вооружался тремя пулеметами: башенным MG 54, спаренным с пушкой; курсовым MG 34 в шаровой установке и зенитным пулеметом MG 42, размещенным в командирской башенке.

Тактико-технические данные тяжелого танка «королевский тигр» приведены в Приложении.

На базе «королевского тигра» были созданы командирские танки Panzerbefehlswagen Tiger II SdKfz 267 и Panzerbefehlswagen Tiger II SdKfz 268. Их основное отличие — установка дополни-

тельной радиостанции и уменьшение боекомплекта пушки до 63 выстрелов.

Всего, по разным источникам, было выпущено от 485 до 489 танков «королевский тигр».

В заключение стоит упомянуть о мифе, кочующем из одного отечественного издания в другое, — будто бы советская разведка имела точные сведения о проектировании тяжелых танков в Германии. На самом деле наша разведка и Верховное командование находились в приятном неведении до самого появления «тигров» на Восточном фронте. А в качестве доказательства можно привести «Докладную записку Главразведуправления начальнику ГАБТУ о новых образцах танков германской армии» от 14 сентября 1942 г.:

«Доношу, что, согласно показаниям военнопленных, на вооружение германской армии поступили следующие новые образцы танков:

1. Танк Т-5 со следующей характеристикой:

Вес — 30 тонн;

Вооружение: одна 88-мм пушка и 2 пулемета.

2. Колесно-гусеничный танк Т-12 со следующей характеристикой:

Вес — около 40 тонн;

Вооружение: одна 75-мм пушка и 4 пулемета;

Боекомплект — 100 снарядов;

Экипаж — 7 человек.

3. Танк ВК-18 (возможно Т-18):

Вес — 18 тонн;

Вооружение: одна 20-мм пушка и 1 пулемет;

Броня — лобовая — 80 мм;

Экипаж — 2—3 человека.

Данные проверяются и уточняются.

Начальник 2 управления Главразведуправления Генштаба КА
Полковник Ратов»¹.

Приведу один из первых случаев боевого применения «королевских тигров» в августе 1944 г. в западной части Украины. «В 7 ч 00 мин 13 августа противник под прикрытием тумана перешел в

¹ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах 1940—1942 гг. Кн. 2. С. 359.

наступление на безымянную высоту 11 танками “тигр-Б” в сопровождении нескольких бронетранспортеров с пехотой. Ивушкин доложил на наблюдательный пункт:

“Танки пошли. Не вижу, но слышу. Идут ложиной”.

Вот как дальнейший ход событий описал сам командир 53-й гвардейской танковой бригады: “Чудовищных размеров танк выбрался из ложины. Он полз на подъем рывками, буксуя в песке.

Радиоровал с левого фланга майор Коробов:

— Идут.

Отвечаю:

— Не спешить. Бить с четырехсот метров.

Между тем из ложины выползла вторая громадина, потом показалась и третья. Появлялись они со значительными промежутками: пока вышел из ложины третий танк, первый уже миновал засаду Ивушкина. “Бить?” — спросил он. — “Бей!” Вижу, как слегка шевельнулся бок копны, где стоит танк Оськина. Скатился вниз сноп, стал виден пушечный ствол. Он дернулся, потом еще и еще. Оськин вел огонь. Я отчетливо видел в бинокль, как в правых бортах вражеских танков появились черные пробоины. Вот и дымок показался, и пламя вспыхнуло. Третий танк развернулся фронтом к Оськину, но, прокатившись на перебитой гусенице, остановился и был добит...

...Передаю по радио: «307—305». Сигнал общий. Ударило прямой наводкой сразу десятка три стволов. Да и гаубичные дивизионы накрыли ложину навесным огнем, и она на всем протяжении до Оглендува скрылась в тучах дыма и песчаной пыли.

Появились “юнкерсы” и “мессершмиты”, почти одновременно — наши истребители. Закипел бой в воздухе. 2-й танковый батальон Коробова в течение дня вел бой с танками противника западнее высоты 247,9. К исходу дня 53-я бригада заняла оборону по ее южной части — 300 м восточное деревни Оглендув в готовности для наступления в направлении на Шедлув. Два танка 3-го танкового батальона с ротой автоматчиков в десять вечера атаковали деревню, которую к восьми часам утра удалось полностью очистить от противника. После чего 3-й танковый батальон закрепился на окраине. Среди взятых в деревне трофеев оказались и отошедшие после неудачной атаки немецкие танки. Здесь-то и выяснилось, что бой пришлось вести с новейшими немецкими танками (туманным утром разбираться было некогда, и в первых

донесениях, сосчитав горящие танки, сообщили об уничтожении трех “пантер”).

2-й танковый батальон во взаимодействии со 2-й танковой ротой 71-го отдельного гвардейского тяжелого танкового полка и 289-го стрелкового полка в 9.00 начал наступление в направлении на Зарез. Находившиеся западнее Оглендува “тигры-Б” своим огнем преградили путь наступающей пехоте. Тогда взвод танков ИС-122 гвардии старшего лейтенанта Клименкова выдвинулся вперед и с заранее подготовленных позиций открыл огонь по танкам противника, в результате короткого боя Клименков один танк сжег и один подбил.

После этого пехота, не встречая сильного сопротивления, вошла в Оглендув, где добивали противника танки 3-го танкового батальона. Одновременно 7 танков “тигр-Б” атаковали наши позиции с направления высоты 272,1. Находившийся в засаде в кустарнике восточнее Мокре на танке ИС-122 гвардии старший лейтенант Удалов (он воевал на ИС-122 с башенным № 98, имевшим пушку Д-25) подпустил танки противника на 700—800 м, открыл огонь по головному и после нескольких метких выстрелов один танк был сожжен, а второй подбит.

Танки противника отвернули и начали удаляться. Удалов вывел свою машину лесной дорогой навстречу противнику и с опушки леса снова открыл огонь. Оставив еще один горящий танк, противник повернул назад. Вскоре атака “королевских тигров” повторилась, на этот раз они шли в направлении Поник, где стоял в засаде танк ИС-122 гвардии лейтенанта Белякова, который открыл огонь с дистанции 1000 м и третьим снарядом зажег танк. Видя и здесь губительное для наступления направление, оставшиеся танки противника повернули назад.

Всего же за трое суток непрерывных боев в период с 11 по 13 августа 1944 г. в районе местечек Сташув и Шидлув войсками 6-го гвардейского танкового корпуса было захвачено и уничтожено 24 вражеских танка, 13 из которых были новейшие тяжелые танки “тигр-Б”.

Помимо этого, как следует из донесений частей и соединений корпуса о пленных и трофеях, захваченных у противника: “В период с 9 по 19 августа 1944 г. 52-я гвардейская танковая бригада пленила 7 и уничтожила 225 солдат и офицеров, уничтожила один пулемет, захватила 3 пушки, уничтожила 6 танков и 10 грузовых автомашин, две спец. машины”.

“53-я танковая бригада с 1 по 29 августа 1944 г. уничтожила 8 обер-офицеров, 37 унтер-офицеров, 153 солдата, захватила 2 унтер-офицера, 6 «королевских тигров» и уничтожила: 1 самолет, 12 танков, 29 гаубиц, 150 винтовок, 7 автоматов, 20 пулеметов, 4 миномета и 2 пушки”. Необходимо отметить, что этот успех был тем более впечатляющим, что подразделения 6-го гвардейского танкового корпуса в этих боях не потеряли ни одного своего танка.

Потери противника, чуть позже, подтверждались и разведсводкой № 39 штаба 6-го гвардейского танкового корпуса, составленной 16 августа в 19.00.:

“16.08 в районе Зарас захвачен пленный, принадлежащий 501 батальону тяжелых танков.

Пленный показал, что 501 отдельный батальон тяжелых танков формировался в Германии, получил 40 новых танков — до 20 «королевских тигров» и до 20 типа Т-IV. В районе Хмельник батальон прибыл две недели назад. В настоящее время в батальоне осталось до 26 танков, остальные сожжены и подбиты

Пленный, кроме своих танков, видел танки «тигр» другой части. Нумерацию части пленный не знает”.

По воспоминаниям командира 53-й гвардейской танковой бригады: “... кто подбил и сколько — вопрос трудный, так как огонь вели и танкисты двух батальонов — И.М. Мазурина и А.Г. Коробова, и приданные нам два артиллерийских (185-й гаубичный и 1645-й легкий), два самоходно-артиллерийских (1893-й и 385-й) полка. Отлично работала штурмовая авиация.

Экипаж Оськина сжег три танка, один подбил. Сам Александр Петрович был удостоен звания Герой Советского Союза, Абубакир Мерхайдаров — ордена Ленина. Отмечены были наградами все члены экипажа”

После боя командир 2-го танкового батальона Коробов составил доклад, в котором указал, что “около 20 больших танков наступало в стыке его батальона и 51-й гвардейской танковой бригады”. Правомерен вопрос, а куда девались остальные “королевские тигры”? Им также не повезло. Они попали в засаду, устроенную командованием 52-й гвардейской танковой бригадой, занимавшей оборону на левом фланге 6-го гвардейского танкового корпуса. 2-й танковый батальон этой бригады майора А.Н. Голомидова 12 августа расположился на опушке леса в райо-

не деревеньки Мокре, расположенной в нескольких километрах западнее Сташув. Ближе к вечеру комбат вызвал командира роты старшего лейтенанта В.И. Токарева и, указав точку на карте, приказал организовать засаду. В километре от боевых порядков батальона, в районе высоты с кустарниками, два танка, возглавляемые командиром роты, встали в засаду.

Всю ночь на 13 августа танковые экипажи провели без сна. Зато “тридцатьчетверки” были частично врыты в землю среди копен из снопов хлеба. Обнаружить обе машины было практически невозможно.

Вот как дальнейший ход событий описал командир 52-й гвардейской Ростовской танковой бригады Герой Советского Союза гвардии подполковник Л.И. Курист: “Рано утром в небе появилась так называемая “рама” — вражеский самолет-корректировщик. Он пролетел над нашим районом и скрылся. Немного погодя противник открыл сильный артиллерийский огонь. Снаряды со свистом пролетели над головами танкистов и разрывались позади — на опушке леса и окраине ближнего села.

— Теперь пожалуют “тигры” да “пантеры”, — сказал Токарев, когда налет прекратился. — Я буду в окопе, оттуда виднее. А вы, Георгий (Комаричев — старший сержант, наводчик орудия танка командира роты), будьте начеку... Комаричев и Джапаридзе (заряжающий) напряженно всматривались в даль, откуда доносился рокот моторов. Спустя несколько минут они увидели, как из-за холма появились бронированные машины, идущие из лощины в обход высоты, подставляя борта нашим танкам. Видимо, немцы даже не предполагали, что здесь может быть засада.

— Пять, шесть, семь... двенадцать... — считал Комаричев.

— Тенгиз! Двадцать! Понимаешь, двадцать! А за ними — пехота.

— Ничего, Жора. Мы — гвардейцы!

— Давай бронейбойные!

Вражеские танки заметил и экипаж младшего лейтенанта Степана Крайлова. Танкисты решили подпустить врага на близкое расстояние, чтобы бить наверняка.

Когда гитлеровцы оказались метрах в пятистах, Комаричев и Крайнев открыли огонь. От выстрела Комаричева загорелся один «тигр», Крайнев подбил другой. Фашисты делали отчаянные попытки пробиться к опушке леса. Танки взяли чуть левее.

Однако и это не помогло: на поле боя остались горящие и подбитые машины.

Неся большие потери, немцы дрогнули, танки развернулись и начали постепенно отходить назад. От дальнейших попыток наступать на рубеж, занятый бригадой, они отказались.

О накале того боя можно судить хотя бы потому, что экипажи танков израсходовали почти все снаряды. На счету Комаричева и Джапаридзе было восемь уничтоженных “тигров” и “пантер”. Крайнев подбил шесть... Вступив в противоборство с противником... наши танкисты уничтожили 14 танков, более 5 гитлеровцев, а главное — сорвали контратаку врага на своем участке”.

К сожалению, оба командира танковых бригад в своих воспоминаниях отдельно не указали точного количества уничтоженных и подбитых “королевских тигров”. По последним данным, опубликованным в книге “Тактика действия танков тигр-I и тигр-II” английского исследователя Томаса Джемтза, через неделю после боя на 21 августа 1944 г. в строю 501-го танкового батальона насчитывалось 12 исправных танков Тигр-II, 27 танков требовали ремонта, а шесть танков Тигр-II были безвозвратно потеряны. Однако, приводя эти данные, автор несколько лукавит. На поле боя у Оглендув, Мокре и Шидлув осталось 12 танков “тигр-Б”. На сегодняшний день из архивных данных явствует, что во время этих боев удалось наголову разгромить 501 отдельный батальон “королевских тигров”, захватив при этом три совершенно исправных машины, с башенными номерами 102, 502 и 234.

Танк № 502 был обнаружен стоящим во дворе дома на окраине деревни Оглендув. Причина, по которой экипаж бросил технически исправную боевую машину, остается неясной. Скорее всего, поскольку деревня Оглендув была взята одним стремительным броском наших танков, экипаж “королевского тигра” просто панически бежал, оставив всю техническую документацию внутри машины. В танке находился полный боекомплект и достаточный запас топлива. По найденной в нем технической документации выяснилось, что танк прошел всего 444 км. При попытке запустить двигатель он завелся с пол-оборота.

Захваченные танки № 102 и 502 были командирскими, так как имели дополнительные средства связи».

Поскольку танки «королевский тигр» были впервые захвачены нашими войсками, то было решено доставить их в Кубинку на

научно-испытательный бронетанковый полигон ГБТУ для всестороннего изучения. Уже при движении танков своим ходом на станцию погрузки обнаружили многочисленные дефекты: на 86-м км вышло из строя левое направляющее колесо вследствие разрушения подшипников и левое ведущее колесо — из-за среза всех болтов крепления. Стоявшая в эти дни жара до 30°С оказалась чрезмерной для системы охлаждения, что привело к перегреву правого блока двигателя и к постоянным перегревам КПП. Не успели отремонтировать танк, как полностью разрушилась правая бортовая передача, которую заменили на снятую с другого танка, но и она вышла из строя из-за разрушения роликового подшипника ведущего вала. Кроме того, то и дело приходилось менять траки гусениц, подверженные разрушению, особенно при поворотах. Конструкция механизма натяжения гусениц была не до конца отработана, из-за чего через каждые 10—15 км марша надо было по новой регулировать их натяжение.

В конце концов, оба трофея были доставлены на НИБТП, где машина № 102 подверглась дальнейшим ходовым испытаниям.

Во время ходовых испытаний, прошедших с большими трудностями, связанными с низкой надежностью элементов ходовой части, силовой установки и трансмиссии, было установлено, что 860 л бензина хватает на 90 км движения по проселочной дороге, хотя в инструкции к машине указывалось, что этого бензина должно хватить на 120 км. Расход топлива на 100 км составил 970 л, вместо 700 л согласно захваченной инструкции.

Средняя скорость движения по шоссе составила 25—30 км/ч, а по проселку — 13,4—15 км/ч.

Максимальную скорость, указанную в технической документации танка, в 41,5 км/ч достичь на ходовых испытаниях так и не удалось.

По результатам ходовых испытаний и знакомству с общим устройством было сделано заключение, что «танк «Тигр-В» представляет собой дальнейшую модернизацию основного тяжелого немецкого танка Т-V «пантера» с более мощным бронированием и вооружением».

Для объективной оценки бронестойкости танка было принято решение подвергнуть снарядному обстрелу корпус и башню трофейной машины с башенным номером № 102, большинство узлов и агрегатов с которой было демонтировано для дальнейших

исследований. Вооружение танка было отправлено для исследований на ГАНИОП.

Испытания обстрелом были проведены осенью 1944 г. в Кубинке, и в ходе их были получены следующие результаты:

«1. Качество брони танка “Тигр-Б” по сравнению с качеством брони танков: “Тигр-Н”, “пантера” и СУ “Фердинанд” первых выпусков, резко ухудшилось. В броне танка “Тигр-Б” от первых одиночных попаданий образуются трещины и отколы. От группы снарядных попаданий (3—4 снарядов) в броне образуются отколы и проломы большой величины.

2. Для всех узлов корпуса и башни танка характерным является слабость сварных швов.

Несмотря на тщательное выполнение, швы при обстреле ведут себя значительно хуже, чем это имело место в аналогичных конструкциях танков “Тигр-Н”, “пантера” и СУ “Фердинанд”.

3. В броне лобовых листов танка толщиной от 100 до 190 мм, при попадании в них 3—4 бронебойных или осколочно-фугасных снарядов артсистем калибра 152, 122 и 100 мм, с дистанции 500—1000 м, образуются трещины, отколы и разрушения сварных швов, влекущие за собой нарушение работы трансмиссии и выход танка из строя как безвозвратные потери.

4. Бронебойные снаряды пушек БС-3 (100 мм) и А-19 (122 мм) производят сквозное пробитие при попадании в кромки или стыки лобовых листов корпуса танка “Тигр-Б” на дистанциях 500—600 м.

5. Бронебойные снаряды пушек БС-3 (100 мм) и А-19 (122 мм) производят сквозное пробитие в лобовом листе башни танка “Тигр-Б” на дистанциях 1000—1500 м.

6. Бронебойные 85-мм снаряды пушек Д-5 и С-53 лобовые листы корпуса танка не пробивают и не производят каких-либо разрушений конструкции с дистанции 300 м.

7. Бортовые броневые листы танка отличаются резкой неравнопрочностью по сравнению с лобовыми листами и являются наиболее уязвимой частью броневоего корпуса и башни танка.

8. Бортовые листы корпуса и башни танка пробиваются бронебойными снарядами 85-мм отечественной и 76-мм американской пушкой с дистанции 800—2000 м.

9. Бортовые листы корпуса и башни танка не пробиваются бронейными снарядами 76-мм отечественной пушки (ЗИС-3 и Ф-34).

10. Американские 76-мм бронейные снаряды пробивают бортовые листы танка «Тигр-Б» с дистанции в 1,5—2 раза больших, чем отечественные 85-мм бронейные снаряды.

При лабораторном исследовании брони танка «Тигр-Б», проведенном в ЦНИИ-48, было отмечено, что «заметно постепенное снижение количества молибдена (М) на немецких танках Т-VI и Т-V и полное отсутствие в Т-VIВ... причину замены одного элемента (М) другим (V — ванадием) надо, очевидно, искать в источении имевшихся запасов и потерь баз, снабжавших Германию молибденом... Характерным для брони «Тигра-Б» является малая вязкость... Преимуществом отечественной брони, как известно, является значительно большая вязкость, немецкая броня менее легированная, но и зато значительно менее вязкая».

Во время испытания вооружения пушка KwK 43 показала хорошие результаты по бронепробиваемости и кучности. Практически такие же, как и у нашей 122-мм пушки Д-25 танка ИС-2. Так, на дальности в 1000 м были получены следующие отклонения попаданий снарядов от точки прицеливания: 260 мм по вертикали и 210 мм по горизонтали. Для сравнения у пушки Д-25 танка ИС-2 среднее отклонение снарядов от точки прицеливания при стрельбе с места на дистанции 1000 м по вертикали не превышало 170 мм, а по горизонтали — 270 мм. Бронепробиваемость 88-мм пушкой KwK 43 с длиной ствола 71 калибр, при начальной скорости бронейного снаряда 1000 м/с на дальности 1000 м составляла 165 мм/30 градусов. В частности, башню своего собрата «Тигр-Б» пробил навывлет с дальности в 400 м. А вот по могуществу фугасного действия 88-мм снаряд уступал в 1,39 раза 122-мм осколочно-фугасному снаряду.

В окончательном отчете от 16 февраля 1945 г. по испытаниям «Тигра-Б» было сказано: «... п.9. Лобовая броня корпуса и башни низкого качества. При наличии несквозных поражений (вмятин) в броне образуются сквозные трещины и большие отколы с тыльной стороны... Бортовые листы отличаются резкой неравнопрочностью по сравнению с лобовыми и являются наиболее уязвимой частью бронейного корпуса и башни танка...»

Недостатки:

Ходовая часть сложная и недолговечная.

Механизм поворота — сложен и дорог.

Бортовая передача — крайне ненадежна.

Запас ходу уступает ИС на 25 %.

Неудобное размещение боекомплекта (кроме ниши башни)...

...Чрезмерные габариты и большой вес не соответствуют броневой защите и огневой мощи танка».

Глава 20

«ТИГРЫ» ПОД ЛЕНИНГРАДОМ

25 мая 1942 г. был сформирован 502-й тяжелый танковый батальон, на вооружении которого должны были состоять тяжелые танки «тигр». Батальон формировался в Бретани в заброшенном имении со старинным замком и первоначально состоял из двух танковых рот.

К сентябрю 1942 г. в батальоне было 9 танков «тигр», 9 танков Т-IIIH с 7,5-см пушкой L24¹ (их называли танками огневой поддержки) и 9 танков Т-III с 5-см пушкой L60. По штату же в батальоне должна была быть одна рота «тигров» — всего 14 машин.

Из Бретани танки, тщательно укрытые брезентом, направили в Россию. Под Ленинград первоначально прибыли всего четыре «тигра». От них с ходу попробовали поддержать огнем атаку пехоты. Во время марш-броска на позиции три из четырех танков вышли из строя по техническим причинам.

Почти месяц прошел в устранении технических неполадок, пока, наконец, батальон (точнее, сырая часть формируемого батальона) не был придан 21 сентября 1942 г. 170-й пехотной дивизии. К тому моменту батальон состоял из четырех «тигров» и нескольких танков Т-III. 170-я пехотная дивизия в составе 30-го армейского корпуса 11-й армии Манштейна вела тяжелые бои с окруженной ударной группировкой Волховского фронта в труднопроходимой местности. Использование батальона «тигров» именно здесь по приказу Гитлера было продиктовано тем, что ликвидация «котла» окружения сковывала 11-ю армию и отвле-

¹ L24 — короткая танковая пушка с длиной ствола в 24 клб.

кала ее от главной задачи, ради которой армия была переброшена из Крыма в группу армий «Север» — захвата Ленинграда. Окруженные в болотах части, словно клещами, вцепились в предназначенные для удара по Ленинграду дивизии, и поэтому против них решили бросить новейшие тяжелые танки. Первый бой стал для «тигров» неудачным: один танк был подбит, а три увязли в болоте.

«Тигр» был подбит 122-мм корпусной пушкой обр. 1931 г., и немцы долго не знали, что делать: достать его было невозможно, а взорвать разрешения не поступало. Судьба танка была решена только в ноябре 1942 г. 24—25 ноября с танка сняли все ценное оборудование и взорвали его. Принятые меры сыграли свою роль, до января 1943 г. советское командование просто не догадывалось, что в глухих лесах на северном секторе советско-германского фронта принял участие в боях танк, имя которого вскоре станет нарицательным.

Об одном из первых применений «тигра» рассказывает Отто Кариус, командир экипажа «тигра»: «Автодорога, которую нам предстояло охранять, протянулась перед нами справа налево. Она уходила вверх направо и исчезала за подъемом примерно через 2000 метров. Остальная часть нашего батальона должна была выйти к нам с того направления и усилить наш рубеж между Ловцем и Невелем. Это было 4 ноября.

Мы вылезли из танка. Мой механик-водитель, унтер-офицер Кестлер, ремонтировал поврежденную левую гусеницу. Стоя на открытом пространстве, мы с удовлетворением отмечали, что наши танки катились по направлению к нам по автодороге через вышеупомянутый подъем. По крайней мере, радист не докладывал мне ничего такого, что нарушало бы эту идиллию.

Когда я лучше рассмотрел первые танки, невольно вздрогнул. На них сидела пехота. Это русские лично удостоили нас своим присутствием. В мгновение ока все мы опять были на своих местах. Но русские даже не обратили на нас внимания. Наверное, сочли нашу машину подбитой и не рассчитывали на боевой контакт с противником.

Мой водитель, Кестлер, практически все испортил; он всегда приходил в ярость, когда показывались танки. По его мнению, огонь никогда не открывали достаточно быстро. Он бы предпочел протаранить танки противника. Он уже завел двигатель и вновь потребо-

вал, чтобы мы открыли огонь, не понимая нашего “спокойствия”. Мой наводчик, унтер-офицер Клаус, был одним из тех бывших студентов университета, кто умел наслаждаться выпивкой. В отличие от его прежних начальников я хорошо с ним ладил. К сожалению, мы расстались, потому что его просьба о продолжении учебы была удовлетворена. Итак, едва я собрался приказать “открыть огонь”, как Кестлер потерял терпение и попытался двинуться с места. Двигавшиеся в голове колонны русские были от нас уже не более чем в 60 метрах. Как раз в это самое время Клаус “дал им прикурить” снарядом, угодившим между башней и корпусом. Танк сполз на обочину и загорелся. Экипаж не подавал признаков жизни. Русская пехота рассыпалась по местности, прилегающей к дороге.

Клаус занялся остальными вражескими танками. Они натолкнулись один на другой в замешательстве, повернули и совсем не помышляли о том, чтобы дать нам бой. Лишь два из двенадцати танков Т-34 избежали нашего огня...

Мы уже больше не считали, сколько еще было русских танков после того, как противник получил такую трепку. Однако, как правило, мы недооценивали упорство иванов. Они появились в полдень на том же самом месте, что и два дня назад. Но на этот раз они задраили люки, готовясь к бою, и наполовину отвернули башни вправо.

Судя по всему, противник распознал только зенитное орудие и совершенно просмотрел нас, главных злодеев. Вражеские танки — их было пять — попытались объехать свои сожженные машины. Они совершили свою самую большую ошибку, обозревая на ходу только возвышенный участок местности.

Открыв огонь — между прочим, очень неточно, — они тем самым потревожили артиллерийский расчет, который целиком полагался на нас. Мы подбили три танка; беспардонно потревоженные зенитчики позаботились об остальных. Вскоре после этого мы поднялись для краткой рекогносцировки на холм. Русские провели дополнительную военную технику через заболоченное бездорожье.

Вечером мы вернулись на свою прежнюю позицию. Там нам дали задание на следующее утро занять деревню за возвышенностью. Мы, таким образом, должны были проторить путь для пехотного полка. Еще два танка и три счетверенные зенитные установки были мне приданы к тому времени, когда опустились

Положение сторон перед началом Ржевско-Сычевской операции

сумерки. Эти орудия блестяще проявили себя в действиях против наземных целей.

Была лунная ночь. Я решил атаковать как можно скорее, полагая, что фактор внезапности атаки в какой-то степени компенсирует численное преимущество противника. Мы выстроились так, что мой “тигр” шел во главе. Танки и зенитные установки вслед за ними. Используя светомаскировочные фары, мы подошли совсем близко к деревне.

Довольно странно, что не было произведено ни выстрела. Наверное, иваны полагали, что мы одна из их маршевых колонн. Мы остановились прямо перед деревней, и зенитные установки открыли огонь. Не дожидаясь моего приказа, стрелок тоже открыл огонь по домам слева от автомагистрали. Результатом этого стало то, что восточный ветер понес густой дым по улицам, закрывая нам обзор. В деревне мы смяли три противотанковые пушки русских, установленных рядом с домами.

Мы рассредоточились, чтобы обеспечивать безопасность, установили контакт с полком. Полк подошел, солдаты прочеса-

ли дома, и утром мы продолжили путь на север. Рейд прошел без потерь с нашей стороны. Только двум русским танкам удалось удрать. Если бы мы дождались наступления дня, чтобы начать движение, противник обрушил бы на нас свою огневую мощь, насколько мы могли судить по захваченной технике...

10 ноября мы контратаковали у населенного пункта Пугачино и воспрепятствовали разрастанию "артерии". Наш маршрут на протяжении примерно 5 километров пролегал через лес, где русские недавно захватили два немецких длинноствольных 88-мм противотанковых орудия. Мы обнаружили эти орудия в целости и сохранности. Было ясно, что иваны не знали, как с ними обращаться.

Нам не оставалось ничего иного, как разнести эти неповрежденные орудия на куски — не хотелось предоставлять русским еще одну попытку испробовать на нас свою способность к освоению незнакомой им техники. Мы были несколько беспечны, когда продолжали после этого двигаться вперед, и вскоре со всех сторон стали раздаваться звуки орудийных выстрелов.

Пламя сразу же охватило одну из наших машин. К счастью, экипаж смог спастись, пересев в другой танк. Мы быстро стали отходить к главной дороге, будучи убеждены, что противник в этом районе наступал небольшими силами. Однако ситуация оставалась неясной. Даже на более высоком уровне никто не мог дать нам информацию о точном расположении боевых рубежей¹.

А вот эпизод 2 декабря: «Парни [русские. — *А.Ш.*] справа от нас теперь начали стрелять по нас прицельно из противотанковых ружей. Уже через короткое время не работал ни один смотровой прибор. Цветти безуспешно пытался обнаружить хотя бы одного из этих стрелков, но эти ребята все время меняли позицию, а потом молниеносно исчезали опять. Мы ориентировались по стрельбе, которая велась на протяжении всей длины траншей. Однако русские были настолько уверены в себе, что даже бросали ручные гранаты из своего укрытия. Когда мы немного продвинулись вперед, первый противотанковый снаряд просвистел у меня над головой. Казалось бессмысленным двигаться дальше вперед до тех пор, пока к нам не подтянется пехота. Так что мы стояли

¹ *Кариус О.* «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2004. С. 43—46.

там несколько часов, не видя никого из наших товарищей. Они совсем не вылезали из своих окопов, потому что иваны контролировали весь район со своих деревьев. Нам даже пришлось задрать люки, поскольку мы боялись, что русские подстрелят нас сверху.

Ближе к вечеру Цветти показал мне лужицу под моим танком. У меня появилось нехорошее предчувствие. Водитель завел мотор, а столбик термометра сразу же подскочил до отметки выше 250 градусов. Русские пробили дыру в радиаторе своими противотанковыми ружьями и минометами. “Тигр” с трудом отошел на сотню метров назад. Далее следует «охотничий рассказ»: «Много хлопот нам доставляли и русские истребители. Они пикировали над нами почти непрерывно. Это надо уметь — описать то, как они летают. Мой наводчик, унтер-офицер Крамер достоин похвалы за то, что совершил, и с этим, наверное, ничто не сравнится на Восточном фронте. А именно, ему удалось попасть в русский истребитель из танковой пушки. Конечно, ему еще и повезло. Вот как это произошло. Крамер, обозленный назойливостью этих парней, поднял свою пушку вдоль траектории приближающегося истребителя. Я склонил его к этому. Он улучил момент и нажал на спуск. Со второй попытки он попал одной из “пчелок” в крыло. Русский рухнул позади нас»¹.

Разумеется, попасть из 88-мм танковой пушки в истребитель, летящий на бреющем полете, можно только случайно. И если такие случаи были, то пару раз за всю войну.

«Был еще один неприятный инцидент с двумя трофейными русскими танками Т-34. Два “немецких” танка прошли через посты охранения, а вернулись в вечерних сумерках. Наши противотанковые подразделения, которые не имели понятия, что в танках немецкие экипажи, тут же подбили обе машины. Нанесенный на них краской “балканский крест” был неразличим в темноте. С тех пор никого из наших людей невозможно было заставить сесть на трофейный танк»².

2-я рота 502-го батальона тяжелых танков 24 декабря 1942 г. была придана 503-му батальону тяжелых танков. Все ее девять «тигров» оправили по железной дороге из-под Ленинграда в со-

¹ *Кариус О.* «Тигры» в грязи... С. 50—52.

² *Кариус О.* «Тигры» в грязи... С. 53.

став группы армий «Дон» на юг. И уже 7 января 1943 г. эти танки участвовали в бою в районе Ставрополя в составе 503-го танкового батальона. 10 февраля рота была переименована в 3-ю роту 503-го батальона тяжелых танков.

1-я рота 502-го батальона осталась под Ленинградом. В январе 1943 г. Красная армия начала операцию «Искра» по прорыву блокады Ленинграда. В ходе наступления в районе г. Пушкин и погибла 1-я рота вместе с командиром 502-го батальона майором Йеде.

О судьбе танков этой роты командир 503-го тяжелого танкового батальона писал 6 июля 1943 г.: «3-й танковый корпус доложил о потере тринадцати “тигров” в одной роте, которая начала боевые действия с четырнадцатью “тиграми” утром 5 июля. Девять “тигров” вышли из строя вследствие повреждений на минах и требовали от одного до трех дней ремонта каждый.

Причины столь высокой доли потерь на минах следующие:

С самого начала не было ни одной карты, показывающей расположение мин, установленных на плацдарме немецкими войсками. В нашем распоряжении было два противоречивых плана минных полей, и оба были неверны. Поэтому два “тигра” подорвались вскоре после начала движения. Еще два “тигра” подорвались в дальнейшем на местности, обозначенной на картах как совершенно свободной от мин.

Разминирование было проведено небрежно, в результате чего еще три “тигра” вышли из строя в проходах, обозначенных как свободные от мин.

Восемь “тигров” попали на мины противника прямо перед позициями русских, несмотря на то что саперы разрешили дальнейшее движение. Девять “тигров” подорвались на минах, когда они попытались выдвинуться на позиции для отражения танковой атаки противника.

По первоначальному плану “тигры” должны были атаковать в прямом контакте с панцер-гренадерами (моторизованной пехотой) и за подразделениями разминирования саперов. В реальности “тигры” пошли в бой впереди гранадеров и саперов. К вечеру 5 июля четыре “тигра” стояли в 50—80 метрах перед боевыми порядками пехоты.

Восемь “тигров” вышли из строя на два или три дня в результате неосторожного и тактически неверного использования».

Мы видим, что целая рота «тигров» была на несколько дней выведена из строя исключительно минами. Развитие событий рисует отчет от 8 июля 1943 г.: «39 “тигров” начали боевые действия 5 июля. Еще 5 “тигров” были в боевой готовности к 6 июля. С 5 до 8 июля из строя вышли 34 “тигра”, им требовался ремонт продолжительностью более 8 часов (7 были подбиты, 16 были повреждены минами и 9 вышли из строя по техническим причинам). Два сгоревших “тигра” были потеряны безвозвратно. К настоящему моменту 22 “тигра” отремонтированы. К 12 часам дня 8 июля 1943 г. ситуация была следующей: 33 танка были боеготовы, 8 требовали короткого ремонта (менее 8 дней), 2 требовали длительного ремонта (более 8 дней), 2 числились в безвозвратных потерях».

Под Пушкиным впервые был захвачен «тигр» почти в исправном состоянии. Ценный трофей отправили на Кубинский полигон для испытаний.

Глава 21

«ПАНТЕРА»

Появление на Восточном фронте танка Т-34 заставило министерство вооружения Германии приостановить работы, которые с 1937 г. вела фирма «Хеншель» («Henschel») над перспективным танком 30-тонного класса. 18 июля 1941 г. фирма «Рейнметалл» получила заказ на разработку 75-мм длинноствольной пушки, способной пробивать 140-мм броню на дистанции 1000 м. 25 ноября фирмам «Даймлер-Бенц» («Daimler-Benz») и MAN был, в свою очередь, выдан заказ на 35-тонный танк. Тактико-технические требования к новой боевой машине определили следующие: ширина до 3150 мм, высота 2990 мм, двигатель мощностью 650—700 л. с., толщина брони 40 мм, максимальная скорость движения 55 км/ч. Задание получило условное название «пантера».

Танк, спроектированный фирмой «Даймлер-Бенц», хоть внешне сильно напоминал Т-34, но Гитлеру все же понравился. С советской машины была полностью скопирована компоновка с задним расположением моторно-трансмиссионного отделения и ведущих колес. Восемь опорных катков большого диаметра располагались в шахматном порядке, блокировались по два и имели

листовые рессоры в качестве упругого элемента подвески. Предполагалось использовать на танке дизельный двигатель Daimler-Benz MB 507.

В начале февраля 1942 г. началась постройка прототипа VK 3002(DB), а четыре недели спустя Гитлер приказал министру вооружения Шпееру выдать фирме заказ на первые 200 машин. Впрочем, точка зрения фюрера не нашла понимания и поддержки в министерстве вооружения, эксперты которого не без оснований считали, что во фронтовых условиях внешнее сходство с Т-34 могло послужить причиной обстрела танка своей же артиллерией. Проект фирмы MAN, имевший традиционную немецкую компоновку с передним расположением трансмиссии и ведущих колес, казался им более предпочтительным, хотя и был значительно сложнее. Эти разногласия привели к формированию так называемой «пантер-комиссии».

13 мая 1942 г. Гитлеру доложили заключение экспертов по обоим проектам, предпочтение при этом однозначно отдавалось танку фирмы MAN. Фюрер был вынужден согласиться с мнением специалистов, но тут же выдвинул свои условия: первую машину нужно изготовить в июле, а две следующие — в августе 1942 г. Цена одного танка без вооружения составила 117 тысяч рейхсмарок (для сравнения: Т-III стоил 96 163, а «тигр» — 250 800 марок).

Конструкторами PzKpfw V (название «пантера», без упоминания армейского индекса ввели по приказу фюрера только с 27 февраля 1944 г.) были главный инженер танкового отдела фирмы MAN П. Вибикке и инженер Г. Книпкамп из управления усовершенствования и испытания вооружения.

Первые два танка V1 и V2 (V — Versuch — опыт), отличавшиеся друг от друга незначительными деталями, изготовили к сентябрю 1942 г. 3 ноября одну из машин, с макетом вместо настоящей башни, продемонстрировали Шпееру на учебном полигоне в Бад Берка. В ходе испытаний выявились существенные недостатки в ходовой части. На их устранение требовалось время, а это задерживало начало серийного производства. Заказом же предусматривалось изготовить 250 танков в довольно сжатые сроки — к 12 мая 1943 г. К тому же поступило неожиданное распоряжение Гитлера вооружить «пантеру» 75-мм пушкой с длиной ствола в 100 калибров. Однако, эта пушка еще не была готова, и серийному производству танка указание фюрера сильно не помешало.

Первая серийная «пантера» покинула заводской цех фирмы MAN 11 января 1943 г. Танки «нулевой» серии (20 единиц) получили обозначение Ausf A. Они не имели ничего общего с одноименными машинами, выпускавшимися с сентября 1943 г. Характерной особенностью первых серийных «пантер» была командирская башенка с выступом на левом борту башни и однокамерный дульный тормоз пушки. Танки оснащались двигателями Maybach HL210P45 и имели лобовую броню толщиной 60 мм. Их использовали только в тылу для подготовки экипажей. С февраля 1943 г. обозначение машин этой серии изменилось на Ausf D1.

До сих пор непонятно, почему первая крупносерийная модификация «пантеры» получила обозначение D. Возможно, буквы В и С зарезервировали для других вариантов.

Танки PzKpfw V Ausf D (у этой и последующих модификаций индекс по сквозной системе обозначений боевых машин вермахта был одинаковым — SdKfz171) незначительно отличались от прототипов и машин «нулевой» серии. Изменения затронули в основном командирскую башенку и дульный тормоз пушки — они приобрели более привычный «пантеровский» вид. Толщина лобовой брони возросла до 80 мм. На танках установили и новую коробку передач типа АК 7—200.

На машинах выпуска первой половины 1943 г. командирская башенка была аналогична башенке «тигра», позже ее заменили на новую, с семью перископическими приборами наблюдения по периметру и специальным кольцом для установки зенитного пулемета MG 34.

По бортам башни крепились мортирки NbK 39 для запуска дымовых 90-мм гранат.

Броня танков, выпущенных во втором полугодии 1943 г., покрывалась «циммеритом», кроме того, они оснащались фальш-бортами, изготовленными из 5-мм броневых листов.

К характерным особенностям машин серии D (официально D2) относится отсутствие шаровой установки курсового пулемета (он размещался внутри танка и только для стрельбы вставлялся в узкую вертикальную щель, закрывавшуюся откидной крышкой), а также наличие в левом борту башни круглого лючка для выброса стреляных гильз и бойниц для стрельбы из личного оружия в бортах и корме башни.

Как уже говорилось, первую партию «пантер» планировалось изготовить к 12 мая 1943 г. И дата эта не была случайной. 15 мая должно было начаться немецкое наступление под Курском — операция «Цитадель». Однако в течение февраля и марта большую часть из 77 изготовленных танков военные не приняли, в апреле же вообще не приняли ни одного. В связи с этим сроки наступления перенесли на конец июня. К концу мая вермахт наконец-то получил 324 «пантеры». Ими укомплектовали 10-ю танковую бригаду.

Но возникшие проблемы с освоением танкистами сложного бинокулярного прицела TZF 12 и желание ввести в строй еще 98 танков, выпущенных в июне, заставили передвинуть дату начала наступления с 25 июня на 5 июля. Так трудности с производством и освоением в войсках первых «пантер» повлияли на сроки летнего наступления на Восточном фронте в 1943 г.

Для восполнения потерь, понесенных в боях под Курском, начиная с августа 1943 г. был установлен ежемесячный производственный план — 250 «пантер». Но в августе изготовили только 120 танков, так как в результате бомбежек союзной авиации оказались сильно разрушенными заводы фирмы MAN в Нюрнберге и «Даймлер-Бенц» в Берлине. Не удалось выполнить план и в сентябре (197 машин), и лишь в октябре было изготовлено 257 «пантер».

С сентября 1943 г. начался выпуск следующей модификации «пантеры» — Ausf A. Изменений внесли не много: появилась шаровая установка курсового пулемета в лобовом листе корпуса; ликвидировали лючок для выброса стреляных гильз и бойницы для стрельбы из личного оружия в бортах башни; вместо двух фар стали устанавливать только одну — на левом крыле. Бинокулярный прицел заменили монокулярным TZF 12a. Угол возвышения танковой пушки уменьшился с 20° (у Ausf D) до 18°.

Модификацию Ausf G — самую массовую из трех (изготовлено 3740 танков) — запустили в серийное производство в марте 1944 г. Бортовые листы корпуса получили угол наклона в 61° (у D и A — 50°), толщина бортовой брони возросла до 50 мм, а лобовой брони башни — до 110 мм, из лобового листа корпуса был удален люк-пробка механика-водителя. Посадочные люки пулеметчика и механика-водителя приобрели другую форму. Часть танков получила маску пушки со своеобразной «юбкой» в нижней части,

делавшей невозможной заклинивание башни при попадании снаряда. На три выстрела увеличился боекомплект пушки, были внесены изменения в конструкцию вентиляторов, жалюзи двигателя, выхлопных патрубков и т.д.

Танки серии G планировалось оснастить опорными катками без резиновых бандажей, но полное отсутствие фотографий боевых машин с такой ходовой частью дает основания предположить, что этот проект остался на бумаге. Машину с необрезиненными катками в опытном порядке построила фирма MAN в сентябре 1944 г. Некоторые серийные «пантеры» имели одиночные необрезиненные катки на последней оси.

Применение противником во все возрастающих объемах авиации для борьбы с немецкими танками (особенно после открытия Второго фронта в Европе) свело возможность передвижения танковых частей днем практически к нулю. Остро встал вопрос об оснащении танков приборами ночного видения, работа над которыми велась фирмой AEG с 1936 г. На командирской башенке «пантеры» был смонтирован инфракрасный прожектор-осветитель мощностью 200 Вт и прибор наблюдения, который позволял вести наблюдение за местностью на дистанции 200 м. При этом водитель такого прибора не имел и вел машину, руководствуясь указаниями командира. Чтобы вести огонь ночью, требовался более мощный осветитель. Для этой цели на полугусеничном бронетранспортере SdKfz 250/20 был установлен инфракрасный прожектор Uhu мощностью 6 кВт, обеспечивающий работу прибора ночного видения на дистанции в 700 м. Испытания его прошли удачно, и фирма «Leitz-Wetzlar» изготовила 800 комплектов оптики для ночных приборов. В ноябре 1944 г. панцерваффе получили 63 «пантеры», оснащенные первыми в мире серийными пассивными приборами ночного видения.

Фирмой «Zeiss-Jena» разрабатывался еще более мощный прибор, позволявший «видеть» на расстоянии 4 км, однако из-за больших размеров осветителя (диаметр 600 мм) применения на танке «пантера» он не нашел.

Башня «пантеры», имевшая форму усеченного конуса, сварная, с соединением листов в шип и наклоном стенок в 65°. В передней части башни в литой маске полуцилиндрической формы устанавливались пушка, спаренный с ней пулемет и прицел. Башня приводилась во вращение гидравлическим поворотным меха-

низмом мощностью 4 кВт. Скорость поворота зависела от частоты вращения коленчатого вала двигателя. При 2500 об/мин полный оборот башни осуществлялся за 17 с вправо и 18 с влево. При выключенном двигателе башня поворачивалась вручную. При этом из-за неуравновешенности башни ее поворот вручную при крене свыше 5° был невозможен.

На крыше башни устанавливалась командирская башенка с шестью (позже с семью) смотровыми приборами.

Основное вооружение «пантеры»: пушка 7,5 см KwK 42 калибра 75 мм, производившаяся на заводе фирмы «Рейнметалл-Борзиг» в Дюссельдорфе. Ствол орудия имел длину 70 калибров (5250 мм); вместе с дульным тормозом — 5535 мм. Вес пушки составлял 1000 кг, а вес всей установки вместе с маской — 2650 кг. Предельная длина отката — 420 мм. Вертикальная наводка осуществлялась в пределах от -8° до +18°.

Пушка снабжалась вертикальным клиновым затвором и полуавтоматикой копирного типа. Полуавтоматика располагалась на правой стороне казенника (закрывающий механизм) и на люльке (копирное устройство). Противооткатные устройства состояли из гидравлического тормоза отката и воздушно-жидкостного накатника. Подъемный механизм пушки секторного типа.

Выстрел из пушки производился с помощью стационарного электроступса, кнопка которого находилась на рукоятке маховика подъемного механизма.

В боевом отделении под сиденьем наводчика устанавливался воздушный компрессор для продувки ствола пушки после каждого выстрела. Воздух для продува ствола отсасывался из короба гильзоулавливателя.

С пушкой был спарен 7,92-мм пулемет MG 34. Курсовой пулемет размещался в лобовом листе корпуса в бугельной (Ausf D) или в шаровой (Ausf A и G) установках. Командирские башенки модификаций A и G были приспособлены под монтаж зенитного пулемета MG 34.

Танки Ausf D оснащались бинокулярным телескопическим ломающимся прицелом TZF 12, а Ausf A и G — монокулярным TZF 12a. При изменении вертикального угла установки вооружения изменялось и положение объективной части прицелов, окулярная же часть оставалась неподвижной, что обеспечивало работу с вооружением на всем диапазоне вертикального угла наведения

без изменения положения стреляющего. Прицелы изготавливались фирмой Karl Zeiss в Йене.

Боекомплект пушки состоял из 79 выстрелов у Ausf D и A и 82 выстрелов у Ausf G. Выстрелы укладывались в нишах подбашенной коробки, в отделении управления и в боевом отделении.

Боекомплект пулеметов составлял для моделей D и A составлял 5100 патронов, а для G — 4800 патронов.

В качестве вспомогательного вооружения танк оснащался «устройством ближнего боя» (Nahkampfgerat) — мортиркой калибра 26 мм, в боекомплект которой входили дымовые (12 шт.), осколочные (20 шт.) и осколочно-зажигательные (24 шт.) снаряды. Мортирка располагалась в правой задней части крыши башни.

На танке «пантера» устанавливался 12-цилиндровый карбюраторный четырехтактный двигатель Maybach HL 230P30 мощностью 700 л.с. (515 кВт) при 3000 об/мин (на практике число оборотов не превышало 2500).

Перевооружение танковых частей с T-III и T-IV на T-V в конце 1943 г. шло довольно интенсивно. Во многих случаях это совпадало с передислокацией танковых частей и соединений или отводом их в тыл для ремонта и пополнения материальной части. Так, например, 16-я танковая дивизия получила новые танки в октябре 1943 г., при переброске из Италии на Украину. До конца 1943 г. было перевооружено по одному батальону во 2, 3, 4, 7 и 19-й танковых дивизиях; 51-й батальон включили в состав 9-й танковой дивизии.

В первую очередь «пантеры» поступали в элитные соединения: танковые дивизии «Великая Германия», «Герман Геринг» и другие. Небольшое число танков задействовали и в учебных целях, например, в 1-й танковой школе (1. Panzer Schule). В 1944 г. процесс перевооружения продолжился.

Сведения о боевом применении «пантер» на Восточном фронте вызывают у исследователей противоречивые мнения. В приводимых в западной печати примерах боевых эпизодов наши танки и САУ горят сотнями, потери же немцев исчисляются единицами. Рассмотрим эпизод, связанный с действиями тяжелого танкового полка «Вак», описанный в книге польского автора Януша Ледвоха (куда он, без сомнения, перекопировал из западных источников).

Полк «Ваке», названный так по фамилии своего командира подполковника Франца Беке, состоял из 503-го тяжелого танкового батальона «тигров» и батальона «пантер» модели D. В ходе многодневных боев с двумя советскими танковыми корпусами полк уничтожил 267 танков, потеряв при этом один «тигр» и четыре «пантеры».

Вот какой эпизод, произошедший в ходе уже Житомирско-Бердичевской операции в декабре 1943 г., описал в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза И.И. Якубовский: «В этих боях отличились многие воины. Так, командир танка младший лейтенант И.П. Голуб из 13-й гвардейской танковой бригады полковника Л.И. Баукова в районе Высокой Печи уничтожил три “тигра”, две “пантеры”, пять орудий и до роты пехоты. Вырвавшись вперед, его танк перерезал дорогу отступающим немцам. Было захвачено до сорока автомобилей и до полсотни подвод. В этом бою танк Голуба получил шесть пробоин».

Впрочем, как это следует из текста воспоминаний маршала, этот эпизод взят из наградного листа, в котором, дабы убедить командование, могли и кое-что приписать. А вот интересный эпизод из «Отчета о боевом применении танков ИС-85» (ЦАМО, фонд НИИБТ-Полигона): «19 февраля 1944 года в 11.00 танковая рота 13-го гвардейского тяжелого танкового полка в составе пяти тяжелых танков ИС-85 была выдвинута для поддержки 109-й танковой бригады, которая атаковала опорный пункт противника в д. Лисянке (Украина, р-н Житомира). К моменту ввода в бой тяжелых танков участвовавшие в атаке Т-34 109-й бригады были подбиты огнем “пантер”, занимавших оборону на северо-восточной окраине Лисянки. Последнее обстоятельство позволило немцам сосредоточить огонь на ИС-85, подпустив их на 600—800 м. В результате два ИСа были сожжены, а три подбиты.

Весь день 19 февраля противник с боями удерживал свой передний край в Лисянке, а ночью отошел, оставив 21 боевую машину (16 “пантер”, 3 Т- IV и 2 StuG III), частью подорванные, а частью совершенно исправные, но без топлива (во время боя немецкая авиация сбрасывала для танков горючее в бочках)».

ОБОРОНА КУРСКОЙ ДУГИ

В ходе наступательных операций зимней кампании 1942/43 г. войска Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов отбросили немецкие войска далеко на запад и овладели обширным районом под Курском. Этот район глубоко вдавался в расположение противника и получил название Курского выступа. На этом рубеже фронт к концу марта 1943 г. стабилизировался, и обе стороны стали готовиться к летним операциям.

В сложившейся обстановке Курский выступ имел важное стратегическое значение. Обладая им, советские войска могли нанести глубокие фланговые удары по орловско-брянской и белгородско-харьковской группировкам немцев.

В начале 1943 г. Гитлер и Верховное командование (ОКХ), рассматривая планы летней кампании 1943 г., оказались перед альтернативой:

«1. Ведение оборонительно-наступательных действий, что означало предоставить Советам возможность наступать первыми, после чего перейти в контрнаступление. Такое решение предлагали начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Курт Цейтцлер, начальник оперативного управления ОКХ генерал-лейтенант Адольф Хойзингер, командующие группами армий “Центр” и “Юг” фельдмаршалы Гюнтер фон Клюге и Эрих фон Манштейн. Эти генералы подчеркивали, что дело состоит не в том, чтобы удерживать территорию, а в том, чтобы разбить Красную армию, придерживаясь оборонительно-наступательной тактики. Они полагали, что, вероятнее всего, учитывая существующее соотношение сил между воюющими сторонами, к успеху приведут именно подобные действия. Как только советские войска безвозвратно втянутся в наступление, контрудар настигнет врага после периода гибкой обороны, в тот момент, когда он будет в движении. Благодаря лучшему качеству немецкого командования и солдат (что нашло подтверждение в сражении под Харьковом), такие действия скорее позволят нейтрализовать советское численное превосходство и одержать победу. А удержание слишком протяженного фронта при одновременном наступлении и прорыве полосы вражеских укреплений»

ний до тех пор, пока армии не смогут выйти на оперативный простор, малоперспективно.

2. Нанести первый удар, чтобы прекратить советские приготовления к наступлению на начальной стадии, что приведет к тому, что Красная армия не сможет начать общее наступление в 1943 году.

Гитлер сделал выбор в пользу второго решения, определил время и снова отверг первое предложение, поскольку полностью отверг идею о какой-либо произвольной потере территории. Всегда становившийся подозрительным, когда вставал этот вопрос, он опасался того, что оборонительно-наступательные действия начнутся с преднамеренной потери территории, что приведет к началу отступления на всем фронте, остановить которое больше не удастся. Он спорил дальше о том, что у него нет времени, чтобы дожидаться, когда Сталин позволит ему начать наступление, особенно в свете надвигающегося вторжения на западе. Поэтому было принято решение ударить первыми. После этого встал вопрос, где наносить удар»¹.

В итоге Гитлер принял решение наступать под Курском и Белгородом. Курский выступ предоставлял немцам благоприятные возможности для наступления с севера и с юга в общем направлении на Курск, что могло привести к окружению войск Центрального и Воронежского фронтов и затем к дальнейшему наступлению немцев вглубь страны. Выгодным для такого наступления являлся и орловский плацдарм германских войск. Гряда высот, которую здесь занимал противник, обеспечивала скрытный подход резервов, а большая емкость плацдарма, наличие сети железных, шоссейных и грунтовых дорог создавали благоприятные условия для сосредоточения на этом направлении крупных сил из глубины. Также выгодным для наступления противника был и белгородско-харьковский плацдарм. В случае успеха наступления на Курском выступе немцы могли сократить общую протяженность фронта на 200—220 км и высвободить 12—15 дивизий для решения последующих задач.

Готовясь к летнему наступлению против наших войск на Курском выступе, германское командование сосредоточило в райо-

¹ *Ньютон С.Х.* Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 24—25.

не южнее Орла 9-ю армию из группы армий «Центр» и в районе Белгорода 4-ю танковую армию и оперативную группу «Кемпф» из группы армий «Юг». Против западного фаса Курского выступа была развернута 2-я немецкая армия. Всего на курском направлении противник сосредоточил 50 дивизий.

К 30 июня 1943 г. в составе войск группы армий «Юг», предназначенных для участия в операции «Цитадель», состояло 5 моторных дивизий, одна дивизия вермахта («Великая Германия») и четыре дивизии СС («Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова» и «Викинг»), шесть танковых дивизий (3, 6, 7, 11, 19 и 23-я), десять танковых бригад и несколько дивизионов штурмовых орудий. Вся группировка располагала боеспособными 1111 (166)¹ танками и 321 САУ. Кроме того, находилось в ремонте 115 (18) танков и 13 САУ. В пути были 77 (6) танков и 9 САУ. Итого 1303 (190) танков и 253 САУ.

В составе группы армий «Центр» было шесть танковых дивизий (2, 4, 9, 12, 18 и 20-я), 21 танковая бригада, 656-й отдельный полк САУ и 78-я штурмовая дивизия, а также несколько дивизионов штурмовых орудий. Вся группа «Центр» располагала исправными 457 (156) танками и 274 САУ, 32 (34) танка и 6 САУ были в ремонте, а 64 (4) танка — в пути. Итого 552 (194) танка и 280 САУ.

Тут мне придется развеять миф о тысячах «тигров», «пантер» и «Фердинандов», наступавших на Курской дуге. Помните эпизод из фильма «Место встречи изменить нельзя» — «Шарапов, ты на фронте был, видел “Фердинанды”». Причем это не вопрос, а утверждение, само собой разумеющийся факт, поскольку человек, бывавший на передовой, не мог не видеть «Фердинандов».

Маленькое отступление. Мой отец Борис Васильевич Широкопад пошел на фронт добровольцем в августе 1941 г., хотя и имел «бронь». Воевал под Вязьмой и Москвой, затем получил ранение, демобилизовался и отправился на военный завод. Он не любил особенно рассказывать ни о войне, ни о своей работе (системах управления ракет). Но как-то на дне рождения рассказал пару эпизодов из 1941 года. Когда он произнес слова: «И тут я впервые увидел большой немецкий танк», кто-то спросил: «Какой?» Он

¹ В скобках даны устаревшие танки с пушками, обладавшими недостаточной бронепробиваемостью для поражения танков Т-34 и КВ. Цифры в скобках не включены в стоящие перед скобками цифры.

ответил: «Т-III. Т-IV отродясь не видел, а всё Т-II и 38(t)». Увидев мою кислую мину, отец заметил: «Не нравится, так ты пойдй послушай “ветеранов”, которые под Вязьмой и Москвой “тигров” пачками подбивали!»

Так вот, всего в составе групп армий «Юг» и «Центр» имелось к 30 июня 1943 г. 178 танков «тигр», 204 танка «пантера» и 90 САУ «Фердинанд» («Элефант»).

Конкретно они были распределены:

В группе армий «Юг»:

Моторизованная дивизия «Великая Германия» (вермахт) — 46 «тигров»;

Моторизованной дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» была придана одна рота (4-я, позже перенумерованная в 13-ю) танков «тигр» из 1-го танкового полка СС. В составе роты имелось 13 танков. Кроме того, 10 танков Т-III с 5-см пушкой, 67 танков Т-IV и 9 командирских танков¹.

Моторизованная дивизия «Мертвая голова» имела приданную одну роту (9-ю) танков «тигр» в составе 15 машин. Кроме того, в «Мертвой голове» было 63 танка Т-III с 5-см пушками, 52 танка Т-IV и 9 танков управления.

Моторизованная дивизия «Рейх» на 30 июня 1943 г. также имела одну роту танков «тигр», в количестве 15 единиц. Правда, позже число «тигров» было доведено до 33 единиц. Кроме того, дивизия «Рейх» располагала четырьмя танками Т-II, тремя танками Т-III с 7,5-см в 24 калибра, десятью Т-III с 5-см пушками, 25 трофейными танками Т-34 и десятью командирскими танками.

Моторизованная дивизия «Викинг»² имела в своем составе батальон танков «тигр» (45 единиц).

В группе армий «Центр» танками «тигр» располагала только 21-я танковая бригада, в составе которой был 505-й тяжелый танковый батальон (204 машины).

В 18-й танковой дивизии в 656-м танковом полку было два батальона — № 653 и № 654, в которых состояло по 45 САУ «Фердинанд» («Элефант»). Это и были все «Фердинанды», произведенные за время войны.

¹ Командирские танки типа Т-III и Т-IV имели лишь макет пушки.

² Моторизованная дивизия «Викинг» была сформирована из западноевропейских добровольцев, включая финнов.

К началу германского наступления по дуге Курского выступа развернулись войска Центрального и Воронежского фронтов, которым была поставлена задача — активной обороной измотать и обескровить ударные немецкие группировки при переходе их в наступление на Курск и тем самым создать необходимые условия для последующего перехода в контрнаступление.

Центральный фронт, имея в своем составе пять общевойсковых армий (48, 13, 70, 65 и 60-ю), 2-ю танковую армию в составе двух танковых корпусов (3-го и 16-го) и 11 гвардейскую танковую бригаду, два отдельных танковых корпуса (9-й и 19-й) и 16-ю воздушную армию, занял оборонительную полосу протяженностью в 306 км, имея справа 63-ю армию Брянского фронта и слева 38-ю армию Воронежского фронта.

По решению командующего Центральным фронтом, все пять общевойсковых армий, имея в своем составе 41-ю стрелковую дивизию, четыре стрелковые бригады, две танковые бригады, 15 отдельных танковых полков, шесть самоходно-артиллерийских полков и другие средства усиления, занимали оборону в первом эшелоне фронта. В резерве командующего фронтом находились 2-я танковая армия и два отдельных танковых корпуса (9-й и 19-й).

В армиях отдельные танковые бригады и отдельные танковые и самоходно-артиллерийские полки использовались преимущественно для усиления стрелковых дивизий, оборонявших главную и вторую полосы. С этой целью они располагались повзводно и поротно непосредственно в боевых порядках пехоты на танкоопасных направлениях. Кроме того, часть танков группами по 10—15 машин использовалась для усиления гарнизонов противотанковых опорных пунктов. Огонь танков в обороне был организован как с места, с заранее подготовленных огневых позиций — окопов полного профиля, так и с ходу. Заранее были также подготовлены запасные огневые позиции, которые должны были заниматься в процессе оборонительного боя танками, перегруппированными из глубины или с неатакованных участков фронта. Тем самым обеспечивалось массирование противотанкового огня на танкоопасных направлениях.

2-я танковая армия, а также 9-й и 19-й отдельные танковые корпуса, находясь в резерве командующего фронтом, предназначались для нанесения контрударов. Командующий Центральным

фронтом предусматривал три возможных варианта нанесения контрударов танковыми соединениями.

По первому варианту контрудар предусматривалось нанести из района Верхняя Сосна на Алексеевку, по второму варианту — из района Ольховатка на Лозовец и по третьему варианту — с рубежа Городище, Хмелевое на Малахове.

Воронежский фронт имел в своем составе также пять общевойсковых армий (38-ю, 40-ю, 6-ю гвардейскую, 7-ю гвардейскую и 69-ю), 35-й гвардейский стрелковый корпус, 1-ю танковую армию (6-й и 31-й танковые корпуса и 3—1 мехкорпус), два отдельных танковых корпуса (2-й и 5-й гвардейские) и 2-ю воздушную армию. Фронт занял оборонительную полосу протяжением в 244 км, имея справа 60-ю армию Центрального фронта и слева 57-ю армию Юго-Западного фронта.

По решению командующего Воронежским фронтом, четыре общевойсковые армии (38, 40, 6 и 7-я гвардейские), имея в своем составе 27 стрелковых дивизий, шесть танковых бригад, восемь отдельных танковых полков, три полка самоходно-артиллерийских установок и другие средства усиления, занимали оборону в первом эшелоне фронта на главной и второй оборонительных полосах. 69-я армия заняла третью полосу обороны, а 35-й гвардейский стрелковый корпус — первый фронтовой рубеж.

Тяжелых танков было сравнительно немного. Так, Центральный фронт располагал 70 танками КВ, а Воронежский фронт — 105-ю. В основном это были танки КВ-1С. Кроме того, Центральный фронт располагал 924 танками Т-34 и 587 танками Т-60 и Т-70. Для Воронежского фронта эти цифры составляли 1109 и 453 танка соответственно.

Все отдельные танковые бригады и отдельные танковые полки располагались на танкоопасных направлениях в боевых порядках стрелковых дивизий либо на второй полосе обороны, либо в промежутке между главной и второй полосами обороны, с задачей огнем с места и короткими контратаками отражать удары вклинившегося противника.

1-я танковая армия, 2-й гвардейский и 5-й гвардейский танковые корпуса, составляя резерв командующего фронтом, располагались в следующих районах: 1-я танковая армия — за центром главной группировки Воронежского фронта, в районе Обоянь;

2-й гвардейский танковый корпус — в районе Короча; 5-й гвардейский танковый корпус — в районе Марьино.

Планом операции предусматривалось использование фронтového резерва для нанесения контрударов на том направлении, где противник будет наносить главный удар.

Описание германского наступления существенно различается в трудах советских и западных историков. Для начала я приведу официальную версию¹:

Бронетанковые и механизированные войска Советской армии в оборонительной операции Центрального фронта:

Боевые действия бронетанковых и механизированных войск в оборонительной операции Центрального фронта развернулись на фронте шириною в 40 км и в глубину 12 км. Переход немцев в наступление не был неожиданным для советского командования. Сталин еще 2 июля специальной телеграммой предупредил командующего фронтом о возможном переходе немцев в наступление в период с 3 по 6 июля.

Для срыва немецкого наступления командующий фронтом приказал провести предусмотренную планом артиллерийскую контрподготовку, которая началась 5 июля в 2 ч 10 мин и продолжалась в течение 20 минут. Было подавлено около восьмидесяти артиллерийских и минометных батарей противника. Повторный огневой налет нашей артиллерии, произведенный в 4 ч 35 мин, проходил одновременно с начавшейся артиллерийской подготовкой противника и в значительной степени дезорганизовал ее.

Перейдя 5 июля в наступление, немецкое командование главный удар наносило с фронта Архангельское, Верхнее Тагино на Ольховатку. С целью обеспечения флангов главной группировки с запада и востока, а также для расширения прорыва немецкое командование нанесло два вспомогательных удара: один из района Красная Слобода, Глазуновка на Малоархангельское, а другой из района Верхнее Тагино на Гнилец.

На направлении главного удара под прикрытием огня артиллерии и авиации впереди следовали тяжелые танки «тигр» и тяжелые САУ «Фердинанд», за ними средние и легкие танки, а

¹ История бронетанковых и механизированных войск Советской армии. / Под ред. Е.А. Разина. М.: Издание академии бронетанковых и механизированных войск Советской армии, 1953. С. 272—280.

затем мотопехота на бронетранспортерах и пехота в пеших боевых порядках. При подходе к переднему краю обороны «тигры» и «Фердинанды» пропускали вперед средние и легкие танки, поддерживая их наступление своим огнем. Противнику удалось на направлении своего главного удара (ценой огромных потерь) к исходу первого дня операции вклиниться в нашу оборону на глубину 6—8 км. 13-я армия, изматывая и обессиливая наступавшего врага, отошла на вторую полосу обороны. Попытки противника прорвать оборону советских войск на вспомогательных направлениях успеха не имели.

Еще в первой половине дня 5 июля командующий Центральным фронтом, определив направление главного удара немцев, принял решение, замысел которого сводился к тому, чтобы одновременными ударами по флангам и вершине вклинения вражеской группировки разгромить ее и уничтожить. 2-й танковой армии было приказано: 3-му танковому корпусу перейти к обороне на участке Полсела Горяинова, Городище; а 16-му танковому корпусу из района Ольховатка во взаимодействии с 17-м гвардейским стрелковым корпусом 13-й армии нанести контрудар в общем направлении на Гнилуша с целью восстановления ранее занимаемого положения. 19-й танковый корпус был оперативно подчинен командующему 2-й танковой армии и имел задачу нанести контрудар из района Новоселки, Ясенок в направлении на Подолянь. 9-й танковый корпус сосредоточивался в районе Арсеньевский в готовности нанести контрудар по двум направлениям: либо на Поныри, либо на Самодуровку. Кроме того, левофланговые дивизии 48-й армии должны были нанести контрудар на Змиевку, а правофланговые дивизии 70-й армии — на Кромы.

Исходное положение для выполнения поставленных задач 2-я танковая армия, а также 19-й и 9-й танковые корпуса заняли к исходу 5 июля. Контрудар последовал с утра 6 июля, в нем в соответствии с решением командующего фронтом приняли участие 16-й и 19-й танковые корпуса.

Боевые действия 16-го танкового корпуса при нанесении контрудара велись не всеми силами, а отдельными бригадами, которые вводились в сражение последовательно. В 5 ч 00 мин начала боевые действия 107-я танковая бригада с рубежа Снова, Подсоборовка в направлении Степь, Окоп. Встреченная массированным огнем с места 86 танков противника, бригада не смогла

продвинуться вперед и вынуждена была вернуться в исходное положение. Через час, в 6 ч 00 мин, командир 16-го танкового корпуса ввел в бой свою 164-ю танковую бригаду, которая также была встречена огнем с места 150 танков противника и возвратилась в исходное положение. Последовательный ввод бригад в бой не дал должного эффекта. Вследствие этого остальные части 16-го танкового корпуса в течение 6 июля огнем с места и из засад отражали атаки противника, нанося ему серьезные потери в живой силе и технике.

19-й танковый корпус до вечера организовывал взаимодействие с пехотой и артиллерией для совместного контрудара и начал его только в 20 ч 00 мин 6 июля. Однако продвижения корпус не имел и вернулся в исходное положение.

Боевые действия 16-го и 19-го танковых корпусов были не одновременными, а велись разрозненно, и поэтому корпусам не удалось восстановить ранее занимаемого войсками 13-й армии положения, как это предусматривалось планом. Вместе с тем контрудар фронтовыми резервами имел огромное значение в обеспечении успеха всей оборонительной операции. В результате этого контрудара противник был остановлен перед второй полосой обороны и, понеся большие потери, лишился возможности в последующие дни продолжать наступление на трех направлениях. Враг вынужден был сократить фронт активных действий, отказаться от наступления на вспомогательных направлениях и смог продолжать наступление только на Ольховатку.

После контрудара командующий фронтом приказал танковым соединениям перейти к упорной обороне, окопать танки и отбивать атаки противника огнем. Использование танков для контратак разрешалось только против пехоты и легких танков противника.

Командующий 2-й танковой армией приказал танковым корпусам оборонять во взаимодействии со стрелковыми дивизиями 13-й армии занимаемые полосы.

Фронт обороны 2-й танковой армии достигал 30 км: 3-й танковый корпус оборонялся в полосе шириной 10 км, 16-й танковый корпус — 12 км и 19-й танковый корпус — 8 км. В резерве командующего армией оставалась 11-я гвардейская танковая бригада, на которую была возложена задача обеспечения стыка 16-го и 19-го танковых корпусов. Командиры 3-го и 16-го танковых корпусов

расположили в первых своих эшелонах по две танковые и одной мотострелковой бригаде, а по одной танковой бригаде оставили у себя в резерве. Командир 19-го танкового корпуса расположил в первом эшелоне одну танковую и одну мотострелковую бригады, а две танковые бригады оставил в резерве.

Заняв оборону, 2-я танковая армия имела 607 танков и 440 орудий и минометов, благодаря чему плотность на каждый километр фронта обороны увеличилась на 20 танков и около 15 орудий и минометов.

2-я танковая армия во взаимодействии с войсками 13-й армии и при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации успешно отражала неоднократные попытки врага прорваться с севера на Курск. Действия 2-й танковой армии приняли характер ведения огня с места из окопов и из засад в сочетании с массированными контратаками по вклинившимся в нашу оборону вражеским войскам. В течение двух дней, 7 и 8 июля, немцы сумели продвинуться всего лишь на 2—4 км и незначительно вклиниться во вторую полосу обороны на участке Поныри, Саборовка. Этот небольшой тактический успех стоил противнику таких огромных потерь, что к исходу 8 июля он вынужден был отказаться от дальнейшего общего наступления и повсеместно перейти к обороне. 9 июля немцы на некоторых участках переходили в наступление лишь с целью улучшить занимаемые позиции, а 10 июля повсеместно прекратили активные действия, за исключением действий отдельных разведывательных групп.

С переходом вражеских войск к обороне 2-я танковая армия, а также 19-й и 9-й танковые корпуса совместно с войсками Центрального фронта до 15 июля готовились к контрнаступлению.

Таким образом, бронетанковые и механизированные войска во взаимодействии с общевойсковыми армиями и при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации успешно выполнили поставленную задачу. Враг был измотан, обескровлен и ослаблен, не достигнув никаких оперативных результатов.

Бронетанковые и механизированные войска Красной армии в оборонительной операции Воронежского фронта:

Оборонительная операция войск Воронежского фронта началась во второй половине 4 июля. В этот день немецкое командование стремилось сбить боевое охранение и вплотную подвести свои войска к переднему краю обороны советских войск.

Для срыва немецкого наступления командующий Воронежским фронтом провел две артиллерийские контрподготовки: первую в 22 ч 30 мин 4 июля и вторую в 3 ч 00 мин 5 июля. Артиллерийскими контрподготовками противнику был нанесен значительный урон в живой силе и технике, что дезорганизовало и ослабило его наступление.

С утра 5 июля противник возобновил наступление, нанося главный удар на Обоянь и вспомогательный удар на Короча. Силами своей главной группировки немцы стремились прорвать оборону на двух направлениях: черкасском и яковлевском. Ценой огромных усилий и жертв к исходу первого дня операции им удалось вклиниться в главную полосу обороны: на черкасском направлении на 2—3 км, а на яковлевском на глубину до 6 км. На корочанском направлении, где наносился вспомогательный удар, противнику удалось форсировать реку Северный Донец и захватить на восточном берегу реки плацдарм шириной по фронту до 10 км и в глубину до 3—4 км.

Для прикрытия наиболее угрожаемого обоянского направления командующий Воронежским фронтом еще во второй половине июля приказал командующему 1-й танковой армии выдвинуть два своих корпуса на второй оборонительный рубеж 6-й гвардейской армии и прочно занять оборону: гвардейскому танковому корпусу — на рубеже Меловое, Раково, Шевелево; 3-му мехкорпусу — на рубеже Алексеевка, Яковлеве; 31-му танковому корпусу расположить во втором своем эшелоне на рубеже Студенок, Владимировка. 1-й танковой армии была поставлена задача — ни при каких обстоятельствах не допустить прорыва противника на Обоянь.

Командующий фронтом из своего резерва передал 5-й и 2-й гвардейские танковые корпуса в оперативное подчинение командующего 6-й гвардейской армией для занятия обороны: 5-й гвардейский танковый корпус на рубеже Яковлеве, Тетеревино и 2-й гвардейский танковый корпус на рубеже Рождественка, Дружный. Этим двум корпусам была поставлена задача не допустить прорыва противника в северо-восточном направлении.

В течение ночи на 6 июля 1-я танковая армия, а также 5-й и 2-й гвардейские танковые корпуса окопали танки, организовали взаимодействие с общевойсковыми соединениями 6-й гвардейской армии, артиллерией, авиацией и инженерными войсками.

1-я танковая армия имела двухэшелонное оперативное построение. В первом эшелоне в полосе шириной 35 км находились два корпуса: на правом фланге армии в 16-км полосе занимал оборону 6-й танковый корпус, а на левом фланге в 19-километровой полосе оборонялся 3-й мехкорпус. Во втором эшелоне армии на удалении около 18 км от войск первого эшелона находился 31-й танковый корпус.

Боевые порядки корпусов первого эшелона армии состояли также из двух эшелонов. В первом эшелоне 6-го танкового корпуса располагались 200-я и 22-я танковые бригады, 6-я мотострелковая бригада, а во втором эшелоне — 112-я танковая бригада. 3-й мехкорпус имел в первом своем эшелоне 10-ю, 1-ю, 3-ю моторизованные бригады и 1-ю гвардейскую танковую бригаду, а во втором эшелоне — 49-ю танковую бригаду. Каждый командир танковой бригады оставлял в своем резерве усиленный танковый батальон, а командир механизированной бригады — танковый полк. Эти резервы предназначались для нанесения контратак.

1-я танковая армия имела в своем составе 623 танка и 682 орудия и миномета. Таким образом, с занятием обороны армия увеличила плотность на 18 танков и около 20 орудий и минометов на каждый километр фронта обороны.

С утра второго дня операции, 6 июля, противник возобновил наступление и направил усилия своей главной группировки из района Черкасское на Яковлеве, где в первый день наступления им было достигнуто наибольшее продвижение. В районе Яковлеве немцы стремились прорвать вторую полосу обороны и выйти в Обоянь. Ценой больших потерь врагу удалось к исходу 6 июля несколько вклиниться во вторую полосу обороны на участке 5-го гвардейского танкового корпуса. Для прикрытия этого направления командующий 1-й танковой армии выдвинул, по приказу командующего фронтом, из своего второго эшелона к району севернее Яковлеве 31-й танковый корпус. К этому району была также направлена 19-я истребительно-противотанковая бригада, переданная из 40-й армии в подчинение командующего 1-й танковой армии. Указанными силами противник в районе севернее Яковлеве был остановлен.

Несмотря на тяжелые потери, гитлеровское командование с утра третьего дня операции, 7 июля, возобновило наступление, нанося главный удар по левому флангу 1-й танковой армии.

Ценой колоссальных усилий и жертв враг в этот день прорвал вторую полосу обороны на участке 3-го мехкорпуса и 31-го танкового корпуса. С упорными боями, изматывая и обескровливая врага, эти корпуса к исходу 7 июля отошли на рубеж Сырцево, Верховень, Мал. Маячки, Грезное. Отход сочетался с массивными контратаками, что дало возможность закрепиться в ограниченные сроки на промежуточном рубеже и встретить наступавшего противника организованным огнем. За 7 июля вражеские войска хотя и продвинулись в глубину от 10 до 20 км, но оперативного прорыва не осуществили.

Учитывая большую активность противника на обоянском направлении, Ставка Верховного Главнокомандования, по докладу Маршала Советского Союза Василевского, находившегося в то время на Воронежском фронте, приказала из состава Степного фронта направить к западному берегу реки Оскол, в район Салтыкове, Меловое, Орлик, 5-ю гвардейскую танковую армию в готовности действовать в направлениях на Обоянь и Курск.

Выступив в 1 ч 30 мин 7 июля из района Острогжск, Березовая, Россошь, 5-я гвардейская танковая армия в составе 18-го и 29-го танковых корпусов и 5-го гвардейского мехкорпуса к утру 8 июля закончила сосредоточение в указанном ей районе, совершив в течение 30 часов 220-километровый марш. Кроме того, на усиление Воронежского фронта из состава 5-й гвардейской общевойсковой армии Степного фронта был направлен 10-й танковый корпус, из состава Юго-Западного фронта — 2-й танковый корпус. Эти два корпуса должны были сосредоточиться в районе Прохоровки.

Таким образом, уже на третий день операции к району боевых действий были направлены стратегические резервы, которые в значительной степени усилили оборону Воронежского фронта.

С утра четвертого дня операции 3-й механизированный и 31-й танковый корпуса по-прежнему продолжали огнем с места и массивными контратаками отражать удары противника, стремившегося любой ценой прорваться в Обоянь. Под натиском превосходящих сил противника в течение 8 июля корпуса отошли в северо-западном направлении на 8—10 км, где вновь закрепились на промежуточном рубеже обороны и не допустили прорыва вражеских войск в глубину.

В этот же день противник пытался прорваться через реку Псел в восточном направлении. Но и эти действия не дали ему желаемых результатов. Они были парализованы подошедшими из резерва частями 10-го танкового корпуса, переданного в оперативное подчинение командующего 1-й танковой армии.

В последующие два дня операции, 9 и 10 июля, германское командование, несмотря на тяжелые потери, продолжало направлять свои усилия против 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов с целью выполнения основной задачи — выхода в Обоянь. Немцам удалось только потеснить советские части на 4—6 км в северо-западном направлении, но поставленной цели он не достиг. Наши корпуса в третий раз закрепились на промежуточном рубеже обороны. Для увеличения глубины обороны на обоянском направлении командующий фронтом передал в оперативное подчинение командующего 1-й танковой армией 5-й гвардейский танковый корпус, который к 10 июля расположился в районе Орловка — в тылу 3-го мехкорпуса.

Таким образом, целостность фронта нашей обороны на обоянском направлении не была нарушена.

Боевые действия 1-й танковой армии в оборонительной операции Воронежского фронта по своему характеру существенным образом отличались от действий 2-й танковой армии в оборонительной операции Центрального фронта. Если 2-я танковая армия вела оборонительные действия только на второй полосе обороны, изматывая противника огнем с места и короткими контратаками, то 1-я танковая армия, отходя под натиском превосходящих сил противника, изматывала его на промежуточных рубежах обороны. Действия 1-й танковой армии были направлены на удержание второй полосы обороны, с последующим выходом из боя, отходом на промежуточный рубеж обороны и занятием его. В течение пяти суток, с 6 по 10 июля, 1-я танковая армия силами 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов последовательно удерживала вторую полосу обороны и три промежуточных рубежа обороны, нанесла противнику огромные потери и ни на одном участке не допустила прорыва вражеских войск в глубину. Общее продвижение противника к 10 июля на направлении его главного удара достигло 35 км, однако оперативного прорыва нашего фронта обороны он не осуществил.

Убедившись в невозможности преодолеть сопротивление 1-й танковой армии на обоянском направлении, немецкое командование с 10 июля прекратило дальнейшие попытки прорваться на Курск через Обоянь. Выставив заслоны против 1-й танковой и 6-й гвардейской армий, немцы начали перегруппировывать основные свои силы с обоянского на прохоровское направление. Кроме того, немецкие войска, действовавшие на корочанском направлении, должны были направить свои основные усилия также на Прохоровку. Тем самым противник стремился слить усилия своих группировок, действовавших на главном и вспомогательном направлениях, с тем, чтобы окружным путем прорваться к Курску.

В целях срыва немецкого наступления на прохоровском направлении, а также для того, чтобы иметь наготове ударные группировки при переходе в контрнаступление, Ставка Верховного Главнокомандования 9 июля приказала командующему Степным фронтом направить на белгородско-курское направление три армии: 27-ю армию с 4-м гвардейским танковым корпусом — в район Курска; 53-ю армию с 1-м мехкорпусом — на первый фронтовой рубеж Воронежского фронта, проходивший по реке Сейм; 5-ю гвардейскую общевойсковую армию — на рубеж (исключительно) Обоянь, Прохоровка. Кроме того, 5-й гвардейской танковой армии было приказано из района Салтыкове, Меловое, Орлик совершить за день 100-километровый марш с тем, чтобы к исходу 9 июля сосредоточиться в районе Бобрышево, Александровский, Большие Сети. С выходом 5-й гвардейской танковой армии в указанный район ей были переданы в оперативное подчинение 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус и 2-й танковый корпус. Оба эти корпуса имели в своем составе около 200 исправных танков. Таким образом, к началу боев в районе Прохоровки 5-я танковая армия имела в своем составе 793 танка, из них 501 танк Т-34, а остальные — Т-70.

К этому времени немецкое командование успело сосредоточить в районе западнее Прохоровки крупную группировку своих войск, насчитывавшую более 700 танков, в том числе свыше 100 танков «тигр» и тяжелых самоходных орудий «Фердинанд». Таким образом, по количеству танков соотношение сил было примерно равным, но в тяжелых танках противник имел перевес.

В ночь на 11 июля командующий Воронежским фронтом принял решение мощным контрударом разгромить главную группи-

ровку врага и восстановить ранее занимаемое положение. С этой целью 5-й танковой армии была поставлена задача — нанести во взаимодействии с 5-й общевойсковой армией контрудар в направлении Грезное, Яковлево; 1-й танковой армии силами 10-го и 5-го танковых корпусов во взаимодействии с войсками 6-й гвардейской общевойсковой армии нанести контрудар через Покровку также на Яковлеве. Готовность войск к нанесению контрудара устанавливалась к утру 12 июля.

Ширина полосы 5-й гвардейской танковой армии для нанесения контрудара оставляла 10 км, а глубина ее задачи на 12 июля — около 25 км.

По решению командующего 5-й танковой армией, контрудар предусматривалось нанести в двухэшелонном построении. В первом эшелоне находились 18-й и 29-й танковые корпуса и во втором эшелоне — 5-й гвардейский мехкорпус. Приданный армии 2-й танковый корпус, находясь в обороне в непосредственном соприкосновении с противником, должен был прикрыть выход в исходные районы 18-го и 29-го танковых корпусов, а с началом контрудара прикрывать их правый фланг наступлением на Сухо-Солотино. Левый фланг армии прикрывался 2-м гвардейским танковым корпусом, имевшим задачу нанести удар из района восточнее Ясной Поляны на Яковлеве.

Боевые порядки корпусов были также глубоко эшелонированными, что видно из построения 18-го танкового корпуса. Корпус был построен в три эшелона. Ширина его полосы для нанесения контрудара равнялась 5 км. В первом эшелоне находились 181-я и 170-я танковые бригады, во втором — 32-я мотострелковая бригада и 36-й гвардейский танковый полк, в третьем — 110-я танковая бригада и мотоциклетный батальон.

Такое глубокое построение армии и корпусов обеспечивало наращивание силы из глубины и давало возможность сохранять общее превосходство над противником до успешного выполнения поставленной задачи.

До начала контрудара 2-я и 17-я воздушные армии силами штурмовых и бомбардировочных корпусов под прикрытием истребителей провели непосредственную авиационную подготовку по боевым порядкам танков, артиллерии и пехоты противника. Всего было произведено 1002 самолето-вылета. Одновременно 5-й истребительный корпус патрулированием в воздухе прикры-

вал главные силы 5-й гвардейской танковой армии от воздействия вражеской авиации.

Боевые действия 5-й танковой армии при нанесении контрудара приняли характер встречного сражения, поскольку одновременно с началом контрудара противник в свою очередь с двух сторон перешел в наступление на Прохоровку. Из района западнее Прохоровки наступали четыре танковые и одна пехотная дивизии, а из района Рокавец на Прохоровка с юга — три танковые дивизии.

Действия 5-й танковой армии во встречном сражении развивались на двух направлениях: западнее Прохоровки действовали главные силы армии, а южнее Прохоровки — два отряда, объединенные под общим командованием заместителя командующего 5-й танковой армии. В состав одного отряда вошли 11-я и 12-я механизированные и 26-я танковая бригады, а также части 92-й гвардейской и 375-й стрелковых дивизий. Второй отряд состоял из 53-го гвардейского танкового полка, 1-го гвардейского мотоциклетного полка, 689-го истребительно-противотанкового артполка и 678-го гаубично-артиллерийского полка.

Боевые действия главной группировки 5-й гвардейской танковой армии западнее Прохоровки начались в 8 ч 30 мин 12 июля наступлением 18-го и 29-го танковых корпусов. Поддержанные массированными ударами артиллерии и авиации, 18-й танковый корпус силами 181-й и 170-й танковых бригад нанес удар с северо-востока на совхоз «Октябрьский», а 29-й танковый корпус силами 32-й и 21-й бригад — с юго-востока. Сломив сопротивление контратакующих частей противника, бригады концентрическими ударами к 14 ч 00 мин этого дня овладели совхозом «Октябрьский».

В то время когда шли бои за совхоз «Октябрьский», противник в свою очередь перешел в наступление на участке Красный Октябрь, Козловка. Прорвав оборону 52-й стрелковой дивизии, начал развивать наступление в северо-восточном направлении.

Для срыва этого наступления противника и охвата правого фланга его наступающих войск командующий 5-й танковой армией по приказу командующего фронтом направил 18-й танковый корпус в направлении Андреевка, Васильевка. Выделив вперед в качестве передового отряда 181-ю бригаду, 18-й корпус после овладения совхозом «Октябрьский» приступил к выполне-

нию указанной задачи. Разгромив на своем пути отдельные танковые группы противника, главные силы корпуса к 17 ч 00 мин захватили Андреевку, а его передовой отряд (181-я бригада) с ходу атаковал двигавшуюся вражескую колонну танков из 40 машин и, разгромив ее, овладел Васильевкой. Успешным выполнением поставленной задачи 18-й танковый корпус вынудил наступавшие с рубежа Красный Октябрь, Козловка войска противника в районе высоты 226, Полежаев перейти к обороне. Важную роль в срыве этого наступления немцев сыграла также 95-я гвардейская стрелковая дивизия, упорно оборонявшая район Полежаев.

Дальнейшее продвижение 18-го танкового корпуса после овладения Андреевкой и Васильевкой было остановлено сильным огнем и контратаками танков противника. По приказу командующего армией корпус занял на достигнутом рубеже круговую оборону, расстреливая огнем с места контратакующие группы немецких танков. Общее продвижение 18-го танкового корпуса за 12 июля равнялось 3 км.

Действия 29-го танкового корпуса после овладения совхозом «Октябрьский» также свелись к отражению огнем с места неоднократных атак танков противника. Только его 53-я мехбригада нанесла удар на совхоз «Комсомолец», где и разгромила оборонявшиеся части противника. Однако после того как противник дополнительно перебросил крупные силы к совхозу «Комсомолец», бригада отошла в исходное положение и совместно с главными силами корпуса вела в дальнейшем оборонительные действия.

Удар противника из района Рохавец на Прохоровку с юга был успешно отражен выделенными из состава 5-й танковой армии двумя отрядами.

Выдвинувшись в район Покровка, Авдеевка, правый отряд нанес контрудар с северо-запада и северо-востока на Рындино, а левый отряд — на Ново-Хмелевое. Этим контрударом наступавшие войска противника не только были остановлены, но и отброшены с большими потерями в исходное положение за реку Северный Донец.

В ходе боев в районе Прохоровка в течение 12 июля противник потерял около 300 танков, 500 автомашин и свыше 4500 солдат и офицеров.

Общее соотношение войск в Прохоровском сражении на 10 июля 1943 г. приведено в Приложении.

Встречное сражение, в котором с обеих сторон участвовало около 1500 танков и которое поддерживалось с воздуха таким же количеством самолетов, протекало с огромным напряжением и характеризовалось разнообразными действиями. На одних участках проводилось наступление с одновременным отражением контратак противника, на других — оборона с одновременным нанесением массированных контрударов по наступавшим вражеским войскам.

Встречное сражение, длившееся в течение одного дня — 12 июля, выиграла 5-я гвардейская танковая армия. Она нанесла врагу настолько серьезные потери, что он вынужден был отказаться от дальнейших попыток продолжать активные наступательные действия и перешел к обороне.

12 июля наступил кризис немецкого наступления. В этот день фашистское командование полностью отказалось от достижения своей основной цели — овладения Курском с юга. В этот же день перешли в наступление войска Западного и Брянского фронтов на орловском направлении.

Соотношение сил во встречном танковом сражении 12 июля 1943 г. приведено в Приложении.

Потерпев неудачу прорваться к Курску через станцию Прохоровка, немцы с 13 июля повсеместно перешли к обороне. Лишь на участке юго-западнее Прохоровки они попытались окружить часть войск 69-й армии, находившихся в полосе между реками Северный Донец и Липовый Донец. Однако и эта попытка немцев закончилась безуспешно. 16 июля они были вынуждены прекратить наступление и на этом участке фронта, а к 23 июля отброшены на тот рубеж, с которого начали наступление на Курск с юга.

А вот германская версия наступления 2-го танкового корпуса СС¹. К началу наступления в корпусе состояло 35 танков «тигр», а всего 541 танк и САУ.

В 23 ч 00 мин 4 июля атакующие соединения всех трех дивизий должны были скрытно выдвинуться вперед без огневой поддержки с целью захвата советского охранения перед главной линией обороны. 315-й гренадерский полк и дивизия «Мертвая голова» направили роты на соответствующие участки с целью захвата вы-

¹ *Ньютон С.Х.* Курская битва: немецкий взгляд.

сот для артиллерийских наблюдателей и корректировщиков, но на самом деле это было сделано для того, чтобы скрыть направление главного удара корпуса. Дивизия «Рейх» направила две роты на исходные позиции для наступления в направлении Яхонтово с востока, так как 1-й мотопехотный полк «Л.А.Г.» выделил роту для занятия оврага к северо-западу от этого города. 2-й мотопехотный полк «Л.А.Г.» выделил роту, чтобы под покровом темноты занять высоту 228.6. Саперы, приданные данной группе, должны были «проложить и отметить проходы через минные поля и места пересечения танковых рвов по как можно более широкому фронту», с тем чтобы «тигры» и штурмовые орудия смогли взобраться на высоту 228.6 в тот момент, когда начнется огневая подготовка.

Остальные подразделения атакующих полков должны были начать выдвижение на передовые позиции в 3 ч 00 мин, за пятнадцать минут до начала огневой подготовки. Артиллерийский огонь велся четкими последовательными сериями залпов для поддержки отдельных серий атак, одновременно не давая русским возможности определить, где осуществляется главный удар немецких войск. В 03 ч 15 мин, когда «тигры» и штурмовые орудия начали выдвижение к высоте 228.6, артиллерия «Лейбштандарта» вместе с 861-м артиллерийским дивизионом открыла ураганный сосредоточенный огонь к северу от этой высоты. С 3 ч 17 мин до 3 ч 35 мин этот огонь постепенно перемещался на север к советским позициям на другой стороне дороги на Быковку. Одновременно в 3 ч 00 мин артиллерия дивизии «Рейх» и два полка реактивных минометов «Небельверфер» открыли 20-минутный сосредоточенный огонь по Яхонтово для обеспечения огневой поддержки атаки силами двух полков. По обоим флангам артиллерия, приданная 315-му гренадерскому полку и дивизии «Мертвая голова», открыла огонь для обеспечения поддержки их наступления.

В 3 ч 35 мин огонь основной артиллерии в полосе «Лейбштандарт» и «Рейх» был резко прекращен на 10 минут. Эта пауза преследовала три цели: она позволяла артиллеристам взять новые цели; давала атакующим подразделениям возможность преодолеть первые рубежи: вводила противника в заблуждение относительно начала атаки. Ровно в 3 ч 45 мин вновь был открыт огонь. На этот раз дивизионная артиллерия дивизий «Лейбштандарт» и «Рейх», усиленная 861-м артиллерийским дивизионом и одним дивизионом минометов «Небельверфер», имела основной целью

советские укрепления вдоль дороги на Быковку, так как 2-й мотопехотный полк «Л.А.Г.» двинулся в атаку. Наступление в направлении Быковки должно было отвлечь внимание советских войск к центру этого участка. Однако несколько мгновений спустя был открыт еще более мощный артиллерийский огонь (два артиллерийских дивизиона, минометный дивизион и пять дивизионов «Небельверфер») для поддержки наступления 315-го гренадерского полка вдоль реки Ворскла с юго-западного направления на Быковку, а затем без какого-либо предупреждения перемещен в район к северу от Яхонтово с целью обеспечения огневой поддержки наступающим на этом участке 1-му мотопехотному полку «Л.Д.Г.» и полку «Дойчланд». Через двадцать минут, то есть в 4 ч 05 мин, запланированная огневая поддержка была закончена, а далее в задачу артиллерии входило оказание по мере необходимости огневой поддержки главного удара частей.

Целью этой сложной схемы (с ее незабываемым расписанием) было привлечь внимание русских к параллельным атакам, которые осуществлялись силами 315-го гренадерского полка и 2-го мотопехотного полка «Л.А.Г.» против стыка 153-го и 151-го гвардейских стрелковых полков, защищавших юго-западное направление на Быковку. Как предполагалось, эти два полка на протяжении всего 5 июля будут пробивать себе дорогу через Быковку, причем «тигры» и штурмовые орудия играли роль магнитов, которые притягивали советские тактические резервы. Как только русские концентрировали силы против этой угрозы, 1-й мотопехотный полк «Л.А.Г.» и «Дойчланд» должны были передвигаться от Яхонтово, через Березов, к Быковке и наносить удар с востока. Полк «Дойчланд» и бронегруппы дивизии «Рейх» должны были сменить направление резко на восток с целью расширения бреши в линии обороны противника. 1-й мотопехотный полк «Л.А.Г.» в то же время двигается на Яковлеве и вторую линию русской обороны. Как только передовые отряды пройдут Быковку, в бой вводилась бронегруппа дивизии «Лейбштандарт», с тем чтобы, обойдя атакующие соединения, выдвинуться вперед, захватить мосты и переправы через реку Псел. Если бы все произошло так, как предполагалось в плане, то к вечеру 5 июля 2-й танковый корпус СС совершил бы прорыв советской линии обороны на глубину 30 км и шириной приблизительно 15 км.

52-я гвардейская стрелковая дивизия оказалась более крепким орешком, чем кто-либо мог предположить. К 12 ч 30 мин оба мотопехотных полка дивизии «Лейбштандарт» продолжали бои на севере, захватив лишь высоту 215.4, в 2,5 км южнее Быковки. Их комбинированные атаки не смогли выбить противника из поселка до 16 ч 15 мин, а атакующее соединение «Дойчланд» из дивизии «Рейх» смогло добиться этого, даже при поддержке правого фланга «Лейбштандарта», только к 18 ч 00 мин. Приблизительно в это время бронегруппа «Лейбштандарт» (введенная в бой, как только передовые части дивизии прошли к северу от Быковки) «с наступлением ночи двинулась на противотанковые укрепления под Яковлеве». Ценою потерь в 1000 человек и 35 танков, 2-му танковому корпусу СС удалось прорвать первую советскую линию обороны и отбросить русских к краю второй линии. Если краткий приказ обер-группенфюрера Хауссера на 6 июля «атаковать позиции противника на юго-востоке от Яковлево с целью достижения уже обозначенных задач» и дает какое-то представление о том, в каком он был замешательстве, то важно еще понять и то, что будь успехи 48-го танкового корпуса столь же значительными, как те, которых добились «Лейбштандарт» и «Рейх», этого было бы достаточно, чтобы немецкие войска смогли развивать прорыв в направлении Обояни и Курска.

Любопытная оценка боя у деревни Прохоровка содержится в статье кандидата военных наук Л.Н. Лопуховского «Прохоровка — без грифа секретности»: «К сожалению, ввод в сражение сотысячной группировки (численность 5-й гвардейской танковой армии на 10 июля — 42 901 чел., 5-й гвардейской армии — около 65 тыс.), в составе которой было более 700 танков и САУ, не привел к решительному перелому в обстановке. Многочисленные факты свидетельствуют, что ни о какой внезапности контрудара не могло быть и речи. Это один из мифов, созданных вокруг боев под Прохоровкой. Немцы следили за подходом крупных советских резервов и подготовились к отражению удара. Не было встречного сражения на “широком поле под Прохоровкой”. Как не было и двух мощных лавин — 800 танков с одной стороны и 700 с другой, которые “устремились навстречу друг другу”. Три наших танковых корпуса наступали, части танковых дивизий “Адольф Гитлер” и “Рейх” оборонялись, предпринимая контратаки. Во второй половине дня происходили встречные бои между

подразделениями и частями двух сторон. Части танковой дивизии “Мертвая голова”, наступавшие с плацдарма на р. Псел, пытались выйти в тыл 5-й гвардейской танковой армии.

Если уж вести речь о встречном сражении под Прохоровкой, как разновидности наступательных действий оперативных объединений, когда обе стороны стремятся выполнить поставленные задачи наступлением, то оно развернулось 12 июля не на “танковом поле” шириной 5—6 км, а в полосе 35 км. Гитлеровцы пытались охватить фланги основных сил танковой армии с одновременным отражением ее удара в центре. Наши войска стремились разгромить вклинившуюся на прохоровском направлении группировку армии Гота нанесением сильного рассекающего удара в центре с одновременными ударами по ее флангам. В сражении в трех районах — западнее, юго-западнее и южнее Прохоровки — с нашей стороны участвовали механизированный и четыре танковых корпуса 5-й гвардейской танковой армии и два стрелковых корпуса 5-й гвардейской и 69-й армий, со стороны противника — шесть танковых и две пехотных дивизий корпуса СС и 3 танковый корпус, всего — до 1100 танков и самоходных (штурмовых) орудий с обеих сторон.

Фронтовой контрудар закончился неудачей. 5-я гвардейская танковая армия 12 июля понесла огромные потери — около 500 подбитых и уничтоженных танков и САУ из 860 боеготовых. Не имело успеха и наступление соединений 5-й гвардейской армии в излучине р. Псел и западнее, которые без танков и при недостаточной поддержке артиллерии пытались атаковать танковые дивизии противника. Неудача контрудара не превратилась в поражение только благодаря упорству и самоотверженным действиям танкистов, а также солдат и офицеров 5-й гвардейской и 69-й армий, которые сорвали замысел противника охватить фланги танковой армии и окружить ее основные силы»¹.

Под Прохоровкой «решили “выбить клин клином”». Для этого П.А. Ротмистров в целях обеспечения сильного первоначального удара в первый эшелон оперативного построения армии включил большую часть своих сил — три танковых корпуса из четырех. Основные силы 5-й гвардейской танковой армии — два танковых

¹ Лопуховский Л.Н. Прохоровка — без грифа секретности / Военно-исторический архив. Выпуск 2 (50). М., 2004. С. 57.

корпуса первого эшелона, введенные в бой на фронте максимум 5 км (заболоченная пойма р. Псел не в счет), так и не смогли вырваться из дефиле. Зажатые в узком коридоре между рекой и железной дорогой, они не смогли использовать преимущество своих танков в маневренности и подвижности. Противник навязал танкистам Ротмистрова “танковую дуэль” в самых невыгодных для них условиях. Основному нашему танку Т-34 трудно было выиграть в единоборстве с немецким средним танком Т-IV с его новой длинноствольной пушкой (48 калибров, начальная скорость снаряда которой в 1,5 раза выше, чем у нашей 76-мм пушки Ф-34), не говоря уже о тяжелом “тигре”. И противник в полной мере использовал свое качественное превосходство в танковом вооружении.

Тезис Ротмистрова о превосходстве противника в танках в свете фактов не выдерживает никакой критики. В стремлении оправдать неудачные действия своей армии и большие потери он явно передергивал факты...

...Как об этом рассказывает П.А. Ротмистров в своих мемуарах: “Противник вел себя как-то странно. В его расположении раздавались взрывы. Потом выяснилось, что немцы подрывали свои подбитые танки, которые нельзя было эвакуировать”. Увы, немцы взрывали наши подбитые танки, оставшиеся на контролируемой ими территории. Командиры частей и соединений противника на этот счет имели строгий приказ: “все захваченные подбитые танки противника, которые невозможно больше использовать и отремонтировать или эвакуировать, должны быть тотчас уничтожены, чтобы они снова не попали во вражеские руки”. Это признал и член Военного совета фронта Н.С. Хрущев, докладывая 24 июля по ВЧ Сталину о результатах операции: “поле боя осталось за противником — почти все поврежденные советские танки были немцами подорваны или сожжены, тогда как немецкая техника эвакуирована”.

В действительности на “танковом поле” юго-западнее Прохоровки нашим четырем танковым корпусам первого эшелона (свыше 500 танков и САУ) противостояло не более 220 танков и штурмовых орудий противника. По оценке А.М. Василевского — более 200. Большая часть танковой дивизии “Мертвая голова” наступала за р. Псел против соединений Жадова. Ошибка с нанесением контрудара по наиболее сильной группировке про-

тивника (три танковые дивизии СС) не позволила реализовать наше превосходство над противником в количестве танков и их маневренности. Танковая армия, которая должна была сыграть главную роль в контрнаступлении на белгородско-харьковском направлении, понесла потери, несопоставимые с достигнутым результатом и уроном, нанесенным противнику.

И отход противника, вопреки очередному мифу, был вызван не разгромом его ударной группировки, а невозможностью удержания района вклинения протяженностью по фронту до 160 км. Тем более что в 35 км южнее находился хорошо оборудованный рубеж. Войска Воронежского фронта не смогли опрокинуть части прикрытия противника и сразу перейти в неотступное преследование, чтобы разгромить его отходящие главные силы, не вследствие "исключительной переутомленности" (выражение Г.К. Жукова, которому цензура много крови испортила), а в связи с большими потерями¹.

Достаточно подробно известны потери 5-й гвардейской танковой армии, наступавшей в составе Степного фронта.

Накануне Прохоровского сражения в соединениях 5-й гвардейской танковой армии было: 18-й танковый корпус — танки Т-34 — 68 ед., Т-70 — 58 ед., «Черчилль» — 18 ед. (всего 144 ед.); 29-й танковый корпус — танки Т-34 — 123 ед., Т-70 — 81 ед. (всего 204 ед.); 5-й гвардейский мехкорпус — танки Т-34 — 120 ед., Т-70 — 56 ед. (всего 176 ед.); 2-й гвардейский танковый корпус — танки Т-34 — 84 ед., Т-70 — 52 ед., «Черчилль» — 3 ед. (всего 139 ед.); 2-й танковый корпус — танки Т-34 — 35 ед., Т-70 — 46 ед., «Черчилль» — 4 ед. (всего 85 ед.). Итого на армию — 524 ед., с учетом усиления — 748 ед.

В Боевом донесении № 9 от 10 ч 00 мин 12 июля 1943 г. командующий 5-й гвардейской танковой армией докладывал: «Ввиду малой насыщенности артиллерии, артиллерийская подготовка прошла слабо... В 8.30 началась атака 18-го, 29-го танковых корпусов и 2-го гвардейского танкового корпуса». Оперативная сводка № 1 от 19 ч 00 мин 12 июля 1943 г. сообщала: «Авиация противника по 25 — 50 самолетов с 5 ч 20 мин непрерывно бомбит наши войска. Наблюдается до 1500 самолето-вылетов авиации противника... Наша истребительная авиация надежно при-

¹ Лопуховский Л.Н. Прохоровка... С. 78—80.

крытия войск армии не обеспечила... Войска армии испытывают затруднения с боеприпасами, в некоторых частях осталось 0,5 боекомплекта, продовольствия и горючего... 18-м танковым корпусом уничтожено в боях 13 танков противника, потери танков МК-4 («Черчилль») — 11 ед., Т-34 — 6 ед., Т-70 — 4 ед.; 29-й танковый корпус — потери танков — Т-34 — 54 ед., Т-70 — 54 ед., САУ сгорело СУ-122 — 4 ед., подбито СУ-76 — 4 ед.; 5-й гвардейский мехкорпус — уничтожил 4 танка, потери танков — Т-34 — 2 ед., Т-70 — 2 ед.».

К 7 ч 00 мин 13 июля 18-й танковый корпус уничтожил 15 танков «тигр», 3 орудия и 300 солдат и офицеров. Потерял МК-4 — 15 ед., Т-34 — 18 ед., Т-70 — 10 ед., ранено 107 чел., убито 21 чел. 29-й танковый корпус уничтожил 26 танков (11 «тигров»), 22 орудия, 12 пулеметов, 16 минометов, свыше 100 автомашин, до 1000 солдат и офицеров. Потери танков Т-34 — 95 ед., Т-70 — 38 ед., установок самоходной артиллерии — 31 ед., убитых 240 чел., 610 раненых. 5-й гвардейский мехкорпус уничтожил 4 танка и 4 орудия. Потерял Т-34 — 2 ед., Т-70 — 2 ед., БА-64 — 1 ед. 2-й гвардейский танковый корпус уничтожил 21 танк (9 «тигров»), 12 орудий, 15 пулеметов, 12 минометов. Потери танков Т-34 — 10 ед., МК-4 — 1 ед., Т-70 — 8 ед., 85 мм орудий — 4 ед.

Всего 5-я гвардейская танковая армия за сутки боев уничтожила 66 танков противника. При этом потеряла 199 танков. Соотношение примерно 1: 3. К 7 ч 00 мин 13 июля в строю оставалось 549 танков. К концу дня (к 21 ч 00 мин) армия насчитывала 413 танков. Потери за день — 136 ед. Таким образом, 5-я гвардейская танковая армия за два дня боев под Прохоровкой потеряла 335 танков.

Согласно Оперативной сводке штаба 5-й гвардейской танковой армии № 8 к 4 ч 00 мин 17 июля 1943 г. в строю армии насчитывалось: 18-й танковый корпус — танков МК-4 — 9 ед., Т-34 — 44 ед., Т-70 — 45 ед.; 29-й танковый корпус — танков Т-34 — 39 ед., Т-70 — 45 ед.; 5-й гвардейский мехкорпус — танков Т-34 — 62 ед., Т-70 — 37 ед.; 2-й гвардейский танковый корпус — танков Т-34 — 40 ед., Т-70 — 17 ед.; 2-й танковый корпус — танков Т-34 — 31 ед., Т-70 — 24 ед., МК-4 — 5 ед.; отряд генерала Труфанова — танков — Т-34 — 15 ед., Т-70 — 6 ед.

К концу Прохоровского сражения 5-я гвардейская танковая армия в своем составе насчитывала 419 танков. В эту цифру включено пополнение и танки, вернувшиеся из ремонта.

Глава 23

КОНТРАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК

Для наступления на орловско-брянском направлении были привлечены войска трех фронтов:

— левое крыло Западного фронта в составе двух общевойсковых армий (50-й и 11-й гвардейской) и трех танковых корпусов (1-го, 5-го и 25-го). Кроме того, на Западном фронте предусматривалось в ходе операции ввести еще дополнительно 4-ю танковую армию в составе 11-го и 30-го танковых корпусов и 6-го гвардейского мехкорпуса. К началу операции 4-я танковая армия заканчивала формирование под Москвой, в районе Кубинки и Солнечногорска;

— Брянский фронт в составе трех общевойсковых армий (61-й, 3-й и 63-й) и двух танковых корпусов (20-го и 1-го гвардейского), кроме того, предполагалось в ходе операции привлечь дополнительно 3-ю гвардейскую танковую армию в составе 12-го и 15-го танковых корпусов и 2-го мехкорпуса, которая заканчивала формирование в районе Плавска;

— правое крыло Центрального фронта в составе трех общевойсковых армий (48-й, 13-й и 70-й), 2-й танковой армии в составе 3-го и 16-го танковых корпусов и двух отдельных танковых корпусов (9-й и 19-й).

Общевойсковые армии были усилены семью отдельными танковыми бригадами, 26-ю отдельными танковыми полками и 10-ю самоходно-артиллерийскими полками.

Фронтам Ставкой Верховного Главнокомандования были поставлены следующие задачи:

— Западному фронту — прорвать оборону противника юго-западнее Козельска и, разгромив совместно с войсками Брянского фронта болховскую группировку противника, развивать наступление в общем направлении на Узкое, Хотынец с тем, чтобы охватить с северо-запада левый фланг орловской группировки противника;

— Брянскому фронту — нанести два удара: один из района Новосиль на Орел, охватывая его с юга; другой из района северо-восточнее Болхова на Болхов с целью совместно с войсками Западного фронта ликвидировать болховскую группировку противника, а затем наступать на Орел с севера;

— Центральному фронту — ближайшая задача ликвидировать вклинившуюся вражескую группировку севернее Курска и восстановить ранее занимаемое положение, затем развивать удар в общем направлении на Кромы и далее на северо-запад, охватить орловскую группировку с юга и юго-запада и содействовать войскам Брянского и левого крыла Западного фронтов в ее уничтожении.

По решению командующих фронтами, все отдельные танковые бригады и отдельные танковые и самоходно-артиллерийские полки, входившие в состав общевойсковых армий, использовались для непосредственной поддержки пехоты при прорыве тактической зоны обороны противника.

Отдельные танковые корпуса были оперативно подчинены командующим общевойсковых армий и использовались для развития успеха своих армий в качестве армейских подвижных групп:

— 1-й, 5-й и 25-й танковые корпуса предназначались для развития успеха 11-й гвардейской армии Западного фронта;

— 20-й танковый корпус — 61-й армии Брянского фронта;

— 1-й гвардейский танковый корпус — 63-й армии Брянского фронта;

— 9-й танковый корпус — 13-й армии Центрального фронта;

— 19-й танковый корпус — 70-й армии Центрального фронта.

Ввод танковых корпусов в прорыв предусматривалось осуществить после того, как общевойсковые армии с танками непосредственной поддержки пехоты прорвут главную полосу обороны противника.

30 июля войска 11-й гвардейской армии и 4-й танковой армии по приказу Ставки Верховного Главнокомандования были переданы из состава Западного фронта в оперативное подчинение командующего Брянским фронтом.

12 июля войска 3-й и 63-й армий Брянского фронта совместно с 1-м гвардейским танковым корпусом начали наступление из района восточнее Орла. В течение пяти дней они прорвали оборону противника на фронте шириной до 36 км и на глубину

17—22 км и вышли своими передовыми частями к восточному берегу реки Олешня. Попытки войск 3-й и 63-й армий прорвать оборону противника на реке Олешня с ходу успехом не увенчались.

Для ускорения прорыва вражеской обороны на реке Олешня и оказания помощи войскам 11-й гвардейской и 61-й армий в быстрейшем разгроме болховской группировки противника командующий Брянским фронтом решил с утра 19 июля в полосе наступления войск 3-й и 63-й армий ввести в прорыв 3-ю гвардейскую танковую армию. Ей была поставлена задача: ударом с рубежа Арсеньево, Подмаслово в общем направлении на Спасское, станцию Отрада перерезать железную и шоссейную дороги Орел — Мценск и захватить плацдарм на западном берегу реки Оки. Правый фланг 3-й гвардейской танковой армии прикрывался 1-м гвардейским танковым корпусом, имевшим задачу наступать в направлении Отрада. Левый фланг армии обеспечивался специально выделенной из состава 3-й и 63-й армий артиллерией. 3-я и 63-я армии должны были наступать вслед за 3-й гвардейской танковой армией в общем направлении на Орел.

3-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с общевойсковыми соединениями прорвала оборону противника на реке Олешня и к исходу 19 июля главными силами вышла в район Протасова, продвинувшись на глубину 8—10 км, а ее 12-й танковый корпус к утру 20 июля продвинулся на 18—20 км и вышел на реку Оптушка, к району Золотарево.

Успешный прорыв советскими войсками обороны противника на реке Олешня вынудил немецкое командование отвести свои войска из Мценска на Орел. С целью преградить путь отхода мценской группировке противника на Орел командующий фронтом вновь изменил задачу 3-й гвардейской танковой армии. Вместо наступления в юго-западном направлении на Становой Колодезь ей была поставлена новая задача — наступать в северо-западном направлении на станцию Отрада, с тем чтобы перерезать шоссе Орел — Мценск и захватить к исходу 20 июля переправы на реке Оке, то есть армия должна была выйти в тот район, в который предусматривался ее выход в первом решении командующего Брянским фронтом. После выполнения этой задачи 3-я гвардейская танковая армия должна была вновь перегруппировать свои войска в район Золотарево, чтобы продолжать

боевые действия по тылам противника в общем направлении на Становой Колодезь.

В трудных условиях обстановки командующий 3-й гвардейской танковой армией в течение ночи на 20 июля перегруппировал свои войска в северо-западном направлении, с утра 20 июля нанес удар на станцию Отрада. Успешно продвигаясь вперед, войска армии к исходу дня перерезали шоссе Мценск — Орел и вышли к восточному берегу Оки на участке Отрада, Ивановская Оптуха, чем решающим образом содействовали войскам фронта в разгроме мценской группировки противника и в овладении городом Мценск.

Выполнив эту задачу, 3-я гвардейская танковая армия в соответствии с приказом командующего фронтом повернула на юго-восток и к исходу 21 июля сосредоточилась в районе Золотарево. Вслед за этим армия в течение трех суток, с 21 по 23 июля, прорывала оборону противника на реке Оптушка и вклинилась в расположение врага на глубину до 15 км. В ночь на 24 июля, по приказу командующего фронтом, 3-я гвардейская танковая армия перегруппировала свои войска в район Ново-Петровцы, откуда нанесла удар на Становой Колодезь и 26 июля овладела этим населенным пунктом.

В результате удачных действий 3-я гвардейская танковая армия содействовала выходу войск 3-й и 63-й армий Брянского фронта к рекам Оке и Оптухе, где проходила тыловая полоса обороны противника, прикрывавшая с востока подступы к Орлу.

В то время как войска Брянского фронта успешно развивали наступление, продвигаясь к тыловой полосе обороны противника, войска соседа слева — Центрального фронта — наступали весьма медленными темпами. Для ускорения их продвижения в оперативное подчинение командующего Центральным фронтом была передана 3-я гвардейская танковая армия, которая к 28 июля перегруппировалась в район Рыбница, откуда нанесла удар на Философово и тем самым содействовала войскам 48-й армии в выходе к реке Малой Рыбнице.

Вслед за этим 3-я гвардейская танковая армия произвела еще одну перегруппировку в полосу наступления 13-й армии Центрального фронта и 2 августа сосредоточилась в районе Воронеж. Из этого района она начала наступление в северо-западном направлении на Гастомль, чем содействовала выходу войск 13-й

армии к району Кромы и осуществлению охвата правого фланга орловской группировки противника с юго-востока.

В контрнаступлении на Центральном фронте участвовали 2-я танковая армия и два отдельных танковых корпуса: 19-й, оперативно подчиненный командующему 70-й армией, и 9-й, подчиненный командующему 13-й армией.

Начав наступление 15 июля, 2-я танковая армия, 9-й и 19-й танковые корпуса во взаимодействии с общевойсковыми соединениями к 17 июля полностью восстановили положение, занимаемое войсками Центрального фронта до начала оборонительной операции. Вслед за этим войска 48-й и 13-й армий Центрального фронта, преодолевая совместно с 9-м танковым корпусом упорное сопротивление противника, медленными темпами продвигались в направлении Кромы. Тем временем 2-я танковая армия приказом командующего фронтом была рокирована в полосу наступления 70-й армии и во взаимодействии с ней начала охватывать орловскую группировку с юга, выйдя к концу июля в район Красниково. К этому времени 4-я танковая армия начала охватывать орловскую группировку с севера, а 3-я гвардейская танковая армия содействовала войска Брянского и Центрального фронтов в охвате врага с северо-востока и юго-востока. В таких условиях немецкое командование, стремясь предотвратить угрозу окружения, 30 июля приняло решение на отвод всех своих войск с орловского плацдарма.

С началом отхода противника войска Брянского и Центрального фронтов и действовавшие в их составе бронетанковые и механизированные соединения перешли к преследованию.

5 августа был освобожден город Орел. В ознаменование достигнутой победы при разгроме орловской группировки противника и освобождении города Орел в Москве впервые был произведен салют доблестным войскам Советской армии.

Продолжая дальнейшее преследование, войска Брянского и Центрального фронтов к 17 августа вышли на подступы к Брянску.

На белгородско-харьковском направлении наступление осуществляли:

— Воронежский фронт в составе пяти общевойсковых армий (38-й, 40-й, 27-й, 6-й гвардейской, 5-й гвардейской), двух танковых армий (1-й и 5-й гвардейской) и четырех танковых корпусов (2-го, 10-го, 4-го гвардейского и 5-го гвардейского);

— Степной фронт в составе трех общевойсковых армий (53-й, 69-й и 7-й гвардейской) и 1-го мехкрпуса;

— Юго-Западный фронт своей правофланговой 57-й армией.

Общевойсковые армии были усилены шестью отдельными танковыми бригадами, одиннадцатью отдельными танковыми полками и пятью самоходно-артиллерийскими полками, которые использовались для непосредственной поддержки пехоты.

Прорыв на направлении главного удара Воронежского фронта предусматривалось осуществить из района севернее Томаровки силами 5-й и 6-й гвардейской армий с последующим развитием прорыва подвижными группами 1-й и 5-й гвардейской танковых армий и 5-го гвардейского танкового корпуса.

Боевые действия войск ударной группировки Воронежского фронта и войск Степного фронта начались утром 3 августа. Двумя днями позже, 5 августа, на направлении вспомогательного удара Воронежского фронта начали боевые действия войска 40-й и 27-й армий совместно со 2-м, 10-м и 4-м гвардейским танковыми корпусами.

На направлении главного удара общевойсковые армии с танками непосредственной поддержки пехоты в течение первой половины дня прорвали оборону противника на глубину до 5—6 км. Во второй половине дня операции в полосе наступления 5-й гвардейской общевойсковой армии были введены в бой 1-я и 5-я гвардейская танковые армии, которые нарастили удар из глубины, полностью завершили прорыв тактической зоны обороны противника и к исходу этого дня своими передовыми частями вышли: 1-я танковая армия — в район восточной окраины Томаровки, вклинившись в оборону противника на глубину 12 км, 5-я гвардейская танковая армия — в районы Саенков, Добрая Воля, вклинившись на глубину до 26 км. Таким образом, войска противника, оборонявшие томаровский и белгородский узлы сопротивления, оказались к исходу первого дня контрнаступления советских войск расчлененными на две изолированные группы.

С целью обеспечения свободы дальнейшего наступления танковых армий в юго-западном направлении и предотвращения угрозы со стороны этих немецких групп тылам танковых армий главные силы общевойсковых армий Воронежского и Степного фронтов с утра второго дня операции были направлены на ликвидацию томаровского и белгородского узлов сопротивления. Кро-

ме того, для быстрой ликвидации белгородского узла сопротивления были привлечены также 1-й мехкорпус и 5-й гвардейский мехкорпус, последний из состава 5-й гвардейской танковой армии. Полная ликвидация гарнизонов этих двух узлов сопротивления была закончена к исходу 5 августа.

Пока общевойсковые армии вели бои по ликвидации белгородского и томаровского узлов сопротивления, 1-я танковая армия с оперативно подчиненными ей 5-м гвардейским танковым корпусом и 5-й гвардейской танковой армией стремительно развивали наступление в юго-западном направлении. К исходу 5 августа они вклинились в оборону противника на глубину до 50 км и передовыми частями вышли в районы: 1-я танковая армия — Александровка, 5-я гвардейская танковая армия — Ворожбиты. Продолжая развивать наступление, 1-я танковая армия к 7 августа захватила город Богодухов и перерезала железную дорогу Харьков — Сумы, а 5-я гвардейская танковая армия вышла на рубеж Золочев, Казачья Лопань.

К 11 августа 1-я танковая армия вышла в район Высокополье и перерезала железную дорогу Харьков — Полтава, а 5-я гвардейская танковая армия по указанию Ставки Верховного Главнокомандования 9 августа была выведена в резерв в район Сенное (восточнее Богодухов) и передана в подчинение командующего Степным фронтом. Такое мероприятие вызывалось необходимостью более надежного прикрытия богодуховского направления в связи с тем, что к району южнее Богодухов противник начал сосредоточивать крупную группировку своих войск.

Общевойсковые соединения к 11 августа подошли к внешнему обводу харьковской зоны обороны и начали охватывать харьковскую группировку противника с северо-востока. Тем временем 57-я армия Юго-Западного фронта успешно прорвала оборону противника из района севернее Печенеги и начала охватывать харьковскую группировку с юго-востока. Таким образом, группировка противника в районе Харькова оказалась под угрозой полного окружения.

На направлении вспомогательного удара Воронежского фронта войска 40-й и 27-й армий 5 августа приступили к прорыву обороны противника из района Красная Яруга. Общевойсковые соединения этих армий совместно с танками непосредственной поддержки пехоты, при поддержке массированных ударов артил-

лерии и авиации, в первый день наступления прорвали оборону противника на глубину до 12—15 км. Вслед за тем для развития успеха были введены в прорыв 2-й, 10-й и 4-й гвардейский танковые корпуса. Развивая наступление в юго-западном направлении, танковые корпуса обеспечили выход войск 40-й и 27-й армий к 11 августа на рубеж Гребенниковка, Тростянец, Ахтырка. Кроме того, к району Котельва (южнее Ахтырка) к этому же времени вышел 5-й гвардейский танковый корпус, переданный из 1-й танковой армии в оперативное подчинение командующего 27-й армией.

Таким образом, в результате успешного развития наступления войск 40-й и 27-й армий и действовавших в их составе танковых корпусов белгородско-харьковский плацдарм к 11 августа был в значительной степени очищен от противника, и советские войска получили возможность развивать наступление к Днепру.

Каковы же были потери обеих сторон в Курской битве? В России это была и есть весьма тщательно охраняемая государственная тайна. В 1993 г. «Воениздат» выпустил статистическое исследование «Гриф секретности снят»¹. Это было первое советское официальное издание, где приводились потери наших вооруженных сил. Замечу, что я в своих книгах за неимением лучшего иной раз использую данные этого исследования. Однако, описывая операции советских войск по освобождению Крыма, я обнаружил в «Грифе...» явное преуменьшение потерь.

В уже упомянутой статье Л.Н. Лопуховского аргументированно доказывается, что и данные по потерям в Курской битве явно не соответствуют действительности. Лопуховский пишет: «Потери сторон в живой силе в курской оборонительной операции с учетом наших данных также соотносятся как 1: 4 (64,4: 268) в пользу противника»².

В диссертации Игуменова³, на мой взгляд, содержатся достаточно точные сведения о потерях советских танков, однако там

¹ Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М. Воениздат, 1993.

² Лопуховский Л.Н. Прохоровка — без грифа секретности / Военно-исторический архив. Выпуск 2 (50). С. 69.

³ Игуменов П.С. Исследование поражаемости отечественных танков. (По опыту Великой Отечественной войны). Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук, 1947.

имеются данные лишь о некоторых танковых соединениях. Так, в ходе Орловской операции Центральный фронт потерял 2949 танков и САУ, из которых 2738 приходится на боевые повреждения, 127 — на технические неисправности и 84 — на прочие причины. Соответственно, из боевых потерь 2342 машины потеряны от артогня, 209 — от мин и фугасов, 187 (6,8 %) — от авиации. Из 2738 потерянных машин 1750 (64 %) потеряны безвозвратно.

В составе 1-й гвардейской танковой армии, входившей в состав Брянского фронта, к 5 июля 1943 г. имелся 631 (511) танк (Т-34). В ходе Курско-Белгородской операции с 5 по 20 июля было потеряно 954 (784) танка, то есть 151 % к числу имевшихся. Это объясняется поступлениями новых танков, а также вводом в строй отремонтированных машин. Из числа потерянных танков 854 (716) пришлось на боевые повреждения, а 100 — на технические неисправности. При этом безвозвратно потеряно 425 (379) танков, то есть более 67 % (74 %) от числа имевшихся к началу операции.

Эта же 1-я гвардейская танковая армия к началу наступления в Курско-Белгородской операции 3 августа 1943 г. имела в своем составе 542 (418) танков. Из них с 3 по 31 августа потеряно 1040 (889), то есть 192 % (213 %) танков. Боевые потери распределялись следующим образом: 706 (646) — от боевых повреждений, 334 (249) — от технических неисправностей. При этом безвозвратные потери составили 289 (271) танков, то есть 53,3 % (64,8 %).

3-я гвардейская танковая армия, входившая в состав Брянского фронта, в ходе Орловской наступательной операции с 19 по 27 июля 1943 г. потеряла 240 танков. Из них 206 были потеряны от боевых повреждений, 23 — вследствие технических неисправностей и 11 — от прочих причин. 206 потерянных от боевых повреждений машин распределялись следующим образом: 175 — от артогня, 10 — от мин и фугасов, 21 — от авиации. 112 машин, то есть 54,5 % были потеряны безвозвратно, из них 102 сгорело.

4-я гвардейская танковая армия, входившая в состав Брянского фронта, к началу Орловской операции имела 767 (571) танков. Потери в ходе операции составили 1283 (859) машины, то есть 198 % (185 %). Из них 1189 (786) танков — от боевых потерь, 80 (61) — от технических неисправностей, а 14 (12) — от прочих причин. Боевые потери распределялись следующим образом: 936 (628) — от артогня, 85 (42) — от мин и фугасов, 168 (116) — от

авиации, то есть 14,1 % (15 %). Безвозвратные потери составили 360 (292) танков, из которых сгорело 256 (215).

В июле—августе 1943 г. левое крыло Западного фронта также участвовало в Орловской операции. Находившийся в составе Западного фронта 25-й танковый корпус к 14 июля имел 194 танка. До 10 августа он потерял 378 танков, то есть 195 %. Из них на боевые повреждения пришлось 350 машин, а на технические неисправности — 28. Безвозвратные потери составили 162 машины, то есть 83,5 % от исходного числа танков.

Общие потери советских танковых частей, согласно информации со стенда Военно-исторического музея Курской битвы, составили 6000 танков и САУ, а по данным статьи М. Воронкова «10 суток 140-й Сибирской» из архива того же музея, — 6044 танка и 242 САУ. Надо полагать, что тут приведены безвозвратные потери.

Немцы также понесли тяжелые потери в танках и САУ. Согласно «Истории бронетанковых и механизированных войск Советской армии», «только в ходе контрнаступления советских войск на орловско-брянском и белгородско-харьковском направлениях с 12 июля по 23 августа было разгромлено 35 дивизий, в том числе 22 пехотные, 11 танковых и 2 моторизованные. Кроме того, 42 дивизии противника понесли тяжелые потери и в значительной степени потеряли свою боеспособность»¹.

На самом деле моторизованные дивизии СС в октябре 1943 г. были переформированы в танковые дивизии СС. Так, моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» стала 1-й танковой дивизией СС и продолжала сражаться на Восточном фронте до апреля 1944 г., после чего была переведена во Францию.

Моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» к 25 августа 1943 г. имела в своем составе исправных танков — 31, в ремонте — 124. В октябре 1943 г. переформирована в 3-ю танковую дивизию СС.

Моторизованная дивизия СС «Викинг» к 26 августа 1943 г. имела 27 исправных танков и четыре САУ. В ремонте находилось 20 танков. В октябре 1943 г. дивизия была переформирована в 5-ю танковую дивизию СС.

¹ История бронетанковых и механизированных войск Советской армии. С. 294.

Моторизованная дивизия СС «Рейх» к 26 августа 1943 г. имела в своем составе 7 танков «тигр», 4 танка Т-III, 4 танка Т-IV, 27 танков Т-V, 6 командирских танков и 6 САУ StuG.III. В октябре 1943 г. она была переформирована во 2-ю танковую дивизию СС и до марта 1944 г. воевала на Восточном фронте, а затем была переведена во Францию.

Моторизованная дивизия вермахта «Великая Германия» была перебросена на Украину, где участвовала в боях в районе Кременчуга, а затем Кировограда.

Тем не менее по стране даже в послеперестроечных книгах гуляет цифра в 1500 единиц бронетехники, безвозвратно потерянных Германией в Курской битве.

Хорошей иллюстрацией может служить и дневник командира танка «тигр» Йоахима Шолля (Scholl), воевавшего в моторизованной дивизии СС «Рейх»:

«Курск. Операция “Цитадель”»

10 июля 1943 г. Это мой первый бой на “тигре”. Я потратил всю ночь, читая и перечитывая инструкцию по эксплуатации этой боевой машины. Вспоминая о прошедшем периоде обучения, прокручивал различные ситуации в голове. Я очень нервничаю. Такого сосредоточения сил с обеих сторон я не припомню с начала операции Барбаросса. В любом случае, не стоит себя изводить, это свершится, и мне нужно сделать максимум из возможного в этой битве.

10 июля 1943 г. Ничего особенного в моем первом бою на “тигре” не произошло. Он прошел обыденно. Нас обстреливали в течение нескольких минут, но огонь велся как-то неорганизованно. Несколько снарядов ударило в броню моего “тигра”. Мне это не понравилось... Мы продвинулись вперед примерно на 7—8 км. Продвижение сильно замедлялось из-за минных полей и досаждающих самолетов противника. Уша записал на свой счет 2 победы, но я все же выиграю свои 100 марок, которые мы, я, Герт и Уша, поставили на то, кто будет иметь наибольший боевой счет к концу войны. Завтра будет новый день.

11—12 июля 1943 г. Да, я одержал свою первую победу. Ладно, это был всего лишь тягач, буксировавший артиллерийское орудие, но это все равно — уничтоженная цель. Мой наводчик, Карл, выпустил по нему около 30-ти снарядов. Один Бог знает, где его учили целиться!.. Уша записал на свой счет еще три победы. Бо-

ров, он уже далеко меня опередил. Думаю, ему попался гораздо лучший наводчик. Я слышал, что мы потеряли сегодня 4 “тигра” на минных полях. Это сделало меня очень осторожным при продвижении вперед. Я собираюсь немного сдать назад и подождать, пока Ульрих внимательно исследует маршрут продвижения.

15 июля 1943 г. Что за день! Я думаю, мы подбили 5 танков сегодня. Я не уверен точно, так как там было столько пыли и столько танков кругом! Было трудно даже просто обнаружить цель. В один из моментов боя я почти приказал открыть огонь по нашему StuG. Мне показалось, что это русский. Я знаю точно, что я уничтожил русскую САУ, так как она была всего в 50 метрах передо мной. Куски САУ долетели даже до моего “тигра” и застучали по броне. Это какое-то сумасшествие, во время обучения нам говорили, что мы должны уничтожать цели на больших дистанциях. Мне и в голову не приходило, что они имели в виду ТАКИЕ дистанции. Я думаю, что мы также уничтожили несколько противотанковых орудий противника, так как все мы, и я, и Герт, и Карл, обстреливали их позиции фугасными снарядами.

16 июля 1943 г. Еще один день в аду. Коммунисты устроили ад на поле боя. Мы уничтожили группу пехоты противника, пытавшейся обойти наших grenадеров с фланга. Даже внутри “тигра” мы слышали, как наши grenадеры радостно кричали всякий раз, когда очередной наш снаряд ложился прямо в середину русских. При такой поддержке мы чувствовали себя прекрасно. Хотя, должен сказать, что наблюдать за летающими повсюду частями тела мне удовольствия не доставляло. Нашего заряжающего, Берти, дважды вырвало прямо в пустые ячейки хранилища снарядов. Сам будет убирать... Наступила еще одна ночь, пытаюсь уснуть. Не думаю, что у меня получится. Я уже не могу нормально поспать в течение трех дней.

19 июля 1943 г. Это сражение складывается не слишком удачно для нас. Прошли слухи, что русских войск здесь гораздо больше, чем ожидалось. Я слышал, что армейские танковые батальоны “тигров”, ведущие боевые действия далеко впереди, уже несут большие потери. Это настораживает и пугает... Нашу позицию практически захлестнули русские войска. Мы запросили артиллерийскую и авиационную поддержку, так как наши запасы фугасных снарядов на исходе. Перекрестным огнем нам удалось загнать около 2000 русских в овраг. Мы уже трижды перезаряжали

ленты наших пулеметов и трижды пополняли боезапас фугасных снарядов. Я никогда прежде не видел столько крови. Меня мутило, Берт склонился и орал мне в ухо, пока до него не дошло, что послужило причиной моего состояния. Я никогда не забуду этот день.

20 июля 1943 г. Сегодня мы получили удар противотанкового снаряда в бортовую броню. Он разорвал защитный козырек над траком. Мы подумали, что это конец и что наш трак разорван. Но наш водитель, Роберт, сказал, что “тигр” все еще на ходу и хорошо управляется. Тем временем Уша послал один за другим два снаряда по позиции противотанковых орудий и уничтожил оба. Мы все еще не вошли в Прохоровку. Коммунисты имеют там очень сильную оборону. Я не думаю, что мы будем захватывать этот населенный пункт. Мы уничтожаем штурмовые орудия (?) противника в больших количествах. Уша сказал, что они не будут засчитываться в нашем пари. Это меня расстроило и вызвало раздражение, так как в этом случае я отстаю от него уже на 10 побед.

21 июля 1943 г.

09.00 — Вы можете в это поверить? Наш наводящий ужас танк... сломался. Роберт думает, что проблема в трансмиссии. Мы ждем эвакуации в ремонтные мастерские. Надеюсь, что нам не придется пересаживаться на Panzer III или что-нибудь еще в этом роде, пока мы ждем наш танк из ремонта.

10.45 — Нас буксирует в расположение ремонтных мастерских “тигр” из 503-го батальона. Знакомы с его экипажем уже довольно давно. Их командир недавно погиб, так что я оставляю их наедине со своими мыслями.

13.50 — Мы прибыли в мастерские. В очереди на ремонт стоят 8 “тигров” из разных подразделений. На броне некоторых из них видно множество отметин от снарядов, так что я подумал, что мы еще счастливики. Я подошел к Иоганну Фену (Johann Foen). Он совсем недавно закончил обучение и женился на китайке, с которой познакомился во время учебы в Берлине. Сейчас он — всего лишь глупый 20-летний мальчишка. Я не собираюсь жениться до тех пор, пока война не закончится. Ремонтники сказали, что нам придется ждать около 3-х дней, пока они приведут наш “тигр” в порядок. Мы доложили в штаб и попросили небольшого отдыха. Я должен отдохнуть, у меня до сих пор стоят в глазах те расчлененные тела в овраге.

23 июля 1943 г. У нас кое-что случилось. Мы ехали обратно к себе в часть. Наш путь пролегал через маленькую деревеньку. Роберт увидел, как один из полицейских избивал русского старика. Он выскочил из машины и сбил полиция на землю. Подоспел напарник полицейского, Роберта скрутили и собрались уводить, вероятно, для предъявления обвинения. Ну вот, прекрасно, я остался без водителя, потому что эти полицаи хотят везде и всюду распространить свое влияние. Я подошел ко второму полицейскому и сказал, что если они не вернут мне Роберта, то я заберу их на передовую и покажу тот овраг с изуродованными телами. В ответ полицейский пожал плечами и сказал, что он видел и похуже. Откуда эти полицейские могут видеть похуже, если они даже на передовой никогда не были? Но я не стал спорить, а Роберта освободил наш командир.

24 июля 1943 г. Роберт вернулся обратно с довольно заметными отметинами на лице. Вероятно, ему досталось от полицейских. Его отпустили без права покидать расположение своего подразделения. Ха, куда он может пойти? Каким образом он может покинуть расположение своего подразделения? Я написал жалобу о нанесении Роберту физических повреждений, которые серьезно мешают ему выполнять свои служебные обязанности. Наш "тигр" все еще не отремонтирован. Старший механик сказал, что потребуется еще два дня для ремонта. Я очень расстроен, Уша за это время еще больше оторвался от меня по числу побед.

25 июля 1943 г. Наконец-то наш "тигр" отремонтирован. Механики работали всю ночь, так как поступил строжайший специальный приказ: "Срочно вернуть все танки на фронт". Вообще, дела идут совсем плохо. На пути назад нам поступил приказ отбуксировать в ремонт другой поврежденный "тигр". Прекрасно, это оказался "тигр" Уши! Теперь у меня есть прекрасная возможность догнать его по результативности. Мы шутили по пути в мастерские, временами он возмущался по поводу бардака, который творится на фронте. Он сказал, что никто не знает, кто где находится, а русские наваливаются как сплошная коричневая стена. По его словам, русские совершенно не обращают внимания на свои потери. К сожалению, и наши войска изрядно потрепаны. Еще он сказал, что во второй роте осталось всего три танка.

27 июля 1943 г. Сегодня ничего не подбил. Целый день мы вели огонь, но из-за густых облаков пыли и дыма я даже не знаю, что

мы там подбили, и подбили ли вообще. Я чувствую себя очень уставшим, экипаж — тоже. Роберт дважды практически засыпал на ходу. Карл сказал, что уничтожили пару орудий, один Т-34 и много пехоты. Но я ничего из этого подтвердить не могу. Но я все равно заявлю об этих победах, так как я пока не вышел из этой гонки за 200 марок.

28 июля 1943 г. Сегодня нам приказали отступить и перегруппироваться. Это первый раз с начала операции Zitadelle, когда я увидел всю роту в полном сборе. Мы потеряли несколько танков, в основном из-за технических неисправностей, но некоторые подорвались на минных полях. Молодой Герт был серьезно ранен, и его отправили в Берлин. Уша сказал, что Герту отнимут правую руку, и пари теперь остается лишь между нами двумя. Я сказал, что Уша победил в этом пари, и мы заключим новое, когда Герт вернется. Собственно, у меня пока и не было такой большой необходимости в 100 марках. Мы возвращаемся обратно в Белгород. На своем пути мы встретили группу пехотинцев. Они выглядели уставшими и понурыми. Я почувствовал себя виноватым и предложил им забраться на броню. Они устроились за башней. Роберт болтал всю дорогу, пока я и Карл не потеряли терпение и не сказали ему заткнуться. Мне, как офицеру, не следовало бы этого делать. Я не потерял контроль над собой, но после этого месяца боев я уже никогда не буду таким как раньше.

Харьков.

21 августа 1943 г. Мы отступали и вели бои в течение двух дней. Наш “тигр” получил некоторые повреждения, но ничего серьезного, что могло бы повлиять на его боеспособность. Карл становится прекрасным наводчиком. Он все еще не очень уверенно чувствует себя с целями на дальних дистанциях, но сегодня поразил Т-34 на дистанции 1800 метров. Я им очень доволен. Он уничтожил сегодня 4 танка до того, как их экипажи смогли определить, кто же по ним ведет огонь. Сегодняшний день — наш лучший день! Я думаю, что наше пари с Ушей так быстро не разрешится. Я сейчас имею на своем счету 18 подтвержденных уничтоженных танков противника. Кроме того, более 50 орудий и прочей техники, и множество живой силы русских. Уша говорит, что у него на счету уже 30 уничтоженных русских танков, но я-то знаю, что он хитрит и заявляет уничтоженные орудия как уничтоженные танки.

22 августа 1943 г. Сегодня получили два попадания в лобовую броню. Один из них попал в смотровой прибор нашего водителя, Роберта. Что он при этом испытал, я не хочу даже и представлять. Хорошо, что мое место в бою не рядом с ним. Мы чувствуем себя сейчас гораздо увереннее, так как ни один из этих Т-34 не может пробить нашу лобовую броню. Карл уничтожил сегодня 3 орудия, а также несколько груженных грузовиков. К нам уже и прозвище прилепилось: “Асы по грузовикам”. А что мне делать? Где найти хотя бы несколько нормальных танков, если их уже давно нет в поле зрения? Не могу подобрать приличных слов к своему командиру, который послал нас далеко вперед в составе взвода.

23 августа 1943 г. Стер свою последнюю запись в дневнике. Сегодня наш “тигр” назначили лидером, так как наш предыдущий лидер, “тигр” молодого Фёна, завяз в овраге. Идиот! Наш “тигр” получил сегодня уже как минимум 10 попаданий. И каждое попадание сопровождалось громким звенящим металлическим звуком. Один из снарядов проделал дырку в ящике для амуниции. Мы уничтожили два Т-34, орудие и... еще 5 грузовиков. Делаю намек командиру, что не очень-то хочу быть лидирующим танком. Тот засмеялся и сказал, чтобы я не волновался. А я волнуюсь...

24 августа 1943 г. Этот идиот, Фён, загнал свой “тигр” в грязь так, что орудие зарылось в землю почти на половину своей длины. Механики успели снять с танка все самое ценное до того, как экипаж подорвал его. Непростительная халатность и растрата, в то время когда нам так нужны все из имеющихся у нас “тигров”. Мой “тигр” снова в ремонте. Небольшие проблемы с топливной системой. Это не должно занять много времени. Поболтал с парнем из нового батальона, вооруженного танками “пантера”. Он сказал, что их танки не хуже “тигров”, при условии, что они на ходу. Я рассмеялся и смеялся до того момента, пока он не сказал, что уничтожил около 100 русских танков. Берти и Уша сказали, что он “заливает”, и что они слышали только о Кариусе (Carius) и Книспеле (Knispel) из армейских батальонов, воюющих на “пантерах”, и хоть сколько-нибудь приблизившихся к такому количеству побед.

25 августа 1943 г. Сегодня было большое сражение. Мы потеряли несколько Panzer III. Ни одного “тигра” потеряно не было. Я снова был замыкающим во взводе. С этой позиции я не мог подбить много танков, но зато и сам я не получил по-

паданий, за исключением пулеметных и стрелковых. Когда “тигр” двигался, я даже не слышал этих попаданий, но ясно видел приближавшиеся к нам со всех сторон трассеры. После пары наших выстрелов, обстрел прекратился. Мне кажется, что русские боятся “тигров”: все, кого мы встречаем на своем пути, разбегаются куда только можно. Лидирующие “тигры” уже уничтожили большое количество Т-34 и орудий. Уша подбил даже пару этих новых коробчатых КВ. Он сказал, что это было просто, потому что они настолько высокие, что видны за несколько километров.

27 августа 1943 г. Опять поломались, снова проблемы с трансмиссией. Двигатель тоже работает как-то ненормально, Роберт говорит, что в карбюраторе скопилась грязь. Я не слишком разбираюсь в этих вещах, у меня нет склонности к механике. нас отбуксировали обратно в сторону Харькова, в расположение ремонтной базы. Мы собрались выпить пива сегодня ночью. Я уже не могу дождаться.

28 августа 1943 г. Пива попить мне не удалось... Нам сразу выдали новый “тигр” и отправили обратно на передовую. Русские предприняли массированную атаку на наши позиции. Они в течение нескольких часов вели по нам артиллерийский огонь. Я не люблю артобстрелы, так как не имею возможности что-то с этим поделаться. Наша артиллерия открыла ответный огонь. Я надеюсь, что они накрыли советские артпозиции. Мы ожидали в перелеске вместе с Томасом и Паулем. Томас только недавно прибыл на фронт, а Пауль уже подбил один КВ. Уша был прав — КВ является легкой целью. Пока Пауль перезаряжался, мы подбили и свой КВ. Также мы уничтожили два орудия и нашу, уже ставшую обычной, норму грузовиков...

29 августа 1943 г. Сегодня мы были вынуждены отступить. Такое впечатление, что русские имеют бесконечное количество солдат и танков, и они накатываются на нас волна за волной. На поле боя находилось не меньше нескольких сотен Т-34 и КВ. Я был очень напуган. Это был первый раз, когда мне показалось, что мне пришел конец. Мне не хочется быть похороненным в России. Карл все стрелял и стрелял, пока у нас не кончились снаряды. После этого нам ничего не оставалось, как развернуться и отступать к позициям нашей пехоты. Мы увидели, как группа пехотинцев направилась к нам, чтобы прикрыть от наступающих

русских. После этого эпизода я был преисполнен уважения и благодарности к этим людям».

Ну и как положено в трудах по военной истории, от потерь перейдем к выводам. Еще раз предоставлю слово авторам «Истории бронетанковых войск»:

«Опыт применения и боевых действий танковых армий и отдельных танковых и механизированных корпусов в оборонительной операции под Курском подтвердил наши теоретические положения о том, что крупные танковые и механизированные соединения в обороне являются важнейшим средством для нанесения контрударов. Вместе с тем этот опыт показал, что при необходимости эти соединения способны также прочно удерживать в обороне местность и успешно отражать удары наступающих крупных танковых группировок противника. Оборонительные операции на Курской дуге обогатили нашу советскую военную теорию поучительными примерами успешного применения бронетанковых и механизированных войск в обороне. Отдельные танковые полки и танковые бригады включались в боевые порядки пехоты и применялись как средство их непосредственного усиления. Этим в значительной степени увеличивалась огневая мощь и повышалась устойчивость обороны в противотанковом отношении. Отдельные танковые и механизированные корпуса и танковые армии составляли либо фронтовые резервы, либо резерв Ставки Верховного Главнокомандования. Этот резерв использовался как для нанесения мощных контрударов, так и для занятия оборонительных рубежей в глубине обороны на направлениях главных ударов противника. Таким образом, круг задач, которые в состоянии решать бронетанковые и механизированные войска, значительно расширился.

Опыт оборонительных операций показал, что наиболее целесообразно танковые армии и отдельные танковые корпуса до начала операции держать во фронтовом резерве и на таком удалении от переднего края обороны, чтобы исключить возможность воздействия по ним артиллерийского и минометного огня противника. В битве под Курском районы расположения танковых армий находились от переднего края обороны на удалении около 50 км.

При необходимости использовать танковые и механизированные соединения для обороны их подвижность обеспечивает вы-

ход на танкоопасные направления и занятие рубежей обороны на пути наступления ударных группировок противника в предельно сжатые сроки. Так, например, для выхода 2-й танковой армии ко второй оборонительной полосе 13-й армии Центрального фронта потребовалось 6—7 часов, а для выхода 1-й танковой армии в полосу обороны 6-й гвардейской армии Воронежского фронта — около 5 часов.

Ширина полосы обороны 2-й танковой армии равнялась 30 км, а 1-й танковой армии — 35 км. Имея в своем составе 607 танков и 440 орудий и минометов, 2-я танковая армия увеличила плотность обороны 13-й армии Центрального фронта на 20 танков и 15 орудий и минометов на каждый километр фронта, а при наличии в 1-й танковой армии 623 танков и 682 орудий плотность обороны 6-й гвардейской армии Воронежского фронта на каждый километр увеличилась на 18 танков и 20 орудий и минометов.

Такое массированное применение танковых армий в оборонительной операции при правильном взаимодействии их с общевойсковыми соединениями, артиллерией и авиацией придало всей обороне решительный и активный характер и дало возможность за крайне короткий срок обескровить наступающие ударные танковые группировки противника.

Исключительно важное значение в обеспечении успеха оборонительных операций на Курской дуге имело сосредоточение Ставкой Верховного Главнокомандования вблизи района боевых действий крупных стратегических резервов, в том числе танковых и механизированных соединений, и своевременное выдвижение их на угрожаемые направления. Например, в ходе оборонительной операции Воронежского фронта из резерва Ставки были направлены к району боевых действий 5-й гвардейской танковой армии в составе трех корпусов (18-го, 29-го танковых и 5 гвардейского механизированного), 2-й и 10-й танковые корпуса, а также 4-й гвардейский танковый корпус, действовавший в составе 27-й армии, и 1-й мехкорпус, действовавший в составе 53-й армии.

С перегруппировкой этих танковых сил к району боевых действий в значительной степени увеличилась глубина оперативного построения обороны Воронежского фронта. Кроме того, этими танковыми силами советское командование своевременно закрывало образовавшиеся на направлениях главного удара врага прорывы, в результате чего противнику хотя и удавалось на узких

участках вклиниться в нашу оборону на глубину до 35 км, но оперативного прорыва он не достиг.

Умелым маневрированием в ходе оборонительной операции бронетанковыми и механизированными соединениями советское командование своевременно выставляло на наиболее угрожаемых направлениях прочный танковый щит, о который разбивались все удары врага. Кроме того, своевременное выдвижение к району боевых действий подвижных резервов Ставки Верховного Главнокомандования давало возможность, как только обозначался кризис немецкого наступления, без оперативной паузы организовывать мощные контрудары с целью восстановления ранее занимаемого положения и создания условий для перехода в решительное контрнаступление.

В контрнаступлении на орловско-брянском направлении отдельные танковые бригады и полки, действуя в качестве танков непосредственной поддержки пехоты, способствовали общевойсковым армиям в быстрейшем прорыве главной полосы обороны. Прорыв второй и третьей полос обороны противника осуществлялся во взаимодействии общевойсковых соединений с отдельными танковыми корпусами и танковыми армиями при поддержке их массированными ударами артиллерии и авиации. Такой метод применения танковых соединений был обусловлен необходимостью ускорить прорыв и увеличить пробивную мощь общевойсковых армий при прорыве заранее подготовленной и глубоко эшелонированной обороны врага.

После прорыва вражеской обороны отдельные танковые корпуса и танковые армии, не отрываясь на значительное расстояние от общевойсковых армий, содействовали войскам Западного, Брянского и Центрального фронтов в раздельном разгроме болховской и орловской группировок противника. Умелые и целеустремленные действия танковых и механизированных соединений, в сочетании с успешными действиями других родов войск, привели к тому, что противостоящему противнику были нанесены невосполнимые потери, а орловский стратегический плацдарм немцев, откуда они угрожали Москве, был ликвидирован»¹.

Не знаю, кому как, но, на мой взгляд, выводы этих специалистов сводятся к констатации факта, что «лошади кушают овес».

¹ История бронетанковых и механизированных войск... С. 295—297.

Увы, у известных мне историков выводы тоже оставляют желать лучшего. Поэтому придется делать свои, рискуя угодить под шквал критики «компетентных историков».

На мой взгляд, немцы, начиная операцию на Курской дуге, совершили две грубейшие ошибки — стратегическую и тактическую.

С точки зрения военной стратегии затевать крупное наступление на Восточном фронте было вопиющей глупостью. Даже если бы немцам удалось достичь успеха, это была бы тактическая победа, не решавшая исход войны, а лишь отодвигавшая на время наступление Красной армии. С другой стороны, германская разведка прекрасно знала, что союзники, разгромив немцев и итальянцев в Северной Африке, готовят вторжение в Европу. Если бы треть сил, сконцентрированных на Курской дуге, Гитлер направил бы в Италию, то вермахт и люфтваффе устроили бы бойню для союзных сил, высадившихся в Сицилии. Кстати, союзники высадились в Сицилии 10 июля — в самый разгар Курской битвы.

Оппоненты возразят мне, что в военном отношении операции в Сицилии не идут ни в какое сравнение с Курской битвой и что именно Курская битва стала решающим сражением Второй мировой войны. Да, все верно, но только при том раскладе исторических событий. Победа союзников в Сицилии была лишь тактическим успехом, а успех Красной армии под Курском — стратегической победой. Но вот полный разгром союзников в Сицилии мог стать решающей битвой Второй мировой войны, пусть даже при оставлении немцами пары областей на Восточном фронте.

Если бы из Сицилии не вернулся бы ни один солдат союзного десанта, то руководству США и Англии стало бы ясно, что высадка союзников во Франции может состояться, лишь когда Красная армия дойдет до Бреста, и не до того, который на Буге, а до берегов Атлантики. Надо ли говорить, что это подтолкнуло бы союзников к переговорам с немцами, разумеется, не с Гитлером, а с высшими генералами.

Теперь о тактической ошибке. Гитлер решил устроить новый Верден, где советские войска много недель строили укрепления и ставили мины. Например, на Центральном фронте было открыто до 5000 км траншей и ходов сообщений, установлено около 400 тысяч мин и фугасов. Только в полосах обороны 13-й и 70-й

армий было построено 112 км проволочных заграждений и установлено свыше 170 тысяч мин. На Воронежском фронте было вырыто 4240 км траншей и ходов сообщений, а также до 60 тысяч стрелковых и пулеметных окопов; уложено свыше 600 тысяч мин и построено до 500 км противотанковых препятствий.

К 1 июля 1943 г. в составе Центрального фронта имелось 3769 пушек, 741 гаубица, 503 зенитных орудия и 6706 минометов калибра 50—120 мм. Для Воронежского фронта эти цифры составляли: 4035, 332, 474 и 6943 ствола. На 1 км фронта плотность противотанковых пушек составляла от 10 до 24 стволов, не считая гаубиц, минометов и реактивных установок. Кстати, только на Центральном фронте к 4 июня 1943 г. было 169 боевых машин для ракет М-8 и М-13 («катюш») и 432 установки рамного типа для пуска ракет М-30 («Лука»).

Для борьбы с танками советское командование привлекало не только 57—76-мм пушки, но и корпусную артиллерию — 122-мм пушки обр. 1931 г. и 152-мм гаубицы-пушки МЛ-20. Попадание снаряда корпусной артиллерии с близкого расстояния в лобовую часть «тигра» заведомо выводило его из строя даже без пробития брони. Откуда-то с Дальнего Востока подтянули 107-мм пушки М-60. В части Центрального и Воронежского фронтов доставили гаубичные артиллерийские бригады большой мощности, оснащенные 203-мм гаубицами Б-4, которые в 1941-м и 1942 годах практически не участвовали в боевых действиях.

Гитлер же понадеялся, что его 133 «тигра» победно пройдут через километры минных полей под огненным шквалом советской артиллерии.

Замечу, что все подбитые «Фердинанды» (около 30 машин) стали жертвами мин и фугасов, а совсем не огня танковых пушек. Да и остальная германская бронетехника имела от огня 76-мм пушек советских танков весьма небольшие потери. Точных данных на этот счет нет, но по моей оценке это 5—10 %.

Курская битва стала победой не наших танков, а нашей артиллерии, как буксируемой, так и самоходной. Другой вопрос, что развить успех в контрнаступлении пришлось именно танкам.

Чтобы добиться успеха на Курской дуге, Гитлеру следовало устроить полномасштабный Верден, то есть резко увеличить плотность огня большим числом орудий большой и особой мощности. Кстати, такие орудия у него были. Сотни, а то и тысячи

тяжелых орудий без особого успеха обстреливали Ленинград, стояли на вооружении береговых батарей¹, а то и пылились на складах. Это относится как к орудиям германского производства, так и к трофейным орудиям, захваченным по всей Европе.

И лишь после того как оборона противника будет полностью подавлена артиллерийским огнем и бомбардировками авиации, следовало пускать танки, причем вначале должны были следовать средние танки, и лишь потом — тяжелые.

Во многом немцы на Курской дуге повторили ошибки наших командиров летом 1941 г. Сражение под Курском еще раз подтвердило, что ни один вид военной техники, сколь бы он ни был совершенен, не в состоянии решить исход большой битвы. (Понятно, что речь не идет об атомном или бактериологическом оружии.)

Глава 24

ОПЕРАЦИЯ «РУМЯНЦЕВ»

Белгородско-Харьковскую наступательную операцию «Румянцев» советские историки считали завершающей операцией Курской битвы. Операция проводилась силами Воронежского и Степного фронтов. Первоначально в составе Воронежского фронта находились 28 стрелковых дивизий, 8 танковых корпусов, два мотострелковых корпуса и две отдельные танковые бригады. Всего 739,4 тысячи солдат. Соответственно, Степной фронт располагал 22 стрелковыми дивизиями, одним механизированным корпусом и тремя отдельными танковыми бригадами. Всего 404,6 тысячи человек.

В операции ширина фронта составляла от 300 до 400 км. В ходе наступления были дополнительно введены танковый и механизированный корпуса, 19 дивизий и две бригады.

Нашим войскам противостояли германская 4-я танковая армия и оперативная группа «Кемпф», входившая в состав группы армий «Юг», которой командовал генерал-фельдмаршал Э. Манштейн.

¹ Тяжелые гаубицы и мортиры к 1941 г. стали абсолютно бесполезны для борьбы с кораблями, зато были незаменимы для прорыва обороны противника, хорошо укрепленной в инженерном отношении.

Уже 5 августа наши войска освободили город Белгород. Манштейн писал: «Третьего августа началось наступление противника, сначала на фронте 4-й танковой армии и на участке группы Кемпфа западнее Белгорода. Противнику удалось осуществить прорыв на стыке обеих армий и значительно расширить его по глубине и ширине в последующие дни. 4-я танковая армия была оттеснена на запад, группа Кемпфа — на юг, по направлению к Харькову. Уже 8 августа брешь между обеими армиями достигла в районе северо-западнее Харькова 55 км. Путь на Полтаву и далее к Днепру был для противника, видимо, открыт.

Командование группы решило подтянуть к Харькову 3-й танковый корпус (две танковые дивизии СС, которые Гитлер теперь окончательно оставил группе, и 3-ю танковую дивизию). Он должен был быть использован группой Кемпфа для удара по восточному флангу клина прорыва противника. Одновременно по западному флангу должна была нанести удар 4-я танковая армия силами двух танковых дивизий, возвращенных группой «Центр», и одной мотодивизии...

Противник еще больше теснил на запад 4-ю танковую армию и намеревался одновременно обойти с запада группу Кемпфа в проделанной им брешу, чтобы окружить ее в Харькове. Двенадцатого августа он предпринял атаки на нашем фронте восточнее и юго-восточнее Харькова. Дивизии, расположенные там на очень широком фронте, не выдержали натиска противника. Надвигалась опасность окружения группы Кемпфа в районе Харькова»¹.

Германский историк Раус рассказывает об этих боях: «Тем временем 6-я танковая дивизия, находившаяся на левом фланге корпуса, оказалась в сложной ситуации. Кроме своего собственного сектора ей пришлось взять на себя оборону сектора пропавшей 168-й пехотной дивизии. Русские оказывали сильное давление на этом участке, и 6-я танковая срочно затребовала противотанковые подкрепления. Я отправил туда 12 противотанковых орудий и организовал атаку авиации против советской танковой колонны,двигающейся с востока. Так, общими усилиями, удалось предотвратить немедленный разгром фланга XI корпуса.

Батальон штурмовых орудий прибыл только во второй половине дня из-за многочисленных пробок на дорогах. Заправившись

¹ Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ, 1999. С. 554—555.

из цистерн, спрятанных в кустарнике, батальон провел контратаку против вражеских танков, все еще угрожающих левому флангу. Массированный удар 42-х штурмовых орудий захватил русских врасплох и нанес им огромные потери. Батальон уничтожил все вражеские танки и противотанковые орудия на восточном берегу реки Лопань и отбросил оставшиеся вражеские силы обратно за реку. Ближе к вечеру ситуация была взята под контроль. В сообщениях из сектора Донца говорилось, что противнику не удалось расширить плацдарм из-за упорного сопротивления 320-й пехотной дивизии и поддерживающих ее штурмовых орудий.

Хотя вся 168-я пехотная дивизия пока числилась без вести пропавшей, XI корпус добился первых успехов в обороне. Намерение Красной армии уничтожить нас концентрической атакой с трех сторон провалилось. Русские понесли тяжелые потери в живой силе и технике, в том числе за один день были подбиты 60 танков»¹.

13—25 августа 1943 г. шли упорные бои за Харьков, хотя Левитан громогласно заявил по Московскому радио, что бывшая столица СССР взята советскими войсками. Раус писал: «Девяносто шесть танков Pz.Kw.V “пантера” и 35 Pz.Kw. VI “тигр”, а также 25 самоходных орудий StuG III едва-едва успели занять указанные позиции, как 19 августа началась первая крупномасштабная атака 5-й гвардейской танковой армии. Однако первый немецкий удар обрушился на массу русских танков, которые в это время собирались в деревнях и на равнине в речной долине. В сопровождении истребителей люфтваффе, которые в несколько минут расчистили небо от советских самолетов, появились тяжело нагруженные пикировщики Ju-87. Они спикировали на вражеские танки, скупившиеся на крошечном пятячке, и сбросили на них свой смертоносный груз. В небо взлетели исполинские черные фонтаны земли, прокатился тяжелый грохот, словно началось землетрясение. Это были тяжелые 2-тонные бомбы, созданные для борьбы с линкорами. Никаких других боеприпасов для борьбы с русскими танками у 4-го Воздушного флота не оставалось. Эскадрилья за эскадрилей величественно плыли в голубом небе, чтобы без помех выполнить свою ужасную работу. Вскоре деревни, в которых

¹ Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2005. С. 345—346.

стояли советские танки, охватило море огня. Над речной долиной плыла непроницаемая пелена пыли и дыма, которую заходящее солнце окрасило в багровый цвет. На этом фоне колыхались черные грибообразные столбы дыма, поднимающиеся над подбитыми танками, которые стали жертвами воздушных атак. Эта мрачная картина красноречиво говорила о том, что здесь царят смерть и разрушение. Полученный русскими удар был настолько силен, что в этот день они не смогли начать запланированное наступление, несмотря на жесткий приказ Сталина. В результате XI корпус получил столь необходимую короткую передышку...

20 августа русские не стали сосредоточивать танки большими массами, а пересекли речную долину одновременно в нескольких местах и скрылись на кукурузном поле, которое находилось перед нашими позициями. Их ограничивало шоссе, проходящее с востока на запад в нескольких сотнях метров впереди траншей. Ночью советская моторизованная пехота просочилась через наши позиции в нескольких местах и совершенно неожиданно возникла на артиллерийских позициях возле Люботина...

Все утро русские танки упорно пробивались вперед через низины на южном краю полей, а затем внезапно разом появились на дороге. "пантеры" дивизии "Рейх" открыли бешеный огонь по головным Т-34, прежде чем те подошли к нашей линии обороны. Однако русские танки волна за волной выкатывались из низин и бросались на наши позиции. Здесь стояло множество зенитных и противотанковых орудий, 8,8-см самоходные истребители танков "Хорниссе", 10,5-см самоходные гаубицы "Веспе". Все они открыли огонь по русским танкам, раскололи стальную лавину на мелкие кусочки и подбили много машин. Последние волны русских танков еще пытались что-то сделать, когда появились "тигры" и штурмовые орудия StuG III, составлявшие наш мобильный резерв, и атаковали их. Русские понесли тяжелые потери и были отброшены. 5-я гвардейская танковая армия заплатила очень дорого за эту массированную атаку, потеряв 184 танка Т-34.

Тем временем немецкие танковые резервы при поддержке штурмовых орудий 3-й танковой дивизии отбили позиции захваченной батареи и все 12 гаубиц и окружили просочившийся батальон мотопехоты к западу от Люботина позади наших линий. Упорно обороняясь, русские вызвали по радио помощь и стали ждать.

21 августа 5-я гвардейская танковая армия сменила тактику, атаковав чуть дальше к востоку одним гигантским стальным клином, одновременно бросив в бой несколько сотен танков. Но пока они шли по открытой местности вдоль железной дороги, попали под огонь дальнобойных 8,8-см пушек “тигров” и “хорниссе” с дистанции 3000 метров. В результате противник сумел начать массированную танковую атаку только ближе к вечеру. Когда русские танки выскочили из зарослей кукурузы, их встретил сосредоточенный огонь “тигров”, “пантер”, “хорниссе”, штурмовых орудий, зениток и противотанковых пушек. Атака быстро захлебнулась, причем были уничтожены 154 русских танка. Слабые стрелковые части, следовавшие за танками, были встречены плотным огнем нашей пехоты и артиллерии и сразу залегли.

Тем временем окруженный в нашем тылу моторизованный батальон напрасно ожидал помощи. Хотя он продолжал сражаться с невиданным упорством, вечером его рация сообщила, что подразделение разбито, а потом умолкла навсегда. После 48 часов героической обороны советский батальон был истреблен до последнего человека, включая радиста.

Потери русских были просто неслыханными, и все-таки 5-я гвардейская танковая армия еще имела более 100 танков. Опыт подсказывал нам, что следует ждать новых атак, хотя они были заведомо обречены на неудачу в результате усиления нашей обороны. Несколько танкистов, которых мы взяли в плен, прекрасно знали, что их товарищей ждет смерть или, в лучшем случае, плен.

Однако вопреки всем ожиданиям день 22 августа прошел относительно спокойно. Несколько русских танков ползали по кукурузному полю, вытаскивая подбитые машины, чтобы пополнить свои сильно поредевшие ряды. Летний зной разлился над окровавленным полем, где несколько дней подряд бушевали жестокие бои. Последний луч заката известил о том, что мирный день закончился. Могли ли русские пересмотреть свои планы? Или они вообще отказались подчиниться категорическому приказу атаковать?»¹

Тут следует дополнить Рауса. 22 августа немцы сдали Харьков. Манштейн утверждал, что на это он пошел, дабы высвободить

¹ Раус Э. Указ. соч. С. 349—352.

силы для обоих угрожаемых флангов группы Кемпфа. В это время группа была переименована в 8-ю армию, а командование ею принял генерал Велер.

А теперь вновь дадим слово Раусу: «Однако 5-я гвардейская танковая армия возобновила атаку, и сделала это в тот же самый день. Перед полуночью [с 22 на 23 августа] с кукурузного поля долетел шум множества моторов, выдав новую русскую уловку. Противник намеревался ночью добиться того, что не удалось ему днем.

Но мы были готовы ко всему. Прежде чем русские танки достигли подошвы холма, многочисленные вспышки выстрелов танковых пушек раскололи темноту ночи. В неровном, мерцающем свете стала видна вся 5-я гвардейская танковая армия, развернувшаяся широким фронтом. Танки, подбитые с близкого расстояния, пылали словно факелы и осветили часть поля боя. Наши противотанковые пушки не могли стрелять нормально, так как с трудом различали друзей и врагов. “пантеры” и “тигры” дивизии “Рейх” вступили в бой, тараня советские танки в контратаке или пробивая насквозь снарядами, выпущенными в упор. Все чаще мелькали вспышки, а грохот выстрелов танковых пушек и зениток можно было слышать далеко за полночь, потому что наши танки пошли в решительную контратаку. Так как пылало уже множество танков и сельских домиков, равнина, на которой разыгралась схватка, была освещена их бледными отсветами. Наконец-то стало возможно распознавать очертания Т-34 на расстояниях более 100 метров и обстреливать их. Ужасный грохот раскатился вокруг, когда столкнулись две танковые лавины. Вспышки выстрелов мелькали буквально повсюду. На несколько километров вокруг в воздухе свистели и визжали бронбойные снаряды. Постепенно какофония танковой битвы начала смещаться на север, хотя выстрелы вспыхивали все глубже в нашем тылу, а яркие факелы горящих танков отражались в ночном небе. Лишь через 2 или 3 часа на позициях XI корпуса восстановилась тишина. Постепенно бой затих и в других местах.

На рассвете 23 августа мы поняли, что битва выиграна, хотя русские танки и мотопехота еще оставались внутри наших боевых порядков и даже за ними. Нам предстояло заткнуть множество мелких разрывов фронта. Головные советские танки,

которые прорвались глубоко в наш тыл, были захвачены на западной окраине Харькова, а их экипажи попали в плен. Хотя процесс зачистки поля боя занял все утро, к полудню вся линия была в наших руках, и XI корпус был готов защищаться дальше.

Лишь маленький участок леса далеко позади линии фронта еще оставался в руках советской моторизованной пехоты, поддержанной несколькими танками и противотанковыми пушками. Все наши попытки отбить этот лоскуток были отражены с тяжелыми для нас потерями. Лишь атака огнеметных танков положила конец упорному сопротивлению русских, так как целый участок леса был просто сожжен дотла.

Советские попытки захватить Харьков крупномасштабной ночной атакой всех сил 5-й гвардейской танковой армии провалились. Ее потери составили более 80 сожженных танков, несколько сот человек убитыми и тысячи ранеными. Много техники и вооружения было уничтожено в ходе одной ночной битвы. Всего же попытки отбить Харьков стоили 5-й гвардейской танковой армии потери 420 танков за 3 дня боев. Как эффективная боевая сила на ближайшее время она перестала существовать. Харьков остался в наших руках»¹.

Тем не менее немцам пришлось эвакуировать Харьков из-за быстрого продвижения Красной армии на юге Украины. Во время отступления немецкого арьергарда единственный сохранившийся мост через болото рухнул под тяжестью нескольких истребителей танков «Хорниссе». В результате пехотный батальон и восемь самоходок оказались отрезанными на восточном берегу. Попытки русских уничтожить эту группу не удалось, так как их поддержали германские подразделения с западного берега. Пока ремонтировали мост — целые сутки, батальон на восточном берегу удерживал оборону и перешел по мосту на западный берег лишь под покровом темноты в ночь с 24 на 25 августа.

В целом операция «Румянцев» прошла успешно. Однако за это пришлось заплатить большую цену. Безвозвратные потери наших обоих фронтов составили 71 611 человек, санитарные — 183 955 человек, а всего — 255 566 человек. Потерь в тайках мне найти не удалось.

¹ Паус Э. Указ. соч. С. 353—354.

Глава 25

БИТВА ЗА ДНЕПР

В результате победоносного завершения битвы под Курском фронт советских войск на Левобережной Украине и в Донбассе установился по линии Вереск, Севск, Рыльск, Сумы, Ахтырка, юго-западнее Харькова и вдоль реки Северный Донец до Славяносербска, а затем по реке Миус до Азовского моря. На линии от Вереска до Славяносербска протяженностью около 800 км были развернуты войска Центрального, Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов, а вдоль реки Миус — войска Южного фронта. Советские фронты могли противопоставить противнику 2 633 тысячи человек, 51 200 орудий и минометов, 2400 танков и САУ и 2850 самолетов.

Этим фронтам противостояли войска немецкой группы армий «Юг» в составе 1-й и 4-й танковых, 6-й и 8-й полевых армий и 2-й полевой армии группы «Центр». Всего германская группировка насчитывала 1 240 тысяч человек, 12 600 орудий и минометов, 2100 танков и штурмовых орудий, 2000 самолетов.

Заблаговременно подготовленный оборонительный рубеж по западному берегу реки Днепр немцы называли «Днепровским валом», хвастливо заявляя о его неприступности. В качестве предполья этого оборонительного рубежа они рассчитывали использовать для обороны ряд более мелких рек, лежащих на пути к Днепру. На днепровском рубеже обороны противник предполагал окончательно остановить наступление советских войск и перевести войну в позиционные формы, что свидетельствовало об окончательном провале всех его замыслов и целей войны с Советским Союзом.

На главном киевском направлении в наступлении должны были действовать следующие силы:

Таблица 6

Фронт	Наименование общевойсковых армий, в полосе которых действовали подвижные соединения	Наименование подвижных соединений	Количество танков и САУ в составе подвижных соединений
Центральный	60-я армия	7 гв. мехкорпус	36

Воронежский	38-я армия	3 гв. танковый корпус	13
	40-я армия	8 гв. танковый корпус	33
	40-я армия	корпус	43
	47-я армия	10 танковый корпус	17
	Резерв командующего Воронежским фронтом	3 гв. мехкорпус 5 гв. танковый корпус	65
Степной	5-я гв. армия	1 мехкорпус	32
	Всего	7 корпусов	239

9 сентября 1943 г. командующему Воронежским фронтом была оперативно подчинена 3-я гвардейская танковая армия (в составе 6-го и 7-го гвардейского танковых корпусов, 9-го мехкорпуса и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса), имевшая всего 612 танков и 108 самоходно-артиллерийских установок. К исходу 19 сентября армия сосредоточилась в районе западнее Ромны.

С целью упредить немцев в выходе к Днепру командующий Воронежским фронтом приказал 3-й гвардейской танковой армии в ночь на 20 сентября форсированным маршем начать преследование отступавшего противника в общем направлении на Прилуки, Яготин, Переяслав-Хмельницкий; не позднее исхода 21 сентября выйти к реке Днепр, с ходу форсировать ее на участке Трактомиров, Григоровка и развивать дальнейшее наступление в направлении Белая Церковь.

Танковые и механизированные корпуса, действовавшие в составе общевойсковых армий, продолжали преследование отступающего противника в следующих направлениях: 7-й гвардейский мехкорпус — на Окуниново, 3-й гвардейский танковый корпус — на Лютеж, 10-й танковый корпус — на Гребенка, Переяслав-Хмельницкий, 8-й гвардейский танковый корпус — на Лубны, Капустинцы, 3-й гвардейский мехкорпус — на Золотоноша, Черкасы.

Командующий 3-й гвардейской танковой армией для выполнения поставленной задачи решил вести преследование противника на фронте шириной до 70 км, имея в первом эшелоне три корпуса: на правом фланге армии — 7-й гвардейский танковый корпус, в центре — 9-й мехкорпус и на левом фланге — 6-й гвар-

дейский танковый корпус. Во втором эшелоне армии, вслед за правифланговым 7-м гвардейским танковым корпусом, наступал 1-й гвардейский кавалерийский корпус с задачей обеспечивать коммуникации корпусов первого эшелона армии.

Резерв командующего армией составляли 91-я отдельная бригада и 50-й мотоциклетный полк. От корпусов первого эшелона танковой армии выделялись передовые отряды, каждый в составе усиленной танковой или механизированной бригады.

Войска 3-й гвардейской танковой армии в ночь на 20 сентября 1943 г. начали стремительное преследование отходившего противника. Передовые отряды, действуя в 50—70 км впереди главных сил своих корпусов, отбрасывали с полосы своего движения разрозненные арьергардные части противника и обеспечивали беспрепятственное продвижение главных сил к реке Днепр. Расстояние в 190 км, от Ромны до Днепра, было пройдено войсками 3-й гвардейской танковой армии за двое с половиной суток. Среднесуточный темп преследования составлял 76 км. Такой темп преследования был достигнут благодаря тому, что войска армии вели боевые действия непрерывно днем и ночью, не задерживались для борьбы с арьергардными частями противника и выходили на пути отхода главных его сил.

Высокий темп преследования привел к тому, что все попытки германского командования задержаться на промежуточных оборонительных рубежах, организовать планомерный отход своих войск и выиграть время для организации обороны на западном берегу Днепра закончились полным провалом.

Передовые отряды 3-й гвардейской танковой армии, опередив отходившие войска противника, к исходу 21 сентября подошли к восточному берегу Днепра на рубеже Переяслав-Хмельницкий, Городище. В это время немцы на западном берегу Днепра имели весьма ограниченные силы. Необходимо было как можно скорее овладеть плацдармом на западном берегу реки, переправить войска и технику и обеспечить дальнейшее развитие наступления в западном направлении. Однако ко времени выхода войск 3-й гвардейской танковой армии к Днепру ни одна ее часть не имела табельных переправочных средств, а армейский понтонный парк находился в пути следования по железной дороге из Курска. Противник же не оставил на восточном берегу Днепра ни одной рыбацкой лодки.

В этих трудных условиях армии удалось на связанных из бревен плотках переправить на западный берег Днепра один батальон 69-й моторизованной бригады 9-го мехкорпуса и мотострелковый батальон 51-й гвардейской танковой бригады 6-го гвардейского танкового корпуса. Эти части сразу же после переправы овладели на западном берегу населенными пунктами Зарубенцы и Григоровка, а также рядом прилегающих к Днепру высот и положили начало созданию букринского плацдарма.

23 сентября командующий фронтом передал в подчинение командующего 3-й гвардейской танковой армией на одни сутки 20-й понтонный батальон, который подготовил один тридцатитонный паром, буксируемый катером. Паром работал только ночью, так как в дневное время противник держал район переправы под сильным артиллерийским и минометным огнем. В течение ночи на 24 сентября этим паромом были переправлены на букринский плацдарм восемь танков и все части 69-й моторизованной бригады, за исключением ее танкового полка.

24 сентября к восточному берегу Днепра были подвезены легкие переправочные парки типа А-3 и НЛП, обычно используемые лишь для десантно-паромной переправы стрелковых частей с их легким вооружением. Решением командующего 3-й гвардейской танковой армией эти легкие переправочные средства путем усиления их конструкции были приспособлены и для переправы значительного количества легких самоходных артиллерийских установок САУ-76. Была также предпринята попытка переправить танки Т-34 на двух усиленных из лодок А-3 парамах. Первые два танка Т-34 были погружены и успешно переправлены на западный берег реки. При погрузке третьего танка паром был раздавлен и затонул, после чего переправа танков Т-34 на парамах из лодок А-3 больше не производилась.

Одновременно с 3-й гвардейской танковой армией на букринский плацдарм переправлялись войска 40-й общевойсковой армии и действовавшие в ее составе 8-й гвардейский и 10-й танковые корпуса. Силами переправившихся частей к 25 сентября удалось расширить букринский плацдарм до 10 км по фронту и до 4 км в глубину.

К этому времени немецкое командование успело перебросить к букринскому плацдарму две пехотные (167-ю, 72-ю), одну тан-

ковую (19-ю)¹ и одну моторизованную (10-ю) дивизии, которые неоднократно контрударами тщетно пытались отбросить советские войска обратно за Днепр.

Одновременно с отражением контрударов противника продолжалось непрерывное наращивание сил на плацдарме. Однако 3-я гвардейская танковая армия смогла возобновить переправу танков только 28 сентября, то есть спустя семь суток после выхода передовых частей к Днепру, так как только в этот день в распоряжение танковой армии начали прибывать части 6-й понтонной бригады. Силами этой бригады были устроены шесть паромных переправ и наведены два понтонных моста грузоподъемностью 16 т (в районе Григоровка и 2 км севернее). Кроме того, по решению Военного совета армии, с 1 октября началась постройка деревянного низководного моста грузоподъемностью 30 т (в районе Козинцы). Для постройки моста было мобилизовано более 2000 человек местного населения.

Используя все наличные переправочные средства, 3-я гвардейская танковая армия закончила сосредоточение своих частей на букринском плацдарме только к 5 октября, то есть спустя 14 суток после подхода к Днепру. Таким образом, выгоды внезапного подхода к реке Днепр в значительной мере были утеряны. Немецкое командование в течение этих двух недель подтянуло из глубины крупные оперативные резервы и организовало против плацдарма прочную оборону.

По решению командующего фронтом 3-я гвардейская танковая армия должна была войти в прорыв в полосе наступления 27-й армии и развивать успех в общем направлении на Кагарлык, Белая Церковь и далее в тыл киевской группировке противника. Правее 3-й гвардейской танковой армии 8-й гвардейский и 10-й танковые корпуса должны были развивать успех 40-й армии в общем направлении на Васильков, а слева — 3-й гвардейский мехкорпус, действовавший в составе 47-й армии, в направлении Масловка, Ракитна.

Утром 12 октября после мощной артиллерийской подготовки общевойсковые соединения, поддержанные передовыми от-

¹ В составе 19-й дивизии было 38 танков Т-IV, 11 танков Т-III с 75-мм пушкой, 27 танков Т-III с 50-мм пушкой и 2 танка Т-II, а также 14 командирских машин.

рядами танковых и механизированных корпусов, перешли в наступление. В течение первой половины дня наступавшие части вклинились в оборону противника на глубину 3—4 км, однако дальнейшее их продвижение было приостановлено упорным сопротивлением противника.

В последующие два дня (13 и 14 октября) попытки продолжать наступление успеха не имели. Через неделю (21 октября), после дополнительной подготовки, войска фронта вновь перешли в наступление. Но и это наступление ограничилось только вклинением наших войск в оборону противника на глубину до трех километров. В результате боев с 12 по 21 октября букринский плацдарм был расширен до 30 км по фронту и до 10 км в глубину.

Столь ограниченные результаты наступления объяснялись главным образом отсутствием численного превосходства на стороне наступавших войск над оборонявшимся противником, а также весьма неблагоприятными для наступления условиями местности. Местность на букринском плацдарме изобиловала глубокими и широкими оврагами, что исключало возможность развертывания танковых и механизированных соединений в боевой порядок и вынуждало применять танки только вдоль дорог.

С 26 сентября по 1 октября 1943 г. войска 38-й армии совместно с 3-м гвардейским танковым корпусом Воронежского фронта форсировали Днепр в районе Сваромье и положили начало созданию лютежского плацдарма. С 22 по 30 сентября войска 13-й и 60-й армий совместно с действовавшим в составе 60-й армии 7-м гвардейским мехкорпусом Центрального фронта форсировали реку Днепр в районе восточнее Чернобыль и создали на западном берегу реки плацдарм. Вслед за тем войска 13-й и 60-й армий Центрального фронта и 38-й армии Воронежского фронта приступили к расширению захваченных плацдармов.

В целях быстрее расширения лютежского плацдарма командующий Воронежским фронтом передал в оперативное подчинение командующего 38-й армией 5-й гвардейский танковый корпус, находившийся 2 октября в лесах северо-западнее Бровары. Корпусу 3 октября была поставлена задача — к исходу 4 октября переправиться через реку Десну и сосредоточиться в районе Новоселки, имея в виду в дальнейшем переправиться через Днепр и во взаимодействии с 51-м стрелковым корпусом 38-й армии наступать в обход Киева с запада.

Ввиду того, что табельных переправочных средств в частях корпуса не было, а наведенные через Десну войсками 38-й армии мосты по своей грузоподъемности не могли быть использованы для переправы танков, командир корпуса решил переправлять танки через реку вброд. С этой целью в течение 3 октября командиры частей и подразделений с участием рыбаков из местных жителей провели рекогносцировку, в результате которой в районе Летки был выбран участок для переправы. Ширина реки в этом месте достигала 280 м, глубина 0,7--1,2 м (посредине реки глубина доходила до 1,8--2 м). Скорость течения не превышала 1 м/с. Грунт дна плотный, песчаный, но легко вымывающийся, что способствовало быстрому углублению реки под гусеницами танков. Следовательно, наибольшая глубина брода почти в два раза превышала технические возможности танков при преодолении ими водных преград.

Проведенные в частях корпуса мероприятия обеспечили успешную переправу танков через Десну вброд. В процессе разведки реки трасса брода была тщательно изучена всеми экипажами танков и провешена двумя рядами вех, образовавших своеобразный коридор шириной до 50 м.

При подготовке танков к переправе башни их стопорились, погоны уплотнялись паклей с солидолом или смолой, все люки и отверстия уплотнялись таким же способом. Для уплотнения моторного и трансмиссионного отделений поверх жалюзи и надмоторных люков накладывался коврик из промасленного брезента, который закреплялся брусками и клиньями в десантных скобах. Доступ воздуха к двигателю осуществлялся из боевого отделения танка. В ходе подготовки материальной части к переправе личный состав танковых бригад проявлял большую изобретательность. Так, например, в отдельных подразделениях 22-й гвардейской танковой бригады были изготовлены козырьки на башню, которые прикрывали маску пушки от проникновения через ее отверстия внутрь танка воды, а также служили своеобразными волнорезами, прикрывающими от захлестывания водой открытые люки башни, через которые поступал воздух для двигателя. На подготовку материальной части в среднем уходило 6--8 часов.

В период переправы танки двигались по броду на первой передаче. Механики-водители вели танки вслепую, выполняя все команды командира танка, передаваемые с помощью танкового переговорного устройства.

По одной колее пропускалось не более двух-трех танков, что предохраняло трассу брода от значительного углубления. Для облегчения выхода танков на противоположный берег реки саперные подразделения периодически уплотняли грунт дерном, щебнем и жердями. Кроме того, вблизи берега на дно реки были уложены металлические балки.

За время переправы внутрь танка проникало до 200 литров воды, однако это не нарушало нормальной работы агрегатов и механизмов танка. С выходом на противоположный берег реки танк устанавливался на откосе, и вода с помощью вентилятора быстро выбрасывалась наружу. Вслед за тем танки готовились к дальнейшим действиям. Таким образом за восемь часов было переправлено 65 танков.

На переправу каждого танка в среднем затрачивалось по 7,4 минуты. Во время переправы только в трех танках заглохли двигатели, танки остановились посередине реки, и их пришлось вытаскивать буксиром.

После преодоления Десны 5-й гвардейский танковый корпус устремился к Днепру и, переправившись на пароме, сосредоточился на лютежском плацдарме. Последующими успешными действиями войск 38-й армии и 5-го гвардейского танкового корпуса лютежский плацдарм к концу октября 1943 г. был расширен до 25 км по фронту и до 18 км в глубину. При этом войска 38-й армии вместе с 5-м гвардейским танковым корпусом вышли на рубеж Козаровичи, Мощун, Вышгород и заняли исходные позиции для последующего проведения операции по освобождению города Киев.

Одновременно с действиями войск Центрального и Воронежского фронтов по захвату и расширению плацдармов на западном берегу Днепра, в районах Чернобыль, Лютеж и Букрин войска Степного фронта совместно с действовавшим в их составе 1-го мехкорпуса форсировали Днепр в районе Кременчуга и к концу сентября 1943 г. захватили на западном берегу реки четыре отдельных небольших плацдарма. Попытки немцев массированными контрударами, проводившимися с 1 по 14 октября, сбросить наши войска с захваченных плацдармов успехом не увенчались.

Отразив контрудары противника, войска Степного фронта приступили к расширению захваченных плацдармов и объединению их в один общий плацдарм. В этих боях весьма важную роль

выполняла 5-я гвардейская танковая армия. Поступив в оперативное подчинение командующего Степным фронтом, армия к 15 октября сосредоточилась на плацдарме юго-восточнее Кременчуга. В ее состав входили 18-й и 29-й танковые корпуса, а также 5-й гвардейский мехкорпус, имевшие 417 танков и самоходно-артиллерийских установок. Кроме того, армии был оперативно подчинен 7-й мехкорпус, имевший 104 танка и САУ.

Этими силами 5-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с 5-й гвардейской и 37-й армиями в течение трех дней, с 15 по 17 октября, завершила прорыв тактической зоны обороны противника, а затем стремительно развила наступление в юго-западном направлении и к 19 октября освободила крупный железнодорожный узел Пятихатку. Продолжая дальнейшее наступление, 5-я гвардейская танковая армия 23 октября подошла к городу Кривой Рог, куда днем позже подошли и войска 37-й армии.

К этому времени противник успел перебросить на криво-рожское направление крупные силы и массированными контрударами стремился восстановить ранее занимаемое положение. Войска 2-го Украинского фронта¹ закрепились на рубеже северо-восточнее Кривого Рога и, прочно удерживая занимаемые позиции, отразили все контрудары противника. Больше того, к концу октября 1943 г. плацдарм в районе Кременчуга был объединен с плацдармом, захваченным 3-м Украинским фронтом в районе Днепропетровска. Его общая ширина по фронту достигала 140 км, а в глубину 125 км.

В октябре 1943 г. территория восточнее Днепра на всем протяжении его среднего течения была очищена от немецких войск. Кроме того, советские войска овладели на правом берегу Днепра тремя крупными оперативными плацдармами: севернее Киева — в районе Лютеж, южнее Киева — в районе Букрин и юго-западнее Кременчуга и западнее Днепропетровска.

К началу ноября 1943 г. 1-й Украинской фронт имел в своем составе 13, 60, 38, 40, 27-ю армии, 2-ю воздушную и 3-ю танко-

¹ В середине октября Центральный фронт был переименован в Белорусский, Воронежский — в 1-й Украинский, Степной — во 2-й Украинский, Юго-Западный — в 3-й Украинский, Южный — в 4-й Украинский, Калининский — в 1-й Прибалтийский. Брянский фронт был расформирован, и его войска влились в состав Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

вую армии, а также три отдельных танковых корпуса (5-й гвардейский, 8-й гвардейский, 10-й) и другие части усиления. Этими силами и предусматривалось проведение Киевской операции.

Цель операции предусматривала разгром противостоявшего противника, насчитывавшего в своем составе 29 дивизий, в том числе 20 пехотных, семь танковых, две моторизованных, овладение городом Киев и создание западнее Киева крупного плацдарма с тем, чтобы в дальнейшем развернуть с него наступательные операции для полного освобождения всей Правобережной Украины.

Замысел советского командования заключался в том, чтобы двумя ударами по сходящимся направлениям — одним из района северо-западнее Киева и другим с букринского плацдарма на Белую Церковь — выйти в тыл киевской группировке противника, разгромить ее и овладеть городом Киев. В дальнейшем развивать наступление в западном и юго-западном направлениях, овладеть важнейшими железнодорожными узлами Житомир, Бердичев, Казатин и выйти в глубокий тыл всей группы армий противника «Юг».

Для осуществления этого замысла командующий 1-м Украинским фронтом решил прорвать оборону противника из района северо-западнее Киева на двух участках силами двух армий;

— 60-й армии при поддержке ее 150-й и 129-й танковыми бригадами и 59-м танковым полком — на 10-километровом участке Сычевка, Ясногородка с последующим развитием наступления вдоль рек Здвиж и Ирпень и шоссе Киев — Житомир;

— 38-й армии с 5-м гвардейским танковым корпусом и 39-м танковым полком — на 14-километровом участке Мощун, Вышгород с последующим вводом в прорыв 3-й гвардейской танковой армии для развития наступления на Фастов, Белая Церковь и охвата левого фланга киевской группировки противника. Охват правого фланга этой группировки предусматривалось осуществить ударом войск 40-й и 27-й армий совместно с 8-м гвардейским и 10-м танковым корпусами, имевшими в своем составе всего 23 танка, с букринского плацдарма также на Белую Церковь.

Главный удар наносился с лютежского плацдарма войсками 38-й армии с 5-м гвардейским танковым корпусом и 3-й гвардейской танковой армией. Плотность танков непосредственной поддержки пехоты на участке прорыва 38-й армии с учетом количества танков в 5-м гвардейском танковом корпусе составляла око-

ло 15 единиц на 1 км фронта, а с учетом количества танков в 3-й гвардейской танковой армии плотность возростала до 50 единиц на 1 км фронта. Плотность орудий и минометов была доведена до 300 единиц на 1 км фронта. Эти плотности обеспечили четырехкратное превосходство над противником в танках и пятикратное в артиллерии.

Решением командующего фронтом предусматривалось 5-му гвардейскому танковому корпусу совместно с 51-м стрелковым корпусом 38-й армии нанести удар в обход Киева с запада и юго-запада и не позднее исхода 5 ноября 1943 г. овладеть им. 3-ю гвардейскую танковую армию с оперативно подчиненным ей 1-м гвардейским кавалерийским корпусом ввести в прорыв с утра второго дня операции в полосе наступления 50-го и 51-го стрелковых корпусов после выхода пехоты на рубеж высота 158,5 — Приорка с задачей стремительного развития наступления в юго-западном направлении. К исходу второго дня операции армия должна была овладеть районом Заборье, Софиевская, Боршаговка, к исходу третьего дня — Плесецкое, Васильков и к исходу четвертого дня — Фастов, Белая Церковь, Гребенки, где ей следовало установить связь с наступающими с букринского плацдарма войсками и совместно с ними завершить окружение киевской группировки противника.

Ширина полосы ввода армии в прорыв была около 10 км. Рубеж обгона пехоты отстоял от переднего края обороны противника на удалении около 11 км. Глубина задачи армии составляла около 100 км, что требовало развития наступления со среднесуточным темпом более 30 км.

Ввод армии в прорыв предусматривалось осуществить в двухэшелонном построении по четырем маршрутам. В первом эшелоне на правом фланге армии должен был следовать 6-й гвардейский танковый корпус, на левом фланге — 7-й гвардейский танковый корпус, во втором эшелоне, за 6-м гвардейским танковым корпусом, 1-й гвардейский кавкорпус, а за 7-м гвардейским танковым корпусом — 9-й мехкорпус. Резерв командующего армией, состоявший из 91-й отдельной бригады и 50-го отдельного мотоциклетного полка, должен был следовать в прорыв за 9-м мехкорпусом.

Каждый танковый корпус первого эшелона армии вводился в прорыв в 5-километровой полосе, по двум маршрутам, в двух-

эшелонном построении. Так, например, 6-й гвардейский танковый корпус имел в первом эшелоне 52-ю и 53-ю гвардейскую танковые бригады и во втором эшелоне 51-ю гвардейскую танковую бригаду и 22-ю гвардейскую мотострелковую бригаду. От бригад первого эшелона корпуса выделялись в качестве передовых отрядов усиленные мотострелковые батальоны. На них возлагалась задача обеспечить развертывание главных сил корпуса при вступлении его в бой. Построение армии и корпусов в два эшелона при наличии в первом эшелоне танковых частей и соединений обуславливалось стремлением, в случае необходимости, быстро завершить ими во взаимодействии с 38-й армией прорыв тактической зоны обороны противника, а соединениями второго эшелона стремительно развить успех в направлении на Белую Церковь и выполнить в установленный срок поставленную задачу.

После перегруппировки с букринского плацдарма на подготовку операции 3-я гвардейская танковая армия имела около трех суток, в течение которых были проведены все необходимые мероприятия по обеспечению ввода армии в прорыв и действий ее в оперативной глубине.

В подготовительный период большое внимание уделялось организации взаимодействия танковых и механизированных соединений и частей с другими родами войск. При организации взаимодействия с артиллерией предусматривалось, что к артиллерийской подготовке прорыва привлекается также артиллерия 3-й гвардейской танковой армии. При вводе танковой армии в прорыв артиллерийское обеспечение осуществлялось силами 7-го артполка методом последовательного сосредоточения огня на важнейших направлениях. На период действий танковой армии в оперативной глубине артиллерийское обеспечение осуществлялось силами своей артиллерии. С этой целью истребительно-противотанковые артиллерийские полки и минометные полки придавались мотострелковым и механизированным бригадам для сопровождения и поддержки пехоты на все периоды боя. Для обеспечения атаки танковых бригад предназначались самоходно-артиллерийские полки.

При вводе в прорыв и действиях в оперативной глубине противника 3-я гвардейская танковая армия поддерживалась двумя штурмовыми авиационными дивизиями, выделенными из состава 2-й воздушной армии. При организации взаимодействия были

установлены сигналы взаимного целеуказания, а также порядок вызова авиации и направления ее на цель. Вызов авиации производился офицерами авиационных штабов, находившимися со своими радиостанциями на командных пунктах командиров корпусов и командующего танковой армией.

Инженерное обеспечение 3-й гвардейской танковой армии осуществлялось силами 15-й инженерной саперной бригады и 188-го армейского инженерного батальона, на которые была возложена задача — подготовить для каждого корпуса маршруты до переднего края обороны, а при действиях армии в оперативной глубине — обеспечивать преодоление войсками искусственных и естественных препятствий.

В период подготовки операции были созданы запасы: до трех боекомплектов боеприпасов, до трех заправок горюче-смазочных материалов и до десяти суточных дач продовольствия.

Техническое обеспечение армии в подготовительный период выразилось в тщательном просмотре материальной части танков и вооружения, устранении всех выявленных неисправностей и переводе танкового парка на условия зимней эксплуатации.

Вся подготовка была полностью закончена к исходу 2 ноября, а с утра 3 ноября войска приступили к выполнению поставленных задач.

В соответствии с общим планом проведения операции наступление войск 40-й и 27-й армий с 8-м гвардейским и 10-м танковыми корпусами с букринского плацдарма началось 1 ноября, а 60-й и 38-й армий из района северо-западнее Киева — двумя днями позже, 3 ноября.

На букринском плацдарме после 40-минутной артиллерийской подготовки и мощного удара авиации 2-й воздушной армии по боевым порядкам оборонявшихся частей противника войска 40-й и 27-й армий с 8-м гвардейским и 10-м танковыми корпусами перешли в наступление и в течение первого дня операции вклинились в оборону противника на глубину от 0,5 до 1,5 км. Однако вследствие сильного сопротивления противника продвинуться дальше войска не смогли. Попытки возобновить наступление в последующие два дня (2 и 3 ноября) также успеха не имели. Несмотря на незначительное продвижение, наши войска своими действиями приковали к букринскому плацдарму значительные силы врага и тем самым способствовали войскам 60-й

и 38-й армий в осуществлении прорыва обороны противника из района северо-западнее Киева.

Наступление с лютежского плацдарма началось утром 3 ноября после мощной артиллерийской подготовки, которая проводилась в такой последовательности: огневой налет на передний край обороны противника в течение трех минут; подавление и уничтожение артиллерии, штабов и узлов связи — 37 минут; вторичный огневой налет на передний край.

Вслед за последним огневым налетом общевойсковые соединения, поддержанные танками, приступили к прорыву обороны противника, а артиллерия перенесла огонь в глубину и на фланги участка прорыва, обеспечивая наступление пехоты и танков. К исходу дня войска 60-й и 38-й армий вклинились в оборону противника на глубину до 4 км и передовыми частями вышли на рубеж Сычевка, Каменка, Вышгород. Дальнейшее продвижение общевойсковых соединений задерживалось упорным сопротивлением противника. К этому же времени авиаразведкой был установлен подход резервов противника с других участков фронта и в том числе 20-й моторизованной дивизии, ранее находившейся против букринского плацдарма. Это свидетельствовало о том, что немецкое командование стремилось не допустить продвижения войск 1-го Украинского фронта западнее Киева.

В создавшейся обстановке командующий фронтом приказал командующему 38-й армией с утра 4 ноября ввести в бой дивизии второго эшелона, а командующему 3-й гвардейской танковой армией придать 50-му стрелковому корпусу две танковые бригады (52-ю и 53-ю гвардейские) из 6-го гвардейского танкового корпуса. Этим бригадам была поставлена задача: совместно с пехотой завершить прорыв тактической зоны обороны противника. Главным силам 3-й гвардейской танковой армии было приказано к утру 4 ноября выйти в район севернее дачи Пуца Водица, в готовности по завершению прорыва тактической зоны обороны противника обогнать боевые порядки пехоты и приступить к выполнению ранее поставленной задачи.

Кроме того, 1-й гвардейский кавкорпус был выведен из оперативного подчинения командующего 3-й гвардейской танковой армией и получил задачу наступать вдоль шоссе Киев — Житомир, а не позднее исхода 5 ноября овладеть районом Макаров,

Юров с тем, чтобы не допустить подхода с запада резервов противника.

В связи с этим приказом командующий 3-й гвардейской танковой армией внес некоторые изменения в свое первоначальное решение о порядке ввода армии в прорыв. По измененному решению 9-й мехкорпус, ранее намечавшийся к вводу в прорыв во втором эшелоне армии, должен был войти в прорыв на правом фланге первого эшелона армии, в полосе наступления 23-го стрелкового корпуса, с задачей к исходу 4 ноября овладеть районном хуторе Шевченко, Корищице. 6-й гвардейский танковый корпус, передав 52-ю и 53-ю гвардейские танковые бригады в подчинение командира 50-го стрелкового корпуса, должен был войти в прорыв на левом фланге армии с задачей к исходу 4 ноября выйти в район Заборье. 7-й гвардейский танковый корпус должен был следовать во втором эшелоне армии вслед за 6-м гвардейским танковым корпусом и к исходу 4 ноября выйти в район Глеваха.

Осуществив необходимые перегруппировки, 38-я и 60-я армии с утра 4 ноября возобновили наступление, но противник ввел в бой все имевшиеся в районе Киева резервы и массированными контрударами не допускал продвижения наших войск. В связи с тем, что общевойсковые армии не смогли продвинуться, командующий фронтом приказал командующему 3-й гвардейской танковой армией обогнать боевые порядки пехоты, завершить прорыв тактической зоны обороны противника во взаимодействии с общевойсковыми соединениями, а затем развивать наступление на Васильков, Фастов.

Приступив к выполнению этого приказа, корпуса 3-й гвардейской танковой армии к 15 часам 4 ноября обогнали пехоту и к исходу дня прорвали оборону противника на глубину до 8 км. В течение последующей ночи и всего третьего дня операции войска 3-й гвардейской танковой армии продолжали вести бои в тактической зоне обороны противника.

Следует заметить, что в боях за Киев хорошо показали себя 48 тяжелых танков «Черчилль», Mk-III и Mk-IV.

В ночном бою с 4 на 5 ноября 1943 г. танки шли в атаку с зажженными фарами, с воющими сиренами, ведя интенсивный огонь с ходу, что оказало на противника огромное моральное воздействие. Завершив во взаимодействии с 38-й армией прорыв обороны противника, войска 3-й гвардейской танковой армии к

исходу 5 ноября вышли в районы: 9-й мехкорпус — хутор Шевченко, 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса — Святошино. Тем временем 1-й гвардейский кавкорпус переправился через реку Ирпень и продолжал наступление к району Макаров, Юров.

Таким образом, только к исходу третьего дня тактическая зона обороны противника была прорвана совместными усилиями 38-й и 3-й гвардейской танковой армий. При этом танковая армия своими силами выполнила две важнейшие задачи: она завершила прорыв тактической зоны обороны и, перерезав шоссе Киев — Житомир, охватила с северо-запада левый фланг киевской группировки противника, вынудив германское командование в ночь на 6 ноября начать отвод своих войск из Киева в юго-западном направлении.

Чтобы отрезать войскам противника пути отхода из Киева, командующий фронтом приказал 3-й гвардейской танковой армии не позднее исхода 6 ноября овладеть городом Фастов. К выполнению этой задачи войска 3-й танковой армии приступили с утра 6 ноября. Вперед в качестве передового отряда армии была выслана 91-я отдельная бригада. Главные силы армии наступали в двухэшелонном построении: в первом эшелоне на правом фланге армии — 6-й гвардейский танковый корпус, на левом — 7-й гвардейский танковый корпус; во втором эшелоне вслед за 6-м корпусом наступал 9-й мехкорпус. Танковые корпуса первого эшелона армии строили свои боевые порядки также в два эшелона, имея в первом эшелоне по две танковые бригады и во втором эшелоне по одной танковой и одной мотострелковой бригаде.

Корпуса первого эшелона армии в течение 6 ноября преодолели сопротивление арьбергартных частей противника и, продвинувшись на глубину до 50 км, подошли к городу Фастов.

Первой в Киев ворвалась 21-я танковая бригада под командованием полковника К.И. Овчаренко, который за этот успех был удостоен звания Героя Советского Союза.

7 ноября 6-й гвардейский танковый корпус во взаимодействии с 91-й отдельной бригадой концентрическими ударами с севера, востока и запада овладел важным узлом дорог — городом Фастов.

После овладения городом Фастов войска 3-й гвардейской танковой армии пытались развить наступление на Белую Церковь, однако к этому времени немецкое командование успело сосредоточить в районе южнее Фастова крупные резервы, силами кото-

рых оно стремилось отбросить наши войска обратно за Днепр и закрепиться вдоль его западного берега.

По приказу Гитлера германское командование собирало танковые и механизированные части чуть ли не по всей Европе. Так, из Франции была переброшена 25-я танковая дивизия под командованием генерал-лейтенанта фон Шелля. В ее составе имелось 93 танка Т-IV и 8 командирских танков. Из Германии прибыл 509-й тяжелый танковый батальон. Он был сформирован лишь 9 сентября 1943 г. и имел на вооружении 45 танков «тигр» Т-VI. Из Букрина доставили 2-ю танковую дивизию СС «Рейх». Из Италии прибыла 1-я танковая дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», в составе которой имелось 27 «тигров», 96 «пантер», 96 Т-IV и 9 командирских танков.

В район Белой Церкви начали выдвигаться части 1-й танковой дивизии. В ее составе находилось 76 танков «пантера», 95 танков Т-IV, 7 командирских танков, 7 огнеметных танков, а также опытные танки — два VK-601 и восемь VK-1801¹. Кроме того, в состав дивизии входило и несколько танков 753(г), то есть трофейных KB-1, которых германские командиры по ряду причин предпочитали не указывать в сводках.

8 ноября 1943 г. германские войска начали контрнаступление в районе Фастова. 25-я танковая вермахта и 2-я танковая дивизия СС «Рейх» из района севернее Белой Церкви двинулись на север.

О действиях тяжелых танков Т-VI рассказано в дневнике уже упомянутого Йоахима Шолля, командира танка 2-й роты 102-го тяжелого батальона.

«24 октября 1943 г. Бои в нашем районе стихли, поэтому нас перебрасывают на помощь войскам под Киевом. Я чувствую вину перед механиками, которым на морозе приходится менять ходовые траки на транспортные. Я всерьез опасался остаться без траков, если сейчас начнется обстрел. Я даже не хочу об этом думать.

3 ноября 1943 г. мы вступили в бой по пути со станции прибытия. Русские довольно далеко продвинулись. Мы восстановили

¹ Эти танки представляли собой модернизацию танка Т-I. Основным отличием стала толстая броня: у VK-601 (Т-IC) до 30 мм, а у VK-1801 (Т-ID) вес был доведен до 21 т. Броня лобовая корпуса — 80 мм, борта — 50 мм, башни — 80 мм. Таким образом, по броневой защите танк VK-1801 соответствовал тяжелому танку.

контроль, но ситуация остается серьезной. Мы атаковали ночью. Мне нравятся местные ночи, в отличие от местных морозов. Снег делает цели легко различимыми. Мы открыли огонь с ходу прямо по скоплению русской пехоты. Я надеюсь, что никто из них не был такими же детьми, которых мы видели среди пленных под Бобруйском.

5 ноября 1943 г. Очередной день тяжелых боев. Мы выполняли задания в течение 14 часов без перерыва. Русские не собираются так просто пропустить нас. Уничтожил еще два КВ и одно орудие. Карл достал их на большой дистанции. Он становится все более умелым, прицеливаясь на больших дистанциях. Кажется, у нас какие-то проблемы с поворотным механизмом башни. Я быстро обнаруживаю цели, но пока наша башня разворачивается, цель либо уходит, либо ее уже уничтожает кто-то другой из нашей роты. Роберт считает, что это смазка замерзла.

6 ноября 1943 г. Сегодня мы находимся в самой гуще боя. Русские накатываются отовсюду. Мы получили около десяти попаданий в различные части "тигра". Я ненавижу этот металлический звук, когда по броне бьет снаряд. Мы хорошо повоевали. Уничтожили три Т-34 и целую кучу орудий и грузовиков. Напоролись на толпу русских пехотинцев. Пока открыли по ним огонь, они нас чуть не уничтожили. Кругом сплошной хаос! Принимаю поздравления от командира и Уши, хотя сами они уничтожили сегодня больше танков, чем я. Подумал, что заключение второго пари было не очень хорошей идеей.

9 ноября 1943 г. Я сегодня очень горд. Меня наградили Железным крестом 2-го класса за бои, проведенные мной несколько дней назад. Уша и Пауль оба поздравили меня. Нас всех направляют на формирование своего собственного батальона. Мы будем называться 102-м тяжелым танковым батальоном SS "Das Reich". Прекрасно, с новыми "тиграми" мы должны смочь вернуться с боями к Москве».

«Тигр» Шолля был подбит 11 ноября 1943 г. в ходе боев на окраинах Киева. Экипаж покинул танк. Русская пехота открыла огонь: Берти и Ульрих не получили ранений, Йоахим был ранен в правую ногу, Карла ранили в плечо, а Роберт сразу был убит. Они пробрались к своим войскам, были отправлены на лечение в Берлин, и провели Рождество в госпитале. После поправки они были

направлены в Италию, где формировался новый 102-й тяжелый танковый батальон СС «Рейх».

12 ноября 1943 г. 20—25 германских танков неожиданно контратаковали 71-ю стрелковую дивизию на участке Ходорков, Кривое и добились определенного успеха — дивизия отошла к северу, обнажив правый фланг соседней 135-й стрелковой дивизии, которая также отошла к северо-востоку. В боевых порядках 21-го стрелкового корпуса, наступавшего без должной разведки и организации противотанковой обороны, наметился разрыв. В тот же день четыре атаки немцев на участке Бертники, Червона отразила 3-я гвардейская танковая армия. Но из-за угрозы обхода ее правого фланга северо-западнее Фастова и она вынуждена была несколько оттянуть свои силы назад и занять оборону на ближних подступах к этому городу. Занятые 3-й гвардейской танковой армией незадолго до этого Попельня и Жовтенево, а также ряд других населенных пунктов вновь оказались в руках немцев.

Одновременно германские части попытались прорвать фронт наших войск, наступавших вдоль берега Днепра. Им удалось лишь немного потеснить наши части.

Для отражения танковых атак командующий 38-й армией выдвинул в район Триполье 28-ю гвардейскую истребительно-противотанковую бригаду, а в район Красной — 9-ю гвардейскую истребительно-противотанковую бригаду. В район Обухова были направлены 1666-й и 1075-й отдельные истребительно-противотанковые артполки.

В результате принятых мер немцы были остановлены на рубеже Ксаверовка, Германовка, Триполье, Витачев.

Тем временем войска правого фланга 38-й армии во взаимодействии с частями соседней 60-й армии продолжали развивать наступление на Житомир. Здесь на 30 км в сутки продвигался 1-й гвардейский кавалерийский и 23-й стрелковый корпуса. 12 ноября Житомир был освобожден.

13 ноября 1-я танковая дивизия СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и 1-я танковая дивизия вермахта начали наступление и взяли город Корнин. Советские 71-я и 135-я стрелковые дивизии были отброшены. 21-й стрелковый корпус оказался разорванным. Захват немцами Брусилова и последующий выход на киевско-житомирское шоссе мог привести к расчленению фрон-

та 38-й армии и созданию угрозы тылам фастовской и житомирской группировок.

На маневр противника 3-я гвардейская танковая армия ответила контрманевром. В ночь на 15 ноября в район Корнин были выдвинуты части 7-го гвардейского танкового корпуса, которые к утру сорвали обходный маневр танковой группировки противника. Потеряв 38 танков и 25 автомашин с пехотой, немецкое командование отказалось от попыток прорваться к Киеву со стороны Фастова и приняло новое решение — прорваться на Киев через Брусилов, нанося удар вдоль шоссе Житомир — Киев. С этой целью танковая группировка противника была перегруппирована в район Житомира.

8 ноября попала в окружение житомирская группа войск 60-й армии. Лишь через сутки с большими потерями группировка сумела выйти из окружения.

Еще в период подготовки немцами удара на новом направлении 3-я гвардейская танковая армия частью сил нанесла контрудар по флангу перегруппировываемых частей противника, выиграв время для перегруппировки в район Брусилов своих главных сил. Поэтому, когда немецкая танковая группировка 18 ноября перешла в наступление в направлении на Брусилов, она натолкнулась на организованную оборону 3-й гвардейской танковой армии, которая занимала оборону на самостоятельном участке западнее Брусилов, в полосе шириною около 40 км. В последующем в этой же полосе перешел к обороне и приданный армии 21-й стрелковый корпус.

За недостатком сил и средств оборона 3-й гвардейской танковой армии строилась в виде системы противотанковых узлов сопротивления, перехватывавших основные танкодоступные направления. Принятая система обороны позволяла при ограниченных силах выделить сильные резервы и создать необходимую глубину обороны. Каждый танковый корпус имел в своем резерве одну танковую бригаду (10 танков), а 9-й мехкорпус — механизированную бригаду и отдельный танковый полк (25 танков). Корпусные резервы располагались в узлах дорог, в 4—6 км от переднего края обороны. Кроме того, был выделен армейский противотанковый резерв, за счет которого общая глубина обороны армии была доведена до 8—10 км.

Созданная 3-й гвардейской танковой армией оборона оказалась непреодолимой для танковой группировки противника. Начавшееся 18 ноября наступление немцев в обход Брусилова с севера было отбито 6-м гвардейским танковым корпусом. Последовавший 20 ноября новый удар танковой группировки немцев, направленный непосредственно на Брусилос с запада, отразили части 9-го мехкорпуса. 21 ноября противник крупными силами пехоты и до 400 танков атаковал боевые порядки 3-й гвардейской танковой армии во всей полосе обороны. Благодаря упорству и активности советской обороны превосходивший в силах противник не мог добиться успеха ни на одном из участков.

Потерпев неудачу в лобовых атаках, немцы вновь прибегли к обходу 3-й гвардейской танковой армии с севера. В связи с обходом частей 60-й армии и возникшей угрозой обхода противником правого фланга 3-й танковой армии, последняя в ночь на 23 ноября оттянула свой правый фланг на 5—7 км и закрепились на тыловом рубеже.

Таким образом, попытка немцев прорваться к Киеву с запада также была сорвана 3-й танковой армией, которая в ходе оборонительных боев с 13 по 22 ноября обескровила танковую группировку противника, уничтожив, по советским данным, 270 танков и около 11 тысяч немецких солдат и офицеров. В результате успешной обороны было выиграно время для подхода резервов Ставки Верховного Главнокомандования, а также удержаны выгодные оперативные рубежи западнее Киева.

23—24 ноября 3-я гвардейская танковая армия передала занимаемую полосу обороны выдвинутой из резерва Ставки 1-й армии. Главные силы танковой армии были выведены во второй эшелон фронта, а ее левофланговый 7-й гвардейский танковый корпус вновь рокировался в северном направлении в район Малин, где противник предпринял новую попытку прорваться к Киеву, на этот раз вдоль железной дороги Коростень — Киев.

На подступах к Малину немецкая группировка была остановлена 7-м танковым корпусом. С подходом на это направление из резерва Ставки Верховного Главнокомандования 4-го гвардейского, 5-го гвардейского и 25-го танковых корпусов группировка противника была разбита и отброшена в район Коростень. К середине декабря 1943 г. противник, не достигнув поставленных

целей, перешел к обороне на всем фронте от Коростеня до Житомира.

Войска 1-го Украинского фронта, успешно завершив оборонительную операцию, возобновили наступление и к 15 января 1944 г. овладели районом Житомир, Бердичев, окончательно разгромив при этом контратаковавшую группировку немцев.

Особенности действия танковых частей в боях за Киев заключаются в успешной переправе большого числа танков через широкую водную преграду и в массовом применении танков в ночных боях.

Особого внимания заслуживают боевые действия 3-й гвардейской танковой армии, использовавшей при атаке в ночных условиях танки с зажженными фарами и воющими сиренами. Такой метод завершения прорыва тактической зоны обороны противника соединениями подвижной группы был применен впервые и дал эффективные результаты, а также показал, что для успешной ночной атаки необходимо предусмотреть порядок освещения местности и объектов атаки, постановку световых ориентиров для обозначения направления действий и достигнутых рубежей, а также предусмотреть сигналы для опознавания своих войск. В последующие годы Великой Отечественной войны этот опыт получил широкое распространение, особенно в Берлинской операции.

Глава 26

РАЗГРОМ ФИНЛЯНДИИ

В июне—июле 1944 г. в ходе четвертого сталинского удара Красная армия выбила противника с Карельского перешейка и большей части Карело-Финской АССР и нанесла финской армии невосполнимые потери, что привело через несколько недель к выходу Финляндии из войны.

В феврале 1944 г. в Стокгольме прошли секретные переговоры между советской и финской сторонами об условиях выхода Финляндии из войны. СССР предложил финнам более чем выгодные, в сложившейся ситуации, разумеется, условия — восстановление границы на 22 июня 1941 г. плюс передача Советским Союзом

области Петсамо (Печенга) в Заполярье. Правительство Р. Рюти отклонило эти предложения, и 1 мая 1944 г. командование Ленинградского и Карельского фронтов получило директиву о проведении Выборгско-Петрозаводской стратегической наступательной операции.

Фактически эта операция состояла из двух независимых операций — Выборгской и Свирско-Петрозаводской, проводимых, соответственно, Ленинградским и Карельским фронтами.

Для проведения Выборгской операции Военный совет Ленинградского фронта выделил две армии: 21-ю (командующий — генерал-лейтенант Д.Н. Гусев) и 23-ю (командующий — генерал-лейтенант А.И. Черепанов).

В состав 21-й армии входили 30-й гвардейский, 97-й и 109-й стрелковые корпуса, а также 22-й укрепрайон. В составе 23-й армии были 98-й и 115-й стрелковые корпуса и 17-й укрепрайон. С воздуха наступление войск должна была прикрывать 13-я воздушная армия. Всего в этих трех армиях насчитывалось около 260 тысяч человек, 5,5 тысячи орудий и минометов, 881 пусковая реактивная установки, 628 танков и самоходных артустановок и свыше 700 самолетов.

Приморские фланги обеспечивали: со стороны Финского залива — Краснознаменный Балтийский флот, а со стороны Ладожского озера — Ладожская военная флотилия.

Советским войскам на Карельском перешейке противостояли 3-й и 4-й финские армейские корпуса, объединенные 15 июня 1944 г. в оперативную группу «Карельский перешеек». В группу входили 2, 3, 10, 15 и 18-я пехотные дивизии, единственная финская бронетанковая дивизия, одна пехотная и одна кавалерийская бригады, а также много отдельных частей. Всего у финнов было 100 тысяч человек, 960 орудий и минометов, 110 танков и САУ и свыше 200 самолетов.

Несколько слов стоит сказать и о финских танках. К 22 июня 1941 г. вся финская бронетехника, а она состояла исключительно из трофейных советских танков, захваченных в ходе Зимней войны, была сведена в отдельный танковый батальон.

В 1941 г. финны захватили значительно число танков БТ-5, БТ-7 и Т-26. Количество захваченной бронетехники было столь велико, что батальон 10 февраля 1942 г. перестроили в бригаду, состоящую из двух бронепатальонов. Основным танком в

бригаде оставался Т-26 различных модификаций. Первые танки Т-34 (финское название «Сотка») и несколько Т-28 финны захватили осенью 1941 г. Они были сведены во взвод тяжелых танков 2-го бронеполка. В 1942 г. в состав взвода были введены два трофейных советских танка КВ-1, отремонтированных после успешной эвакуации из-под Свири и Соломенного.

25 апреля 1941 г. в Швеции было заказано шесть самоходных зенитных установок «Ландверк Анти II». 40-мм автоматы Бюффорс для них изготавливались финским заводом VTT в городе Ювяскиля. Испытания первой установки начались 10 марта 1942 г. Все шесть установок были готовы к 14 мая 1942 г.

Среди захваченных осенью 1941 г. танков Т-28 было несколько Т-28Э с экранированной броней. Один из них был позже введен в строй, а бронирование всех захваченных Т-28 было усилено по образцу Т-28Э силами ремонтных баз.

Весной 1942 г. на заводе VTT начались работы по переделке танков БТ-7 обр. 1937 г. в штурмовые орудия для батальона штурмовых орудий, который планировалось создать при бронедивизии. Новая машина получила название ВТ-42. Стандартная башня БТ-7 подверглась серьезной переделке. В башне устанавливалась английская 4,5-дюймовая (114-мм) гаубица Q.F.Mk.II (финское обозначение 114 Р 18). 24 гаубицы были получены из Англии, а остальные куплены в Испании во время Зимней войны. Гаубицы снабжались дульным тормозом оригинальной финской разработки. Первый ВТ-42 был передан бронеполку в начале сентября 1942 г.

С 6 июля по 3 сентября 1943 г. морским путем из Германии было доставлено 30 немецких 75-мм самоходных установок StuG 40. Первые машины из этой партии поступили на вооружение батальона штурмовых орудий 2 сентября 1943 г.

Говоря о действиях танков, нельзя не остановиться и на специфике рельефа местности. Так как труднопроходимая лесистая и болотистая местность на Карельском перешейке затрудняла широкое применение тяжелой боевой техники, командующий фронтом генерал армии Л.А. Говоров принял решение нанести главный удар силами 21-й армии на приморском направлении — вдоль северо-восточного побережья Финского залива. Это давало возможность нашему командованию широко использовать мор-

скую артиллерию для прорыва обороны противника и высаживать десанты с моря в помощь войскам, наступавшим на Выборг.

23-я армия в первые дни наступления должна была оборонять занимаемый рубеж от Ладожского озера до Охты, а с выходом соединений 21-й армии к реке Сестре перейти в наступление.

Три армии Ленинградского фронта, сосредоточенные на Нарвском участке фронта, получили приказ активизировать свои действия и не допустить переброски немецких войск из Прибалтики на Карельский перешеек.

За несколько дней до наступления советское командование распространило дезинформацию о крупном наступлении наших войск в районе Нарвы. Были созданы ложные радиосети и проведен ряд иных мероприятий.

9 июня 1944 г. в 8 ч 30 мин артиллерия Ленинградского фронта совместно с береговой и корабельной артиллерией приступила, согласно плану, к разрушению оборонительных сооружений противника на Карельском перешейке. На 20-километровом участке фронта перед позициями 21-й армии плотность огня сухопутной артиллерии достигала 200—220 орудий и минометов (в среднем 120 орудий без противотанковых пушек).

От артиллерии флота огонь на разрушение вели шесть батарей Кронштадта, шесть батарей железнодорожной артиллерии, два орудия (406-мм и 356-мм) Научно-исследовательского морского артиллерийского полигона (НИМАП), орудия линейного корабля и двух крейсеров. Огонь на разрушение длился 12 ч 55 мин (до 21 часа). При этом артиллерия флота израсходовала 2176 снарядов.

В первый день операции разрушались долговременные оборонительные сооружения финнов на всю глубину их первой полосы обороны. Одновременно со стрельбой на разрушение береговая артиллерия (6 стационарных батарей Кронштадта и 13 батарей железнодорожной артиллерии) вела огонь на подавление активно действующих неприятельских батарей.

Позже Маннергейм напишет в своих мемуарах, что гром советских тяжелых орудий был слышен в Хельсинки на расстоянии 220—270 км.

С начала операции в ней участвовали 158 истребителей, 298 штурмовиков, 265 бомбардировщиков и 20 разведчиков 13-й

воздушной армии и авиации Балтийского флота. 9 июня было произведено свыше 1100 самолето-вылетов.

10 июня в 6 часов утра артиллерия и авиация Ленинградского фронта и Балтийского флота приступили к артиллерийской и авиационной подготовке наступления сухопутных войск. В ней участвовали 3 эсминца, 4 канонерские лодки, 21 артиллерийская батарея Кронштадтского и батареи Ижорского сектора береговой обороны, 15 артиллерийских батарей 1-й гвардейской морской железнодорожной артиллерийской бригады. Морская артиллерия вела огонь по укреплениям финнов в районе Белоострова и его командным и наблюдательным пунктам.

За 3 ч 15 мин было проведено шесть огневых налетов по главной полосе обороны противника с чередованием методического огня. После окончания артиллерийской подготовки артиллерия осуществляла поддержку наступающих войск. Быстрое продвижение наших соединений чрезвычайно усложнило ведение артогня, так как приходилось непрерывно уточнять положение своих войск перед стрельбой и во время ее.

О силе артиллерийского огня и бомбовых ударов авиации 9—10 июня 1944 г. говорят следующие данные. Только на небольшом участке в районе Белоострова было уничтожено 130 дотов, дзотов, бронированных колпаков и других оборонительных сооружений. Почти все проволочные заграждения были снесены, противотанковые препятствия разрушены, минные поля уничтожены, траншеи вспаханы, причинен большой урон в живой силе. Как показали пленные, финны потеряли в этот день около 70 % состава частей, занявших траншеи после нашей артподготовки.

В составе 21-й армии находились 31-й и 260-й отдельные гвардейские танковые полки прорыва. Всего 43 тяжелых танка (КВ-1 и «Черчилль»). Кроме того, в других частях имелось 62 танка Т-34/76, а также 52 САУ — 31 тяжелая и 21 легкая.

В составе 23-й армии был 46-й отдельный гвардейский полк прорыва (21 танк КВ-1 и КВ-1С), а также 98-й самоходно-артиллерийский полк (21 СУ-76).

Кроме того, для развития успеха распоряжением командующего фронтом были созданы две подвижные группы в составе: первая группа — 152-й танковой бригады и 26-го гвардейского тяжелого танкового полка (21 танк ИС-2); 2-я группа — 1-я гвар-

дейской танковой бригады и 27-го гвардейского тяжелого танкового полка (21 танк ИС-2).

Позже в бой была введена и 30-я танковая бригада, которая фактически составила третью подвижную группу.

Решением командующих 21-й и 23-й армий танковые части должны были распределяться по стрелковым корпусам для действия их в качестве танков непосредственной поддержки пехоты. Так, в 21-й армии с пехотой 97-го стрелкового корпуса действовали 226-й танковый полк и 396-й самоходно-артиллерийский полк. Все тяжелые танки (30-го и 260-го танковых полков) и 1439-й самоходно-артиллерийский полк были приданы 30-му гвардейскому стрелковому корпусу. 109-му стрелковому корпусу были приданы 185-й танковый полк и 1222-й самоходно-артиллерийский полк.

Танки 21-й армии в период артподготовки выдвинулись на исходные позиции и за 20 минут до ее окончания пошли в атаку вместе с пехотой.

В течение первого дня наступления финны несколько раз вводили в бой резервные части и пытались контратаковать, но все их атаки были отражены. Войска 21-й армии форсировали реку Сестру и к исходу дня вышли на рубеж Каллелова, Хапола, Куонкала. Наибольшего успеха в этот день добились КВ и «Черчилли», приданные 30-му гвардейскому корпусу. К 12 часам дня 10 июня корпус продвинулся на 8—9 км, а к исходу дня — на 14—17 км, осуществив прорыв по фронту шириной 20 км. Соседние 97-й и 109-й стрелковые корпуса несколько отстали.

11 июня в наступление включилась и 23-я армия, которая наступала силами 98-го стрелкового корпуса. В 15 часов 11 июня в состав 23-й армии был передан правофланговый 97-й корпус 21-й армии. А взамен 21-я армия получила 108-й стрелковый корпус из резерва Ленинградского фронта. К исходу дня 11 июня 97-й и 98-й стрелковые корпуса 23-й армии вели бои на рубеже Терлолово — Хирели. 21-я армия силами 30-го гвардейского корпуса овладела Хирели, Матилла и вела бой за Икола. 109-й корпус занял Келломени, Райволу и Териоки.

10—11 июня была разгромлена 10-я финская пехотная дивизия. Ее остатки бежали на линию Ваммелсуу — Тайпале, а затем были отведены в тыл для пополнения и переформирования. 10 июня Маннергейм приказал срочно перебросить на Карель-

ский перешеек 4-ю пехотную дивизию и 3-ю пехотную бригаду из восточной Карелии. 12 июня Маннергейм приказал отправить на Карельский перешеек 17-ю дивизию и 20-ю бригаду.

К этому времени советское командование ввело в бой обе подвижные группы с двумя полками ИС-2. К сожалению, наши штабисты, то ли из-за соображений секретности, то ли из-за традиционного разгильдяйства, не сообщили войскам о появлении новых, ранее неизвестных им «ИСов». В результате танки Т-34 из 98-го танкового полка внезапно наткнулись на танки ИС-2 из 27-го танкового полка. Какой-то младший командир на Т-34 истошно заорал по радио: «тигры!!!» и открыл огонь. Его немедленно поддержали и другие Т-34. Через несколько минут все выяснилось, но к этому времени горело три ИС-2.

На рассвете 14 июня, после мощной артиллерийской подготовки (на полосе наступления 23-й армии — 55 минут, а 21-й армии — 90 минут) советские войска начали штурм второй линии обороны противника. Атаки на побережье Финского залива были отбиты, но у деревни Куутерселькя наши войска прорвали фронт.

Особого успеха достигли ИС-2 из 1-й гвардейской танковой бригады. Совершив обходной маневр через Мустамяки и Неувола, они вышли к Приморскому шоссе в районе Лемпияля и отрезали путь отхода финским частям, оборонявшимся на участке, где наступал 108-й стрелковый корпус. Выйдя на шоссе, танки ИС-2 на полной скорости двинулись вперед и застали врасплох находившиеся поблизости финские части. Штаб финской кавбригады вынужден был через леса пробираться к своим войскам в районе Уусикиркко.

Советские танки осуществили прорыв во взаимодействии со штурмовой авиацией. Еще до начала операции в 1-ю гвардейскую танковую бригаду прибыли офицеры связи и наведения от ВВС — бывшие опытные летчики. Так, старший лейтенант А.Ф. Разгулов, потерявший правую руку, теперь стал отличным специалистом по наведению авиации в бою. Он из танка по радиации передавал штурмовикам команды, наводя их на те узлы сопротивления, которые мешали продвижению танков. Иногда танкисты и сами с помощью ракет и трассирующих пуль показывали штурмовикам, где им необходимо нанести удар.

Успех 109-го стрелкового корпуса при прорыве второй полосы обороны противника способствовал развитию наступления

108-го стрелкового корпуса вдоль Приморской железной и шоссейной дорог в направлении на Выборг. Преодолев упорное сопротивление финнов, части 108-го корпуса подошли к поселку Метсякюля (Молодежный) на пересечение дорог, ведущих к Выборгу, Койявисто и Райвола.

19 июня 1944 г. правительство Финляндии обратилось к Гитлеру с просьбой срочно направить в Финляндию шесть германских дивизий и авиацию. Гитлер и без просьбы Маннергейма прекрасно понимал, чем может обернуться четвертый сталинский удар, и с самым началом его приказал оказать возможную помощь. Однако успешное наступление Красной армии на других участках фронта лишало немцев возможности перебросить большие силы в Финляндию.

18—19 июня с аэродромов в Эстонии в Финляндию перелетели 20 пикирующих бомбардировщиков Ju-87 и 10 истребителей FV-190. 19 июня из Германии в Финляндию на миноносцах было переброшено 9000 гранатометов «Панцерфауст» и 10,5 тысяч противотанковых ружей. И уже 22 июня финны под Тали впервые применили фугасные патроны.

В порту Хельсинки выгрузилась 303-я германская бригада штурмовых орудий. Чтобы подбодрить финнов, 21 июня эта бригада прошла по улицам их столицы, а затем по железной дороге отправилась на Карельский перешеек.

Одновременно с немцами финны 19 июня обратились за помощью и к Швеции, но там возобладало благоразумие, и в поставках шведского вооружения, в том числе противотанковых пушек «Бофорс», было отказано.

Но вернемся к боям за Выборг. Экипажи тяжелых танков KV проявили изрядную смекалку при прорыве обороны противника. Они ухитрились танками раздвигать гранитные и железобетонные надолбы, установленные в 4—5 рядов. В итоге KV проходили сквозь них практически без повреждений.

В боях за Выборг финские 114-мм САУ ВТ-42, используя бронбойные снаряды, вывели из строя несколько танков Т-34, но были бессильны перед броней тяжелых танков.

В районе Карелы САУ ВТ-42, упрятанная в засаде, выпустила по танку KV восемнадцать снарядов и добилась нескольких попаданий, но не сумела пробить его броню. В ответ советский тяжелый танк выпустил 8 снарядов и вывел ВТ-42 из строя. Судя

по всему, финны имели только обычные бронепойные снаряды. Если бы в боекомплекте ВТ-42 были кумулятивные снаряды, исход дуэли, несомненно, оказался бы иной.

Для развития успеха 21-й армии из резерва ей придали 30-ю гвардейскую танковую бригаду, которая начала наступление в направлении шоссе и железной дороги Койвисто—Выборг.

В 4 часа утра 20 июня советские войска подошли к Выборгу. Первыми в город ворвались тяжелые танки 31-го, 260-го полков и 30-й бригады. Символично, что финны, столько лет надеявшиеся на «владычицу морей», увидели танки «Черчилль» на улицах Выборга.

К 19 часам 20 июня финские части были окончательно выбиты из города, а через три часа в Москве произвели салют по случаю взятия Выборга.

Характерной особенностью Выборгской операции является прорыв вражеской обороны на всю тактическую глубину. Это было достигнуто благодаря мощной артиллерийской и авиационной подготовке, которая подавила огневые средства противника во всей первой оборонительной полосе. Действуя в исключительно трудных условиях лесисто-болотистой местности, войска фронта прорвали три мощных оборонительных рубежа противника и за 10 дней боев прошли более 120 км.

Танки в операции использовались тактически грамотно. При этом средние танки применялись в основном для непосредственной поддержки пехоты, а тяжелые танки и тяжелые САУ при прорыве обороны противника действовали в составе штурмовых групп.

После взятия Выборга 21-я армия продолжила наступление в северо-западном направлении, действуя на 30-километровом участке фронта 12-ю стрелковыми дивизиями.

21—23 июня армия овладела несколькими населенными пунктами: Таммисуо, Манниккола, Тали и Реюла.

Однако вскоре наступление советских войск стало выдыхаться в связи с подходом германских войск и финских резервов. 11 июля 1944 г. Ставка приказала войскам Ленинградского фронта на Карельском перешейке перейти к обороне.

В ходе боевых действий Ленинградского фронта с 10 июня по 1 августа 1944 г. всего было потеряно 903 танка и САУ, в том числе 270 танков Т-34. Замечу, что в это число вошли и машины, доставленные на Карельский перешеек уже после начала наступления,

и, видимо, небольшое число единиц бронетехники, подбитой в позиционных боях юго-западнее Ленинграда.

Из этого числа машин 685 (180) ¹ единиц были потеряны вследствие боевых повреждений, 64 (17) — из-за технических неисправностей, а 154 (73) — по другим причинам.

Соответственно, из 685 танков и САУ 536 (129) было потеряно от артогня противника, 140 (49) стали жертвами мин и фугасов. Потери от авиации составили всего 9 (2) машин.

Из 685 потерянных танков и САУ 188 (36) сгорело. Всего же безвозвратные потери составили 222 (77) машины, что составляет 32,4 % (42,8 %) от всех потерь.

А теперь перейдем к Свирско-Петрозаводской операции, которая также была частью четвертого сталинского удара.

Согласно решению Ставки Верховного Главнокомандования, Карельский фронт должен был нанести два удара: первый — между Онежским и Ладожским озерами по разгрому олонцевской группировки финнов и второй — севернее Онежского озера по разгрому масельской группировки противника. Главный удар Карельский фронт должен был нанести вдоль побережья Ладожского озера в общем направлении на Сортавалу. Это направление было кратчайшим к советско-финской государственной границе. Оно обеспечивало возможность иметь в ходе наступления тесное взаимодействие с Ладожской озерной флотилией и выводило в тыл петрозаводской группировки финнов.

По приказу Маннергейма финские войска еще в декабре 1941 г. приступили к строительству глубоко эшелонированной системы укреплений на перешейке между Ладожским и Онежским озерами. Строительство их непрерывно продолжалось до лета 1944 г. Первая оборонительная полоса финнов располагалась непосредственно по северному берегу Свири. Она состояла из двух-трех линий траншей, обшитых жердями. Траншеи прикрывались проволочными заграждениями в несколько рядов. Во многих местах у берега реки были затоплены плоты или специальные рогатки, опутанные колючей проволокой. Участки, наиболее удобные для высадки десанта, финны буквально напичкали минами.

Вторая полоса обороны проходила по линии Обжа — Мегрега — Мегрозеро. Она состояла из нескольких опорных пунктов,

¹ В скобках — танки Т-34.

расположенных на путях движения войск. Мощный узел обороны находился в районе Мегрозера, один фланг которого упирался в лес, где не было дорог. Движение войск и техники здесь исключалось. Другой фланг прикрывало болото. Перед передним краем располагались противотанковые препятствия, минные поля, гранитные надолбы. Пулеметные точки находились на возвышенностях. Для укрытия солдат и офицеров от артиллерийского огня и бомбардировок с воздуха были построены железобетонные убежища, обеспеченные электроэнергией, телефоном, водой и отоплением.

Еще более мощный узел обороны находился в районе Сумбагуксы. Здесь кроме дзотов было много долговременных железобетонных огневых точек. На каждый километр фронта приходилось пять таких точек. В глубине обороны, на берегах рек Тулокса и Видлица у Питкяранты и у станции Лоймола также были подготовлены очень мощные позиции.

На участке от Подпорожья до Ладожского озера финны построили разветвленную сеть шоссейных и лежневых дорог. Нормально работала железнодорожная линия Медвежьегорск — Петрозаводск — Свирьстрой. В хорошем состоянии находилось шоссе Лодейное Поле — Олонец — Видлица.

К апрелю 1944 г. укрепления на перешейке занимала финская группировка «Олонец», в составе которой находился VI армейский корпус и Ладожская бригада береговой обороны.

С начала 1944 г. финнам на Свирь противостояла 7-я армия под командованием генерал-лейтенанта А.И. Крутикова. В ее составе было шесть дивизий (21, 67, 114, 272, 314 и 368-я), три бригады морской пехоты (3-я, 69-я и 70-я) и два укрепленных района (150-й и 169-й). В июне 1944 г. Ставка перебросила сюда 37-й гвардейский, 99-й и 94-й стрелковые корпуса, 7-ю артиллерийскую дивизию прорыва, гвардейскую бригаду реактивных минометов («катюш»), две инженерно-саперные бригады, два отдельных понтонно-мостовых батальона и 40-ю зенитно-артиллерийскую дивизию. Из резервов Карельского фронта с кандалакшского направления на Свирь был переправлен 127-й легкий стрелковый корпус.

Бронетанковые войска были представлены двумя танковыми бригадами и тремя отдельными танковыми полками. 7-я гвардейская бригада имела 55 танков Т-34 и 10 танков «Валейнайн»

Мк-IX, 29-я бригада — 26 танков ИТ-34 и 42 танка Т-70, 89-й отдельный танковый полк — 22 танка Т-34, а 92-й отдельный танковый полк — 40 плавающих танков Т-37 и Т-38. Тяжелые танки имел только 73-й гвардейский танковый полк — 22 танка КВ-1.

Для обеспечения наступательной операции с воздуха выделялось 588 самолетов 7-й воздушной армии. Кроме того, во время форсирования Свири 13-я воздушная армия Ленинградского фронта должна была произвести два вылета по 75 бомбардировщиков в каждом.

В районе Новой Ладogi сосредоточилась Ладожская военная флотилия, на Онежском озере и реке Вытегре, — Онежская военная флотилия. Им предстояло поддерживать артиллерийским огнем наступающие войска с флангов.

Автомобильный парк 7-й армии к началу наступления составлял 8 тысяч машин.

Первоначально наступление на Свири намечалось на 25 июня 1944 г., но Ставка внезапно перенесла этот срок на 20 июня.

Одной из важнейших предпосылок успеха Свирско-Петрозаводской операции являлось разрушение плотины ГЭС «Свирь-3». Выполнение этой задачи было возложено на авиацию Балтийского флота и преследовало две цели: во-первых, уменьшить уровень воды на Свири выше плотины и тем самым облегчить 368-й стрелковой дивизии форсирование реки, во-вторых, снять угрозу затопления местности врагом при форсировании Свири войсками 7-й армии в нижнем течении.

Для разрушения плотины были привлечены 55 бомбардировщиков. Их экипажи прошли подготовку на специально оборудованном полигоне, после чего самолеты скрытно были сосредоточены в районе Новой Ладogi. Планировалось накануне наступления советских войск под прикрытием истребителей нанести внезапный удар по плотине с применением крупнокалиберных бомб и мин.

20 июня в 10 ч 5 мин группа бомбардировщиков нанесла первый удар по плотине. Затем последовала еще серия ударов по плотине. Вместе с 250-, 500- и 1000-кг бомбами сбрасывались и морские мины. Всего авиация флота совершила 123 самолето-вылета и израсходовала 64 крупнокалиберные бомбы и 11 мин. Плотина была разрушена. Водяной вал буквально смыл финские укрепления, расположенные у самого берега ниже плотины.

Ровно в 8 часов утра 21 июня был произведен залп гвардейских минометов. К 8 ч 05 мин над финскими позициями появилось несколько сот бомбардировщиков и штурмовиков. Бомбардировка длилась 30 минут. В 8 ч 30 мин открыли огонь 1595 орудий и минометов калибра 76 мм и выше. В районе прорыва средняя плотность составила 133 ствола на километр фронта. Артиллерийская подготовка длилась три с половиной часа. За это время было израсходовано 1200 вагонов снарядов и мин.

В 11 часов от левого берега Свири отчалили сотни лодок и плотов, на которых плотно сидели красноармейцы. Немедленно открыли огонь все уцелевшие огневые точки финнов. Плоты и лодки оказались в кольце всплесков от пуль и снарядов. Однако убитых и раненых было совсем немного, поскольку на плотках и лодках сидели... чучела, а передвигали их в воде небольшое число добровольцев. Ложная переправа помогла выявить огневые точки финнов.

В 11 ч 47 мин 360 бомбардировщиков и штурмовиков 7-й и 13-й воздушных армий нанесли повторный удар по неподавленным финским укреплениям. Затем 15-минутный огневой налет произвела артиллерия. И только около 12 часов дня началось форсирование Свири. Первыми начали переправу бойцы 98-й и 99-й стрелковых дивизий, а также 272-й и 114-й стрелковых дивизий.

По всей реке на протяжении 25 километров появились плоты, лодки, плавающие автомашины и танки Т-37 и Т-38. Финны вели беспорядочный ружейно-пулеметный огонь. По несколько выстрелов сделали две-три минометные батареи. Основные же силы финнов поспешно отходили на второй рубеж обороны.

К 16 часам 21 июня наши войска овладели на правом берегу Свири плацдармом глубиной до 2,5—3 км.

22 июня со стороны Ладожского озера в Свирь вошли речные пароходы «Титан», «Хасан», «Весьегорск», «Шиман» и «Горловка» с баржами. Они прошли под огнем противника сквозь минные заграждения вверх по реке к месту прорыва и на следующий день приступили к переброске на правый берег реки войск и техники, включая тяжелые танки и САУ. В 16 часов в районе Каномы начал функционировать большой паром из двух барж, буксируемых паромом. За первый же рейс он перевез 15 танков Т-34 и 14 самоходок Су-152.

22 июня войска 7-й армии продолжали наступление. 368-я дивизия, отбросив противника с плацдарма, который он занимал по южному берегу, форсировала Свирь в районе Вознесенья. Дивизию поддерживала огнем Онежская флотилия. 99-й корпус овладел районным центром Подпорожье и также переправился через реку. А к концу дня Свирь была форсирована на всем ее протяжении от Онежского до Ладожского озера.

Стремясь сохранить свои силы, финны начали поспешно отводить 8-ю и 5-ю дивизии и 15-ю бригаду на вторую, главную линию обороны Мегрега — Сумбатукса и Сармяги — Обжа, а 7-ю дивизию — на Петрозаводск. Отход прикрывался сильными арьергардами. Отступая, финны взрывали мосты, устраивали завалы, минировали и взрывали дороги.

С утра 23 июня 4-й и 37-й корпуса вели упорные бои в полосе предполья второй линии обороны противника в районе Сумбатукса — Мегрега — Сармяги — Обжа. 99-й корпус после переправы через Свирь в районе Подпорожья не встретил организованного сопротивления финнов.

Походными колоннами войска двинулись по лесной дороге к Коткозеру и вышли там на шоссе Петрозаводск — Олонец.

Утром 23 июня Ладожская флотилия высадила десант в междуречье Тулоксы и Видлицы в тылу финской обороны для содействия войскам, наступавшим с фронта. При поддержке кораблей и флотской авиации десантники должны были перерезать железную и шоссейную дороги, идущие от Олонца на Питкяранту. Высадка прошла успешно.

Финны срочно направили к месту высадки советского десанта части 15-й пехотной бригады и отдельный егерский батальон. Сильными контратаками финны попытались загнать десант в озеро, но им это не удалось. На следующий день здесь высадились и 3-я бригада морской пехоты. Ладожская флотилия поддерживала десантников огнем своей артиллерии. Все атаки финнов были отбиты.

Высадка крупного десанта в тылу финских войск и обход их главной полосы обороны войсками 99-го корпуса создали реальную угрозу окружения 5-й и 8-й финских пехотных дивизий. Поэтому командование противника было вынуждено в ночь на 24 июня отвести свои части на западный берег Видлицы.

Преследуя отходящих финнов, части 37-го гвардейского корпуса 25 июня заняли Олонец. На следующий день они вошли в

Нурмолицы, 28 и 29 июня вели бои с частями 8-й пехотной дивизии финнов в районе Торосозеро, а 30 июня вышли к реке Видлице между Ивасельгой и Большими Горами.

99-й корпус к 30 июня вел бой в районе Ведлозера. 4-й корпус 25 июня занял сильные узлы сопротивления Сармяги и Обжа и быстро продвигался по берегу Ладожского озера.

26 июня 272-я дивизия вышла к реке Тулоксе, а на следующий день соединилась с десантниками, удерживающими плацдарм между Тулоксой и Видлицей. Части 15-й бригады и 5-й дивизии финнов были отброшены за Видлицу и заняли оборону на ее западном берегу.

В резерве фронта находились 127-й легкий и 94-й стрелковый корпуса, которые в боях за Свирь участия не принимали. Подсчитав, что для разгрома финских войск вполне достаточно тех сил, которые 21 июня форсировали Свирь, Ставка вывела 94-й корпус из состава Карельского фронта и перебросила его на другой фронт.

С выходом войск 7-й армии на реку Видлица 30 июня закончился первый этап наступления на свирско-олонецком направлении. На правом фланге армии советские войска после форсирования Свири преследовали отступающих финнов в направлении от Вознесенья на Шелтозеро и Петрозаводск. Там наступали 368-я дивизия, 69-я стрелковая бригада и части 150-го укрепленного района.

На Петрозаводском направлении 32-я армия Карельского фронта начала наступление 20 июня 1944 г., то есть на сутки раньше, чем на Свири. В ночь с 20 на 21 июня передовые части 313-й дивизии форсировали Беломорско-Балтийский канал и внезапным ударом выбили противника с первой линии обороны. Затем через канал переправились основные силы дивизии.

21 июня советские войска освободили Повенец и подошли к Медвежьегорску. В этот же день 176-я и 289-я дивизии после короткой артподготовки вклинились в оборону противника и с боями к вечеру 21 июня вышли к озеру Вожема и станции Малыга в 14 км южнее станции Масельской.

Бой за Медвежьегорск шел почти сутки. Утром 23 июня сюда с севера продвинулась 289-я дивизия. Совместным ударом с востока и севера город был взят.

28—29 июня правофланговые соединения 7-й армии и наступавшие с севера вдоль Онежского озера части 32-й армии — вошли в Петрозаводск, оставленный финнами без боя.

2 июля 37-й гвардейский корпус возобновил наступление на реке Видлица. Через два дня советские ударные подразделения подошли к довольно широкой реке Тулемайоки. Здесь только через трое суток, преодолевая сопротивление финнов, 37-му корпусу удалось форсировать Тулемайоки и продвинуться еще на 15–20 км по направлению к Суистамо — Янисярви. Дальше сопротивление финнов все возрастало. На участке Кителя — Леметти наши войска 11 июля были вынуждены остановиться и перейти к обороне.

Вдоль побережья Ладожского озера наступал 4-й стрелковый корпус, 3 июля он также подошел к реке Тулемайоки, но форсировать ее не смог. Удалось только захватить поселок и крупную железнодорожную станцию Самли, имевшую большое значение для обороны всего этого района. Чтобы ускорить здесь продвижение, командующий 7-й армией 6 июля ввел в бой 127-й легкий стрелковый корпус на стыке между 4-м и 37-м корпусами. Ему была придана 7-я танковая бригада. Перед корпусом стояла задача разгромить противника западнее поселка Уома и вместе с 4-м корпусом уничтожить финские войска в районе Питкяранты. 10 июля город Питкяранта был взят. Но дальнейшее наступление приостановилось — прорвать узел обороны в районе Кителя пока не удавалось.

К этому времени линия фронта установилась на рубеже Питкяранта — Лоймола, то есть на том самом рубеже, где закончилась Зимняя война. Финны восстановили и усилили здесь оборонительные сооружения, использовав особенности рельефа местности.

4 августа 7-я армия получила приказ на рубеже Питкяранта — Лоймола перейти к обороне.

Данных о потерях советских танков в Свирско-Петрозаводской операции мне найти не удалось, но все потери Карельского фронта за 1944 г. составили 415 танков и САУ, в числе которых 147 танков Т-34. Из них боевые потери — 254 (120) танков, эксплуатационные — 80 (18) и «прочие потери» — 81 (9). Как видим, небоевые потери составили 40 % от всех потерь. Отчасти это объясняется

тем, что большая часть «прочих» потерь — это машины, утонувшие в болотах.

Любопытен и анализ боевых потерь. Из 254 танков и САУ на артогонь приходится 165 (77), на мины и фугасы — 89 (43), а вот от действий вражеской авиации за весь 1944 г. на Карельском фронте не погибло ни одной машины.

Процент сгоревших машин невелик — 53 (23) единицы, то есть 20,9 % (19,2 %). Безвозвратные потери составили 94 (43) машины, то есть 36,4 % (38 %).

Я назвал главу «Разгром Финляндии», а между тем к августу 1944 г. Красная армия только вышла на границы Финляндии. Это кому-то покажется противоречивым. Однако наши войска нанесли непоправимые потери финской армии. У противника не было больше резервов, а Германия могла помогать, как говорится, «по чайной ложке». Если бы Сталин в августе 1944 г. решил подбросить Ленинградскому и Карельскому фронтам сотню-другую тяжелых танков и пару артиллерийских дивизий прорыва, то с Финляндией было бы покончено за две недели. Тем не менее Сталин по политическим мотивам позволил Маннергейму «спасти лицо». Сталин желал сделать из Финляндии дружественного и миролюбивого соседа. И это удалось сделать почти на полвека.

Глава 27

БОИ ЗА БУДАПЕШТ И БАЛАТОН

К началу нового, 1945 года, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов под командованием маршалов Малиновского и Толбухина, прорвав линию «Маргарита» (позиция по рубежу озеро Балатон — Секешфехервар — озеро Веленце — Будапешт), завершили операцию по окружению Будапештской группировки немецких войск. Воспользовавшись сковавшими землю морозами, советские подвижные части 4-й гвардейской армии генерала Захарова (3-й Украинский фронт) осуществили глубокий прорыв, выйдя к берегу озера Веленце, и захватили город Секешфехервар. Части 57-й и 27-й армий, действовавших южнее, вышли к озеру Балатон и далее до реки Драва.

Немецкое командование предприняло попытку деблокировать окруженную в Будапеште группировку и 2—18 января нанес-

ло последовательно три контрудара по войскам 3-го Украинского фронта.

К 1 января в составе советских танковых и механизированных частей состояло танков и САУ:¹

18-й танковый корпус: 19 ИС-2, 100 Т-34 и 11 СУ-85;

1-й гвардейский мехкорпус: 184 М4А2 «Шерман» и 62 СУ-100;

2-й гвардейский мехкорпус: 8 ИС-2, 35 Т-34 и 11 СУ-85;

7-й мехкорпус: 65 ИС-2, 12 СУ-76, 14 СУ-85 и 10 СУ-100;

1-й гвардейский укрепрайон: 7 Т-34 и 5 СУ-76.

25 января из состава 2-го Украинского фронта был переброшен 23-й танковый корпус, в котором имелось 174 ИС-2 и 19 ИСУ-152.

К 10 января 1945 г. в Венгрии находилось 938 германских танков и САУ. Однако тяжелые танки «тигр» и «королевский тигр» имелись лишь в двух батальонах — 503-м и 509-м — всего 90 машин. Кроме того, в этих батальонах было по восемь ЗСУ Flak Pz-IV. В германских танковых дивизиях в Венгрии состояло от 59 до 27 танков «пантера», всего 395 машин. Остальные были — Т-III, Т-IV и САУ.

В ночь на 2 января 1945 г. германские войска начали наступление на участке Дунальмаш — Банхида. Главный удар наносил 4-й танковый корпус СС под командованием обергруппенфюрера СС Гилле при поддержке частей 6-й армии генерала Балка. В контрударе по советским войскам участвовало до семи танковых дивизий неполного состава и две моторизованные дивизии, в числе которых были 3-я танковая дивизия СС «Тотенкопф», 5-я танковая дивизия СС «Викинг», 2-я венгерская танковая дивизия, а также 503-й и 509-й батальоны тяжелых танков «тигр» и «королевский тигр». Немцы быстро прорвали фронт и, обойдя большинство позиций противотанковой артиллерии, продвинулись в глубь обороны 4-й гвардейской армии на 27—31 км.

Чтобы отразить атаки немцев, было снято ряд артиллерийских частей 46-й армии, которая осаждала Будапешт². Всего против

¹ По данным: *Баронов О.М.* Балатонская оборонительная операция. М.: Экспринт, 2001. С. 110.

² Будапешт был окружен частями Красной армии еще 26 декабря 1944 г.

наступавших войск противника было сосредоточено 1305 орудий и минометов и примерно 210 танков, из которых более 70 % составляли М4А2 «Шерман».

5 января наступление немцев было приостановлено. После боев трофейная команда 4-й гвардейской армии обнаружила и запротоколировала наличие сгоревших и разрушенных пяти танков «королевский тигр», двух танков «тигр», двух танков «пантера», 19 танков Т-IV, шесть танков Т-III, пять самоходных орудий и 19 бронетранспортеров и бронеавтомобилей. Кроме того, трофейная команда обнаружила несколько груд металлолома, по которым не смогла опознать тип бронемашин.

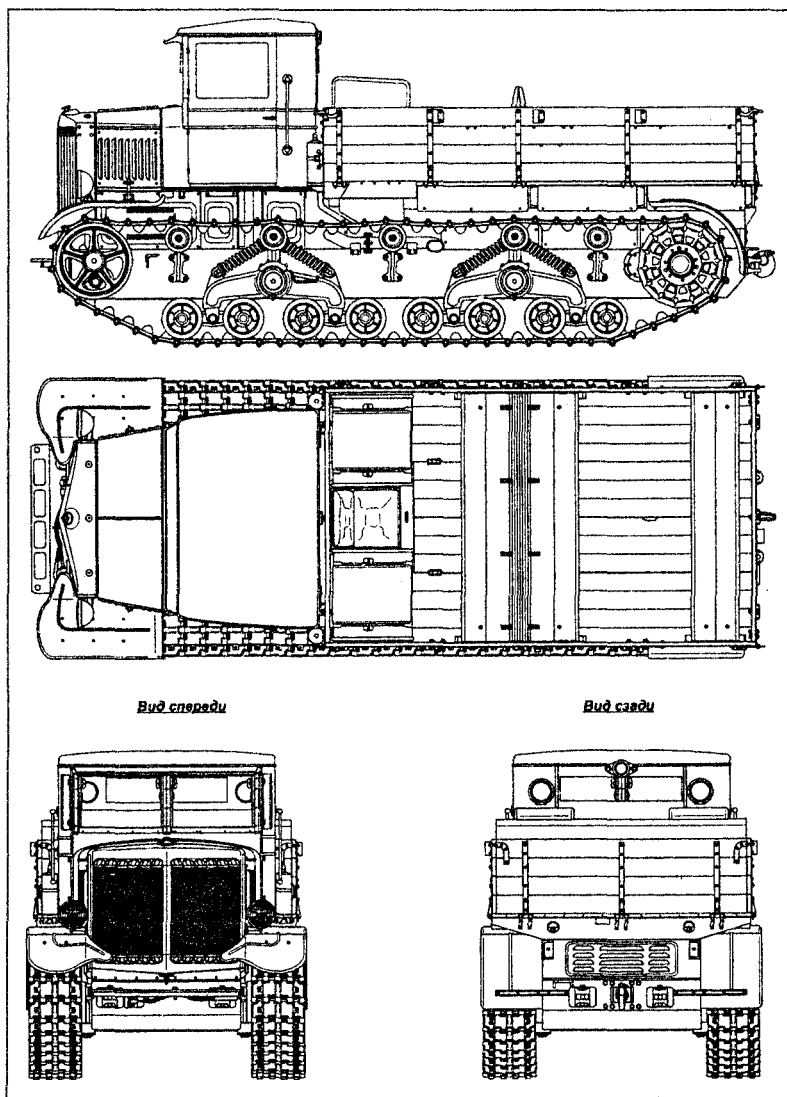
Всего же, по донесениям советских артиллеристов, в ходе боев 2—5 января 1945 г. было подбито и уничтожено 120 танков и САУ и до 100 бронетранспортеров и бронеавтомобилей, около 30 % которых не подлежали восстановлению.

Не достигнув успеха в полосе 31-го гвардейского стрелкового корпуса, немецкое командование попыталось осуществить прорыв к Будапешту через позиции 20-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Бирюкова. Здесь были сосредоточены две немецкие танковые дивизии полного состава, части 503-го и 509-го батальонов тяжелых танков, 2-й венгерской танковой дивизии и несколько танковых батальонов и бригад штурмовых орудий, взятых из резерва.

Утром 7 января головная группировка обрушила удар на передовые части 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 20-го гвардейского стрелкового корпуса, пытаясь пробиться в Замолье.

К 17 января в районе между озером Балатон и Баконским лесом немцы сосредоточили пять танковых дивизий неполного состава. Целью группировки был прорыв фронта 4-й гвардейской армии между озерами, после чего она должна была выйти к Будапешту с юга.

Начиная с 10 января германские танковые части предприняли ряд ночных атак. «пантеры», «тигры» и «ягдпантеры» успешно поражали советские танки в полной темноте на дистанциях до 500 м. Несколько дней советские танкисты не могли понять причины результативности огня противника в полной темноте. Но 18—19 января в полосе обороны 18-го танкового полка была захвачена подбитая немецкая САУ с установленным на ней ночным прицелом. Оказывается, немцы на средних и тяжелых танках и на некоторых САУ установили инфракрасные пассивные при-

Тягач «Ворошиловец»

боры ночного видения. Кроме того, они использовали колесно-гусеничные бронетранспортеры *Sd.Kfz.251/20*, оснащенные инфракрасным прожектором «Uhu».

Советские же танки и САУ получили ночные прицелы лишь через несколько лет после окончания войны. За неимением лучшего, против германской инфракрасной техники стали использовать обычные костры. На местах, где ожидалась ночная атака, заготавливались горючие вещества, и специальные группы разведчиков, услышав звук танковых моторов, поджигали их. В ряде случаев костры помогали и ослепляли германских наводчиков. Но в целом применение немцами инфракрасной техники привело к большим потерям советской бронетехники и большой невозможности личного состава в ночное время.

19 января немцы в районе Шопонья форсировали канал Шарвиз. Чтобы прикрыть направление на Аба, командование 3-го Украинского фронта выделило из резерва 133-й стрелковый корпус с двумя истребительно-противотанковыми артполками и 18-й танковый корпус, поддержанный полком СУ-76. Эти части без подготовки вступили в бой с наступающими немецкими танками. Но из-за безграмотного командования эта группа к вечеру оказалась окруженной, а немецкие войска вышли к Дунаю.

Однако 21 января ударом на юг части двух окруженных корпусов смогли вырваться из окружения и выйти в расположение 57-й армии. При этом их прикрывали артиллеристы дивизионной артиллерии и истребительно-противотанковых полков. Поскольку их буксирующие средства были взяты для нужд отступающей пехоты, артиллеристы вели огонь до последнего снаряда, затем подрывали матчасть и прорывались к своим кто как мог.

18-й танковый корпус потерял в этих боях до половины машин, причем большая их часть была брошена из-за отсутствия горючего и тягачей для эвакуации поврежденных танков.

С выходом немецких войск к Дунаю для 3-го Украинского фронта сложилась крайне тяжелая обстановка. Чтобы предотвратить немецкое наступление на юг, войска 57-й армии были перегруппированы и развернуты фронтом на север. В это же время между озером Веленце и Дунаем разворачивались 5-й гвардейский кавалерийский корпус и части 1-го гвардейского мехкорпуса. Это были последние незадействованные резервы фронта. Сюда же было направлено 13 артиллерийских и минометных полков (считая три дивизиона как полк), собранных со всех участков 3-го и 2-го Украинских фронтов. Две бригады 1-го гвардейского мехкорпуса, вооруженные 41 танком «Шерман», с ходу вступили

ли в бой и, хотя вели огонь преимущественно из засад, понесли большие потери — до 70 % машин.

25 января немцы организовали танковую атаку из района Замоль на Миклош. В 9 часов утра две группы танков типа «пантера» (12 машин) и «королевский тигр» (10 машин) из 507-го тяжелого танкового батальона выдвинулись на южную и северную окраины Замоля. На восточную окраину на бронетранспортерах и полугусеничных автомобилях стягивалось до батальона пехоты, а за селом сосредоточились самоходные орудия.

В 9 ч 20 мин эта группировка перешла в атаку советских войск, основой которых здесь был 1172-й истребительно-противотанковый полк. Командир этого полка заманил вражеские танки в огневой мешок. Потеряв в 6-часовом бою разбитыми и поврежденными 16 орудий, 39 человек убитыми и 47 ранеными, полк уничтожил 10 «пантер» и «королевских тигров», а также подбил 10 самоходных орудий и три средних танка, уничтожив 119 немецких солдат.

26 января бои между озером Веленце и Дунаем достигли кульминации, поскольку успех немецкого наступления в направлении Валя мог привести к прорыву немецких танков в обход наших частей у Дуная и открыл бы им путь на Будапешт. Однако как только прорыв в районе Каполнаш — Барочка двух немецких пехотных полков при поддержке 60 танков стал реальным, командование фронта выдвинуло к Вель-Вертешача 104-й стрелковый и 23-й танковый корпуса, усиленные полком СУ-100, а также 1501-м и 184-м истребительно-противотанковыми артполками и 1669-м самоходно-артиллерийским полком, вооруженным СУ-76. Эти части быстро и скрытно заняли отведенные им позиции и встретили наступавших немцев внезапным огнем. В ходе боя прорвавшаяся группировка понесла большие потери и была остановлена.

27 января передовые немецкие части, находившиеся всего в 26—29 км от Будапешта, начали перегруппировку, чтобы совершить последний бросок. В это время свежие силы 3-го Украинского фронта начали наступление с юга из района Дунапентеле и Недь. Это привело к тому, что коммуникации немецкой группировки, рвавшейся к Будапешту, были перерезаны. Немецкое наступление было остановлено, и противник начал новую перегруппировку, поворачивая фронт на юг. Но подтянутые на буда-

пештское направление резервные советские части перешли в наступление, прорвали заслоны и ударили по немецким войскам, находящимся на марше. Но немецкие и румынские части отходили медленно, постоянно контратаковали и после трех дней боев остановились на рубеже озеро Веленце — озеро Балатон.

В ходе отражения попыток деблокирования Будапешта советские танки использовались в основном в качестве подвижных бронированных огневых точек для ведения огня из засад и укрытий, и лишь в редких случаях для контратак прорвавшихся групп противника.

В ходе анализа этих боев отмечалось, что командиры танковых подразделений плохо увязывали свои действия с действиями артиллерийских и пехотных подразделений. Так, в ходе боев в районе Замоль танки 1-го гвардейского мехкорпуса раздавили пять своих орудий, приняв их за немецкие, а под Бичке наша пехота подбила четыре неожиданно появившиеся со стороны противника «Шермана», приняв их за вражеские.

Кроме того, танковые подразделения практически не вели разведку, полагаясь на данные, полученные от пехоты и от вышестоящих инстанций. В результате командование 110-й танковой бригады 18-го танкового корпуса загнало двадцать своих танков в болото, где они застряли на несколько дней. 27 января эта же танковая бригада нарвалась на засаду немецких танков и САУ и потеряла в бою семь танков, а на следующий день — еще восемь.

Вопреки вышестоящим приказам командиры 18-го и 23-го танковых корпусов вместо борьбы с танками противника имевшимися у них противотанковыми средствами — артиллерией и самоходной артиллерией — ввязывались без достаточной подготовки в танковые бои и несли большие потери. Так же широко практиковалось применение самоходной артиллерии вместо танков — в качестве подвижного щита при атаках немецких опорных пунктов, что при отсутствии у САУ оборонительных пулеметов делало их легкой добычей германской пехоты, оснащенной реактивными гранатометами.

19 февраля 1945 г. штаб артиллерии 3-го Украинского фронта получил распоряжение Артиллерийского управления Красной армии и Наркомата вооружения «О проведении обследования новых типов немецких танков и САУ, уничтоженных в ходе оборонительных боев в районе оз. Балатон — оз. Веленце — р. Дунай».

В конце февраля 1945 г. было произведено обследование 90 образцов трофейной бронетехники, в том числе семи сгоревших танков типа «королевский тигр», 31-го танка «пантера», двенадцати танков Т-IV, четырех танков Т-III, 32-х САУ различных типов и четырех бронетранспортеров.

Из 90 обследованных единиц бронетехники 86 были уничтожены артиллерийским огнем, а 4 подорвались на минах. 80 машин сгорело. На всех танках и САУ насчитали 152 пробоины от снарядов, в 35 случаях были повреждены гусеницы, в пяти — прострелы орудийных стволов и в двух случаях были сброшены танковые башни.

Из 152 пробоин 100 (65,8 %) приходилось на борта танков и САУ, 27 (17,8 %) — на корму и 25 (16,4 %) — на лоб корпуса. 49 пробоин были от бронебойных 76-мм снарядов, 30 — от 57-мм снарядов, 50 — от снарядов неустановленного типа, скорее всего, сердечниками подкалиберных снарядов. Три пробоины были сделаны кумулятивными минами «фаустпатронов», а оставшиеся 20 пробоин приходились на снаряды всех остальных типов.

Исследуемая подбитая бронетехника также изобиловала многочисленными повреждениями от различных снарядов, пуль и несквозных «язв» от «фаустпатронов», не приведших к пробитию брони.

После упорных боев части Красной армии 13 февраля 1945 г. окончательно очистили г. Будапешт от германских войск. В ходе боев в окруженной группировке германо-венгерских войск было подбито и захвачено до 300 танков и САУ.

17 февраля, то есть на четвертый день после взятия Будапешта и ликвидации контрударов немцев в районе Комарно, Замоль, Секешфехервар, Ставка Верховного Главнокомандования приказала командующему войсками 2-го Украинского фронта подготовить и провести наступательную операцию, направив удар севернее Дуная в общем направлении на Новы Замки, Малацки, Зноймо с одновременным наступлением левого крыла фронта по южному берегу Дуная и занять Братиславу; не позднее 20-го дня операции овладеть Боно, Зноймо и во взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта овладеть столицей Австрии — городом Вена; в дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Пильзен.

Для выполнения этой задачи было приказано удар севернее Дуная нанести 9-й и 7-й гвардейскими армиями, а также левым крылом 53-й армии, усиленными тремя артдивизиями прорыва, тяжелыми самоходными бригадами и полками; на участке прорыва создать артплотность не менее 200 стволов (от 76-мм и выше) на один километр фронта прорыва. Для развития успеха после прорыва обороны противника использовать по северному берегу реки Дунай 6-ю гвардейскую танковую армию и конно-механизованную группу генерала Плиева. Удар южнее Дуная нанести 46-й армией, усиленной артдивизией Резерва Главного Командования и 2-м гвардейским мехкорпусом.

Командующему войсками 3-го Украинского фронта было приказано подготовить и провести наступательную операцию со следующей задачей: ударом из района Секешфехервар в общем направлении на Папа, Сомбател разбить группировку противника севернее озера Балатон и не позднее 15-го дня операции выйти на австро-венгерскую границу. Одновременно левым крылом фронта наступать севернее реки Драва и овладеть нефтеносным районом Надьканижа. В дальнейшем главными силами фронта развивать удар в направлении Винер Нойштадт, Ст. Пельтен для содействия войскам 2-го Украинского фронта в овладении городом Вена. Болгарскую армию использовать для обеспечения левого фланга фронта, развертывая ее по северному берегу реки Драва.

В полосе действий 2-го и 3-го Украинских фронтов оборонялись войска немецкой группы армий «Юг» и немецкой группы армий «Е». Группы имели в своем составе 8-ю, 3-ю (венгерскую), 6-ю полевые армии, 6-ю танковую армию СС и 2-ю танковую армию, сводную кавалерийскую группу и части из группы Вейхса. Всего у противника насчитывалось 20 пехотных, 12 танковых, три кавалерийских дивизий и свыше 10 различных бригад и боевых групп. Вся эта вражеская группировка только перед войсками 3-го Украинского фронта имела 310 тысяч солдат и офицеров, около 6 тыс. орудий и минометов, более 1580 танков и штурмовых орудий, 870 бронетранспортеров и до 900 самолетов. Из этого количества сил и средств к началу марта в районе озера Балатон, то есть на направлении главного удара, имелось более 150 тыс. солдат и офицеров (около 50 %), 3300 орудий и минометов (более 50 %), 1380 танков и штурмовых орудий (до 90 %), свыше 800 бронетранспортеров (более 90 %), 850 самолетов (90 %).

В свою очередь, германское командование решило провести контрнаступление, получившее кодовое название «Весеннее пробуждение». Контрнаступление началось с целью уничтожения советских войск на Задунайском плацдарме и восстановления обороны по западному берегу реки Дунай от Будапешта до Осиек. Тем самым германское командование намеревалось прочно прикрыть направление на Вену и далее в южные области Германии и Чехословакии и удержать в своих руках нефтеносный район Надьканижа.

За счет ожидаемого успеха в Венгрии немцы надеялись поправить свои дела на других участках советско-германского фронта, в частности, заставить советское командование отвлечь часть сил с берлинского направления и тем самым сорвать готовившееся наступление на самом решающем участке советско-германского фронта.

Советское командование заблаговременно получило сведения о контрнаступлении немцев и начало подготовку к обороне. Общая глубина обороны наших войск достигала 30—50 км, а на направлении действий главных группировок противника — 100—120 км. В системе оборонительных рубежей широко применялось оборудование отсечных позиций. Населенные пункты и узлы дорог подготавливались для круговой обороны. Оборонительные полосы и рубежи имели от двух до семи сплошных линий траншей полного профиля и ряд противотанковых и противопехотных препятствий и заграждений. Широко использовались противопехотные и противотанковые мины, плотность которых достигала от 1200 до 2000 и более мин на 1 км фронта.

Средняя оперативная плотность наших войск в обороне в районе озера Балатон достигала: на главной полосе — 5—6 км на стрелковую дивизию и 40—42 ствола на 1 км фронта, на второй полосе — 8—9 км на стрелковую дивизию и 15—20 стволов на 1 км фронта.

Значительная роль в обороне отводилась танковым и механизированным соединениям и частям, которые создавали опорные пункты в составе четырех-шести танков и САУ, одного взвода мотопехоты и двух—четырёх орудий и минометов. Такие опорные пункты располагались на третьей позиции главной полосы обороны и на второй полосе. Так, 18-й танковый корпус со 155-й стрелковой дивизией и 3-я воздушно-десантная дивизия занима-

ли оборону в районе Шерегельеш, оборудовав до 15 км прерывчатых траншей и 190 окопов для танков и САУ. 1-й гвардейский мехкорпус с 206-й стрелковой дивизией занимал оборону в районе Шаркерестур, Шарбогард, оборудовав до 50 км прерывчатых траншей и 78 окопов для танков и САУ. Значительное количество танков и САУ в этих корпусах выделялось в засады. Кроме того, части этих корпусов имели подготовленные огневые позиции с танками и САУ на второй позиции и главной полосы, предназначенные для ведения огня при завязке боя. 23-й танковый корпус частью сил занимал оборону на армейском оборонительном рубеже в районе Ловашберень.

Немцы начали контрнаступление 6 марта 1945 г. одновременно в трех местах. Главный удар наносился между озерами Балатон и Веленце в направлении Адонь. Здесь противник сосредоточил большую часть танков и САУ — 1-ю дивизию «Лейбштандарт Адольф Гитлер», 2-ю дивизию «Дас Рейх», 9-ю дивизию «Хохенштауфен», 12-ю дивизию «Гитлерюгенд» из 6-й танковой армии СС, а также 1, 3, 6 и 23-ю танковые и три пехотные дивизии. Наступление поддерживали две кавбригады и девять артполков. 4-й танковый корпус СС в составе 3-й («Тотенкопф») и 5-й («Викинг») танковых дивизий СС и 2-й венгерской танковой дивизии обеспечивал левый фланг группировки, находясь в обороне.

Вторая группировка, состоявшая из частей 2-й танковой армии, наносила удар вдоль железной дороги на Домбовар в полосе обороны 57-й Советской армии. А с южного берега Дравы на Печ, где оборонялась 1-я болгарская армия, наступала третья группировка в составе трех пехотных дивизий.

В направлении главного удара между озерами Балатон и Веленце завязались тяжелые бои. 1-я и 12-я дивизии СС, сосредоточив на узком участке фронта большое количество танков¹, начали быстро продвигаться вдоль канала Шервиз в направлении Цеце. 23-я танковая и 356-я пехотные дивизии прорвали советскую оборону на другом берегу канала в районе Шеркерестур, Шарашд. Вдоль побережья озера Балатон продвигалась венгерская пехота, поддерживаемая двумя танковыми батальонами 23-й танковой дивизии. На правом фланге нашей 26-й армии, вдоль берега озера

¹ По донесению пехотного командования там было до 600 танков, однако цифра эта явно завышенная.

Веленце действовали 5-я танковая дивизия СС, части 6-й танковой дивизии и 1-й полк 3-й танковой дивизии.

В ночь на 7 марта немцы попытались отрезать противотанковый район Шопонья — Калоз, обойдя его с запада, где занимал позиции 1966-й истребительно-противотанковый артполк. Для этого немцы подтянули к городу Кюль около сорока танков и бронетранспортеров, в задачу которых входила поддержка атаки пехотных полков. Однако наше командование еще накануне усилило оборону в этом районе, перебросив в Калоз 1965-й истребительно-противотанковый артполк (пятнадцать 57-мм пушек ЗИС-2 и тридцать девять 76-мм пушек ЗИС-3), что и сыграло решающую роль.

Утром 7 марта советская пехота, оборонявшая окраины Калоза, после короткого боя отошла, оставив артиллеристов без прикрытия. Основной удар немцы нанесли двадцатью танками по позициям 6-й батареи, вооруженной пушками ЗИС-2. Вражеские танки шли на скорости до 30 км/ч, поддерживаемые огнем 15-см шестиствольных минометов. Наши артиллеристы из-за плохой видимости (сильного дождя) подпустили танки на 100—200 м и лишь тогда открыли огонь бронебойными и подкалиберными снарядами. У самой окраины поселка им удалось подбить шесть вражеских танков, в числе которых был и один «тигр» (по другим данным «королевский тигр»). Однако семь немецких танков прорвались в северную часть Калоза, но там их встретила огнем 3-я батарея, подбив три танка. Уцелевшие танки стали отходить в южном направлении, где их добились артиллеристы 4-й батареи.

К этому времени в атаку пошла германская пехота, прикрываемая огнем САУ, ведших огонь с закрытых позиций. В результате 1966-й истребительно-противотанковый полк был полностью уничтожен, а 1965-й полк понес серьезные потери.

8 марта советское командование выдвинуло под Шарсентагот два трофейных артдивизиона без номеров, вооруженных «самоходными 150-мм пушками СУ-150» (8 единиц) и «самоходными 88-мм зенитными пушками СУ-88» (6 единиц) — так у нас величали САУ «Хуммель» и «Насхорн». 9 марта эти дивизионы атаковали германские танки, в результате чего все САУ были потеряны.

12 марта под Эльинг в бой с наступавшими немецкими войсками вступил «трофейный танковый батальон». Согласно до-

кументам, в его составе было «4 тяжелых и 7 средних танков». Под «тяжелыми» у нас могли понимать как «тигры», так и «пантеры».

Однако «трофейный батальон» еще до вступления в бой был атакован с воздуха нашими Ил-2. В результате налета два танка сгорели, а остальные застряли в грязи. Немцы их вытащили из грязи и ввели в строй. 13—15 марта эти дважды трофейные машины участвовали в немецком наступлении у канала Капош. Любопытно, что позже там обнаружили подбитую «пантеру» с красной звездой на башне, причем звезда была прикрыта фанерой.

Несмотря на то что немцы перебросили из района Аба-Шарашд к каналу Капош 23-ю танковую дивизию, все их попытки преодолеть рубеж каналов Елуша — Капош окончились неудачей, и к полудню 15 марта 1945 г. их наступление на этом направлении было повсеместно остановлено.

10 марта германские танки предприняли ночную атаку на позиции 155-й стрелковой дивизии. «Медленно двигаясь в нашу сторону, вражеские танки охватили высоту полукольцом, а затем открыли пулеметный огонь зажигательно-трассирующими пулями по группе отдельных домов и построек, расположенных на высоте. Постройки загорелись, и часть наших орудий и танков, стоявших вблизи этих построек, оказалась в невыгодном положении: их расчеты были ослеплены, а сами они видны противнику, который оставался вне зоны освещения. Немецкие танки открыли интенсивный орудийный огонь и стали приближаться. Наши орудия в свою очередь вели огонь по вспышкам выстрелов танков, однако стрельба была малоэффективной, а огонь танков противника, снабженных ночными прицелами, был более точным. Одно наше орудие за другим выходило из строя. В борьбе за высоту противник приобретал явный перевес.

В критический момент боя командир 1964-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка приказал одной батарее выдвинуться во фланг атакующим танкам. Приказ командира был выполнен без промедления. В тот момент, когда головной танк противника подошел к позиции на 50 м, орудия открыли огонь. Осуществляя наводку по стволу, батарее удалось поджечь три танка. Это несколько задержало атаку противника и дало воз-

возможность нашим подразделениям организованно отойти с высоты на новые позиции»¹.

14 марта немцы несколько раз пытались прорваться вдоль берега озера Веленце. К этому времени там развернулись подразделения 23-го танкового корпуса (танки Т-34/76, Т-34/85 и полк самоходок СУ-76, поддерживаемые самоходно-артиллерийской бригадой, вооруженной машинами СУ-100). Эти подразделения внезапно атаковали наступающих немцев во фронт и с флангов, остановив их, а местами немецкие части под ударами 23-го танкового корпуса отступили на 1—3 км. При этом наш танковый корпус понес большие потери, поскольку атака велась несогласованно и без достаточной разведки. Там не менее корпус закрепился на достигнутых рубежах и отразил все атаки немецкой пехоты.

15 марта 6-я танковая армия СС продвинулась лишь вдоль канала Шарву на глубину до 25—26 км. Однако наступление Красной армии на флангах, начатое 16 марта, могло привести к окружению германских войск между озерами Балатон и Веленце. В результате немцы начали отводить свои части к линии Веспрем — Папа — Таркань. На этом Балатонская операция закончилась. Любопытно, что ряд германских военных историков окрестили сражение у озера Балатон «второй Курской битвой».

В этой битве на стороне немцев участвовало 1104 танка и САУ, а также 22 венгерские машины «Зриньи» и «Туран». Среди них было 102 танка «тигр» и «королевский тигр» и 421 танк «пантера». тигры входили в состав танкового батальона «Фельдхернхалле» (26 единиц), 509-го танкового батальона (35 единиц), 1-й танковой дивизии СС (32 единицы) и 3-й танковой дивизии СС (9 единиц)².

По советским данным, с 6 по 14 марта 1945 г. было уничтожено или захвачено 958 танков и САУ. Цифра эта, безусловно, преувеличена, но данных германской стороны мне найти не удалось.

Также не удалось найти данных о потерях советской бронетехники в боях за Будапешт и у озера Балатон. Поэтому я приведу общие потери 2-го Украинского фронта за январь—май 1945 г.

¹ Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1961. Кн. 2. С. 457.

² По данным: *Баронов О.М.* Балатонская оборонительная операция. С. 112.

Всего было потеряно 1881 танк и САУ. Из них от боевых повреждений — 1663, от «технических неисправностей» — 158 и от прочих причин — 60.

Потери от боевых повреждений распределяются следующим образом: 1568 — от артогня, включая реактивные гранатометы; 36 — от мин и фугасов; 59 — от авиации (то есть 3,5 %). Из 1663 единиц боевых потерь безвозвратно потеряно 875 (52,5 %). Из общего числа боевых потерь сгорело 800 танков и САУ (48,2 %).

По 3-му Украинскому фронту найдены потери за март 1945 г., то есть в основном за Балатонскую операцию. Всего потеряно 831 танк и САУ. Из них от боевых повреждений — 727 машин, от «технических неисправностей» — 76 и от прочих причин — 29.

Потери от боевых повреждений свелись исключительно к артогню. Все 727 машин стали жертвами пушек и гранатометов. Из них 367 (50,4 %) отнесены к безвозвратным потерям. Из общего числа боевых потерь сгорела 351 машина (48,2 %).

По авторской оценке советская сторона в Балатонской операции потеряла как минимум в два раза больше танков и САУ, чем немцы. При этом германские тяжелые танки и САУ использовались достаточно грамотно. Неудача наступления была связана с фланговыми ударами советских войск и отсутствием у немцев должной артиллерийской поддержки (особенно орудиями большой и особой мощности), а также с превосходством в воздухе советской авиации.

Мои выводы косвенно совпадают с выводами авторов «Истории бронетанковых и механизированных войск Советской армии» (Под ред. Е.А. Разина. М.: Издание академии бронетанковых и механизированных войск Советской армии, 1953). Там при оценке Балатонской операции отсутствует обычное бахвальство, а из выводов главный — танкам и САУ в обороне нужны запасные позиции, и их «следует эшелонировать в глубину».

Глава 28

БИТВА ЗА БЕРЛИН

К началу Берлинской операции Ставка Верховного Главнокомандования Красной армии развернула на рубеже от устья реки Одер до устья реки Нейсе, а затем по реке Нейсе до Ротенбург и далее до границы Германии с Чехословакией три фронта:

— 2-й Белорусский фронт был развернут в 120-км полосе между Балтийским морем и 1-м Белорусским фронтом. В его состав входили 2-я ударная, 65-я, 70-я и 49-я армии, имевшие 33 стрелковые дивизии, 4-я воздушная армия, 1-й, 3-й и 8-й гвардейские танковые корпуса, 8-й мехкорпус и 3-й гвардейский кавкорпус. Кроме того, в состав фронта входили еще 19-я армия и 5-я гвардейская танковая армия. Однако эти две армии непосредственного участия в Берлинской операции не принимали, так как 19-я армия охраняла побережье Балтийского моря, а 5-я гвардейская танковая армия вела бои по уничтожению германских войск юго-восточнее Данцига и севернее Гдыни.

— 1-й Белорусский фронт был развернут в 175-км полосе между 2-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. В состав фронта входили 61-я, 1-я польская, 47-я, 3-я ударная, 5-я ударная, 8-я гвардейская, 69-я, 33-я и 3-я армии, имевшие 77 стрелковых дивизий, две танковые армии (2-я и 1-я гвардейские), 16-я воздушная армия, 9-й танковый корпус, 2-й гвардейский и 7-й гвардейский кавкорпуса.

— 1-й Украинский фронт был развернут в 390-км полосе между 1-м Белорусским и 4-м Украинским фронтами. Однако 1-й Украинский фронт принимал участие в Берлинской операции только войсками своего правого крыла, в состав которых входили 3-я гвардейская, 13-я, 5-я гвардейская, 2-я польская и часть войск 52-й армии, имевшие 35 стрелковых дивизий, 3-я гвардейская и 4-я гвардейская танковые армии, 2-я воздушная армия, три отдельных танковых (25, 4 гвардейский, 1-й Польский), один механизированный (7-й гвардейский) и один кавалерийский (1-й гвардейский) корпуса. Войска правого крыла фронта были развернуты в полосе шириной в 89 км.

Таким образом, в Берлинской операции в составе трех фронтов приняли участие 18 общевойсковых армий, имевших 145 стрелковых дивизий, четыре танковые армии, четыре воздушные армии¹, семь отдельных танковых, два механизированных и четыре кавалерийских корпуса. Кроме того, в составе общевойсковых армий имелось для непосредственной поддержки пехоты восемь отдельных танковых бригад, 24 отдельных танковых полка, две самоходно-артиллерийские бригады, 53 самоходно-артиллерийских полка и 25 дивизионов САУ.

¹ В Берлинской операции участвовала еще 18-я армия дальнего действия.

Таким образом, всего на берлинском направлении в составе трех фронтов было сосредоточено 6070 танков и САУ, а с учетом боевых машин, имевшихся в составе войск левого крыла 1-го Украинского фронта, общее количество танков и САУ возросло до 6300 единиц. Фронты имели более 41 000 орудий и минометов и свыше 8000 самолетов.

Советским войскам на берлинском направлении противостояли следующие силы противника: против 2-го и 1-го Белорусских фронтов были развернуты войска группы армий «Висла», в состав которой входили корпусная группа «Свинемонде», 3-я танковая и 9-я армии; против 1-го Украинского фронта находились войска 4-й танковой и 17 армий, входивших в группу армий «Центр». Всего на берлинском направлении противник сосредоточил 49 пехотных, семь танковых и восемь моторизованных дивизий, а также большое количество других частей усиления. Кроме того, в районе Берлина формировалось до 200 батальонов фольксштурма. Общая численность войск противника составляла: 760 750 человек, 10 300 орудий и минометов, 1519 танков и штурмовых орудий и 3260 самолетов.

Цель берлинской операции заключалась в уничтожении основных сил групп армий «Висла» и «Центр» в овладении Берлином, в выходе советских войск на рубеж реки Эльба и в принуждении немцев к принятию условий безоговорочной капитуляции.

Замысел Ставки Верховного Главнокомандования сводился к тому, чтобы ударами войск трех фронтов (2-го, 1-го Белорусских и правого крыла 1-го Украинского) с рубежа рек Одер и Нейсе расчленить противостоявшие войска противника групп армий «Висла» и «Центр» на отдельные, изолированные друг от друга части. Затем, развивая наступление в западном и северо-западном направлениях, раздельно окружить главные силы групп армий «Висла» и «Центр», уничтожить их в районе Берлина и юго-восточнее Берлина и овладеть столицей Германии; отсечь основные силы 3-й немецкой танковой армии от Берлина, прижать их к прибрежным районам Балтийского моря, где и уничтожить, чтобы тем самым обеспечить войска правого крыла 1-го Белорусского фронта от возможного контрудара противника с севера.

1-му Белорусскому фронту было приказано подготовить и провести наступательную операцию с целью овладения столицей Германии городом Берлин и не позднее 12—15 дня операции

выйти на реку Эльба. Главный удар нанести с плацдарма на западном берегу реки Одер в районе Кюстрин силами четырех общевойсковых и двух танковых армий. На участке прорыва привлечь пять-шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность не менее 250 стволов (от 76 мм и выше) на 1 км фронта прорыва. Для обеспечения главной группировки фронта с севера и с юга нанести два вспомогательных удара, каждый силами двух армий.

Танковые армии ввести на направлениях главного удара после прорыва обороны противника и использовать для развития успеха в обход Берлина с севера и с северо-востока. Армию второго эшелона использовать для развития успеха на главном направлении.

1-й Украинский фронт должен был подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить группировку противника в районе Коттбус и южнее Берлина; не позднее 10-12 дня операции овладеть рубежом Беелитц, Виттенберг и далее по реке Эльба до Дрездена; в дальнейшем, после овладения Берлином, наступать на Лейпциг. Главный удар нанести силами пяти общевойсковых и двух танковых армий из района Трибель в общем направлении на Шпремберг, Бельшиг. На участок прорыва привлечь шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность до 250 стволов (от 76 мм и выше) на 1 км фронта прорыва. Для обеспечения главной группировки с юга силами 2-й Польской армии и частью сил 52-й армии нанести вспомогательный удар.

Танковые армии ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на направлении главного удара. На левом крыле фронта перейти к жесткой обороне, обратив особое внимание на Бреславльское направление.

Начало наступления для войск 1-го Белорусского и правого крыла 1-го Украинского фронтов было назначено на 16 апреля.

Войска 2-го Белорусского фронта должны были перейти в наступление четырьмя днями позже — 20 апреля. Им была поставлена задача: подготовить и провести наступательную операцию с целью форсирования реки Одер, разгрома штеттинской группировки противника и овладения не позднее 12—15 дня операции рубежом Анклам, Варен, Виттенберге; главный удар нанести силами трех общевойсковых армий с двумя танковыми и одним механизированным корпусами из района севернее Шведт в общем направлении на Штрелитц; на участок прорыва привлечь три

артиллерийские дивизии прорыва и создать плотность не менее 150 стволов (от 76 мм и выше) на 1 км фронта прорыва; при благоприятных условиях использовать успех 1-го Белорусского фронта для свертывания обороны противника по реке Одер, действуя частью сил из-за правого крыла 1-го Белорусского фронта; танковые и механизированные корпуса ввести после прорыва обороны противника для развития успеха на главном направлении.

Командующий войсками 1-го Белорусского фронта решил на направлении главного удара оборону противника прорвать с кюстринского плацдарма в первый день операции силами 47-й, 3-й ударной, 5-й ударной и 8-й гвардейской армий. Войска этих армий, имея в своем составе 36 стрелковых дивизий, были развернуты на фронте шириной в 44 км, но прорывали оборону противника на фронте шириной в 24,3 км силами 27 стрелковых дивизий.

Из общего количества 3059 танков и САУ, имевшихся в составе фронта, на направлении главного удара были сосредоточены 2412 танков и САУ, что составляло 78,8 %, а на вспомогательных направлениях — 647 танков и САУ, что составляло только 21,2 %. Из числа танков и САУ, сосредоточенных на направлении главного удара, было выделено для непосредственной поддержки пехоты 828 танков и САУ, что составляло 34,3 %, из них на участке прорыва имелось 740 танков и САУ, а в подвижные группы было выделено 1584 танка и САУ, что составляло 65,7 %. Такое массированное применение танковых и механизированных войск на направлении главного удара фронта обеспечивало в среднем плотность танков и САУ непосредственной поддержки пехоты более 30 единиц на каждый километр фронта прорыва, а наибольшая плотность, достигавшая 43,7 танка и САУ, была создана на 7-километровом участке прорыва 5-й ударной армии. С учетом танков и САУ подвижных групп общая плотность значительно возрастала. На участках ввода в прорыв 2-й и 1-й гвардейских танковых армий плотность достигала от 130,1 до 138,5 танков и САУ на 1 км фронта. Столь высокие плотности танков и САУ были созданы впервые за всю Великую Отечественную войну. Плотности артиллерии и минометов были также достаточно высокими. На направлениях главных ударов общевойсковых армий ударной группировки фронта они колебались в пределах от 309 до 340 орудий и минометов на 1 км фронта прорыва.

Танки и САУ непосредственной поддержки пехоты предназначались для усиления стрелковых дивизий. На них возлагалась задача — уничтожить огневые средства и живую силу противника, обеспечивая продвижение стрелковых войск до успешного выполнения поставленных им задач. Часть танков и САУ предназначалась для поддержки наступления разведывательных батальонов. Эти батальоны должны были начать боевые действия за два дня до перехода в наступление ударной группировки фронта, то есть 14 апреля. В их задачу входило доразведать оборону противника и захватить отдельные участки передовых вражеских траншей. Для поддержки наступления разведывательных батальонов привлекалось значительное количество артиллерии и авиации фронта.

С целью достижения наибольшей внезапности при прорыве тактической зоны обороны противника командующий фронтом решил артиллерийскую подготовку и атаку пехоты с танками непосредственной поддержки начать в ночное время, за 1,5—2 часа до рассвета. Для освещения впереди лежавшей местности и ослепления противника на участке прорыва были сосредоточены 143 мощные прожекторные установки, которые должны были включить свет одновременно с началом атаки пехоты и танков ее непосредственной поддержки.

14—15 апреля в полосе наступления была проведена разведка боем. Разведывательным батальонам в течение полутора суток на ряде участков удалось вклинуться в оборону противника на глубину от 2 до 4 км. Этими действиями была серьезно нарушена целостность обороны противника и дезорганизована система огня. Кроме того, разведывательные батальоны преодолели зону наиболее плотных минных заграждений, что облегчило последующие действия главным силам фронта.

Прекращение во второй половине дня 15 апреля боевых действий разведывательных батальонов привело гитлеровское командование к убеждению, что наступление советских войск на Берлин приостановилось.

Общее наступление началось 16 апреля после мощной 20—25-минутной артиллерийской подготовки. Затем был подан сигнал атаки и включены прожекторы. Пехота с танками непосредственной поддержки, сопровождаемая огнем артиллерии, перешла в атаку, а бомбардировочная авиация обрушила свои удары на вторую полосу.

Впервые примененный в ночном наступлении способ освещения прожекторами впереди лежащей местности и ослепление противника, по мнению советских историков, дал положительный результат. С 90-х годов в печати появлялись и негативные оценки этой атаки. Утверждалось, что прожектора слепили и своих танкистов, а контуры танков были хорошо видны противнику.

С утра второго дня операции (17 апреля) 2-я и 1-я гвардейские танковые армии совместно с общевойсковыми соединениями приступили к прорыву второй полосы обороны противника, одновременно отражая массированные контратаки врага. Преодолев ожесточенное сопротивление противника, 2-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с 5-й ударной армией форсировала реку Альте-Одер и, развивая удар в западном направлении, к исходу 17 апреля продвинулась на глубину до 13 км. Тем временем 1-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с 8-й гвардейской армией овладела важным опорным пунктом противника — Зеелов и форсировала реку Флисс, продвинувшись за день в западном направлении на глубину от 4 до 8 км.

В течение третьего дня операции войска ударной группировки фронта, в состав которой входили 2-я и 1-я гвардейские танковые армии, вели ожесточенные бои в глубине второй полосы обороны противника и к исходу дня вышли на подступы к третьей полосе обороны: 2-я гвардейская танковая армия — к рубежу Врицен, Рейхенов, Илов; 1-я гвардейская танковая армия — к рубежу Мюнхенхофе, Янсфельде.

Прорыв третьей полосы обороны противника осуществлялся так же, как и в предыдущие дни операции, в тесном взаимодействии общевойсковых и танковых армий в течение 19 апреля.

Следовательно, только в течение первых четырех дней напряженных боев войска ударной группировки 1-го Белорусского фронта смогли осуществить прорыв Одерского оборонительного рубежа противника на участке шириной до 70 км и в глубину до 30 км. При этом танковым армиям не удалось войти в прорыв, как это предусматривалось планом; им пришлось во взаимодействии с общевойсковыми армиями почти от самого переднего края прорывать тактическую зону обороны противника. Только после прорыва Одерского рубежа обороны противника танковые армии 1-го Белорусского фронта получили возможность приступить к дальнейшим действиям по развитию наступления на Берлин.

Прорыв обороны противника в полосе наступления войск правого крыла 1-го Украинского фронта начался также 16 апреля после мощной артиллерийской подготовки. В соответствии с планом операции артиллерийская подготовка проводилась в два этапа общей продолжительностью 100 минут. На первом этапе артиллерийская подготовка продолжительностью 40 минут была направлена на обеспечение форсирования войсками фронта реки Нейсе. На втором этапе артиллерийская подготовка продолжалась 60 минут и была направлена на обеспечение прорыва обороны противника на западном берегу реки Нейсе. Одновременно с артиллерийской подготовкой последовал мощный бомбовой удар авиации по боевым порядкам оборонявшегося противника. Как только артиллерия и авиация перенесли огонь в глубину, специально сформированные десантные части на лодках, паромках, штурмовых мостиках и под прикрытием дымовой завесы приступили к форсированию реки Нейсе.

Переправившиеся части захватили первую линию траншей противника и, создав плацдарм, обеспечили переброску на западный берег реки главных сил общевойсковых армий. В то же время саперы в ряде пунктов начали наводить мосты, по которым переправлялись передовые части 3-й и 4-й гвардейских танковых армий.

Со второй половины дня 16 апреля дальнейшее наступление общевойсковых армий задерживалось сильными контрударами противника, стремившегося сбросить советские войска с захваченного на западном берегу реки Нейсе плацдарма.

В связи с этим передовые части 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, как только заканчивали переправу, вводились в бой для отражения вражеских контрударов и завершения во взаимодействии с общевойсковыми армиями прорыва тактической зоны обороны противника.

К исходу 16 апреля общевойсковые армии совместно с передовыми частями танковых армий разгромили во встречных боях войска противника, наносившие контрудары, завершив прорыв главной полосы обороны противника, и завязали бои на его второй полосе, продвинувшись за день на глубину до 13 км.

В своих мемуарах маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджян сетует: «Первая гвардейская танковая армия понесла значительные потери в первые же дни Берлинской операции. Мысль,

что ввод танковых армий в ходе тактической обороны противника редко целесообразен и всегда нежелателен, еще раз подтвердилась, хотя и “следует подчеркнуть, — пишет в своих мемуарах маршал Г.К. Жуков, — значительную роль 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта...”

Пример наиболее эффективного использования крупных танковых сил явили действия в той же Берлинской операции 3-й и 4-й гвардейских армий генералов П.С. Рыбалко и Д.Д. Лелюшенко. Совершив блестящий маневр, эти армии 1-го Украинского фронта преодолели за очень короткое время колоссальное расстояние и вышли к Берлину, осадили его с юга и юго-запада»¹.

Но, увы, тогдашняя цензура и осторожность маршала не позволили ему прямо написать о бездарном использовании танков Жуковым.

Более резкая оценка содержится в статье В. Вареника «С войной покончили мы счеты»: «Так что каждый шаг вперед танкистам требовал огромных усилий и жертв. Приходилось буквально выковыривать неприятеля из глубоких окопов, подавлять его железобетонные огневые точки, разбивать металлические колпаки и закопанные танки. Поэтому 17 и 18 апреля танкисты продвигались не более чем на 4 километра в сутки. И только в ночь на 21 апреля бригады продвинулись на 25 километров и завязали бой в предместьях германской столицы. Замедленное продвижение войск к Берлину вызывали нервозность и у командующих фронтов, и у других высокопоставленных военачальников. В своем очередном приказе от 17 апреля маршал Жуков резко негативно оценивает действия командиров корпусов. Командующий торопил танкистов, бросая их на мощную, глубоко эшелонированную оборону. На этом пути преодоления горели сотни танков и самоходок вместе с их экипажами. Мотострелковые батальоны, посаженные на броню, в отчаянных схватках уничтожали истребителей танков на всем пути продвижения к Берлину. В качестве примера можно привести приказ командующего 31-й ударной армией командиру 9-го танкового корпуса: “Тов. Кириченко! Вы плохо выполняете не только мои приказы, но и приказы тов. Жукова. Прикажете командирам бригад возглавить на головных танках свои бригады и повести их в атаку на Берлин, иначе ни че-

¹ *Бабаджян А.Х.* Дороги победы. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 267.

сти, ни славы своего корпуса вы не завоеуете. О “панцерфаустах” будете потом рассказывать детям. Генерал-полковник Кузнецов. 21 апреля 1945 г.”. Аналогичные приказы фигурируют во всех соединениях. И, как результат, командиры 19-й, 21-й, 22-й мехбригад, возглавив их продвижение, сгорели вместе с экипажами в пригороде Берлина».

На штурм Берлина были направлены пять общевойсковых и четыре танковые армии 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов; из них 3-я ударная армия и 2-я гвардейская танковая армия (без 9-го танкового корпуса) наносили удар по Берлину с севера, 8-я гвардейская, 1-я гвардейская танковая армия (без 11-го танкового корпуса) и 5-я ударная армия с 11-м танковым корпусом — с востока, 3-я гвардейская танковая армия и три стрелковые дивизии 28-й армии — с юга, 4-я гвардейская танковая армия (без 5-го мехкорпуса) — с юго-запада. 47-я армия, прикрывшись частью своих сил на рубеже Бранденбург и севернее его, другой частью своих сил с 9-м гвардейским танковым корпусом наносила удар по Берлину с запада.

На уничтожение франкфуртско-губенской группировки противника были направлены войска 3-й, 69-й и 33-й армий 1-го Белорусского фронта, а также войска 3-й гвардейской армии и две дивизии 28-й армии 1-го Украинского фронта. Этими силами предусматривалось нанести концентрические удары с севера, востока, юга и запада с тем, чтобы расчленил вражеские войска на отдельные, изолированные друг от друга группы и одновременно сжимать внутренний фронт окружения как вокруг каждой из расчлененных групп, так и вокруг всей окруженной франкфуртско-губенской группировки противника.

По опыту предыдущих боев за крупные населенные пункты, во всех стрелковых дивизиях, участвовавших в штурме Берлина, были выделены в качестве штурмовых отрядов усиленные стрелковые батальоны и роты. В их состав включились танки и САУ непосредственной поддержки пехоты. Эти отряды предназначались для действий на одном направлении, включавшем обычно одну улицу, или для штурма крупного объекта.

В случае надобности из штурмового отряда выделялись для штурма отдельных мелких объектов штурмовые группы. В зависимости от объекта, подлежащего захвату, состав штурмовых групп был различным — от 5—6 человек до стрелкового взвода,

усиленного двумя—четырьмя орудиями, одним-двумя танками или САУ, а также саперами и химиками.

Действия танков и САУ непосредственной поддержки пехоты при штурме Берлина принимали самый различный характер. Танки и САУ подавляли во взаимодействии с пехотой и саперами, а также при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации гарнизоны отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления противника.

При наступлении по улице, когда на атакуемом направлении отсутствовали противотанковые препятствия и противотанковый огонь был слабым, танки с десантом мотопехоты на больших скоростях совершали бросок вперед на несколько кварталов до крупного перекрестка, площади или сквера и там закреплялись, ожидая подхода основных сил пехоты и артиллерии. Вслед за танками пехота очищала от противника пройденные кварталы.

Когда из-за сильного противотанкового огня противника танки и САУ в уличных боях не могли наступать впереди пехоты, они действовали в ее боевых порядках. Ведя огонь с ходу или с места, они уничтожали огневые точки противника и тем содействовали продвижению пехоты.

Танковые армии, а также танковые и механизированные корпуса, подобно общевойсковым соединениям, в уличных боях наступали не сплошным фронтом, а по основным магистралям, которые включали несколько параллельных улиц. Танковая бригада обычно наступала по одной-двум улицам, а механизированная бригада — по трем-четырем улицам.

Из состава танковых и механизированных бригад так же, как и в стрелковых дивизиях, выделялись штурмовые группы и отряды.

Интересно описание штурма Берлина, данное очевидцем В. Миндлиным в книге «Последний бой — он трудный самый». В боях за Берлин Миндлин командовал 11-м гвардейским тяжелым танковым полком прорыва, где на вооружении состояли ИС-2.

«Вот стоит машина с наглухо задраенными люками, из нее сквозь броню слышен визг вращающегося умформера радиостанции. Но экипаж молчит... Не отзывается ни на стук, ни по радио. В башне — маленькая, диаметром с копейку, оплавленная дырочка — мизинец не пройдет. А это — “фауст”, его работа. Экран в этом месте сорван, концентрированный взрыв ударил по

броню... Синеватыми огоньками брызжет сварка: только так можно вскрыть задраенный изнутри люк. Из башни достаем четырех погибших танкистов. Молодые, еще недавно веселые сильные парни. Им бы жить да жить...

Кумулятивная граната прожгла сталь брони, огненным вихрем ворвалась в машину. Брызги расплавленной стали поразили всех насмерть... Не затронуты ни боеукладка, ни баки с горючим, ни механизмы. Погибли лишь люди, и вот, как будто в последнем строю, лежат они, танкисты, у гусеницы своей боевой машины. А танк — живой — стоит посреди улицы, низко к мостовой опустив пушку, как бы скорбя по погибшему экипажу. А людей уже нет. Кто видел танковый бой, тот знает, как страшно гибнут танкисты. Если снаряд или «фауст» поразил боеукладку, баки с горючим, танк погибает мгновенно — взрывается, и ничего живого в нем и возле танка не остается. Экипаж погибает без мучений.

Однако бывает и так: пробил снаряд или «фауст» броню, тяжело ранены все члены экипажа, и машина горит, огонь идет к боеукладке, к бакам с горючим, а погасить его экипаж не в состоянии. Надо покинуть танк и до взрыва успеть отбежать на безопасное расстояние. Но у раненых танкистов уже нет сил отдраить люки, открыть их. И слышишь крики заживо горящих людей. Помочь им нельзя: люки закрыты изнутри, можно, повторю, открыть только сваркой.

Нет более жестокого боя, чем танковый бой. Нет страшнее смерти, чем смерть в горящем танке».

Вести уличный бой с открытыми башенными люками было нельзя, так как из любого окна могла вылететь ручная граната. Поэтому экипажи получили приказ: люки закрывать, но не задраивать. В результате безвозвратные потери личного состава несколько снизились. Для боя в городских кварталах применялось специальное построение под названием «елочка».

Танки взаимодействовали огнем попарно, а пары — между собой. Танковый взвод — два тяжелых танка ИС-2 — простреливал всю улицу, один танк ее правую сторону, а другой левую. Такая пара двигалась уступом, друг за другом, по обеим сторонам улицы. Другая пара шла следом за первой и поддерживала ее огнем.

Каждой танковой роте придавался взвод автоматчиков, состоявший из пяти отделений, по числу тяжелых танков в роте. Автоматчики передвигались на броню, при встрече с противником они

спешивались и вели бой в тесном взаимодействии с экипажем «своего» танка. В уличных боях именно на пехотинцев ложилась основная работа по уничтожению «фаустников».

Любопытно, что в боях за Берлин участвовали и несколько танков КВ, в том числе танк КС-1С «Беспощадный», построенный на средства Кукрыниксов, С. Михалкова и С. Маршака.

В боях за Берлин, как и в других местах, наши и немецкие мемуары в большинстве случаев не состыкуются, и их приходится выделять отдельно. Вот и сейчас я перехожу к воспоминаниям немецких участников боев за Берлин, собранным Хансом Шойфлером и Вильгельмом Тике: «В Тиргартене сконцентрировались последние “королевские тигры” 503-го тяжелого танкового батальона СС (11-й танковый полк “Нордланд”); они должны были обеспечить огневую поддержку всех остальных частей. “королевский тигр” унтершарфюрера Бендера из 1-й роты 503-го батальона должен был занять позицию у вокзала Весткрёйц, нацелив орудие в сторону шоссе Авус. Днем позже танк Бендера был переброшен к станции берлинской наземки Халензее, чтобы прикрыть подступы к ней с юга и юго-востока»¹.

В боях за центр Берлина помимо немцев участвовало не менее тысячи солдат французской дивизии «Шарлемань» («Карл Великий»). «На Хермансплатц тут же был отправлен танкоистребительный взвод “Шарлемань”, который в течение вечера и следующей ночи 25—26 апреля подбил 14 русских танков.

Остальные подразделения “Шарлемань” заняли близлежащие автострады, ведущие к центру города, по ходу дела направляя отбившихся от своих частей солдат на сборные пункты»².

Конечной целью было выйти к кольцевой автодороге. О взаимодействии между танками оберштурмбанфюрера Кауша и французами в 1952 г. вспоминал французский капитан Фене: «Еще перед рассветом наши роты собрались на Хермансплатц и Хазенхайде, где нас уже ждали танки. На углу улицы появился “королевский тигр”, за ним показался другой танк, “пантера”, и штурмовое орудие. Наши grenадеры несли охрану улицы с обеих сторон и ожидали сигнала к началу атаки.

¹ Шойфлер Х., Тике В. Марш на Берлин 1944—1945. М.: Эксмо, 2005. С. 363.

² Шойфлер Х., Тике В. Указ. соч. С. 366.

Атака началась ближе к 6 часам утра. Наши гренадеры выстроились в боевой порядок и двинулись вдоль улиц на юг и юго-восток в сопровождении танков, которые должны были поддерживать их огнем. Мы занимали дом за домом, продвигаясь вперед среди голых стен и развалин. Около Нейкельнской ратуши резервный взвод батальона Фене неожиданно попал под шквальный артиллерийский огонь; 15 французов погибли...

Этим утром 26 апреля оборона Берлина начала трещать по всем швам»¹.

Вильгельм Тике писал о действиях французов 27 апреля в Берлине: «Прорыв вражеских танков к Вильгельмштрассе вселил страх в души обороняющихся. Танкоистребительной команде дивизии “Шарлемань” удалось еще раз отразить подобную атаку. При этом француз Воло подбил из панцерфауста свой шестой танк за время обороны Берлина. Для защиты от новых танковых атак танкоистребительные отряды дивизии “Шарлемань” были выдвинуты вперед к Хедеманштрассе, где в ночь на 28 апреля боевой группе Крестенсена (из полка “Данмарк”) удалось стабилизировать фронт.

28 апреля 1945 года. Танкоистребительные подразделения дивизии “Шарлемань” под командованием оберштурмфюрера Вебера и унтерштурмфюрера Валленродта пробились через руины к Бель-Альянс-платц, где русские опять готовили танковую атаку в северном направлении.

Из предутреннего сумрака показался первый русский танк. Унтершарфюрер Воло прицелился из панцерфауста и выстрелил. Грохот, пламя. Глухой разрыв, и сразу вслед за ним другой, еще более мощный. Русский танк был подбит, с треском сдетонировали боеприпасы внутри. Над головой пролетели куски стали и железа. Вся площадь Бель-Альянс-платц пришла в движение. Повсюду заскрежетали танковые гусеницы. Французы со своими панцерфаустами уничтожили еще несколько танков.

Русская артиллерия немедленно обрушила свой огонь на северный край Бель-Альянс-платц. Под ее прикрытием русские танки попытались оттащить своих смертельно раненных собратьев из зоны огня. Французы снова вскинули свои панцерфаусты. Завязался ближний бой с русской пехотой, сопрово-

¹ Шойфлер Х., Тике В. Указ. соч. С. 367—368.

ждавшей танки. Ожесточенные сражения велись за каждый дом, каждый этаж. Французам с трудом удалось удержать въезд на Вильгельмштрассе»¹.

Любопытно, что Берлин защищали и норвежцы из полка СС «Норге»: «На рынке Шпиттельмаркт, который обороняли солдаты полка “Норге”, была подобная же картина. Три русских танка с Валльштрассе ворвались на Лейпцигер-штрассе, но уже в самом начале улицы были подбиты из панцерфаустов, загородив дорогу остальным. Солдаты полка “Норге” продолжали удерживать Шпиттельмаркт, восточный путь к имперской канцелярии...

29 апреля танки дивизии “Нордланд” заняли исходные позиции в восточной части Тиргартена, откуда их распределили по различным “горячим” участкам. Два “тигра” из шести, которые были несколько дней назад введены в Берлин, стояли в полной готовности у бывшего Имперского банка, где находился участок полка “Норге”. 29 апреля, когда русские двинулись на штурм внутренних районов города, “королевские тигры” командиров Турка и Дирса несколько раз принимали участие в боях на площади Шпиттельмаркт и на Обервальштрассе. Русские неоднократно пытались перейти здесь Шпрее по замковым мостам. При этом унтершарфюрер Дирс и обершарфюрер Турк подбили несколько русских танков на том берегу Шпрее. Вечером Дирс со своим “тигром” вернулся в Тиргартен. Турк, машина которого почти полностью потеряла маневренность, остался у бывшего здания Имперского банка. Остальные “тигры” из батальона Херцига помогали частям 18-й панцергренадерской дивизии удерживать южный участок обороны возле станций Весткрёйц и Халензее и на Курфюрстендамм...

30 апреля на участке танковой дивизии “Мюнзеберг” все обстояло иначе. Здесь усилили наступление части 8-й гвардейской армии Чуйкова при поддержке танков 1-й гвардейской танковой армии. Тяжелые бои шли возле Церкви памяти Кайзера Вильгельма и Будапештской улицы. Очаг сопротивления на углу Нюрнбергерштрассе не позволял русским приблизиться к мосту Корнелиусбрюке. Не менее тяжелые бои разворачивались на Лютцовплатц и вокруг мостов, расположенных к северу от нее. Командир танкового полка СС “Нордланд”, стоявшего в Тир-

¹ Шойфлер Х., Тике В. Указ. соч. С. 461.

гартене, бросил в бой последние “тигры” и четырехствольные зенитно-артиллерийские самоходные установки. При подъезде к Ландвер-каналу выстрелом советского танка “Иосиф Сталин” с противоположного берега был подбит “тигр” унтерштурмфюрера Муза. Экипаж не успел покинуть машину, когда взорвались находившиеся внутри боеприпасы. Затем прямым попаданием была подбита самоходная зенитная установка обершарфюрера Гутмана. Сам Гутман был ранен и доставлен своими солдатами в лазарет...

Обороняющихся поддерживали огнем стоявшие в Тиргартене пушки и полевые орудия, размещенные прямо в воронках от снарядов, и башня ПВО в Зоосаде. В ход шли последние снаряды.

Утром 30 апреля обершарфюрер Турк, командир “королевского тигра” из 503-го тяжелого танкового батальона СС, стоявшего у здания Имперского банка, получил приказ немедленно отправиться на Потсдамскую площадь. Накануне Турк вместе с другим “тигром”, которым командовал Дирс, участвовал в обороне мостов через Шпрее у Замкового острова. В том бою его танк был выведен из строя, но за ночь экипажу удалось более или менее отремонтировать его. Исключительно благодаря искусству водителя “тигр” Турка с трудом дополз до Потсдамской площади, где накануне держал оборону танк унтершарфюрера Дирса. Улица Саарштрассе была сплошь загорожена подбитыми русскими танками. Другие все еще пытались прорваться к Потсдамской площади с юга. Экипажу танка, которым командовал Турк, было приказано не допустить их на площадь. Получив многочисленные повреждения, “королевский тигр” Турка в этот день 30 апреля все же отстоял Потсдамскую площадь»¹.

С 9 ч 30 мин 30 апреля советская артиллерия вела интенсивный обстрел рейхстага. В нем участвовали помимо других орудий 203-мм гаубицы Б-4 104-й и 124-й гаубичных бригад большой мощности. Тике писал: «Загрохотали 2-см и 3,7-см орудия зенитной батареи подполковника Франца. К ней присоединились батареи Раллоффа и Рихтера... На помощь защитникам рейхстага был послан “королевский тигр” с бортовым номером 314, который до этого времени оборонял Потсдамскую площадь и успел подбить еще несколько танков, наступавших со стороны Анхальтского вокзала (вдоль Саардандштрассе).

¹ Шойфлер Х., Тике В. Указ. соч. С. 467, 472.

Унтершарфюрер Дирс повел свой танк к Парижской площади, однако оказалось, что там нет обзора для стрельбы. Тогда Дирс перегнал танк к Опере Кроля. Здесь, позади земляного бункера, он нашел удобную позицию. Из-за земляных противоздушных укрытий торчала только башня танка.

Между тем на противоположном берегу Шпрее показалось около дюжины русских танков, которые должны были обеспечивать поддержку пехоты при штурме рейхстага. “королевский тигр” Дирса вступил в бой с ними, но расстояние было слишком велико, чтобы вывести из строя хотя бы один из них. Дирсу удалось лишь удержать их на некотором удалении от рейхстага, чтобы они не могли эффективно поддерживать штурмующих своим огнем»¹.

1 мая в Берлине немецкие танки еще сопротивлялись. «В районе станции Халензее гауптшарфюрер Шольте на своем “королевском тигре» из 1-й роты 503-го танкового батальона СС (танкового полка “Нордланд”) побил пять русских танков. Накануне, 30 апреля, этот же “тигр” подбил здесь один русский танк (при этом его командир, унтершрфюрер Семик, был ранен). Таким образом, этот “тигр” уже имел на своем счету 28 подбитых русских танков (за период с февраля по май 1945 года)...

Танковая дивизия “Мюнзеберг” была оттеснена русскими к Зоосаду. Командный пункт дивизии разместился в “Аквариуме”. Бои шли на Будапестер-штрассе, у станции “Зоосад”, вокруг Имперской кассы и небольшого здания Государственного театра. “тигр” унтерштурмфюрера Шэфера из 1-й роты 503-го танкового батальона СС (танкового полка “Нордланд”) обеспечивал огневую поддержку, подбив в этом бою несколько русских танков. Остальные части дивизии “Мюнзеберг” окопались вокруг противоздушного убежища Зоосада (Зоо-Бункера). Против них выехало 10 или 15 русских танков. Орудия ПВО, установленные вокруг бункера, не давали русским приблизиться. Последние пять танков дивизии составили своего рода мобильную группу, которую бросали туда, где возникала угроза прорыва...

В обороне Потсдамской площади участвовал “королевский тигр” обершарфюрера Турка. В течение ночи обороняющиеся слышали со стороны Саарландштрассе непрерывный лязг гусе-

¹ Шойфлер Х., Тике В. Указ. соч. С. 475.

ниц. Русские отгаскивали свои подбитые танки и выводили на передовую новые. 1 мая в районе Хелльвердена танк Турка получил сильные повреждения. Сверхдлинная пушка “тигра” сделала ответный выстрел. В этот момент второй снаряд русских разнес правую гусеницу “тигра”, повредив также один из стальных катков и превратив его в неподвижную мишень. Посоветовавшись с экипажем, Турк решил вернуться в Тиргартен за помощью. На свое счастье, ему удалось найти унтершарфюрера Пиллера с танковым тягачом. Они отправились на Потсдамскую площадь, где взяли обездвиженный “тигр” на буксир и оттащили его в район рейхсканцелярии. После экстренного ремонта, который занял три часа, танк Турка, хотя и с трудом, вновь смог сам сдвинуться с места. Правда, управлять можно было только левой гусеницей. Но даже в таком состоянии танк смог вернуться на Потсдамскую площадь и занять позицию между дзотом и входом в метро...

Русские вступили в Тиргартен с севера и в некоторых местах вышли к магистрали Восток — Запад. В это время здесь как раз находился “королевский тигр” унтершарфюрера Дирса с бортовым номером 314, который попеременно поддерживал огнем защитников рейхсканцелярии и северного Тиргартена. Заняв удобную позицию возле Оперы Кроля, он с дальнего расстояния подбил несколько русских танков. По данным автора, к 1 мая в Берлине из более или менее боеспособной бронетехники оставались три “королевских тигра” и еще шесть танков и штурмовых орудий из состава 11-го танкового разведывательного батальона СС “Нордланд”. Некоторые из них не могли передвигаться самостоятельно, хотя их вооружение оставалось в полном порядке, поэтому их врыли в землю в качестве неподвижных огневых точек на нескольких наиболее важных участках»¹.

Боевые действия в Берлине закончились в ночь на 2 мая.

Особенностью боев за Берлин было массированное применение зенитной артиллерии в борьбе с танками, равного которому не было в течение всей войны.

Почти во всех мемуарах и исторических трудах о битве за Берлин главная роль в борьбе с тяжелыми танками отводится реактивным гранатометам «Фаустпатрон» (Faustpatrone), «Панцерфауст» (Panzerfaust) или «Панцершрек» (Panzerschreck). Красноармейцы,

¹ Шойфлер Х., Тике В. Указ. соч. С. 480—483.

не разбиравшиеся в тонкостях немецких названий, называли все виды этого оружия «фаустпатронами», или короче — «фаустами», а солдат, использовавших их, — «фаустниками».

Как-то в тени остался носимый 8,8-см реактивный противотанковый гранатомет R.Pz.V.54. Гранатомет имел гладкий ствол, открытый с обеих сторон, за что и получил название «Офенрор» (Offenrohr — открытая труба). Стрельба велась кумулятивным реактивным снарядом, стабилизированным в полете кольцевым стабилизатором.

Созданный по такой схеме гранатомет имел малую стоимость — всего 70 рейхсмарок.

Огонь велся с плеча стрелка. Бронепробиваемость под углом 30° к нормали достигала 160 мм. Однако наряду с достоинствами «Офенрор» имел и довольно существенные недостатки. Так, начальная скорость снаряда составляла всего 105 м/с, и больше орудие с открытой трубой дать не могло. Соответственно, табличная дальность стрельбы составляла 150 м, а эффективная дальность стрельбы была еще меньше. На малых скоростях аэродинамическая стабилизация была малоэффективна, и снаряды давали большой разброс.

Чтобы устранить эти недостатки, германские конструкторы решили установить «Офенрор» на колесный лафет. Так было создано 8,8-см орудие Raketenwerfer 43 «Puppchen», которое по нашей современной терминологии следует называть станковым гранатометом. А внешне оно напоминало игрушечную классическую пушку, откуда и пошло неофициальное название «Пупхен» — куколка.

В отличие от «Офенрора» «Пупхен» имел закрытый с казенной части ствол. Заряжание производилось с казенной части с помощью горизонтального затвора типа заслонка. В результате получалась схема «закрытая труба». Вес гранатомета возрос до 152 кг, но зато дальность стрельбы увеличилась до 700 м.

В 1943 г. было изготовлено 2862 установки «Пупхен», а в 1944 г. — еще 288. «Пупхен» оказался весьма эффективным средством борьбы с ИС-2.

В январе 1945 г. немцы первыми в мире применили 8-см противотанковую гладкоствольную пушку 8Н63. Вес пушки составлял всего 640 кг, а ее кумулятивный снаряд пробивал 145-мм броню. Однако развернуть массовое производство пушки 8Н63 немцам

не удалось: в конце 1944 г. было выпущено 40 единиц, а в 1945 г. — 220. Несколько десятков таких орудий участвовали в Берлинской операции.

Известную роль в уличных боях в Берлине сыграли и несколько «королевских тигров» из 1-й танковой дивизии СС.

Большие потери советских танков, в том числе и ИС-2, стали результатом огня зенитной артиллерии ПВО Берлина, которая была самой мощной в мире в течение всей войны.

Всего на танкоопасных направлениях на подступах к Берлину и в самом городе имелось двадцать четыре 128-мм, сорок восемь 105-мм и двести семьдесят 88-мм пушек. Кроме того, было 249 зенитных автоматов калибра 20—37 мм. Следует заметить, что бронебойные и подкалиберные снаряды зенитных орудий калибра 88—128 мм пробивали лобовую броню корпуса и башни всех советских танков. Исключение представляла лобовая броня корпуса ИС-2, но и ее пробивали 128-мм и 88-мм пушки образца 41.

Зенитные ударные группы в основном были предназначены для стрельбы прямой наводкой, в частности, по танкам, и располагались у основных дорог и перекрестков. Зенитные же батареи имели главной задачей ведение дальнего огня по заранее подготовленным данным и при помощи наблюдательных пунктов. Для размещения зенитных батарей частично были использованы старые позиции зенитной артиллерии (периода 1941—1942 гг.), а также стадионы, спортплощадки, парки и т.д. Необходимость в бетонных основаниях под зенитные пушки иногда ограничивала выбор места позиции.

Учитывая, что доставка боеприпасов в ходе боевых действий будет осложнена, на позицию каждой батарее завезли в среднем до 3000—3600 снарядов. Соотношение снарядов различных типов было примерно такое: с дистанционными взрывателями — 60 %, с ударными взрывателями — 10 %, бронебойных — 30 %.

Зенитные ударные группы были обеспечены из расчета 200—300 снарядов на орудие, причем бронебойные снаряды составляли до 50 % всего количества снарядов.

Масштабы артиллерийского огня характеризует тот факт, что только 22 апреля 1945 г. зенитные орудия выпустили по советским войскам 16 140 снарядов, а на следующий день — 16 824 снаряда. За два дня 24 и 25 апреля германская зенитная артиллерия выпустила 24 812 снарядов.

Точное число уничтоженных советских танков в битве за Берлин неизвестно, и все без исключения авторы этот вопрос обходят стороной. В совершенно секретной диссертации полковника Игуменова¹ приводятся данные лишь об отдельных частях. Так, 2-я гвардейская танковая армия к 15 апреля 1945 г. имела в строю 685 (310)² танков и САУ. Из них до 2 мая было потеряно 576 (289) машин, из которых от боевых повреждений — 554 (284), а от прочих причин — 22 (5). Потери танков и САУ распределялись следующим образом: от артогня, включая гранатометы — 500 (250); от мин и фугасов — 25 (17); от авиации — 29 (17). Безвозвратные потери составили 209 (128) машин, то есть 30,5 % (43,3 %) от состоявших в строю к началу операции танков и САУ. Сгорело 136 (77) машин.

К началу Берлинской операции 8-й гвардейский механизированный Прикарпатский корпус располагал 145-ю танками и САУ. До 3 мая было потеряно 158 машин. Обратим внимание: потеряно 109 % бронетехники от первоначального состава, что связано с непрерывными поступлениями подкреплений уже с началом операции. Потери от боевых повреждений составили 150 машин, а остальные пришлось на технические неисправности. Безвозвратно потеряно 87 машин.

11-й гвардейский Прикарпатский танковый корпус к 15 апреля 1945 г. имел 199 танков и САУ. К 3 мая были потеряны 182 машины, то есть 86 %. Из них 171 машина потеряна от боевых повреждений, а 11 — от технических неисправностей. При этом 117 единиц бронетехники потеряны безвозвратно.

По этим данным нетрудно представить потери других танковых и механизированных соединений.

По заниженным официальным сведениям³ людские потери Красной армии в Берлинской операции составили: безвозвратные — 78 291 человек, а санитарные — 274 184 человека. Кроме того, потери польских частей в операции составили, соответственно, 2825 и 6067 человек.

¹ *Игуменов П.С.* Исследование поражаемости отечественных танков. (По опыту Великой Отечественной войны). Диссертация на соискание ученой степени Кандидата технических наук, 1947.

² В скобках дано число танков Т-34, а остальные — тяжелые танки и САУ. Легких танков в армии оставалось уже мало.

³ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: Воениздат, 1993.

В послевоенные годы советские военные историки давали исключительно положительную оценку действиям Красной армии в Берлинской операции и в том числе действиям танков. Вот, к примеру, в «Истории бронетанковых и механизированных войск Советской армии» говорится: «Особенность действий войск при ликвидации противника, окруженного в районе Берлина, в отличие от ранее проведенных операций заключалась в том, что наряду с общевойсковыми соединениями и танками непосредственной поддержки пехоты в боевых действиях на внутреннем фронте окружения принимали участие четыре танковые армии (1, 2, 3 и 4-я гвардейские).

Во всех прежних операциях танковые армии, а также танковые и механизированные корпуса после завершения окружения обычно переходили на внешний фронт окружения с тем, чтобы преградить путь резервам противника к его окруженным войскам.

Применение четырех танковых армий на внутреннем фронте окружения было обусловлено тем, что в составе окруженных вражеских войск имелись значительные танковые силы, а на внешнем фронте гитлеровское командование не располагало крупными оперативными резервами, способными ударами извне оказать помощь своим окруженным войскам»¹.

На самом деле в Берлине не было «значительных танковых сил». Зато наши танки, включая тяжелые, ожидали сотни немецких противотанковых и зенитных орудий, а также многие тысячи реактивных гранатометов.

Советские танковые части при разумном использовании могли окружить город и, наступая далее на запад и юг, занять значительные территории, которые, согласно соглашениям, должны были войти в советскую зону оккупации. Но из-за того, что наши войска были прикованы к Берлину, многие районы в нашей зоне заняли американцы. Характерный пример — Тюрингия, где янки хозяйничали несколько недель и вывезли огромное количество военной техники и оборудования с ракетных и артиллерийских заводов. Кстати, занятые американцами территории советской

¹ История бронетанковых и механизированных войск Советской армии. Т. 2. С. 399.

зоны стали важным козырем западной дипломатии на послевоенных переговорах.

Что же касается окруженного Берлина, то он мог быть за неделю-две разрушен огнем тяжелой артиллерии и бомбардировками с воздуха. Как уже говорилось, почти все орудия зенитной артиллерии были сняты с позиций и переведены на танкоопасные направления, а истребительная авиация ПВО к маю 1945 г. фактически была уничтожена.

В документальной повести М. Солонина Сталину приписывается фраза: «Война заканчивается. Не жалейте танки в боях на улицах Берлина, пушки максимально сохранять. А танки все равно пойдут в переплавку».

Лично я очень сомневаюсь в достоверности этой фразы. Зато хорошо известно, что, принимая то или иное решение, Сталин предварительно штудировал груды книг и документов и советовался со специалистами. Другой вопрос, что специалисты иной раз были явно не те. На них-то и лежит вина за «берлинский танковый погром».

Однако без преувеличения можно сказать, что танки ИС-2 из 44-й и 45-й гвардейских бригад, стрелявшие 30 апреля прямой наводкой по Имперской канцелярии, поставили точку во Второй мировой войне.

Глава 29

ТАНКИ В ГОРОДЕ

Замалчивание танковых потерь в Берлинской операции даже в совершенно секретных изданиях привело к тому, что и в последующие 60 лет наши генералы были уверены, что средние и особенно тяжелые танки являются весьма эффективным оружием в городских боях.

В новогоднюю ночь 1995 г. российские танки с трех сторон ворвались в Грозный. Но в первые же минуты их встретил буквально шквал огня. Из подвалов и нижних этажей зданий били гранатометы, с верхних этажей и крыш летели гранаты и баки с напалмом.

Только 131-я бригада из 26 танков потеряла 20, из 120 бронетранспортеров — 102, были уничтожены и все шесть ЗСУ «Тунгу-

ска». По официальным, но далеко не полным данным, только в январе 1995 г. федералы безвозвратно потеряли 225 единиц бронетехники, в том числе 62 танка.

Первые недели над Грозным висела облачность высотой 6—7 км. Но и позже истребители-бомбардировщики Су-24 могли поражать цели с точностью ± 150 м. При этом управляемые ракеты Х-29 и Х-25 и неуправляемые С-25 имели радиус поражения 280—480 м. Надо ли говорить, какие потери от своей авиации несли наша пехота, действовавшая в непосредственной близости от противника.

«Ах, кто бы мог подумать? Никто не ожидал, и т.п.» — оправдывались генералы-лампасники.

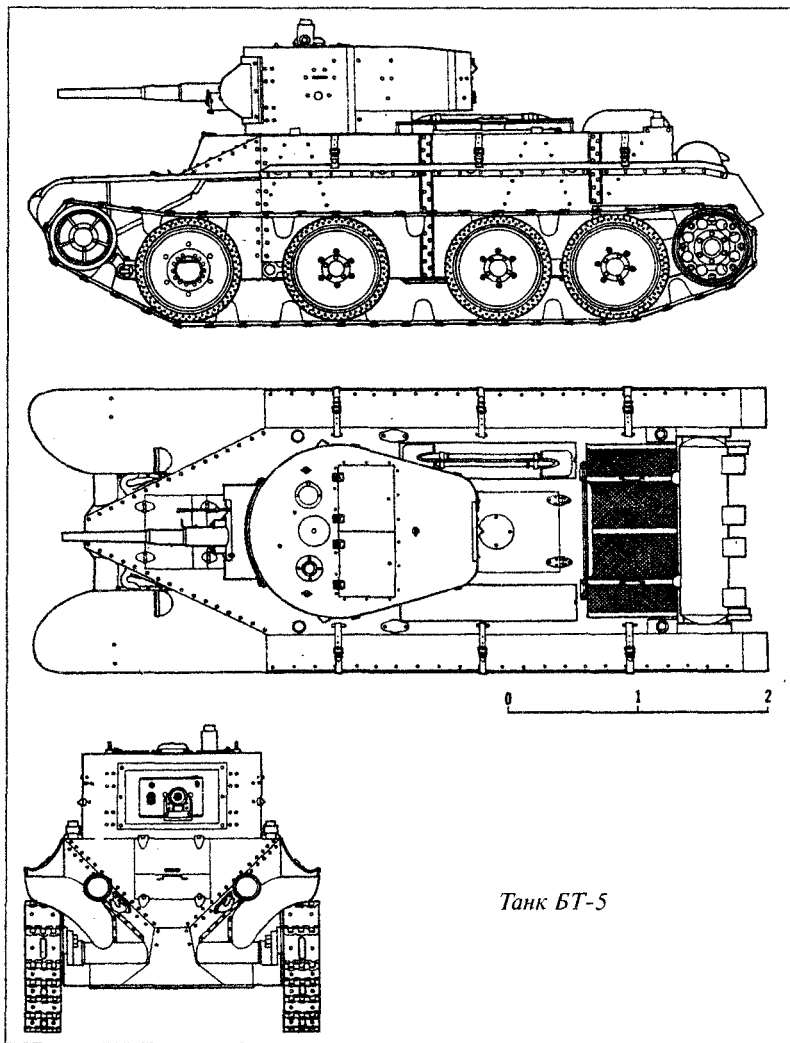
Тем не менее, весь опыт Второй мировой войны показывал неэффективность действий танков в крупных городах, за исключением, конечно, случая боев с морально неустойчивым противником.

Почему лучшие в мире для своего времени танки в 1945 г. и 1995 г. били, как хотели, мальчишки из гитлерюгенда и дудаевских формирований? Дело в том, что и ИС-2 с нарезной 122-мм пушкой, и Т-72 со 125-мм гладкой пушкой хороши лишь для боя на открытых пространствах, например, на Бородинском поле. Помните: «И вот нашли большое поле, есть разгуляться где на воле».

Но в городе такие танки становятся дичью даже для повстанцев. Так, пушки современных танков не могут стрелять под углом выше 15° , а навесная стрельба из них вообще исключена. А фугасные снаряды танковых пушек калибра от 76 до 125 мм содержат слишком мало взрывчатого вещества (ВВ) и слабы для разрушения крупных каменных строений. Так что, надо брать города без применения танков? Может быть, использовать современное высокоточное авиационное оружие? Но, увы, оно тоже не для штурма городов с большим числом пожаров и сильным задымлением, где практически не работают тепловые и оптические системы наведения.

20 февраля 1995 г., отвечая на критику, министр обороны П. Грачев заявил: «Без действия танков Грозный взять бы не удалось». Совершенно правильно, но вот каких танков? Для этого нужны не обычные, а специальные штурмовые танки.

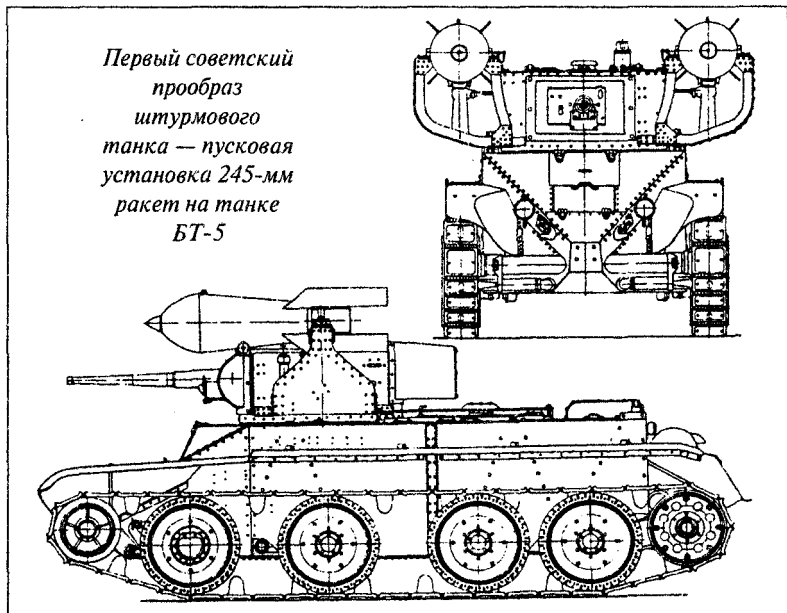
Первые штурмовые танки были созданы в СССР в 1936 г. на базе танка БТ-5. Помимо основного вооружения — 45-мм тан-

Танк БТ-5

ковой пушки 20К — они вооружались двумя 245-мм ракетами с фугасными боевыми частями. Стартовый вес таких ракет составил 250 кг. В том же 1936 г. 245-мм ракеты по проекту инженера Тверского были установлены на танке БТ-5. Две обычные пушковые установки располагались по бокам башни танка. Вертикальное наведение производилось специальным подъемным ме-

*Первый советский
пробораз
штурмового
танка — пусковая
установка 245-мм
ракет на танке
БТ-5*

ханизмом, а горизонтальное — поворотом башни. 245-мм ракеты получили название танковых торпед. Перед применением торпед производилась предварительная пристрелка 45-мм танковой пушкой и вводился поправочный коэффициент при помощи переходных таблиц. Максимальная дальность стрельбы составляла 1500 м. Торпеды предназначались для поражения бронированных и бетонных фортификационных сооружений.

На вооружение танковая торпеда принята не была, так как имела много конструктивных недоработок. Среди них: плохая кучность стрельбы, что, естественно, недопустимо при стрельбе по дотам или броневым башням и куполам; сложная система заряжания; ракеты на открытых установках крайне уязвимы для огня противника.

В декабре 1939 г. перед Реактивным НИИ (РНИИ) была поставлена срочная задача создания мощных ракетных снарядов для поражения дотов на линии Маннергейма. Требовалось по глубокому снегу подвезти пусковую установку на позицию. Конструкторы РНИИ под руководством Л.Э. Шварца немедленно приступили к работе. Был спроектирован реактивный фугасный

снаряд с боевой частью весом в одну тонну и дальностью стрельбы 2—3 км.

Для стрельбы этими снарядами были спроектированы две пусковые установки. Первая пусковая установка устанавливалась на задней части танка Т-34 и имела четыре направляющие. Танк Т-34 должен был подойти к доту и залпом выпустить четыре ракеты. Выполнив задачу, танк сбрасывал ракетную установку, а затем выполнял дальнейшие функции по прорыву в глубину территории.

Пусковые установки второго типа помещались на санном прицепе, буксируемом танком Т-34 или Т-28. Санные полозья установки делались из швеллера № 30 и ставились на ширину колеи гусениц танка. Установка имела поворотную раму с пространственной, из швеллеров, подъемной фермой. Управление наводкой производилось ручным механизмом. На ферме укреплялись четыре управляющих балки, скомбинированные из швеллеров.

Санная установка была построена в мастерских РНИИ и в январе 1940 г. отправлена на Ленинградский фронт. Установка прибыла с некоторым опозданием. Кроме того, боясь рассекретить ракетное оружие, командование фронта так и не использовало установку в боевых действиях. После окончания Финской войны она была отправлена на Ржевку для прохождения огневых испытаний.

Наши инженеры шли в правильном направлении, но, увы, после окончания Финской войны работы по созданию танков, оснащенных тяжелыми фугасными ракетами, прекратились.

С некоторой натяжкой можно считать КВ-2 переходным образцом от линейного тяжелого танка КВ-1 к штурмовому, поскольку мощность 152-мм гаубицы М-10 была недостаточна для разрушения дотов и больших каменных домов. Тем не менее, и КВ-2 мог бы хорошо поработать в Берлине и Кёнигсберге.

Но, увы, немногочисленные танки КВ-2 наши генералы в 1941 г. использовали в качестве линейных, где они, естественно, оказались гораздо хуже, чем КВ-1 с 76-мм пушкой.

После Сталинградской битвы Гитлер потребовал создать бронированную мощную самоходную мортиру для боев в городе. Первоначально был создан проект установки 21-см мортиры

обр.18 на шасси танка «тигр», но позже решили использовать для этой цели 38-см реактивный противолодочный бомбомет типа 61, разработанный фирмой «Рейнметалл» и серийно выпускавшийся на заводе в городе Дюссельдорфе (другое его название «Gerät 562»).

Прототип самоходной пусковой установки «штурмтигр» (другое ее название Sturm mortar Wagen 606/4 — штурмовая мортира 606/4) был показан Гитлеру 20 октября 1943 г. При этом рубка установки была из обычной, а не из бронированной стали. Машина понравилась фюреру, и он приказал запустить ее в серийное производство.

Установка была создана фирмой «Алкет» на шасси серийного танка T-VIЕ «тигр». При этом ее делали не на новых шасси, а переделывали уже готовые танки. Вместо башни на танк была поставлена сварная рубка. В лобовом листе рубки, наклоненном под углом 47°, в шаровой установке была смонтирована пусковая установка для реактивного 38-см снаряда.

Тактико-технические данные пусковой установки «штурмтигр» приведены в Приложении.

Замечу, что пусковой установкой я ее называю по современной терминологии, а немцы ее называли мортирой. На самом деле это сравнительно редкий тип пусковой установки по схеме закрытая труба. От мортиры она отличалась тем, что реактивный двигатель снаряда работал около 2 секунд, и основную часть кинетической энергии снаряд приобретал не в канале орудия, а вне его.

Для стрельбы использовались турбореактивные снаряды R.Sprgr.4581. Стабилизировался снаряд вращением, причем — первоначально он получал вращение от нарезов в канале ствола, а после вылета из ствола — за счет наклона 32-х сопел порохового двигателя, расположенных по краям дна снаряда. В хвостовой части корпуса снаряда имелось 9 выступов, которыми он вставлялся в нарезы ствола пусковой установки.

Мощный фугасный снаряд мог пробить по нормали 2,5-метровую железобетонную стену. При попадании снаряда в каменный многоэтажный дом происходило полное разрушение строения.

В ряде источников указывается, что кроме фугасного снаряда в боекомплект «штурмтигра» входил еще и кумулятивный снаряд, но данных о нем не приводится.

Пусковая установка «штурмтигр» имела нарезной ствол, зарядание которого происходило с казенной части с помощью клинового горизонтального затвора.

Ствол пусковой установки не имел противооткатных устройств и был жестко связан с шаровой установкой, которая вращалась в рамке рубки. Для уменьшения отдачи ствола при выстреле часть газов, образующихся при сгорании метательного заряда, направлялась в зазор между собственно стволом и 13-мм рубашкой, надетой на ствол. Для выхода газов в торцевом кольце у дульного среза имелось 31 отверстие. Такая конструкция ствола также способствовала его лучшему охлаждению.

Зарядание установки производилось с лотка с роликами вручную при помощи специального досылателя. Снаряды загружались внутрь машины через прямоугольный люк в крыше рубки при помощи крана. На стенках боевого отделения располагалось 12 захватов для снарядов — по 6 с каждой стороны. 13-й снаряд мог находиться на лотке, а 14-й — непосредственно в стволе, поднятом на угол 16°.

Для самообороны пусковой установки справа от ствола в шаровой установке был помещен 7,92-мм пулемет MG 34.

Экипаж «штурмтигра» состоял из пяти человек: механика-водителя, стрелка-радиста, командира (он же наводчик) и двух заряжающих.

Первый серийный «штурмтигр» был создан фирмой «Алкет» 15 сентября 1944 г. К февралю 1945 г. всего было переоборудовано в пусковые установки 18 танков «тигр» и изготовлено 397 реактивных снарядов R.Sprgr.4581.

По крайней мере, одна установка «штурмтигр» участвовала в уличных боях в августе 1944 года в ходе Варшавского восстания и была показана в немецкой кинохронике.

11 октября 1944 г. 1001-я рота штурмовых мортир (Panzer Sturm mortar Kompanie) получила четыре установки «штурмтигр», а через некоторое время была сформирована и 1000-я рота, также с четырьмя установками. Обе роты действовали на Западном фронте. Первая вступила в бой в декабре 1944 г. в районе Трира, но в боях участвовал только один «штурмтигр», так как остальные три вышли из строя по техническим причинам и были брошены. Вторая рота начала боевые действия в ноябре 1944 г., а в январе 1945 г. довольно успешно воевала недалеко от Бонна. При пере-

праве через Рейн одна установка «штурмтигр» была подбита огнем американских танков.

Позже была сформирована еще одна, 1002-я, рота, получившая шесть «штурмтигров». Она принимала участие в боевых действиях восточнее Бонна, а в марте 1945 г. четыре оставшиеся в строю машины этой роты были переброшены на Восточный фронт.

К 26 марта 1945 г. в частях состояло тринадцать «штурмтигров», а еще три имелось на складах.

В первые дни мая 1945 г. у реки Эльба частями 3-й армии 1-го Белорусского фронта был захвачен исправный «штурмтигр». В настоящее время он находится в Военно-историческом музее бронетанкового вооружения в подмосковном поселке Кубинка. Советские специалисты изучили машину, но, к сожалению, не поняли, каким эффективным оружием она была в уличных боях.

Англичане к 1944 г. создали ухудшенный аналог «штурмтигра» и назвали его штурмовым танком AVRE (Armoured Vehicles Royal Engineers), в качестве шасси они использовали тяжелый английский танк «Черчилль» Mk-III, а затем Mk-IV с толщиной лобовой брони до 152 мм, а бортовой — 75—95 мм. Максимальная скорость среднего танка Mk-IV составляла всего 28 км/час, а AVRE — еще меньше.

Свой штурмовой танк англичане вооружили 305-мм мортирой. Снаряд содержал 15 кг взрывчатого вещества, которого было достаточно, чтобы разрушить бетонную стенку толщиной до 2,5 м. В отличие от немцев, создавших снаряд-ракету для «штурмтигра», англичане создали примитивную по устройству мортирку, которую сами именовали «петардой». Любопытно, что зарядание мортирки производилось с дула при помощи специального приспособления. При этом экипаж танка оставался за броней. Дальность стрельбы мортирки составляла всего 90 м.

Танки AVRE англичане впервые применили в июне 1944 г. в ходе высадки в Нормандии. Особенногодились они при захвате мощных укреплений Атлантического вала.

В свое время Атлантический вал стал предметом острых дебатов советских и западных историков. Первые утверждали, что это были редкие слабые укрепления, защищаемые солдатами-инвалидами, а вторые говорили, что это была сплошная линия неприступных бетонных сооружений.

Как ни странно, обе стороны оказались правы. На наиболее десантноопасных направлениях от Дюнкерка до Булони немцы действительно создали береговые батареи, представлявшие собой чудо инженерной мысли. А вот в Нормандии, где было стратегически невыгодно высаживаться и где союзники без толку протоптались пару месяцев и не были сброшены в море только из-за отправки всех немецких резервов на Восток, где шло генеральное наступление Красной армии, вот там действительно Атлантический вал оставлял желать лучшего.

Осенью 1944 г. союзники с тыла обошли береговые батареи немцев на берегу Ла-Манша, но германские батареи не сдавались. Мало того, германские 38-см суперпушки береговой батареи Тодт и 40-см пушки батареи Линдерман, находившиеся в самом узком месте пролива, вели огонь по... Англии. Особенно часто обстреливались порты Фолкстон, Дувр, Рамсгит и т.д.

Бетонные покрытия (толщиной до 6 м) германских береговых батарей не брали даже самые тяжелы авиабомбы. Так, 20 сентября 1944 г. 633 бомбардировщика союзников совершили массивный налет на батарею Линдерман, но не сумели вывести ее из строя.

И тогда на штурм фортов были направлены канадские войска, оснащенные специальными танками на базе танка «черчилль» — AVRE и огнеметные «крокодилы». По мнению английского командования танки AVRE сыграли большую роль в захвате этих фортов.

Позже англичане успешно использовали танки AVRE в ходе Корейской войны.

Увы, в СССР после 1940 г. не было даже попыток проектирования штурмового танка. Это связано с синдромом полигонного мышления наших генералов, которые привыкли проводить учения танковых и мотострелковых частей на равнинных полигонах. Ну и по картам водили танковые дивизии на территории ФРГ. Я сам на офицерской подготовке несколько раз «водил» роту танков по германским дорогам, но ставить нам задачу вести бой в крупном населенном пункте преподавателям и в голову не приходило.

Кстати, наплевательское отношение у нас было не только к штурмовым танкам, но и к буксируемым мортирам. За всю исто-

рию СССР у нас выпустили около сотни 152-мм мортир образца 1931 г. и сорок пять 280-мм мортир Бр-4. И всё!

На секунду представим себе, что наши конструкторы, используя немецкий задел, сделали хотя бы два десятка «штурмтигров». Риторический вопрос: на сколько сократилось бы время боев в Будапеште в 1956 г., да и были бы они вообще после первого же выстрела «штурмтигра»? Продержались бы в январе 1995 г. боевики в Грозном хоть пару суток под огнем «штурмтигров»? Я уж не говорю о психологическом действии штурмовых танков в Берлине в 1953-м и 1961 годах.

Но, увы, у нас очень не любят военную историю, точнее, считают ее монополией узкого круга лиц с большими звездами на золотых погонах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не будет большим преувеличением утверждать, что танки стали основным оружием Второй мировой войны и именно они решили ее исход. Боевые действия на Восточном фронте определили ход истории человечества, по крайней мере, на 100 лет.

В этой книге я попытался показать реальное применение танковых войск на Восточном фронте. Сразу оговорюсь, моя работа — это не детальная хроника боевых действий всех танковых частей и не каталог тактико-технических описаний материальной части. И пускай «знатоки» возмущаются, что не нашли описания действий такой-то части или числа заклепок на таком-то изделии.

Я попытался показать, почему при достаточно хорошей материальной части наших танковых войск Красная армия в 1941 г. потерпела тяжелое поражение и потеряла 20,5 тысяч танков, то есть 72,7 % от имевшихся и полученных от промышленности во второй половине 1941 г.

Да, действительно, наши танки Т-34 и КВ имели более толстую броню и лучшие пушки, чем германские танки Т-III и Т-IV. Но немцы существенно превосходили нас в области управления танковыми войсками, взаимодействии с другими родами войск, радиосвязи, танковых приборов наблюдения, прицелов, ремонта и эвакуации поврежденной бронетехники.

Главной же причиной неудачи был человеческий фактор — храбрые, но плохо обученные танкисты и некомпетентные генералы.

Оценка деятельности политического и военного руководства СССР в годы Великой Отечественной войны выходит за рамки работы, но нельзя не отметить несколько очевидных вещей. По воле Н.С. Хрущева с 1960-х годов ответственность за неудачи Красной армии в 1941—1942 гг. и большие потери в 1943—1945 гг. возлагали исключительно на военное руководство страны — Сталина, Берия, Молотова и др. На самом деле политическое руководство обеспечивало поставки военной техники всех типов как до войны, так и в ходе нее в достаточных количествах, а, по мнению многих историков, и в избытке. Например, 22 июня 1941 г. в РККА было больше танков, чем во всех армиях мира, и подобная ситуация сохранялась вплоть до 9 мая 1945 г., несмотря на захват немцами огромных территорий СССР. Так что вина за все поражения и потери, и в частности, за безграмотное использование танков, лежит на высшем и среднем комсоставе РККА.

Ни наши деятели СМИ, ни официальные историки не могут толком и внятно ответить — кто организовал эвакуацию заводов на восток страны и буквально в считанные дни наладил производство вооружения? Кто руководил оборонной промышленностью, произведшей за войну около 120 тысяч (!) танков и САУ? Кто организовал антигитлеровскую коалицию с Англией и США?

Кто командовал Красной армией, пока Жуков находился на фронте, к примеру, руководил операцией «Марс»? Наконец, кто сумел реализовать великую победу советского народа и обеспечить его интересы в Европе и Азии?

Россия победила в Отечественной войне 1812 г., но «великий дипломат» Александр I все «сдал» на Венском конгрессе. А в 1945 г. Россия получила всё, о чем только могла мечтать, к сожалению, кроме Черноморских проливов.

Во время войны дезинформация одно из важных средств, но сейчас нашему народу нужна правда и вся правда. У меня нет личных симпатий и антипатий ни к одному из деятелей Второй мировой войны. Я первый за раскрытие всех архивов, как военных, так и НКВД—МГБ—КГБ.

Пока наши военные и историки не дадут внятного ответа на все эти вопросы, история великой войны будет сборником мифов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ДАННЫЕ СОВЕТСКИХ ТЯЖЕЛЫХ ТАНКОВ

Таблица I

Данные тяжелого танка Т-35 на 1932 г.

Год выпуска.....	1932
Всего произведено.....	63
Вес, т.....	45
Экипаж, чел.....	11 человек
Высота, м.....	3,43
Ширина, м.....	3,2
Длина, м.....	9,72
Вооружение:	
Пушечное.....	1 — 76-мм КТ-28 (96 снарядов); 2—45-мм 20К (220 снарядов)
Пулеметное.....	6 — 7,62-мм ДТ (10080 патронов)
Бронирование, мм:	
Лоб.....	30
Борт.....	20
Корма.....	20
Крыша.....	14
Днище.....	14
Двигатель.....	М-17М (карбюраторный)
Мощность, л. с.....	500
Скорость, км/ч: по шоссе.....	30
по бездорожью.....	20
Запас хода по шоссе, км.....	150
Давление на грунт, кг/кв. см.....	0,78

Таблица II

Данные первых советских тяжелых танков с противоснарядной броней

Марка танка	СМК	Т-100	КВ-1
Боевой вес, кг	55 100	58 000	40 050
Экипаж, чел.	7	8	5
Длина общая, мм	8750	8495	6750
Ширина, мм	3400	3400	3320
Высота, мм	3430	3430	2650
Клиренс, мм	500	525	450
Ширина трака, мм	660	710	660
Вооружение:			
Пушки	1 × 76-мм Л-11 1 × 45-мм 20К	1 × 76-мм Л-10 1 × 45-мм 20К	1 × 76-мм Л-11 1 × 45-мм 20К
Боекомплект, снарядов	76-мм — 113 45-мм — 300	76-мм — 120 45-мм — 393	76-мм — 96 45-мм — 220
Пулеметов	4 × 7,62-мм	3 × 7,62-мм	2 × 7,62-мм
Тип пулемета	ДТ	ДТ	ДТ
Боекомплект, патронов	5733	4284	1008
Бронирование:			
Вертикальная броня корпуса, мм	75—60—55	60—30—20	75
Горизонтальная броня корпуса, мм	20—30	20—30	30—40
Башня, мм	60—30	60—30	75
Двигатель:	АМ-34	ГАМ-34	В-2
Мощность, л. с.	850	850	500
Коробка передач	5 передних 1 задняя	5 передних 1 задняя	5 передних 1 задняя
Скорость по шоссе, км/ч	35,5	35,6	36
Топливо	Бензин	Бензин	Дизтопливо
Емкость бака, л	1400	1160	600
Запас ходу по шоссе, км	280	170	230
Запас ходу по проселку, км	210	120	170
Преодолеваемые препятствия:			
Удельное давление, кг/кв. см	0,69	0,68	0,63
Подъем, град.	37	42	37
Спуск, град.	37	42	37

Крен, град.	30	25	30
Ров, м	4	4	3
Стенка, м	1,1	1,2	0,88
Брод, м	1,7	1,25	1,5

Таблица III

Данные тяжелого танка KB-1С

Боевой вес, кг.....	42 500
Экипаж, чел.	5
Длина общая, мм.....	6900
Ширина, мм.....	3250
Высота, мм.....	2640
Клиренс, мм.....	450
Ширина трака, мм.....	610
Вооружение:	
Пушка.....	1 × 76-мм ЗИС-5
Боекомплект, снарядов.....	114
Пулеметов.....	3 × 7,62-мм ДТ
Боекомплект, патронов.....	2772
Бронирование:	
Вертикальная броня корпуса, мм.....	75—60
Горизонтальная броня корпуса, мм.....	40—20
Башня (литая), мм.....	80
Двигатель.....	В-2К
Мощность, л. с.	600
Коробка передач.....	6 передних; 1 задняя
Скорость по шоссе, км/ч.....	43
Топливо.....	Дизельное
Емкость бака, л.....	610
Запас ходу по шоссе, км.....	225
Запас ходу по проселку, км.....	165
Преодолеваемые препятствия:	
Удельное давление, кг/кв. см.....	0,8
Подъем, град.....	36
Спуск, град.	36
Крен, град.....	30
Ров, м.....	2,7
Стенка, м.....	1,1
Брод, м.....	1,6

Таблица IV

Данные тяжелого танка KB-85

Боевой вес, т.....	46
Экипаж, чел.	4
Длина, мм.....	6900
Ширина, мм.....	3250
Высота, мм.....	2830
Клиренс, мм.....	450
Броня, мм: лоб.....	40—75
борт.....	60
корма.....	40—75
крыша, днище.....	40—20
башня	100
Вооружение:	
Пушка.....	1 × 85-мм Д-5-Т-85
Боекомплект, снарядов.....	70
Пулеметы.....	3 × 7,62-мм ДТ
Боекомплект, патронов.....	3276
Двигатель.....	В-2К
Мощность, л. с.	600
Топливо.....	Дизельное
Скорость по шоссе, км/ч.....	34
Запас ходу по шоссе, км.....	180
Преодолеваемые препятствия:	
Ров, м.....	2,7
Стенка, м.....	1,2
Брод, м.....	1,6

Таблица V

Данные тяжелого танка ИС-1 (ИС-85)

Боевой вес, т.....	44
Экипаж, чел.	4
Длина, мм.....	8560
Ширина, мм.....	3070
Высота, мм.....	2735
Клиренс, мм.....	465
Броня, мм: лоб.....	60—100
борт.....	90

корма.....	60
крыша	20
днище.....	30
башня	100
Вооружение:	
Пушка.....	1 × 85-мм Д-5-Т-85
Боекомплект, снарядов.....	59
Пулеметы.....	3 × 7,62-мм ДТ
Боекомплект, патронов.....	2520
Двигатель.....	В-2ИС
Мощность, л. с.	520
Топливо.....	Дизельное
Скорость по шоссе, км/ч.....	37
Запас ходу по шоссе, км.....	120—135
Преодолеваемые препятствия:	
Подъем, град.....	36
Ров, м.....	2,5
Стенка, м.....	1,0
Брод, м.....	1,3

Таблица VI

Данные тяжелого танка ИС-2 образца 1944 г.

Боевой вес, т.....	46
Экипаж, чел.	4
Длина, мм.....	9830
Ширина, мм.....	3070
Высота, мм.....	2730
Клиренс, мм.....	420
Броня, мм: лоб.....	120
борт.....	90
корма.....	60
крыша, днище	20—30
башня	160—90
Вооружение:	
Пушка.....	1 × 122-мм Д-25Т обр. 1943 г.
Боекомплект, снарядов.....	28
Пулеметы.....	3 × 7,62-мм ДТ

	1 × 12,7-мм ДШК (на части танков)
Боекомплект, патронов.....	7,62-мм — 2331; 127-мм — 300
Двигатель.....	В-2ИС
Мощность, л. с.	520
Топливо.....	Дизельное
Скорость по шоссе, км/ч.....	37
Запас ходу по шоссе, км.....	240
Преодолеваемые препятствия:	
Подъем, град.....	36
Ров, м.....	2,5
Стенка, м.....	1,0
Брод, м.....	1,3

ДАННЫЕ СРЕДНЕГО ТАНКА Т-34

Таблица VII

Тактико-технические характеристики Т-34 обр. 1940 г.

Боевой вес, т.....	26
Экипаж, чел.....	4
Длина, м.....	5,9
Ширина, м.....	3,0
Высота, м.....	2,4
Длина участков ленты, соприкасающейся с грунтом, мм.....	3720
Ширина траков, мм.....	550
Вооружение:	
Пушка.....	1 × 76,2-мм Л-11 обр. 1940 г.
Боекомплект, снарядов.....	77
Пулеметы.....	2 × 7,62-мм ДТ
Боекомплект, патронов.....	3906
Двигатель.....	Дизель В-2, 12-цилиндровый
Мощность двигателя, л.с.....	500
Количество передач	4 вперед, 1 назад
Скорость по шоссе, км/ч.....	54
Запас ходу по шоссе, км.....	300—400

Таблица VIII

Тактико-технические характеристики Т-34 обр. 1941 г.:

Боевой вес, т.....	26,5
Экипаж, чел.....	4
Длина, м.....	6,7
Ширина, м.....	3,0
Высота, м.....	2,4
Длина участков ленты, соприкасающейся с грунтом, мм.....	3720
Ширина траков, мм.....	550
Вооружение:	
Пушка.....	1 × 76,2-мм Ф-34 обр. 1940 г.
Боекомплект, снарядов.....	77
Пулеметы.....	2 × 7,62-мм ДТ
Боекомплект, патронов.....	3906
Двигатель.....	Дизель В-2, 12-цилиндровый
Мощность двигателя, л.с.....	500
Количество передач.....	4 вперед, 1 назад
Скорость по шоссе, км/ч.....	55
Запас ходу по шоссе, км.....	465

Таблица IX

Тактико-технические характеристики Т-34 обр. 1943 г.:

Боевой вес, т.....	30,9
Экипаж, чел.....	4
Длина, м.....	6,7
Ширина, м.....	3,0
Высота, м.....	2,6
Длина участков ленты, соприкасающейся с грунтом, мм.....	3720
Ширина траков, мм.....	550
Вооружение:	
Пушка.....	1 × 76,2-мм Ф-34 обр. 1942 г.
Боекомплект, снарядов.....	100
Пулеметы.....	2 × 7,62-мм ДТ
Боекомплект, патронов.....	3600

Двигатель.....	Дизель В-2, 12-цилиндровый
Мощность двигателя, л.с.....	500
Количество передач	5 вперед, 1 назад
Скорость по шоссе, км/ч.....	55
Запас ходу по шоссе, км.....	465

II. ДАННЫЕ ГЕРМАНСКИХ ТЯЖЕЛЫХ ТАНКОВ

Таблица X

Данные тяжелого танка «тигр»

Боевой вес, т.....	56,78
Экипаж, чел.	5
Длина, мм.....	8453
Ширина, мм.....	3700
Высота, мм.....	2934
Клиренс, мм.....	430
Броня, мм: лоб.....	100
борт.....	82
корма.....	82
крыша, днище	26
башня	26—100
Вооружение:	
Пушка.....	1 × 8,8 cm KwK 36L/56
Боекомплект, снарядов.....	92
Пулеметы.....	2 × 7,92-мм MG 34
Боекомплект, патронов.....	4800
Двигатель.....	«Майбах» HL230P30
Мощность, л. с.	700
Топливо.....	Бензин
Скорость по шоссе, км/ч.....	38
по рокаде, км/ч.....	20
Запас ходу по шоссе, км.....	140
по рокаде, км.....	100
Преодолеваемые препятствия:	
Подъем, град.....	35

Ров, м.....	2,3
Стенка, м.....	0,8
Брод, м.....	1,2

Таблица XI

Данные тяжелого танка «королевский тигр»

Боевой вес, т.....	69,8
Экипаж, чел.	5
Длина, мм.....	10 286
Ширина, мм.....	3755
Высота, мм.....	3090
Клиренс, мм.....	485
Броня, мм: лоб.....	150
борт.....	80
корма.....	80
крыша, днище	40
башня	40—180
Вооружение:	
Пушка.....	1 × 8,8 cm KwK 43L/71
Боекомплект, снарядов.....	72
Пулеметы.....	2 × 7,92-мм MG34
Боекомплект, патронов.....	5890
Двигатель.....	«Майбах» HL230P45
Мощность, л. с.	700
Топливо.....	Бензин
Скорость по шоссе, км/ч.....	41,5
Запас ходу по шоссе, км.....	170
Преодолеваемые препятствия:	
Подъем, град.....	35
Ров, м.....	2,5
Стенка, м.....	0,85
Брод, м.....	1,6

Данные танка «пантера»

Боевой вес, т.....	44
Экипаж, чел.	5

Длина, мм.....	8650
Ширина, мм.....	3270
Высота, мм.....	2950
Клиренс, мм.....	540
Броня, мм: лоб.....	80
борт.....	40
корма.....	40
башня.....	45
Длина опорной поверхности гусеницы, мм.....	3900
Вооружение:	
Пушка.....	1 × 7,5 см КвК L/70
Пулеметы.....	2 × 7,92-мм MG34
Двигатель.....	«Майбах» HL230P30
Мощность, л. с.	700
Топливо.....	Бензин
Запас топлива, л.....	730
Скорость по шоссе, км/ч.....	46
Запас ходу, км: по шоссе.....	160
вне дорог.....	100
Глубина преодолеваемого брода, м.....	1,7

Таблица XII

**Данные 38-см самоходной реактивной
пусковой установки «штурмтигр»**

Калибр, мм.....	380
Длина ствола, мм/клб.....	2054/5,4
Угол ВН, град.....	0°; +85°
Угол ГН, град.....	20°
Габариты установки, мм: длина.....	6280
ширина.....	3570
высота.....	2850
клиренс.....	485
Бронирование, мм:	
лоб корпуса и рубки.....	150
борт и корма.....	80

крыша.....	40
днище.....	20
Вес установки, т.....	66
Дополнительное вооружение.....	1 — 7,92-мм пулемет MG 34
Мощность двигателя, л. с.....	700
Скорость хода максимальная, км/час:	
по шоссе.....	38
по бездорожью.....	12
Экипаж, чел.....	5
Скорострельность, выстр./м.....	3

Таблица XIII

Данные фугасного снаряда R.Sprgr.4581

Калибр, мм.....	380
Длина снаряда, мм/клб.....	1489/3,9
Вес ВВ в снаряде, кг.....	125
Вес порохового заряда, кг.....	40
Полный вес снаряда, кг.....	345
Время работы двигателя, с.....	2
Давление в канале ствола, кг/см ²	300
Дульная скорость снаряда, м/с.....	45
Максимальная скорость снаряда, м/с.....	250
Дальность стрельбы, м.....	5650

III. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ ГЕРМАНСКИХ ПРОТИВОТАНКОВЫХ ОРУДИЙ

Потери Красной армии в личном составе и технике в годы Великой Отечественной войны до начала 1990-х годов представляли государственную тайну. Все документы, содержащие сведения о наших потерях, имели гриф «Секретно» или «Совершенно секретно».

После распада СССР небольшая часть документов периода Великой Отечественной войны была предана гласности. Благодаря этим документам можно оценить масштаб потерь. Сразу же значительная часть журналистов и историков начала смаковать потери СССР в первые месяцы войны. Делалось это по политическому заказу, с целью дискредитации тогдашнего советского руководства и лично Сталина.

Масштабы потерь действительно поражают воображение. В 1941 г. наши войска безвозвратно потеряли 20,5 тысячи танков. Это составило 72,7 % к ресурсу танкового вооружения, который получен из 22,6 тысячи танков, состоявших на вооружении к 22 июня 1941 г. и 5,6 тысяч танков, поступивших от промышленности до конца 1941 г. Но тут следует заметить, что в последующие годы войны потери в танках оставались приблизительно на том же уровне. Так, в 1943 г. было потеряно (здесь и далее говорится о безвозвратных потерях) 22,4 тысячи танков и 1,2 тысячи самоходных артиллерийских установок (САУ). (В 1941 г. САУ у нас не было). Причем в 1941 г. из потерянных 20,5 тысячи танков тяжелые танки составляли приблизительно 900 единиц, средние — 2,3 тысячи, а подавляющее большинство — 17,3 тысячи — падало на легкие танки (БТ, Т-26, Т-38, Т-40 и т.д.). А вот в 1943 г. из 22,4 тысячи потерянных танков на тяжелые приходится 1,3 тысячи, на средние — 14,7 тысячи, и на легкие — 6,4 тысячи. Таким образом, за два года войны процент подбитых тяжелых и средних танков возрос с 18,5 до 71. При подсчете потерь следует принимать во внимание, что в 1941 г. в подавляющем числе случаев поврежденные танки оставались на территории, занятой противником, а в 1943 г. ситуация кардинально изменилась — большинство поврежденных танков оставалось на территории, контролируемой Красной армией, и могла быть эвакуирована в тыл для ремонта.

Стоит заметить, что данные о потерях наших танков я беру не из многочисленных спекулятивных современных изданий, а из официального статистического исследования, изданного Министерством обороны РФ¹.

Всего же за войну (до 10 мая 1945 г.) СССР потерял 83,5 тысячи танков, то есть почти столько же, сколько было изготовлено за войну и получено по ленд-лизу (86,1 тысяча машин). Кроме того, было потеряно 13 тысяч САУ, из них 2,3 тысячи тяжелых (на базе танков КВ и ИС) и 2,1 тысяча средних (на базе Т-34), а также 37,6 тысячи бронеавтомобилей, бронетранспортеров и тягачей.

Как же Красная армия сумела понести такие огромные потери? К сожалению, до сих пор в открытой печати так и не появи-

¹ Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». М.: Воениздат, 1993. С. 357—358.

лось объективного и подробного анализа причин и характера потерь наших бронетанковых войск.

В главе, посвященной 3,7-см противотанковой пушке Pak 35/36, уже кратко говорилось о причинах потерь наших танков в первые месяцы войны. Подробный же анализ потерь в то время немцы не хотели, а наши не могли физически проводить. Да и при наличии подробных данных, анализируя действия германских противотанковых пушек на первом этапе войны, можно прийти к некорректным выводам. Например, в секретной монографии полковника П.С. Игумнова¹ так и говорилось: «...период боевых действий до Сталинградской битвы... с точки зрения потерь танков не является показательным».

Положение изменилось в 1942 г., когда уже значительная часть советских танков стала оставаться на своей территории и советское командование стало получать из частей более-менее объективные данные о причинах их потерь. Кроме того, создаются специальные группы специалистов для сбора информации о потерях бронетанковой техники.

По данным отчетов фронтов и танковых армий, группе полковника Игумнова удалось составить подробные таблицы, характеризующие причины потерь наших танков в 1943—1945 гг.

Анализ этих таблиц показывает, что потери танков и САУ (на базе Т-34, КВ и ИС) от артиллерийского огня составили более 80 % всех потерь. Потери же от технических неисправностей, неумелого вождения танков, конструктивных и производственных дефектов, от утопления в реках и болотах и т.д. составили не более 14 %.

Средние количественные соотношения боевых потерь:

от артогня — 88—91 %;

от мин и фугасов — 8—4 %;

от бомб и артогня авиации — 4—5 %.

Из этого видно, что основным средством поражения танков и САУ была противотанковая и танковая артиллерия, потери от огня которой составляли абсолютное большинство всех потерь. Огонь артиллерии был наиболее губителен для танков и САУ, он вызывал пожар, наиболее тяжелые повреждения жизненно важ-

¹ Игумнов П.С. Исследование поражаемости отечественных танков. (По опыту Великой Отечественной войны). М., 1947.

ных частей и разрушение всей машины. Все безвозвратные потери танков и САУ, как правило, составляли машины, пораженные артогнем.

Потери от мин в целом были невелики, но в отдельных случаях они составляли большую цифру. Так, например, по Карельскому фронту потери от мин за 1944 г. достигли 35 %, по Ленинградскому фронту — 27,2 %, по 1-му Прибалтийскому фронту (за январь 1945 г.) — 24,3 %, по 4-й гвардейской танковой армии за Орловскую операцию 1943 г. — 15 %. Такие большие потери от мин только частично оправдываются тяжелыми условиями местности, основная же причина — плохая противоминная разведка и плохое разминирование.

Подрывы на минах в большинстве случаев вели к легким повреждениям ходовой части танков и САУ, и только в редких случаях машина окончательно выходила из строя.

Потери от бомб и артогня авиации на всем протяжении войны составляли небольшую цифру, и только в отдельных случаях доходили до 10—15 %. Объясняется это в основном плохой организацией противовоздушной обороны или неблагоприятной обстановкой боя. Опытные стрельбы в 1943 г. на Московском бронетанковом полигоне подтвердили низкий процент попаданий в танки. В спокойной обстановке на дистанции 300—400 м из 35 выстрелов истребителя ЛаГГ-3 попало в неподвижные танки 3 снаряда и из 55 выстрелов штурмовика Ил-2 — тоже 3. В условиях же боя точность попаданий еще ниже, а дистанция больше.

Сгоревшие танки составляли в среднем 39—45 % всех боевых потерь и 87—89 % от числа безвозвратных потерь. Пожар в танке вызывает тяжелые последствия: происходит дробление корпуса, внутри танка полностью разрушается все внутреннее оборудование. Горевшая машина, как правило, не поддается восстановлению. Пожар в абсолютном большинстве случаев возникает от поражения снарядом броневой защиты танка с одновременным поражением топливных и масляных баков и боеприпасов.

Безвозвратные потери танков и САУ, по рассмотренным полковником Игуменовым операциям, в среднем составили от количества всех потерь — 44 %. Безвозвратные потери танков Т-34 составили 48 %. По отдельным операциям, и особенно по операциям 1943—1944 гг., безвозвратные потери составили 65—78 %.

Таблица XIV

Распределение безвозвратных потерь танков по средствам поражения

Фронт и период боевых действий	Всего потерь	Из числа безвозвратных потерь							
		от артогня		от мин		от авиации		от прочих причин	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
4-й Украинский фронт (январь-май 1945 г.)	525 231	503 224	95,8 97,0	17 7	3,2 3,0	5 —	1,0 —	— —	— —
2-й Белорусский фронт (январь-февраль 1945 г.)	674 227	645 218	95,6 96,1	3 —	0,5 —	— —	— —	26 9	3,9 3,9
Ленинградский фронт (специально осмотрено 200 машин) 1944 г.	151 —	112 —	74,1 —	39 —	25,9 —	— —	— —	— —	— —
1-я гв. танковая армия (Львовско-Вислинская операция 1944 г.)	324 264	310 259	96,0 98,0	— —	— —	14 5	4,0 2,0	— —	— —
1-я гв. танковая армия (Прикарпатская операция 1944 г.)	— 286	— 256	— 89,5	— 4	— 1,4	— 14	— 4,9	— 12	— 4,2
3-я гв. танковая армия (Львовско-Перемышльская и Вислинская операция)	381 —	322 —	84,5 —	10 —	2,6 —	49 —	12,9 —	— —	— —
4-я гв. танковая армия (июнь-сентябрь 1944 г.)	239 206	230 198	96,1 96	3 3	1,3 1,5	6 5	2,6 2,5	— —	— —
4-я гв. танковая армия (Орловская операция 1943 г.)	360 292	312 257	86,7 87,4	41 29	11,4 10,0	7 6	1,9 2,6	— —	— —
Итого: танков и САУ в т. ч. Т-34	2940 1506	2690 1312	91,3 93,6	117 43	4,0 2,9	95 30	3,2 2,0	38 21	1,5 1,5

Примечание: Верхняя строка цифр — танки всех марок. Нижняя строка цифр — в том числе танки Т-34.

Из приведенной таблицы видно, что основной причиной была противотанковая и танковая артиллерия, потери от огня которой составили более 90 % всех безвозвратных потерь.

Особого внимания заслуживают причины, вызывавшие полное разрушение танка, так как это сильно подрывало моральный дух войск. Первые случаи полного разрушения танков Т-34 были отмечены в 1942 г., и объяснялись они тогда подрывом танков на фугасах или танкеткой-торпедой. В дальнейшем, в ходе войны и специально проведенными исследованиями этого вопроса было установлено, что причиной полного разрушения танков был одновременный взрыв снарядов собственного боекомплекта. Сила взрыва боекомплекта была настолько большой, что башня, листы брони, катки и другие части танка разбрасывались в разные стороны на 30—50 м.

Для установления причин, вызывающих взрыв снарядов боекомплекта в ноябре 1943 г. и январе — марте 1944 г. на 1-м Белорусском фронте были проведены специальные испытания, в результате которых установлено следующее:

1. Разрушение танков Т-34 происходило только от одновременного взрыва всех или части снарядов боекомплекта.

2. Мгновенный взрыв боекомплекта в танке, как правило, вызывался непосредственным попаданием по снарядам боекомплекта снарядом, пробивающим броню, имеющим после ее пробития большую остаточную энергию.

К таким снарядам относятся бронебойные снаряды ударного действия калибра 75—88 мм и более, кумулятивные снаряды, гранаты «фауст», «панцершрек» и магнитные мины. Наиболее часто взрыв вызывали снаряды и гранаты кумулятивного действия.

Итак, подавляющее число потерь советских танков приходится на самоходную и противотанковую артиллерию, а затем — на танковые пушки. Это подтверждают как советские, так и германские источники.

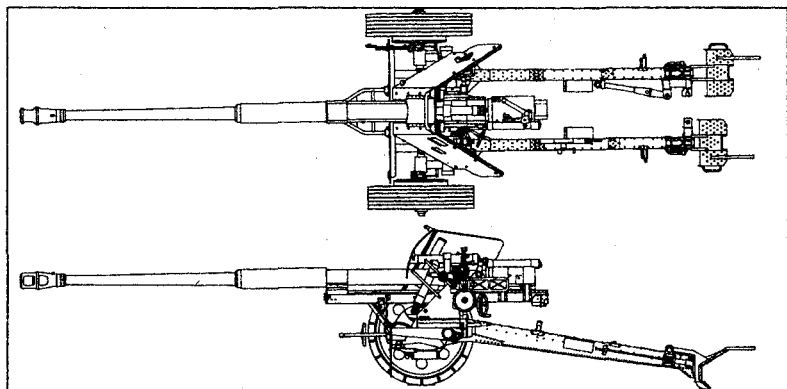
Какие же противотанковые пушки наносили максимальный урон советским танкам и САУ? Тут не могу удержаться от соблазна привести большую таблицу.

Таблица XV

Периоды боевых действий	Повреждения танков (в % %) орудиями разных калибров									
	20-мм	37-мм	50-мм	50-мм	75-мм	88-мм	105-мм	128-мм	Фауст	Не установлено
До сентября 1942 г.	4,7	10,0	7,5	54,3	10,1	3,4	2,9	—	—	7,1

Сталинградская операция, осенне-зимние бои 1942—43 гг.	—	—	256	26,5	12,1	7,8	—	—	—	28,0
Центральный фронт, Орловская операция 1943 г.	—	10,5	—	23,0	40,5	26,0	—	—	—	—
1-й Белорусский фронт. Летняя операция 1944 г. (июнь-сентябрь)	—	—	—	—	39,0	38,0	—	—	9,0	14,0
1-й Белорусский фронт, зимняя операция 1945 г. (январь-март)	—	—	—	—	29,0	64,0	—	1,0	5,5	0,5
1-й Украинский фронт (январь-март 1945 г.)	—	0,06	—	0,5	19,0	71,0	0,6	—	8,9	—
4-й Украинский фронт (январь-май 1945 г.)	—	—	—	—	25,3	51,5	0,9	—	9,0	13,3
1-й Белорусский фронт (Одер-Берлин 1945 г.)	—	—	—	1,4	69,2	16,7	—	—	10,5	2,2
2-я гвардейская танковая армия. Берлинская операция	—	5,4	—	—	36,0	29,0	6,6	—	22,8	—

Из таблицы видно, что начиная с Курско-Орловской битвы 1943 г. наибольшее число поражений нашим танкам нанесли 75—88-мм германские пушки.

Германская 8,8-см противотанковая пушка 8,8 см Pak 43/41

Таблица XVI

Эффективность действия немецкой противотанковой и танковой артиллерии по броневой защите советских средних и тяжелых танков

Период боевых действий	Поражаемость броневой защиты	
	Сквозные пробоины (%)	Не сквозные пробоины (%)
До сентября 1942 г.	46,0	54,0
Сталинградская операция, осенне-зимние бои 1942—43 гг.	55,0	45,0
Центральный фронт, Орловская операция 1943 г.	88,0	12,0
1-й Белорусский фронт. Летняя операция 1944 г. (июнь-сентябрь)	92,0	8,0
1-й Белорусский фронт, зимняя операция 1945 г. (январь-март)	98,7	1,3
1-й Украинский фронт (январь-март 1945 г.)	99,0	1,0
4-й Украинский фронт (январь-май 1945 г.)	97,0	3,0
1-й Белорусский фронт (Одер-Берлин 1945 г.)	87,0	13,0

Из таблицы видно, что броня наших средних и тяжелых танков, которая в первые годы войны вполне обеспечивала надежную защиту от немецких снарядов, к лету 1943 г. стала явно недостаточной. Сквозные снарядные поражения стали массовыми. Объясняется это возросшей мощностью немецкой противотанковой

и танковой артиллерии. Немецкие противотанковые и танковые пушки калибра 75—88 мм с начальной скоростью бронебойного снаряда 1000 м/с пробивали любое место броневой защиты наших средних и тяжелых танков, за исключением верхней лобовой детали корпуса танка ИС-2.

Во всех немецких уставах, памятках и указаниях по вопросам обороны сказано: «Всякая оборона должна быть прежде всего противотанковой». Поэтому оборона строилась глубоко эшелонированной, плотно насыщенной активными противотанковыми средствами и развитая в инженерном отношении.

В целях усиления активных противотанковых средств и более эффективного использования их немцы придавали большое значение выбору оборонительной позиции. Основными требованиями в этом случае была танконедоступность позиции.

Отвод войск на новые оборонительные рубежи немцы старались производить перекатами. Отход главных сил обеспечивали арьергардные отряды, состоявшие из отдельных групп танков, самоходных орудий и пехоты. Отряды прикрытия, используя естественные рубежи обороны, мощным огнем кочующих орудий задерживали как можно дольше наши передовые отряды, а затем отходили на очередной оборонительный рубеж, взрывая по пути отхода мосты, минировав дороги и объезды.

Наиболее выгодными дистанциями ведения огня по танкам из своей противотанковой и танковой артиллерии, исходя из ее бронепробивной способности, немцы считали: для 3,7-см и 5-см пушек — 250—300 м; для 7,5-см пушек — 800—900 м и для 8,8-см пушек — 1500 м. Вести огонь с больших дистанций считалось нецелесообразным.

В начале войны дистанции обстрела наших танков, как правило, не превышали 300 м. С появлением пушек калибра 75 и 88 мм с начальной скоростью бронебойного снаряда 1000 м/с дистанция обстрела танков значительно увеличилась.

Таблица XVII

Дистанция обстрела в метрах	Количество подбитых танков и САУ, % %	
	Из 7,5-см пушек	Из 8,8-см пушек
100—200	10,0	4,0
200—400	26,1	14,0
400—600	33,5	18,0

600—800	14,5	31,2
800—1000	7,0	13,5
1000—1200	4,5	8,5
1200—1400	3,6	7,6
1400—1600	0,4	2,0
1600—1800	0,4	0,7
1800—2000	—	0,5
	100 %	100 %

Из таблицы № 17 видно, что дистанция обстрела наших танков и САУ из 7,5-см немецких противотанковых и танковых пушек колебалась в большинстве случаев от 200 до 1000 м и обычно не превышала 1600 м. Дистанция обстрела из 8,8-см пушек колебалась от 300 до 1400 м и обычно не превышала 1800—2000 м.

Несколько слов стоит сказать о действии малокалиберных снарядов. Как уже говорилось выше, все типы 3,7—4,7-см пушек, использовавшихся немцами, были малоэффективны при стрельбе по средним танкам Т-34. Однако имелись случаи поражения 3,7-см калиберными снарядами лобовой брони башен и корпуса Т-34. Это было связано с тем, что отдельные серии танков Т-34 имели некондиционную броню. Но эти исключения только подтвердили правило.

Следует заметить, что довольно часто калиберные снаряды калибра 3,7—5 см, а также подкалиберные снаряды, пробив броню, не выводили танк из строя. Это было связано с тем, что легкие снаряды часто, пробив броню, теряли большую часть кинетической энергии и не могли нанести серьезного ущерба. Так, под Сталинградом на один выведенный из строя танк Т-34 приходилось в среднем 4,9 попаданий снарядов, а в 1944—1945 гг. для этого требовалось уже 1,5—1,8 попаданий, поскольку к этому времени существенно возросла роль крупнокалиберной противотанковой артиллерии.

Определенный интерес представляет и распределение попаданий германских снарядов по броневой защите танка Т-34. Так, в ходе Сталинградской битвы из 1308 пораженных танков Т-34 попадания в лоб получили 393 танка, то есть 30 %, в борт — 835 танков, то есть 63,9 %, и в корму — 80 танков, то есть 6,1 %. Те же данные для заключительного этапа войны — Берлинской опера-

ции — у 2-й гвардейской танковой армии составили: всего 448 танков, из них в лоб поражены 152 (33,9 %), в бок — 271 (60,5 %) и в корму — 25 (5,6 %).

Если отбросить квасной патриотизм, то следует сказать, что германские противотанковые пушки были самыми эффективными в годы Второй мировой войны и с успехом действовали на всех фронтах от Нормандии до Сталинграда и от Кольского полуострова до Ливийских песков. Успех германской противотанковой артиллерии можно объяснить в первую очередь удачными конструктивными решениями при проектировании снарядов и орудий (я не зря ставлю снаряды на первое место), отличной подготовкой и стойкостью их расчетов, тактикой применения противотанковых пушек, наличием первоклассных прицелов, большим процентом самоходных противотанковых орудий, а также надежностью и высокой проходимостью артиллерийских тягачей.

IV. ПРОХОРОВСКОЕ СРАЖЕНИЕ (10—17 ИЮЛЯ 1943 г.)

Таблица XVIII

Общее соотношение на 10 июля

	Красная армия	вермахт	Соотношение
Состав войсковых групп	Воронежский фронт, г. Ватутин 5-я гв. армия, 5-я гв. танковая армия	Группа армий «Юг», г.-ф. фон Манштейн 2-й танковый корпус СС	
Личный состав, чел.	130 000	72 960	1,8: 1
Танки и САУ	654 боеготовых 58 в ремонте	272 боеготовых Pz-VI Tiger — 15 Pz-IVG, H — 95 Pz-III — 93 Pz-II Luchs — 4 САУ — 57 139 в ремонте	2,4: 1

**Встречное танковое сражение 12 июля
2 км юго-западнее с. Прохоровка**

	Красная армия (5 гвТА) Генерал-лейтенант Ротмистров П.А.	Вермахт (2 тк СС) SS Obergruppenfuhrer P. Hausser
Состав войсковых групп	Из состава 5 гвТА 18 тк; 42 гв. сд 29 тк; 9 гв. влд 2 Тацинский гв. тк; 183 сд	Из состава 2 тк СС Дивизия СС «Totenkopf» Дивизия Leibstandarte «Adolf Hitler» Дивизия СС «Das Reich»
Бронетехника, шт.	18-й танковый корпус: МК-4 «Черчилль» — 18 Т-34/76—68 Т-70—58 Итого: 144	Дивизия СС «Totenkopf» Pz-VIE Tiger — 10 Pz-IVG, H — 30 Pz-III — 54 САУ StuG III, Marder — 20 Итого: 114
	29-й танковый корпус Т-34/76—122 Т-70—70 СУ-122—24 СУ-76—16 Итого: 232	Leibstandarte Pz-VIE Tiger — 4 Pz-IVG, H — 47 Pz-III — 5 Pz-III Luchs — 4 САУ StuG III — 10 Итого: 70
	2-й Тацинский гв. танковый корпус МК-4 «Черчилль» — 3 Т-34/76—84 Т-70—52 Итого: 139	Das Reich Pz-VIE Tiger — 1 Т-34/76—8 Pz-IVG, H — 18 Pz-III — 34 САУ StuG III, Marder — 27 Итого: 88
	Всего:	
	МК-4 «Черчилль» — 21 Т-34—274 Т-70—180 Танки — 475 САУ — 40	Pz-VIE Tiger — 15 Pz-IVG, H — 95 Т-34/76—8 Pz-III — 93 Pz-III Luchs — 4 Танки — 215 САУ — 57

V. Сведения о состоянии, потерях и трофеях частей и соединений 5-й гвардейской танковой армии в Курской битве на 16 июля 1943 г.¹

	29 ТК	18 ТК	2ГТТК	2ТК	5ГЗМК	Армейские части	Итого:
В строю:							
1. Танки Т-34	42	45	35	31	57	15	225
2. Танки Т-70	47	44	18	32	33	6	180
3. Танки «Черчилль»	—	—	—	5	—	—	14
4. СУ 122-мм	4	—	—	—	9	—	13
5. СУ 76-мм	6	—	—	—	6	—	12
6. Автомашины	777	911	471	459	645	330	3593
7. Орудия 122-мм	—	—	—	—	—	19	19
8. Орудия 76-мм	23	21	16	15	44	—	119
9. Орудия 45 —мм	26	30	10	16	31	26	149
10. Орудия зенитные 85 —мм	—	—	—	—	—	15	15
11. Орудия зенитные 37-мм	5	16	15	24	—	40	100
12. Минометы 120-мм	39	40	40	38	44	—	163
13. Минометы 82-мм	44	56	20	36	65	6	227
14. РС М-13	—	—	—	—	7	24	31
В пути и ремонте:							
1. Танки Т-34	14	26	28	23	46	6	143
2. Танки Т-70	5	7	17	13	13	1	56
3. Танки «Черчилль»	—	1	—	6	—	—	7
4. СУ-122	—	—	—	—	3	—	3
5. СУ -76	—	—	—	—	3	—	3
6. Орудия ПТО 85 —мм	—	—	6	—	—	—	6
7. Орудия 76-мм	—	—	5	5	1	—	11
8 Орудия 45-мм	—	—	8	1	1	—	10
9. Орудия зенитные 37-мм	—	—	—	3	—	—	3

¹ ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2851. Д. 24.

10. Минометы 120-мм	—	—	4	—	2	—	6
11. Минометы 82-мм	—	—	3	7	5	—	15
Безвозвратные потери:							
1. Танки Т-34	60	32	38	10	59	23	222
2. Танки Т-70	31	12	24	5	14	3	89
3. Танки «Черчилль»	—	11	—	1	—	—	12
4. СУ 122-мм	8	—	—	—	—	—	8
5. СУ 76-мм	3	—	—	—	—	—	3
6. Автомашины	25	31	95	44	26	19	240
7 Орудия 122-мм	—	—	—	—	—	1	1
8. Орудия ПТО 85-мм	—	—	6	—	—	—	6
9. Орудия 76-мм	1	3	3	4	3	—	14
10. Орудия 45 -мм	6	2	12	12	15	6	53
11. Орудия зен. 37-мм	—	—	—	1	—	5	6
12. Минометы 122-мм	3	2	9	4	4	—	22
13. Минометы 82-мм	5	2	9	9	4	—	29
Личный состав:							
1. Убито	656	179	807	123	1122	53	2440
2. Без вести пропало	447	163	53	425	67	2	1157
3. Ранено	1017	426	833	247	928	59	3510
Уничтожено противника:							
1. Солдат и офицеров	3780	1190	2755	1373	5432	390	15620
2. Танков	85	92	73	48	213	41	552
в том числе «тигр»	14	21	11	9	22	16	93
3. Арт. батарей	6	1	10	8	14	6	45
4. Мин. батарей	7	5	6	—	9	2	29
5. Автомашин	132	56	139	76	354	12	769
6. Самолетов	8	6	10	6	5	24	55
7. Складов боеприпасов	6	3	—	—	1	—	10

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Артиллерия в наступательных операциях Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1964.

Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1961.

Бабаджанян А.Х. Дороги победы. М.: Молодая гвардия, 1972.

Баронов О.М. Балатонская оборонительная операция. М.: Экспринт, 2001.

Басов А.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945. М.: Наука, 1987.

Батов П.И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974.

Бешанов В.В. Ленинградская оборона. М.: ООО «Издательство АСТ», Минск.: Харвест, 2005.

Бешанов В.В. Танковый погром 1941 года (Куда исчезли 28 тысяч советских танков?). Минск: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.

Бишоп К. Танковые дивизии вермахта. 1939—1945. М.: ЭКСМО, 2006.

Ванеев Г.И. Севастополь 1941—1942. Хроника героической обороны. Киев: Украина, 1995.

Военно-исторический архив. Выпуск 2 (50). М., 2004.

Высокочастотные системы управления и приводы для вооружения и военной техники / Под ред. В.Л. Солунина. М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1999.

Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Том 3.

От начала восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941—24.09.1942), М.: Воениздат, 1971.

Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. 1940—1942 г. / Под ред. В.А. Полонского. М.: ГАБТУ, 2005.

Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной армии в операции «Марс» 1942 г. М.: АСТ: Астрель, 2006

Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: РОССПЭН, 1999.

Грабин В.Г. Оружие Победы. М.: Издательство политической литературы, 1989.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

Давыдков В.И. Анализ Курской битвы. Курск: ФГУИПП «Курск», 2005.

Дегтярев П.А., Ионов П.П. «Катюши» на поле боя. М.: Воениздат, 1991.

Дриг Е. Механизированные корпуса РККА в бою: История автобронетанковых войск Красной Армии в 1940—1941 годах. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005.

Другов П. Из опыта действий АБТВ на р. Халхин-Гол. Хабаровск, 1940.

Емельянов С., Мощанский И. Освобождение Киева. Действия войск 1-го Украинского фронта 3 ноября — 23 декабря 1943 года / Военная летопись. № 1 за 2005 г.

Игумнов П.С. Исследование поражаемости отечественных танков. (По опыту Великой Отечественной войны.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук, 1947.

Исаев А.В. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М.: Эксмо, Яуза, 2004.

История бронетанковых и механизированных войск Советской армии / Под ред. Е.А. Разина. М.: Издание академии бронетанковых и механизированных войск Советской армии, 1953.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 / Под ред. П.Н. Поспелова. М.: Воениздат, 1963.

Кариус О. «Тигры» в грязи. Воспоминания немецкого танкиста. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2004.

Лоза Д.Ф. Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. М.: Яуза, Эксмо, 2005.

Маништейн Э. Утерянные победы, М.: АСТ, 1999.

Мощанский И. Тяжелый танк «тигр I». М.: Издательский центр «Экспринт», 2002.

Мощанский И. Штурм «Карельского вала». Выборгско-Петрозаводская стратегическая наступательная операция 10 июня — 9 августа 1944 года. Военная летопись. № 5, 2005.

Мощанский И., Савин А. Борьба за Крым сентябрь 1941 — июль 1942 г. Военная летопись. ПКВ, 2002.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933—1945, М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

Нерсесян М.Г., Каменецева Ю.В. Бронетанковая техника армий США, Англии и Франции. М.: Воениздат, 1958.

Ньютон С.Х. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза, Эксмо, 2006.

Освальд В. Полный каталог военных автомобилей и танков Германии 1900—1982 гг. М.: АСТ, Астрель, 2003

Пауль К. Восточный фронт. Книга 1. Гитлер идет на Восток. 1941—1943. М.: Изографус, ЭКСМО, 2003.

Попов Н.С., Петров В.И., Попов А.Н., Ашик М.В. Без тайн и секретов. СПб.: ИТЦ «Правда», 1995.

Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2006.

Россия и СССР в войнах XX века. Историко-статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2005.

Россия. XX век. Документы. 1941 год в 2-х книгах / Под ред. А.Н. Яковленва. М.: Международный фонд «Демократия», 1998

Рябышев Д.И. Первый год войны. М., 1990.

Самоходная артиллерия в Великой Отечественной войне. На правах рукописи. М., 1956.

Свирин М.Н. Броневои щит Сталина. История советского танка. 1937—1943. М.: Яуза, Эксмо, 2006.

Свищев В.Н. Начало Великой Отечественной войны. Т. 2 «Приграничные сражения». М.: SVN, 2005.

Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Советские тяжелые танки 1917—1940 гг. М.: ООО «Издательский центр «Экспринт», 2004.

Танки и танковые войска / Под ред. А.Х. Бабаджяна. М.: Воениздат, 1980.

Триумф и трагедия тяжелых танков КВ / Под ред. В.В. Гагина. Воронеж, 2000.

Уткин А.И. Россия над бездной (1918 г. — декабрь 1941 г.). Смоленск: Русич, 2000.

Форти Дж. Германская бронетехника во Второй мировой войне. М.: АСТ; Астрель, 2002.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 1. С 21 июня по 31 декабря 1941 г. М. — Ленинград: Управление военно-морского издательства НКВМФ СССР, 1945.

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Выпуск 2. С 1 января по 3 июля 1942 г. М.: Воениздат, 1946.

Ширер У. Берлинский дневник. М.: ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2002.

Широкоград А.Б. Битва за Крым. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Широкоград А.Б. Бог войны Третьего рейха. М.: АСТ, 2003.

Широкоград А.Б. Гений советской артиллерии. Триумф и трагедия В. Грабина. М.: АСТ, 2002.

Широкоград А.Б. От «катюши» до «Смерча». Из истории реактивной артиллерии. М.: Вече, 2005.

Широкоград А.Б. Тевтонский меч и русская броня. М.: Вече, 2004.

Широкоград А.Б. Финляндия — Россия. Три неизвестные войны. М.: Вече, 2006.

Широкоград А.Б. Четыре трагедии Крыма. М.: Вече, 2006.

Шойфлер Х. Тике В. Марш на Берлин 1944—1945. М.: Эксмо, 2005.

Эймансбергер Л.Р. Танковая война. М.: Воениздат, 1937.

Энциклопедия танков / Сост. Г.Л. Холявский. Минск: Харвест, 1998.

Эрфурт В. Финская война 1941—1944. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Содержание

Пролог. ШОК ГЕРМАНСКИХ ГЕНЕРАЛОВ	3
Глава 1. КОНЦЕПЦИЯ ТЯЖЕЛОГО ТАНКА	6
Глава 2. МОНСТР МАРШАЛА ТУХАЧЕВСКОГО.....	17
Глава 3. «УБЕРИТЕ БАШНЮ!»	34
Глава 4. КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ	46
Глава 5. ТАНКИ-МОНСТРЫ	51
Глава 6. ЯВЛЕНИЕ ЗНАМЕНИТОЙ «ТРИДЦАТЬЧЕТВЕРКИ».....	66
Глава 7. НАКАНУНЕ	72
Глава 8. ПРИЧИНЫ БОЛЬШОГО ТАНКОВОГО ПОГРОМА.....	82
Глава 9. ГИБЕЛЬ МЕХКОРПУСОВ КИЕВСКОГО ОКРУГА.....	95
Глава 10. ТРАГЕДИЯ В ПРИБАЛТИКЕ.....	139
Глава 11. ТАНКИ В БОЯХ ЗА ЛЕНИНГРАД.....	162
Глава 12. ЛЕГЕНДЫ О КРЫМСКИХ ТАНКАХ.....	170
Глава 13. «МАТИЛЬДА» И «ВАЛЕНТАЙН».....	191
Глава 14. «ЧЕРЧИЛЛЬ» В РОССИИ.....	199
Глава 15. АМЕРИКАНСКИЕ ТАНКИ ЛЕНД-ЛИЗА.....	209
Глава 16. ПОСЛЕДНИЕ КВ.....	219
Глава 17. ТАНК «РОДИНА»	226
Глава 18. СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ ТАНКОВ.....	234
Глава 19. ЛЮБИМЫЕ КОШКИ ФЮРЕРА	248
Глава 20. «ТИГРЫ» ПОД ЛЕНИНГРАДОМ.....	263
Глава 21. «ПАНТЕРА».....	270
Глава 22. ОБОРОНА КУРСКОЙ ДУГИ.....	278

Глава 23. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК.....	304
Глава 24. ОПЕРАЦИЯ «РУМЯНЦЕВ»	326
Глава 25. БИТВА ЗА ДНЕПР	333
Глава 26. РАЗГРОМ ФИНЛЯНДИИ	354
Глава 27. БОИ ЗА БУДАПЕШТ И БАЛАТОН.....	370
Глава 28. БИТВА ЗА БЕРЛИН.....	384
Глава 29. ТАНКИ В ГОРОДЕ.....	406
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	415
ПРИЛОЖЕНИЕ	417
I. ДАННЫЕ СОВЕТСКИХ ТЯЖЕЛЫХ ТАНКОВ.....	417
II. ДАННЫЕ ГЕРМАНСКИХ ТЯЖЕЛЫХ ТАНКОВ.....	424
III. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ ГЕРМАНСКИХ ПРОТИВОТАНКОВЫХ ОРУДИЙ.....	427
IV. ПРОХОРОВСКОЕ СРАЖЕНИЕ (10—17 ИЮЛЯ 1943 г.)	437
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	441

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Широкорад Александр Борисович

**ТАНКОВАЯ ВОЙНА
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ**

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Б.С. Тумян*

Дизайн обложки *Д.В. Грушин*

Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000129.01.08 от 16.01.2008 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.11.2008. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14. Тираж 5000 экз. Заказ № 9358.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ТАНКОВАЯ ВОЙНА НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

С новыми советскими танками немцы встретились в первые часы войны. Появление Т-34, КВ-1 и КВ-2 вызвало шок у германских танкистов и пехоты.

Один из участников боев вспоминал: «КВ-1 и КВ-2, с которыми мы столкнулись впервые, представляли собой нечто необыкновенное... Наши бронестойкие снаряды рикошетили от брони советских танков... Танки прошли сквозь наши порядки и направились к пехоте и тыловым службам».

Действительно ли в 1941 г. наши танки были лучшими в мире? И если да, то почему Красная армия потерпела страшное поражение в осенне-летней кампании? Смогли ли наши танки сравниться в 1943—1944 гг. с «тиграми» и «пантерами»? Как воевали танки, полученные по ленд-лизу? Об этом и многом другом рассказывает новая книга военного историка А.Б. Широкограда. На основе германских и советских мемуаров, исторических исследований и секретных отчетов о боевых действиях танковых войск автор рассказывает о реальной танковой войне.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-9533-3402-0

9 785953 334020

